КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

АПРѢЛЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го Марта 1889 г.

Очерки изъ исторіи кіевской духовной академіи за XVIII столѣтіе.[1]

I.

Жалоба префекта и учителей академіи на своего ректора Давида Нащинскаго и отвѣтное доношеніе послѣдняго по поводу этой жалобы.

Внутренняя, въ особенности же бытовая сторона жизни кіевской духовной академіи за XVIII столѣтіе (не говоримъ уже о XVII) остается до настоящаго времени еще мало освѣщенною. Излѣдователи, занимавшіеся изученіемъ судебъ нашей академіи, сосредоточивали свое вниманіе главнымъ образомъ на внѣшнемъ строѣ этого учрежденія, вслѣдствіе чего ихъ труды по сему предмету имѣютъ характеръ какъ бы оффиціальныхъ пространныхъ отчетовъ. Они довольно обстоятельно говорятъ о кіевскихъ митрополитахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ которыхъ находилась академія; сообщаютъ краткія біографическія свѣдѣнія о ректорахъ академіи, префектахъ, преподавателяхъ, а иногда и о болѣе выдающихся воспитанникахъ ея; перечисляютъ ученолитературные труды профессоровъ; отмѣчаютъ науки, ими преподававшіяся; знакомятъ съ инструкціями (хотя далеко не всѣми), даваемыми для руководства какъ учащимъ, такъ и учащимся; указываютъ на выдающіяся перемѣны во внѣшнемъ положеніи академіи, и т. п. Но относительно внутренняго ея быта, напримѣръ, частной жизни академическихъ профессоровъ, взаимныхъ ихъ отношеній между собою, отношеній къ начальствую-

[1]) Рефератъ, читанный въ Историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца.

ющимъ лицамъ, а равнымъ образомъ о внѣшкольной жизни студентовъ, какъ то: разнообразныхъ средствахъ къ добыванію себѣ насущнаго пропитанія, пріискиваніи, еще до окончанія курса, мѣстъ, сватовствѣ невѣстъ, перѣдкихъ столкновеніяхъ съ разными слоями кіевскаго общества, и т. п.--обо всемъ этомъ поименованные изслѣдователи говорятъ весьма мало,—почти вовсе ничего не говорятъ.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, почему занимавшіеся изученіемъ прошлаго кіевской академіи мало обращали вниманія на внутреннюю, бытовую сторону ея жизни,—замѣтимъ только, что на скудость данныхъ, необходимыхъ для этой цѣли, много жаловаться нельзя, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ настоящему и прошлому столѣтіямъ. Ознакомившись съ рукописнымъ отдѣломъ нашей академической библіотеки и нѣкоторыми изъ кіевскихъ архивовъ (лаврскимъ, кіево-выдубицкимъ, центральнымъ при университетѣ св. Владиміра, въ особенности же мѣстнымъ консисторскимъ), мы сравнительно въ небольшой промежутокъ времени имѣли возможность сдѣлать извлеченіе или снять копіи болѣе чѣмъ съ 200 документовъ, изъ коихъ каждый представляетъ не безъинтересныя данныя для характеристики бытовой жизни академіи за XVIII и первую четверть текущаго столѣтій.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду познакомить публику съ двумя изъ такихъ документовъ, представляющихъ матеріалъ для характеристики отношеній между ректорами и профессорами академіи,—отношеній, которыя, въ теченіи долговѣчнаго существованія нашей alma mater, не всегда отличались мирнымъ характеромъ, въ духѣ евангельской любви и кротости, но по временамъ рѣзко обострялись и даже переходили въ открытую вражду, вызывавшую вмѣшательство высшаго начальства. Упомянутые два документа, касающіеся такого рода враждебныхъ столкновеній, относятся ко времени ректуры въ академіи *Давида Нащинскаго;* это—1) жалоба, поданная кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому префектомъ и профессорами академіи на своего ректора Давида Нащинскаго, и 2) объяснительная записка послѣдняго по поводу означенной

жалобы. Документы эти были извѣстны еще В. И. Аскоченскому; но онъ въ своей Исторіи кіевской академіи упоминаетъ о нихъ глухо, въ двухъ-трехъ словахъ [1]). Правда, въ примѣчаніи Аскоченскій дѣлаетъ небольшую выдержку изъ одного упомянутаго нами документа [2]), но, независимо отъ своей краткости, выдержка эта, сдѣланная исключительно съ цѣлію показать, что „продовольствіе училищнаго начальства было отличное во всѣхъ отношеніяхъ“, — не даетъ никакаго понятія о содержаніи, а тѣмъ болѣе о характерѣ документа.

Сообщимъ предварительно краткія біографическія свѣдѣнія объ упомянутомъ ректорѣ академіи, вызвавшемъ нерасположеніе къ себѣ со стороны подчиненныхъ ему сослуживцевъ.

Давидъ Нащинскій обучался въ кіевской академіи, гдѣ первоначально прошелъ только первые классы, а затѣмъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ, отправленъ былъ для продолженія образованія въ заграничные университеты (Галицію и Саксонію). По возвращеніи на родину, Нащинскій снова поступилъ въ академію и изучалъ здѣсь языки латинскій и нѣмецкій, поэзію, риторику и философію. Въ это время онъ принялъ монашество и по окончаніи курса (въ 1747 г.) оставленъ былъ при академіи профессоромъ; въ продолженіи 8 лѣтъ онъ послѣдовательно преподавалъ здѣсь грамматику, синтаксиму, нѣмецкій языкъ, поэзію, риторику и затѣмъ, уже въ званіи префекта, философію. Въ 1755 г. Нащинскій возведенъ былъ въ санъ архимандрита и сдѣланъ настоятелемъ слуцкаго Троицкаго монастыря, находившагося въ то время въ предѣлахъ Польши.

Съ 1758 года начинается вторичное служеніе Нащинскаго въ кіевской академіи. 2 іюля означеннаго года умеръ ректоръ академіи Манассія Максимовичъ. Немедленно, по предложенію тогдашняго митрополита Арсенія Могилянскаго, приступлено было къ избранію новаго ректора. Сохранились нѣкоторыя довольно интересныя подробности этого избранія. Въ немъ прини-

---

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею. Кіевъ. 1856 г., ч. II, стр. 157 и 223.

[2]) Ibid., стр. 520, 521.

мали участіе не только профессора академіи,—чтó въ то время было явленіемъ нерѣдкимъ,—но и члены кіевской духовной консисторіи. Голоса избирателей раздѣлились. Наставники академіи желали имѣть у себя ректоромъ тогдашняго своего префекта іеромонаха *Самуила Миславскаго*, мотивируя свое избраніе тѣмъ, что Миславскій „черезъ четыре года неотлучно отъ академіи со удовольствіемъ учениковъ въ преподаваніи разныхъ школъ и инструкціи малой и великой трудился". Другимъ кандидатомъ на ректуру (резолюціею митрополита требовалось избраніе „единого *или двухъ человѣкъ*") академическими наставниками избранъ былъ „митрополіи кіевской архидіаконъ Мелхисидекъ", какъ „имѣющій тоже довольную способность къ понесенію должностей", соединенныхъ съ званіемъ ректора (съ ректурою въ академіи соединялось преподаваніе богословія и настоятельство въ Кіево-братскомъ монастырѣ)[1]). Самъ же Самуилъ Миславскій, лично отъ себя, первымъ кандидатомъ въ ректора академіи намѣтилъ Давида Нащинскаго, хотя рекомендація, сдѣланная имъ этому кандидату, отзывалась похвалою весьма сомнительнаго качества, граничившею съ довольно злою ироніею. „Въ отправленіи означенныхъ (т. е. ректорской, преподавательской и настоятельской) должностей," — заявлялъ Миславскій, — „достаточенъ архимандритъ слуцкій Давидъ Нащинскій буди только далекое мѣста разстояніе къ порученію помянутому архимандриту оныхъ должностей не воспрепятствуетъ: *а притомъ буди оный архимандритъ прилежнѣе будетъ въ преподаваніи Богословія трудитися нежели въ показаніи философіи обращался*". Какъ на другаго кандидата, С. Миславскій указывалъ на того же архидіакона Мелхисидека, который намѣченъ былъ (также вторымъ кандидатомъ) всѣми остальными преподавателями академіи[1]).—Но кіевская консисторія почти единогласно избрала первымъ кандидатомъ въ ректора академіи „превелебнѣйшаго архимандрита заграничнаго благочестиваго слуцкаго монастыря Давида Нащинскаго", какъ ученаго, „который въ

---

[1]) Акты Кіево-братскаго монастыря и академіи (рук. библ. кіевск. академіи), т. II, № 5.

латинскомъ и другихъ къ преподаванію священной Богословіи потребныхъ языкахъ, какъ то—греческомъ и еврейскомъ превосходный успѣхъ имѣетъ и въ академіи кіевской отъ 1747 по конецъ 1755 годовъ въ ученіи школъ латинскихъ, Грамматики, Синтаксимы, Піитики, Риторики, Философіи такожъ другихъ между тѣмъ языковъ *довольно потрудился съ немалою пользою не точію своихъ учениковъ, но цѣлой академіи кіевской*". Вторымъ кандидатомъ на ректуру избранъ былъ отъ консисторіи игуменъ каѳедральнаго Кіево-софійскаго монастыря (онъ же и членъ консисторіи) *Досиѳей Галяховскій*, а третьимъ (на тотъ случай, если бы кандидатура Нащинскаго была признана неудобною „за какимъ либо препятствіемъ по отдаленности мѣста его служенія")—каѳедральный писарь *Петръ Артовскій* (тоже членъ консисторіи).

Члены кіевской консисторіи, сами намѣченные въ качествѣ вторыхъ кандидатовъ на ректуру, подали отдѣльныя мнѣнія.

Досиѳей Галяховскій въ своемъ заявленіи довольно подробно изображаетъ важное значеніе соединенныхъ съ ректурою обязанностей. „Въ таковое званіе"—пишетъ онъ—„какъ въ совершенномъ знаніи священной Богословіи искуснаго человѣка потребно, и таковаго, чтобъ отъ самосущо, и истинно, и искренно, и съ нужною пользою нашей церкви святой православной, съ доволнимъ наставленіемъ и разъясненіемъ ученикамъ своимъ оную тщательно и говорливо преподавалъ; такъ и хозяйство дозназніемъ только знающаго и въ случаи вотчинныхъ тяжебныхъ дѣлъ приказный порядокъ добрѣ вѣдущого, наипаче же къ исправленію монастырскому и во образъ братіи подвигомъ нелѣностнаго и житіемъ превосходно добродѣтельнаго необходимо надобно". По всей вѣроятности, Досиѳей Галяховскій и себя лично признавалъ не неспособнымъ къ выполненію столь высокихъ, соединенныхъ съ ректурою и настоятельствомъ, обязанностей, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ „въ таково знаніе" *достаточнымъ*, въ качествѣ

---

[1]) Ibid.—Рекомендовался Миславскимъ Мелхиседекъ, „яко недавно отъ ученія удалившійся и въ академіи въ званіи учительскомъ обращавшійся, а притомъ и въ архидіаконской должности находясь, нѣсколько кратъ проповѣди сказывавшій".

перваго кандидата, и слуцкаго архимандрида *Давида Нащинскаго*, хотя объ его достоинствахъ спеціально имъ не сдѣлано было никакого упоминанія. Какъ на втораго кандидата Досиѳей указывалъ на выше упомянутаго нами каѳедральнаго писаря и члена консисторіи іеромонаха *Петра Артовскаго*.—Этотъ послѣдній въ своемъ мнѣніи первымъ кандидатомъ намѣтилъ *Давида Нащинскаго*, вторымъ—*Досиѳея Галяховскаго*, а третьимъ (на случай, еслибы кандидатура Нащинскаго митрополитомъ признана по указанному выше обстоятельству неудобною)—архидіакона *Мелхисидека Орловскаго*. Мелхисидекъ же Орловскій, какъ мы видѣли, единогласно избранный всею академическою корпораціею вторымъ кандидатомъ на ректуру,—*минуя Давида Нащинскаго*, указываетъ какъ на лицъ, способныхъ занять означенную должность, на *Досиѳея Галяховскаго* и *Петра Артовскаго*.—Наконецъ, одинъ членъ консисторіи, именно каѳедральный уставникъ, іеромонахъ Сиѳъ, не примкнулъ ни къ какой партіи. Выходя изъ того положенія, что „избраніе во архимандрита, ректора, а паче Богословіи учителя есть дѣло великаго наблюденія и обдержанія достойное" (по важности соединенныхъ съ сими званіями обязанностей) и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняясь указать на лице, способное съ подобающимъ достоинствомъ занимать означенныя должности, Сиѳъ „того ради приложилъ мнѣніе таково: имѣющимся какъ въ Катедрѣ, такъ и въ Академіи учителнимъ людемъ дать въ подлежащемъ и къ Богословіи касающимся дѣлѣ *публичную диспуту*" и послѣ оной избрать на ректуру оказавшагося достойнѣйшимъ [1]).

Изъ всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ выборъ митрополита палъ на архимандрита Давида Нащинскаго, какъ получившаго *большинство* избирательныхъ голосовъ и хорошо зарекомендовавшаго себя предшествовавшею педагогическою дѣятельностію въ академіи. Резолюція преосвященнаго воспослѣдовала 25 іюля. Вскорѣ послѣ сего Нащинскій, вызванный изъ слуцкаго монастыря, прибылъ въ Кіевъ и опредѣленнымъ порядкомъ введенъ былъ въ управленіе академію и Братскимъ монастыремъ.

---

[1]) Всѣ указанныя мнѣнія находятся въ вышеупомянутой рукописи библ кіев. дух. академіи, подъ № 5.

Съ самаго начала между новымъ ректоромъ и профессорами академіи установились немиролюбивыя отношенія. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Нащинскій, какъ мы видѣли, не былъ желательнымъ начальникомъ для академической корпораціи, разсчитывавшей имѣть у себя ректоромъ своего префекта Самуила Миславскаго. Въ свою очередь и Давидъ Нащинскій не могъ не оскорбиться тою рекомендаціею, какую сдѣлалъ ему префектъ, мнѣніе котораго очевидно раздѣлялось и остальными профессорами. Спустя немного времени по пріѣздѣ въ Кіевъ, новый ректоръ подалъ митрополиту докладную записку, гдѣ, между прочимъ, просилъ у послѣдняго „архипастырской инструкціи, которою опредѣлены бы были точнѣе предѣлы *начальничеству ректорскому надъ учителями*, понеже безъ таковаго опредѣленія неравно можетъ послѣдовать (чего жъ когда не бывало?) въ гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшихъ".—Очевидно, ректоръ намѣревался вводить въ академіи по отношенію къ наставникамъ новые порядки и порядки эти для послѣднихъ были нежелательны. Въ средѣ академической корпораціи все болѣе и болѣе росло неудовольствіе противъ новаго ректора, которое вскорѣ принимаетъ, наконецъ, характеръ открытой вражды. Поводомъ къ этому послужилъ вопросъ о неудовлетворительномъ пропитаніи наставниковъ академіи. Нужно замѣтить, что въ разсматриваемое время академическіе наставники, какъ лица, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія монашескій санъ, жили [1]) въ Кіево-братскомъ монастырѣ, гдѣ пользовались даровыми квартирами и столомъ отъ монастыря. Это было однимъ изъ главнѣйшихъ вознагражденій ихъ за труды, потому что денежное жалованье за профессуру было небольшое и крайне неопредѣленное (хотя оно въ нѣкоторой степени и восполнялось *добровольными приношеніями* болѣе состоятельныхъ родителей, имѣвшихъ своихъ сыновей въ академіи). Такъ какъ монастырь имѣлъ „свою братію", „свои нужды", то иногда и въ прежнее время возникали недоразумѣнія между монастырскою братіею и профессорами „изъ за пропитанія"; но недоразумѣнія эти не принимали остраго характера и почти всегда сглаживались на первыхъ

---

[1]) Исключенія изъ этого обыкновенія были очень рѣдки.

же порахъ, благодаря тому обстоятельству, что настоятельство въ монастырѣ и ректура, какъ мы сказали, соединялись въ одномъ и томъ же лицѣ. Но съ ректурою Нащинскаго, явно нерасположеннаго къ академической корпораціи, воспослѣдовала для послѣдней перемѣна къ худшему и относительно пропитанія. Начались по этому поводу пререканія. Наставники академіи довели объ ухудшеніи „порцій" до свѣдѣнія митрополита; обращено было на это вниманіе и самого ректора. Давидъ Нащинскій, вслѣдствіе таковыхъ заявленій и жалобъ, потребовалъ объясненій отъ намѣстника Кіево-братскаго монастыря. Послѣдній, послѣ совѣщанія съ монастырскою братіею, представилъ ректору обширное донесеніе, гдѣ заявлялъ, что „порціи" профессорамъ выдаются отъ монастыря обильныя и доброкачественныя, хотя въ настоящее время (вслѣдствіе отнятія нѣкоторыхъ доходныхъ статей) прибытки братскіе и небольшіе; что въ сущности слѣдуетъ не увеличивать порцій, а скорѣе уменьшить ихъ, такъ какъ наставники академіи получаютъ достаточно денегъ за *калифаторство* своихъ учениковъ и *консоляціи*, къ тому же обсылаются водкою и прочимъ напоемъ отъ отцовъ учениковъ; между тѣмъ они—наставники—становятся день ото дня притязательнѣе и своими требованіями просто разоряютъ монастырь: *то не хорошо, другое не ладно.* Сами же монастырю помощи не оказываютъ никакой. Въ прежнее время наставники помогали братіи хотя въ совершеніи богослуженія: служили по седмицамъ, становились на клиросы пѣть и читать, „не имѣючи въ томъ никакаго зазрѣнія", а теперь и отъ этого отказываются. „Того ради, респектомъ многонужнаго и всескуднаго времени", намѣстникъ и братія покорнѣйше просили своего настоятеля „яко отца и пастыря", чтобы сіе ихъ доношеніе „внушить и вознесть куда надлежитъ къ благоразсмотрѣнію, дабы повѣлено было требуемые учителми порціоны *сократить...* и довольствоваться тимъ имъ всѣмъ учителямъ, чимъ Братскій монастырь по состоянію нынѣшняго скуднаго времени довольствовать можетъ". Кромѣ того Братскій намѣстникъ просилъ, чтобы деньги, получаемые въ количествѣ 200 рублей изъ Глухова („з войскового скарбу"), были отдаваемы въ монастырскую казну, какъ это было прежде, а не шли въ подѣлъ между учи-

телями, какъ это дѣлается въ настоящее время „невѣдомо почему.“—На этомъ доношеніи рукою Давида Нащинскаго начертано было слѣдующее опредѣленіе: „Смякая представленные въ семъ доношеніи резоны, должно бы Его Преосвященства просить намъ о облегченіе; только же смякая и требованіе господъ учителей справедливое и Его Преосвященство *волю въ томъ твердую*, не дерзаимъ трудить особы Его Святительства покамѣсть что покажется со временемъ“.

Но время, и при томъ самое близкое, показало слѣдующее. Когда, безъ сомнѣнія по распоряженію Нащинскаго, объяснительное доношеніе кіево-братскаго намѣстника было прочитано предъ всѣми, нарочито собранными для этого, академическими наставниками, то оно вызвало въ средѣ ихъ цѣлую бурю. Они вмѣстѣ съ профектомъ „гнѣвно“ обрушились на намѣстника и укоряли его самыми непочтительными словами; называли *плутомъ, мошенникомъ, воромъ*, заявляя при этомъ, что за невыдачу требуемаго ими—наставниками—продовольствія онъ можетъ и *кнута скушать*. Намѣстникъ, донося объ этомъ своему архимандриту Давиду Нащинскому, просилъ о своемъ увольненіи отъ занимаемой имъ намѣстнической должности, „дабы чрезъ неудовольствіе учителямъ въ ихъ излишнихъ требованіяхъ, ради скудости монастырской, отъ кого не подлежитъ неправедныхъ и напрасныхъ поклеповъ, также конфузій безвинно болѣе не претерпѣвать“.—На это доношеніе Нащинскій отвѣтилъ намѣстнику (въ видѣ резолюціи на самомъ доношеніи) слѣдующее: „Всечестный Отецъ намѣстникъ Варлаамъ! Наше дѣло есть послушаніе дѣлать по волѣ властей нашихъ такъ, чтобъ мы въ послушаніи исправлялись и вѣрно и радѣтельно и сколько можемъ: опасаться жъ намъ языковъ чюжихъ нѣтъ чего; вольно всякому и мыслить и говорить, что хочется, а мы, естьли совѣсть наша не зазыраетъ намъ и не осуждаетъ насъ, напрасныя рѣчи другихъ благопріятно понести можемъ, яко человѣческія немощи. И такъ Вы, какъ доселѣ трудились въ послушаніи намѣстничемъ, такъ и далѣ еще трудитесь, а единаго Бога боясь, постраховъ человѣческихъ не ужасайтесь. Есть еще Той, Который лѣчитъ и считаетъ волосы наши!“.

Всѣ эти пререканія происходили въ началѣ 1759 года (объяснительное доношеніе намѣстника помѣчено 16 генваря, а прошеніе объ увольненіи отъ должности 22 генваря). Очевидно, сочувствіе ректора академіи всецѣло было на сторонѣ монастырскаго намѣстника и братіи; даже безошибочно можно думать, что самая борьба монастыря съ профессорами не приняла бы столь остраго характера, если бы не вызвана была и не поддерживалась самимъ же ректоромъ, недружелюбно относившимся къ академической корпораціи.—Спустя полгода послѣ разсказанныхъ событій, непріязненныя отношенія между Нащинскимъ и профессорами еще болѣе увеличились. 28 августа 1759 года послѣдними подана была митрополиту слѣдующая коллективная жалоба на своего ректора: „Извѣстились мы нижайшіи отъ братіи Кіево-братскаго монастыря, что они съ Архимандритомъ Братскаго жъ монастыря Давидомъ Нащинскимъ подали Вашему ясне въ Богу Преосвященству доношеніе, съ прошеніемъ о нераздѣленіи на учитилей двухъ сотъ рублей денегъ, присланныхъ по Высокомонаршей грамотѣ изъ скарбу Войсковой Генеральной Канцеляріи: а . . . . оные деньги точію на содержаніе ректора съ учителми, какъ въ Высокомонаршей грамотѣ означается, жалованы, содержаніе же ректора и учителей не точію касается къ пропитанію, но и одѣянію оныхъ, почему ректоръ и учители чрезъ нѣсколько уже лѣтъ за тѣ денги себѣ одѣяніе нужное и книги, которыхъ въ библіотекѣ академической нѣтъ, а безъ нихъ обойтись нельзя, покупали; а препитаніе, *да еще не скудное* всегда имѣли изъ вотчинъ Кіево-братскаго монастыря, кои всѣ точію *наданы на содержаніе ректора и учителей*". Подтверждая послѣднюю мысль ссылками на универсалы гетмановъ Мазепы, Даніила Апостола и Ивана Скоропадскаго, изъ коихъ видно, что означенные гетманы и закрѣпляли за Братскимъ монастыремъ помѣстья и надѣляли его новыми угодьями потому только, что съ симъ монастыремъ неразрывно соединенъ *коллегіумъ*, просвѣщающій Малороссію науками къ „вящей оздобѣ и благолѣпію церкви Божіей", — профессора академіи заявляютъ: „а хотя бы протчіе вотчины, при Братскомъ монастырѣ имѣющіеся, и не наданы были на содержаніе, какъ къ препитанію,

такъ и одѣянію учителей касающееся, однакъ и зъ едной вотчины Стаіокъ, которая отъ Его Преосвященства митрополита кіевскаго Іосифа Тукальскаго *собственно на препитаніе учителей дана*, возможно бы было дѣйствительно учителей прокормить. Ибо оная вотчина между всѣми Братскаго монастыря вотчинами *есть первѣйшая*, и нигдѣ таковыхъ во всемъ угодій не имѣется, какъ при оной вотчинѣ. Толкожъ получаемые зъ оной вотчины ѣстніе знатніе припасы и денежные приходы невѣстимо куда употребляются. Да сверхъ онаго села Стаіокъ еще братія Кіево-братскаго монастыря по грамотѣ, жалованной отъ пресвѣтлѣйшихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича отъ созданія міра 7202 года генваря 11-го, ежегодно изъ губернской кіевской канцеляріи взимаютъ на содержаніе ректора и учителей денегъ 50 руб., да вмѣсто ржы московской мѣры пятидесяти четвертей 30 руб. Толкожъ и таковые деньги не на содержаніе учителей, но на иніе монастырскіе нужды издерживаются, а учители бѣдные въ препитаніи и одѣяніи, содержа себе во всемъ точію единою архипастырскою консоляціею, которой меншаго класса учителемъ въ круговой годъ не больше какъ 12 съ полтиною производится, крайнюю нужду претерпѣваютъ. Чтоже за блаженныя памяти Преосвященного Рафаила оные двѣсти рублей, изъ скарбу войсковаго ежегодно присылаеміе, никогда не раздѣлялись, но отдавани были въ монастырь Братской для еднаго точію прокормленія учителей, тому причина была та, что блаженныя памяти Преосвященный Рафаилъ ректора, префекта и учителей, кромѣ годовой опредѣленной по школамъ всякому консоляціи, *жаловалъ особливо на одѣяніе отъ себя денгами, и при оныхъ денгахъ, и платьемъ, и когда единъ разъ, а иногда и дважды.* Найпаче по измершихъ начальникахъ остававшимся; о чемъ всемъ могутъ совѣстно засвидѣтельствовать бывшіе при Преосвященномъ Рафаилу въ писарской должности. Таковій примѣръ нероздѣлки означенныхъ денегъ былъ единъ точію разъ и за Преосвященнаго Тимоѳея, нынѣшняго митрополита Московскаго, однако то потому учинилось, понеже тогда на одѣяніе учителямъ жало-

вана была вся консоляція[1]) казнодѣйская и экземинаторская, которая числомъ въ годъ всякому порознь учителю до 60 руб. считалась; а кромѣ того еще изъ катедры обыкновенный годовой подѣлъ всякому учителю по своему классу производился, да и изъ Братскаго монастыря префекту вмѣсто подѣлу въ годъ по 2 рубли, а прочимъ учителямъ по рублю давалось. На кушаніе же было ректоръ по всякъ день очередно учителей по два человѣка до себе зоветъ, а нынѣ все то до наименшаго отсѣчено. А хотя прошедшаго года, при приложеніи по указу мнѣнія, о произведеніи іерею Константину порціи послѣдовало въ духовную митрополіи Вашего ясне въ Богу Преосвященства консисторію отъ насъ нижайшихъ о крайно скудномъ и почти такомъ, коимъ, будучи въ учительскихъ трудахъ, вовсе не можно довольствоваться и безъ поврежденіи здоровья своего, а съ удовольствіемъ учениковъ, обойтись, прокормленіи представленіе, а по оному изъ духовной консисторіи къ архимандриту и ректору Братскаго монастыря (воспослѣдовалъ) указъ о произвожденіи учителямъ нескуднаго пропитанія: однакъ по тому не точію никаково исполненія не учинено, но еще и паче и день на день (кромѣ іерея Константина, учителя еврейскаго и французскаго языковъ) меншая порція начала производиться; почему учители принуждены уже стали единою архипастырскою консоляціею съ крайнею бѣдностію и кормиться и одѣваться". Вслѣдствіе этого, академическіе наставники „всенижайше просили митрополита, чтобы онъ приказалъ ректору Нащинскому, по давнему обыкновенію, раздѣлять между ними какъ 200 руб., присылаемыхъ ежегодно изъ скарбу войсковой канцеляріи, такъ и 80 р., получаемыхъ изъ губернской канцеляріи. „А дабы впредь въ пропитаніи учителей не слѣдовало никакого затрудненія и оскудѣнія" они просили „приказать архипастырскимъ указомъ, чтобъ про всѣ монастырскіе приходы и расходы вѣдалъ префектъ и учители и по третямъ года калкуловали[2]) бы учители всѣ мона-

---

[1]) Consolatio (по польски konsolacya) въ буквальномъ значеніи — *утѣха, утѣшеніе.*

[2]) Kalkulować—смѣчать, вычислять.

стырскіе записные книги, такожъ если какіе важніе земскіе спорные приключатся дѣла, по онымъ составляли бы какъ учители, такъ и братія письменныя приговоры, и оные бы представляли ректору съ префектомъ въ разсмотреніе и конфирмацію, а паче всего, чтобы ректоръ по едному своему мнѣнію, безъ согласія префекта и учителей, ничего не дѣйствовалъ".—Подъ означеннымъ прошеніемъ подписались: префектъ іеромонахъ *Самуилъ*, учитель риторики іеромонахъ *Викторъ*, учитель и проповѣдникъ катедральный іерей *Константинъ Павловичъ*, учитель синтаксимы іеромонахъ *Игнатій*, учитель грамматики іеромонахъ *Рувимъ*, учитель инфимы іеродіаконъ *Симеонъ* и магистеръ нѣмецкій *Ѳома Холчинскій*,—т. е. подписались всѣ наличные преподаватели академіи.

1-го сентября того же года на означенномъ прошеніи профессоровъ воспослѣдовала отъ митрополита слѣдующая собственноручная резолюція: „Взявъ у Ректора на все, такъ въ семъ, яко и въ прежнемъ ихъ учителей доношеніяхъ о томъ, что до прокормленія ихъ касается, отвѣтъ, и потребовавъ приходныхъ и расходныхъ всякаго званія книгъ Братскаго монастыря за прошлій 1758 и за сей 1759-й года, предложить намъ немедленно".

29-го сентября духовною консисторіею присланъ былъ ректору Нащинскому указъ съ прописаніемъ въ немъ означенной резолюціи митрополита, а 12 октября, въ исполненіе резолюціи, Нащинскій представилъ его преосвященству свое „всенижайшее отвѣтное доношеніе" по поводу жалобъ на него наставниковъ академіи. Это „доношеніе" (точнѣе объяснительная записка) представляетъ въ высшей степени любопытный документъ, яркими чертами характеризующій бытовую сторону жизни академической корпораціи за разсматриваемое время; поэтому мы находимъ не лишнимъ ознакомить читателей съ содержаніемъ упомянутаго „отвѣтнаго доношенія" по возможности въ полномъ видѣ.

Упомянувъ о жалобахъ профессоровъ академіи, поданныхъ митрополиту въ разное время (26 января 1758 и 1 сентября 1759 г.[1])), и указавъ вкратцѣ на ихъ содержаніе, ректоръ На-

---

[1]) Послѣдняя жалоба подана была учителями—какъ мы сказали—28 августа: но Нащинскій очевидно здѣсь смѣшиваетъ дату резолюціи (1 сент.) съ датою жалобы.

щинскій излагаетъ свой отвѣтъ по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

1) „Отецъ префектъ и отцы учители въ первомъ ихъ доношеніи .... представили, что де покойнымъ отцемъ ректоромъ Манассіемъ ему отцу префекту и отцамъ учителямъ порція чрезъ три уже года его ректорства убавлена, и толь малая отъ него опредѣлена, что де учители въ силу служителей своихъ (ибо де кромѣ двухъ порцій хлѣба на цѣлый день, одной порціи вялой и гнилой рыбы, вареной въ шарой фасолѣ, каши гречаной, а иногда галушокъ болѣе ничего не дается) оною прокормить могутъ, а сами де они отцы учители за консоляційскіи денги, жалованіе изъ казны Вашего Преосвященства, всегда зъ базару рыбу вялую или свѣжую, вариво, соль, олѣй, масло, и протчее нужное (должны) покупать.—На сіе ихъ отца префекта и отцевъ учителей представленіе мнѣ за покойнаго ректора Манассію отвѣщать не доводилось бы, яко до мене не касается, толкожъ и и за мертваго ректора я живій отвѣщаю, увѣренъ будучи постоянными братіи моей представленіями и утвержденіями, которіи твердятъ то, что де за покойнаго ректора Манассіи они отцы учители въ постніе дни завсегда кушаютъ было у отца ректора рыбное какъ изъ свѣжей рыбы, такъ и вялой, и при томъ кушаніи давалась имъ водка по три чарки, такъ же вино, пиво и медъ. А прописанная ими порція, то есть двѣ порціи на день, вялой рыбы, борщъ, каша или галушки, или фасоль, давалась изъ трапезы въ келіи учителскіи для хлопцовъ ихъ. Въ мясные же дни давалось имъ изъ палатъ въ келіи ихъ такое заготовленіе, какое изъ вотчинъ въ полату могло быть привозимо, и отцамъ учителямъ за доволно. Чтобъ же де когда они отцы учители покупали изъ базару соль, олѣй, вариво, масло, рыбу и протчее таковое, того де не бывало, развѣ де, когда кто изъ учителей пожелаетъ себѣ купить изъ базару то, что ему лучшее покажется до вкусу его, какъ то и прежде ихъ бывшіе учители любое для себе иногда изъ базару купуютъ бывало, и то за свои денги. Однакожъ все то уже, что было за покойнаго Манассію, миновало, и его Манассіи таковая клопота смертію его пресѣчена и они отцы учители роптать на него болше не должни, яко на мертвого, а всѣ живіи и жить имѣющіе ректори

(такъ точно какъ и всѣ началники въобще) ропоту подручныхъ себѣ подвержены были и будутъ, ибо въ мѣстѣ положилъ Богъ одномъ и томъ же началничество, и ненависть и роптаніе.

2) Онъ же отецъ префектъ и отцы учители въ поданномъ Вашему Преосвященству сего 1759 года сентября 1 дня доношеніи представили, что де отъ мене нижайшаго, яко ректора, не точію исполненія не чинится никакова оному указу изъ духовной Вашего Преосвященства консисторіи..., въ которомъ велѣно мнѣ, какъ отцу учителю іерею Константину производить изъ монастыря Братскаго опредѣленную въ консисторіи ему порцію, такъ и протчихъ отцевъ учителей неоскудно противъ прежняго трактаменту, котораго онъ отецъ префектъ и отцы учители реестръ Вашему Преосвященству представили, довольствовать; но еще де и паче день на день имъ отцу префекту и отцамъ учителямъ, кромѣ отца учителя іерея Константина, меншая начала производиться порція. То на сіе ихъ отца префекта и отцевъ учителей представленіе отвѣщаю такъ: Отцу префекту рыбы свѣжей дается по четири порціи завсегда, когда толко еи на базарѣ или въ маетностяхъ монастырскихъ достать можно, толко въ одной стравѣ, въ другой же стравѣ прежде мене еще перестали давать потому, что въ монастырѣ Кіево-братскомъ воспослѣдовали таковы убыли, каковы мнѣ отъ братіи доношеніемъ сего 1759 года генваря 16 дня представлени, которое ихъ доношеніе при семъ моемъ Вашему Преосвященству всенижайше представляю. Рыбы вялой дается ему отцу префекту такъ же четири порціи тогда, когда свѣжей нѣтъ. А кромѣ рыбнаго дается борщъ, каша или другія стравы, якіи въ трапезѣ соборной братіи представляются. Хлѣба дается два на день: одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другой братерскій въ 8 же фунтовъ; въ праздничные же и воскресныи дни кромѣ того хлѣба дается по четыре булки еще. Пива дается по семи квартъ на день, пива жъ дается въ ліодовню по двѣ куфы, въ которую и ліодъ навозится монастырскимъ коштомъ; хотя то и ліодовень не бывало у давнѣйшихъ префектовъ и довольствовались префекты пивомъ изъ общей ледовнѣ; ибо ледовня состроена отъ братіи для покойнаго префекта Козачинскаго, когда онъ съ Петербурга ѣхалъ въ Кіевъ, и думали бра-

тія, что онъ имъ будетъ архимандритомъ, и таковое то лукавство оказали ему. Олѣи дается въ среду полкварты, въ пятокъ полкварты; масла дается въ скоромныи дни по полфунта. Отъ Воскресенія до сентября мѣсяца дано на келію его отца префекта двѣ салѣ. Водки дается отцу префекту по фляшѣ гарцевой въ начатіи школъ, въ праздники Рождественскій и Воскресенскій, такъ же и при окончаніи школъ, да не возбраняется жъ и тогда, когда надобно бы было ему. Префектовская же фуниція такими лѣкворами обикновенно завсегда багата есть. Меду дается тогда по квартѣ, когда онъ въ трапезѣ поставляется. Прошлаго же году на медъ не было удачи, потому какъ въ братерской ліодовнѣ не было его, такъ и не давано отцу префекту. Свѣчъ дается пятьсотъ на годъ обыкновенно; соли дается отцу префекту по пяти гусокъ на тыждень; сира и яицъ когда надобно и когда то есть въ палатѣ. Варево дается всякое, когда востребуетъ онъ отецъ префектъ; дровъ дается столько, сколько надобно. Блюди и тарилки даются жъ, хотя и порча дѣлается и пропажа имъ. Коляска невозбрана никогда, также и лошади, и мимо вѣдомъ ректорскій, хотя такъ и недоводилось бы. Подчинка келейная дѣлается за коштъ монастырскій. Протчее, въ реестрѣ ихъ представленное, все дается жъ, кромѣ другой четверопорційной стравы и подѣлу братерскаго.—Риторическому учителю свѣжей рыбы по двѣ порціи дается, а когда свѣжой нѣтъ, то вялой по двѣ порціи, и другіи стравы, какіи въ трапезѣ представляются соборной братіи, даются жъ; хлѣбъ ситный соборный въ 8 фунтовъ дается на день, а въ праздничніи и воскресніи дни по двѣ булки, кромѣ хлѣба того. Пива дается по двѣ кварты, водки дается такъ, какъ и отцу префекту. Свѣчь дается 300 на годъ; сиръ и масло, и яйца, и варево, и сало, и дрова, и пшоно, и крупи, и мясо и протчее по востребованію выдается.— Протчіимъ учителямъ рыбы свѣжой по одной порціи дается вшарой, когда она есть въ монастырѣ, а когда нѣтъ, то вялой „о порціи вшарой же, и другіи стравы, якіи есть въ трапезѣ для соборной братіи. Хлѣба по двѣ порціи болшыхъ и по булкѣ въ праздничные дни. Такъ же сало, масло, сиръ, яйца, соль, пшоно, крупи и протчее таковое дается когда они требуютъ, и

когда все то есть въ монастырѣ. Коляска дается когда имъ надобно. Дровъ они не покупаютъ. Подчинка келейная съ монастыря дѣлается. На свѣчи имъ дается по давному установленію, именно отцу философійскому 300, піитическому 250, синтаксическому 200, граматическому и ему жъ греческому 300, инфѣмѣскому, фарискому, нѣмецкому по 150; учителю двухъ діалектовъ учащему противъ другихъ учителей двойная порція производится, хотя учитель двухъ діалектовъ учащій вдвое съисти и не можетъ противъ того, который одного діалекта учитъ.

3) Отецъ префектъ и отцы учители написали въ доношеніи своемъ, что де они только живущіе въ монастырѣ изобижены суть въ порціяхъ своихъ, а отецъ Константинъ ни въ чемъ неизобиженъ, хотя то и онъ на томъ же доношеніи подписался. На что отвѣщаю такъ: я отцу Константину не свойственникъ имѣюся, чтобы его не изобижать въ порціи, а протчіимъ отцамъ учителямъ не врагъ, чтобъ имъ порцію отнимать имѣлъ. А буди бы они отцы учители когда погрѣшностью каковою монастырскихъ послушниковъ неисправно свою порцію получили, то имъ отцамъ учителямъ надлежало бы о томъ донести ректору. Только жъ сего не бывало, кромѣ одного разу, что отцы учители донесли отцу префекту, что де изъ ледовни монастырской не весьма доброе пиво выдается имъ; когда же отецъ префектъ мнѣ о томъ напомнилъ, тогда приказано, чтобъ отцамъ учителямъ давано самое лучшее пиво, которое они частенько и изъ ректорской ледовни берутъ, а кромѣ пива и по медокъ присылаютъ и во здравіе кушаютъ.

4) Отецъ префектъ и отцы учители просятъ Вашего Преосвященства, дабы имъ не точію двѣстѣ рублей, изъ Войскового Скарбу ежегодно присылаемые въ монастырь Братскій, но и восемьдесятъ еще рублей, изъ кіевогубернской канцеляріи въ Братскій монастырь получаемые, велѣно было ежегодно на себе дѣлить, такъ же и изъ приходу монастырского и одѣяніе имъ производить, понеже по крѣпостямъ, на Братскій монастырь наданнымъ, слѣдуетъ ихъ отцевъ учителей съ монастыря Братскаго и одѣвать, а не точію кормить и поить.

На сіе отвѣтъ таковъ: бывшіи прежде насъ и за насъ и наши учители такой консеквенціи [illegible]мовать не умѣли и не

формовали; то откудужъ нынѣшніе отцы учители такой формаціи научились? Сверхъ сего бывшіи учители наши и мы сами одѣвались изъ консоляціи архіерейской, какая намъ давалась по пропорціи. Еже же изъ приносимой консоляціи паничевской и изъ калефакторства, которое отецъ префектъ за половину года со всѣхъ школъ взимаетъ, а за другую половину учители всякъ изъ своей школы, а изъ всякой школы за всякой разъ можно до 15 рублей, а найменше до 10 руб. взять; также изъ присылаемаго подѣлу отъ того монастыря, котораго учитель пострыженцомъ есть. Да ктому жъ во всѣхъ кіевскихъ и заднѣпровскихъ монастыряхъ имѣются крѣпости на вотчины ихъ, толко жъ не видно и не слышно, чтобъ братія которого монастыря одѣяніе себѣ получали изъ вотчинного приходу денежного.

Наконецъ ежели и глуховскіе и губернскіе рубли на нихъ отцовъ учителей дѣлить, а изъ вотчинного приходу денежного и поить и кормить и одѣвать ихъ, то уже всѣ монастырскіе нужды отсѣчь развѣ? Толко жъ сему быть невозможно. Яко всѣ монастырскіе расходы какъ для нихъ отцовъ учителей, такъ для братіи, такъ для послушниковъ, такъ для работниковъ, такъ и для всего вообще монастыря служатъ.—Требованіе сіе отцовъ учителей, чтобъ и 200 руб. на нихъ дѣлить и 80 руб. имъ взимать, и изъ монастыря ихъ одѣвать, есть какъ никогда не бывалое, такъ самою отвагою своею весма дикое, и туды лишь склонялось, чтобъ учителямъ съ ректоромъ лукъ тянуть.

5) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де у ректора всякого дня бывало по два человѣка кушаютъ, а теперь то отсѣчено.

На то отвѣтъ: Ректоръ, смотря по недостаткамъ монастырскимъ, доволствуется порціею братерскою, которую съ братіею жъ въ трапезѣ и кушаетъ всякаго дня, котораго въ консисторіи не бываетъ.

Къ тому жъ ректоръ не обовязанъ по должности учителей кормить при столѣ своемъ, ибо всякій учитель имѣетъ свою порцію. Еще же отцы учители кушаютъ и у ректора тогда, когда время свободное есть или школная діспута бываетъ. Въ прибавку и сіе служить можетъ, не пригоже весма того требовать за

должность, что получаемъ мы отъ кого за одинъ гуманитетъ, какъ напримѣръ ректору и учителямъ непристойно требовать у своего владыки платья или денегъ экстраординарійныхъ, хотя бы сіе за особливое пастырское благословеніе и дано было кому когда.

6) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де изъ вотчины Стаекъ получаемые съѣстные припасы и денежные приходы невѣстимо куда дѣваются, да и получаемые де изъ кіевогубернской канцеляріи восемдесятъ рублей не на содержаніе де учителей, но на иныя монастырскія нужды издерживаются.

На то отвѣтъ такой: какъ изъ вотчины Стаекъ, такъ и изъ протчіихъ монастырскихъ вотчинъ приходамъ и расходамъ есть въ монастырѣ книги, и оныя являютъ, куда тѣ припасы и денги дѣваются. А восемдесятъ рублей на такія монастырскія нужды расходятся, безъ которыхъ отцамъ учителямъ и братіи всей и монастырю общему обойтись невозможно. И ежели бы они отцы учители шафарями монастырскими были, то и о расходѣ томъ вѣдали бы, но имъ однакожъ думается, что только въ монастырѣ и надобности, чтобъ имъ отцамъ учителямъ ѣсти да пити было что, и чимъ одѣть ихъ.

7) Отецъ профектъ и отцы учители написали, что де они бѣдные, въ пропитаніи и одѣяніи содержа себе во всемъ точію единою архипастырскою консоляціею, крайнюю нужду претерпѣваютъ.

На сіе отвѣтъ такой: они жъ отецъ профектъ и отцы учители тамъ же написали, что де меньшаго класса учителямъ не больше въ круговой годъ производится консоляціи архипастырской, какъ 12 рублей съ полтиною.

Но на что это похоже, 12 рублей съ полтиною въ круговой годъ получить и тѣми деньгами только одними и въ пропитаніи и въ одѣяніи содержать себе? на что это похоже? всякому видно; а имъ отцамъ учителямъ и писать сего срамно бы.

8) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де за худою экономіею и неучрежденіемъ пристойныхъ, гдѣ надлежитъ, порядковъ, лишаются они доволнаго пропитанія и доволнаго одѣянія въ Братскомъ монастырѣ.

На сіе отвѣтъ сей есть:

Во первыхъ, всякого почти человѣка природная то немощь есть, что онъ больше желаетъ, нежъ довольно съ него, и сколько растетъ доволство оное, столько у него множится недостатокъ, ибо пявица (то есть человѣческая прихоть) имѣетъ двѣ дщеры, которыя зовутся такъ: *принеси, принеси.*

Во-вторыхъ, экономію Кіево-братскаго монастыря совершенно и по надлежащему похвалить хотя и не можно, яко и экономіи въ протчіихъ монастыряхъ, потому что въ монастырь не охотники ходить совершенные экономы, и таковыи люди, которыи бы по совѣсти смотрѣли общаго монастырскаго добра, только жъ и Братскаго монастыря экономія, какъ и протчіихъ монастырей, присмотрѣніе и расположеніе свое имѣетъ отъ таковаго человѣка, котораго мы всѣ соборомъ за найспособнѣйшаго къ тому выбрать могли.

Ректоръ же самъ, яко начальникъ, ѣздить по вотчинамъ и порядковъ смотрѣть и учреждать времени не имѣетъ; потому что ему либо въ школу ходить, либо въ консисторію ѣздить завсегда треба есть, и неудобно ему совершенно просмотрѣть всѣ и вездѣ и всегда обстоятельства икономическія, яко въ семъ монастырѣ начальники не живутъ больше какъ три года, а четыре найбольше. А въ новомъ господарствѣ (и простаки говорятъ) надобно три года изжить, чтобъ господарство оно выразумѣть.

Въ третьихъ, и бывшіе нѣкоторые учители на бывшихъ же ректоровъ все тожъ плескали: худая въ братствѣ экономія, хотя они сами экономіи той и мало не знали.

Въ четвертыхъ, экономія Братскаго монастыря какъ прежде содержана была, такъ и теперь содержится.

Напослѣдокъ, хотя бы и аккуратная экономія устроена кѣмъ была и было бы въ монастырѣ доволство всякое съѣстныхъ и питейныхъ вещей, то однакожъ такое доволство недоволно будетъ отцамъ учителямъ, ежели такъ съѣстныя и питейныя вещи худо употреблять, какъ то понынѣ худо употребляются онѣ: то есть для отцовъ учителей, какъ и для всей братіи, на общей поварнѣ варится всякая страва, а въ тѣ стравы употребляется рыба, соль, цибуля, петрушка, бураки, капуста, масло,

олѣй, огурцы, пшено, крупа, мука и протчее таковое изъ монастыря; толко жъ, все сіе получая, отцы учители присылаютъ ежедневно въ палату, въ ліохъ или куда надлежитъ, то съ требованіемъ соли, олѣи, рыбы, крупъ, пшена, масла, сыра, яицъ, огурцовъ, капусты и протчего такого, почему больше всего сего идетъ въ напрасное расточеніе, нежели въ потребное употребленіе, такъ что въ припасныхъ мѣстахъ скоро можно видѣть пустошь, а учители по старому еще не сыты. На многія мѣста брошенная глиба едва ли упадетъ, гдѣ надобно, а гдѣ ненадобно ей, тамъ расточится безъ всякой надобности; такъ изъ одной припасной каморы пущенная живность въ разныя и руки, и мѣста, едва ли дойдетъ до котораго учителя, но все то по за пазухами слымацкими да бурсацкими садовится, а не рѣдко и подъ парканомъ и за парканомъ монастырскимъ кладовится. И того ради ежели бы отцы учители въ общемъ мѣстѣ всѣ ѣли и пили, то меньше бы было напраснаго расточенія и расходу въ монастырѣ, а они бы отцы учители десятью довольнѣйшіе быть могли. Ибо гдѣ для двухъ изготовано будетъ, тамъ третьему и четвертому поживитись можно. И можно бы удобно монастырю Братскому и дважды отцевъ учителей на день накормить и напоить, только бы сіе такъ дѣлалось, какъ дѣется у хозяевъ, то есть, когда бы они и обѣдать и вечерять изволили въ собраніи всѣхъ ихъ. А таковаго учрежденія пока не будетъ тутъ, поты отцы учители не будутъ сыты, монастырь не будетъ доволный, а начальникъ поты не будетъ безпечалный.

9) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де двѣсти рублей изъ скарбу войсковаго получаемыхъ за преосвященнаго Рафаила не дѣлено учителямъ потому, что де преосвященный Рафаилъ ректора, префекта и учителей, кромѣ годовой консоляціи, жаловалъ особливо деньгами и платьемъ разъ или два раза въ годъ.

На то отвѣтъ сей есть:

Прежде всегожъ понеже и Ваше Преосвященство, кромѣ консоляціи обыкновенной, изволили жаловать деньгами такъ ректора, какъ и префекта и учителей, того ради и за Вашего Преосвященства оныхъ двухъ сотъ рублей на нихъ учителей дѣлить не доводится. — Послѣ сего кто имъ отцу префекту и отцамъ

учителямъ ростолковалъ такъ нераздѣлки оной причину, за Преосвященнаго Рафаила бывшей?—Это собственное и домашнее ихъ таковое толкованіе, которое и въ мысль Преосвященному Рафаилу не приходило никогда. Преосвященный Рафаилъ вѣдалъ тѣ 200 руб. распредѣлить такъ, чтобъ изъ нихъ 35 руб. на церковь братскую, а 35 руб. на школы содержаны были, а остальныя 130 руб. въ казну монастырскую взимано было; а о раздѣлѣ ихъ на учителей не вѣдалъ ничего той пастырь и ежели бы когда помыслилъ онъ мужъ пустить въ раздѣлку учителямъ тѣ денги, то лучше бы Государевыми деньгами учителей доволствовать пожелалъ онъ, нежели своими собственными, которыя и въ катедрѣ его нужны были на всякіе всячины.

10) Отецъ префектъ и отцы учители написали, что де таковой примѣръ нераздѣлки означенныхъ двухъ сотъ рублевъ былъ одинъ точію разъ за Преосвященнаго Тимоѳея.

На сіе отвѣтствуется симъ:

Преосвященный Тимофтей вступилъ на престолъ свой митрополитанскій 1748 года, и изъ сего 1748 года не дѣлились оные двѣсти рублей до 1754 года, слѣдовательно не одинъ примѣръ былъ нераздѣлки той, но семь примѣровъ уже. А въ 1754 годѣ по дозволенію Преосвященнѣйшаго Тимофтея начали учители дѣлитись тѣми денгами и производили таковой роздѣлъ по прошедшій 1757 годъ, то есть чрезъ четыре года толко.

11) Отецъ префектъ и отцы учители написали, дабы де впредь въ пропитаніи учителей не слѣдовало никакого затрудненія и оскудѣнія, для того де приказать указомъ, чтобъ про всѣ монастырскіе приходы и расходы вѣдалъ префектъ и учители и по третямъ года калкуліовали бы учители всѣ монастырскіе записные книги.

На сей отца префекта и отцовъ учителей *просимъ*, я такъ говорю:

Когда онъ отецъ префектъ и отцы учители будутъ вѣдать приходы и расходы монастырскіе и будутъ калкуліовать приходовъ и росходовъ книги, то они и сами перестанутъ въ ту пору роптать на монастырь Братскій и его началниковъ, яко самовидцы и слуги всего того необходимаго расхода, и помощниками

учинятся они и ректору и братіи; а ежели бы изъ учителей и намѣстника учреждено было, какъ когдась сіе и бывало, то онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель, служя учителямъ и братіи и цѣлому монастырю такъ точно, какъ надобно ректору и вмѣстѣ архимандриту дѣлать сіе, смякалъ бы, какъ удоволствіе возможное производить товарищамъ своимъ учителямъ, и какъ монастырскаго добра смотрѣть, чтобъ оно туне и по прихотямъ другихъ не шло въ пропажу и напрасное издержаніе. Да сверхъ того онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель не могъ бы страдать таковыхъ отъ учителей чинимыхъ попреканій, презрѣній, ругацій и конфузій, каковыми простачокъ (то есть неучащій мудрой лацѣны) намѣстникъ отъ нихъ обременяется, какъ то довелось и тому намѣстнику, который нынѣ въ Россіи скитается за монастырскими нуждами и за милостынею на монастырь просимою, о какой своей обидѣ онъ намѣстникъ мнѣ доношеніе подавалъ, которое при семъ и Вашему Преосвященству представляю.

12) Отецъ префектъ и отцы учители написали, ежели де какіе важные земскіе спорные прилучатся дѣла, то по онымъ де составляли бы учители и братія письменные приговоры и тѣ приговоры представляли бы ректору и префекту для разсмотрѣнія и конфѣрмаціи.

На сей *проситъ* ихъ такъ я говорю: учителямъ съ братіею составлять приговоры (буде сіе вмѣститъ могутъ учители съ своими школьными трудами) есть также пособлять братіи и ректору. Но въ конфѣрмацію тѣ приговоры отдавать ректору и префекту, есть отдавать не ректору и префекту, но двоимъ уже ректорамъ и двоимъ архимандритамъ. И доводитимется еще въ конфѣрмацію тѣ приговоры отдавать и архимандричему намѣстнику, ибо и намѣстникъ не простый есть братъ, какъ и отецъ префектъ, не простый учитель; и такъ три уже конфѣрматоры будутъ или четыре—ректоръ и префектъ, архимандритъ и намѣстникъ. Сіе же какой есть пристойности, вольно всякому судить; а люди разсуждаютъ такъ, что у ректора суть учители то, что у архимандрита братія, а префектъ у ректора то, что у архимандрита намѣстникъ. И потому какъ нигдѣ конфѣрматоромъ не есть намѣстникъ, такъ и отцу префекту конфѣрматоромъ быть

странное кажется, и новаго весьма примѣра, хоть то для меня, пока я ректоръ, хоть для иного кого, когда иному ректорство доведется. Ибо ректоръ такъ учителямъ всѣмъ долженъ быть начальникомъ, какъ архимандритъ есть начальникъ братіи всей. А гдѣ равныхъ начальниковъ много, тамъ не мало и конфузіи и непорядковъ, какъ то дѣется и въ Братскомъ монастырѣ, потому что всякъ учитель даже до меншаго такъ мыслитъ и дѣлаетъ, что ему ректоръ не указчикъ, ибо и онъ учитель по лацѣнѣ учился, и можетъ быть, яко ректоръ сегодня, такъ онъ завтра ректоромъ.

13) Отецъ префектъ и отцы учители написали: а паче де всего, дабы ректоръ по одному своему мнѣнію безъ согласія префекта и учителей ничего не дѣйствовалъ.

На сіе такъ отвѣщаю: Я по одному своему мнѣнію ничего не дѣйствую, но соборной братіи въ разсужденіе всякія дѣла отдаю и основательныя ихъ разсужденія подтверждаю, какъ и всѣ бывшіе прежде ректоры и архимандриты, и какъ то водится во всѣхъ протчіихъ монастыряхъ, а буди и они отцы учители въ соборную братію причтены будутъ, то и въ ихъ разсужденіе всякія монастырскія дѣла предавать должно будетъ. Только жъ Ваше Преосвященство, какъ въ протчіихъ, такъ и въ Братскомъ монастырѣ первенствующій и полномочный начальникъ архимандритъ, игуменъ, ректоръ и панъ, и потому тебѣ единому остается разстроенные наши голосы въ такой строй привесть, какой понравиться могъ бы оной госпожѣ, которая очи имѣетъ завязанныя, чтобъ на лица не взирать".

Неизвѣстно, какая воспослѣдовала резолюція митрополита на приведенномъ нами отвѣтномъ доношеніи ректора Нащинскаго; но во всякомъ случаѣ она была неблагопріятна для него. Митрополитъ, неоднократно „утруждаемый" кромѣ письменныхъ и личными жалобами профессоровъ академіи на своего „круто" съ ними обращавшагося, начальника, составилъ о Нащинскомъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ „не покойномъ", неуживчивомъ. Весьма вѣроятно, что при своихъ жалобахъ профессора не упускали случая набросить на Нащинскаго тѣнь не только какъ на начальника и администратора, но и какъ на преподавателя важнѣйшей

въ академіи науки — богословія. Извѣстное намъ ироническое замѣчаніе префекта С. Миславскаго, что онъ считаетъ достойнымъ Нащинскаго быть ректоромъ академіи, „буди онъ прилежнѣе будетъ въ преподаваніи богословія трудитися, нежели въ показаніи философіи обращался",—думаемъ, не разъ поставляемо было профессорами на видъ митрополиту и теперь уже въ смыслѣ положительнаго утвержденія. Какъ бы то ни было, но 30 августа, слѣдовательно на третій день послѣ подачи профессорами академіи извѣстной намъ письменной жалобы на ректора Нащинскаго, послѣдній обратился къ митрополиту съ слѣдующимъ всенижайшимъ доношеніемъ: „Прошедшаго іюля 29, сего 1759 года, я нижайшій доносилъ Вашему ясно въ Бозѣ Преосвященству въ дворцѣ Кудрявскомъ устно о томъ, что изъ послушниковъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства *обрѣтаются люди нѣкоторыя, коимъ по щастію ихъ больше дарованій дарилъ всеподающій Господь нежели нижайшему мнѣ; по чему и способнѣйшими ихъ учинилъ къ познанію тоя должности, которая отъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства мнѣ наложена, чтобъ преподавать священную Богословію, нежели нижайшаго мене.* А се нынѣ и на письмѣ тоже самое доношеніе мое при ногахъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства полагаю".

Митрополитъ уволилъ Нащинскаго отъ преподаванія богословія, при чемъ въ резолюціи по этому поводу заявилъ, что самъ архимандритъ Давидъ и словесно и письменно представилъ къ означенному преподаванію *„свое предъ другими недостачество"*. Профессоромъ богословія назначенъ былъ префектъ академіи Самуилъ Миславскій. Увольненіе ректора отъ преподаванія въ то время неразрывно соединеннаго съ ректурою предмета, было полнымъ пораженіемъ Нащинскаго. Очевидно, что положеніе его въ академіи оказывалось очень двусмысленнымъ и окончательный выходъ изъ нея былъ только вопросомъ времени. Дѣйствительно, спустя съ небольшимъ годъ, именно 16 генваря 1761 г., Давидъ Нащинскій, *безъ прошенія съ его стороны*, переведенъ былъ въ Гамалѣевскій монастырь и на его мѣсто ректоромъ назначенъ былъ давно желаемый на сію должность профессорами академіи префектъ Самуилъ Миславскій.

Дальнѣйшая судьба Д. Нащинскаго была слѣдующая: въ 1769 году изъ Гамалѣевскаго монастыря онъ переведенъ былъ въ Глуховскій, а отсюда въ 1772 году въ ставропигіальный Бизюковъ (въ Смоленскѣ), и наконецъ, уволенный за болѣзнію въ заштатъ, послѣдніе годы своей жизни, въ качествѣ пансіонера, провелъ въ Кіево-печерской лаврѣ. Скончался 5 мая 1793 г. [1]).

С. Голубевъ.

[1]) *Аскоченскій* Кіевъ съ его древ. училищемъ Академіею. 11. 129.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

И ПЕРВЫЯ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любопытную и крайне своеобразную страницу въ общей исторіи русской колонизаціи представляетъ исторія колонизаціи Новороссійскаго края и по необычайной быстротѣ колонизаціоннаго процесса, и по разнообразію этнографическихъ элементовъ, привлеченныхъ къ этому процессу, и по блистательнымъ результатамъ, увѣнчавшимъ тяжелые труды первыхъ піонеровъ. Эта страница отчасти уже даже написана въ многочисленныхъ трудахъ ветерана-историка Новороссійскаго края А. А. Скальковскаго [1]); и всякій знакомый съ его историческими и статистическими работами, согласится съ тѣмъ, что онѣ для своего времени представляли въ высшей степени замѣчательное явленіе; можно сказать, что въ областной исторической литературѣ того времени онѣ занимали первое мѣсто; такъ на нихъ смотрѣла и Императорская академія наукъ, присуждавшая автору высшія награды (Демидовскую и Уваровскую преміи). Да и теперь всякій изслѣдователь новороссійской старины долженъ будетъ обращаться къ трудамъ Скальковскаго, какъ къ богатѣйшей сокровищницѣ цѣнныхъ *матеріаловъ*, еще [redacted] не утрат[redacted]ившихъ своего значенія. Иное заключеніе мы должны высказать относительно критической обработки и группировки этого матеріала; требованія отъ историческаго изслѣдованія

---

[1]) „Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійск. края (1730—1823 г.)“ 2 тома. Од. 1836 и 1838; „Исторія новой Сѣчи“, 3 изданія (1842, 1846 и 1885 гг.); „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края“, 2 ч., 1850—1853 г.

за послѣднее время значительно увеличились, и имъ то не удовлетворяетъ «Хронологическое обозрѣніе исторіи Новорос. края», изложенное не въ прагматической, а въ лѣтописной формѣ. Къ трудамъ А. А. Скальковскаго, по своему характеру и направленію, примыкаютъ изслѣдованія преосв. Гавріила [1]). Затѣмъ въ болѣе позднее время стали появляться историко-статистическія описанія отдѣльныхъ губ., составленныя офицерами генеральнаго штаба, въ томъ числѣ херсонской и екатеринославской; въ описаніи первой мы встрѣчаемъ между прочимъ «Краткій историческій взглядъ на херсонскую губ.» [2]), заключающій въ себѣ общій очеркъ заселенія губ. съ нѣсколькими новыми фактическими данными, почерпнутыми изъ архивныхъ источниковъ. Вотъ и всѣ старые труды по исторіи Новороссійскаго края вообще и колонизаціи его въ частности на русскомъ языкѣ [3]).

Но раньше всѣхъ ихъ (въ 1820 г.) вышло въ Парижѣ на французскомъ языкѣ сочиненіе, спеціально посвященное историческому очерку Новороссіи, принадлежащее перу маркиза де Кастельно [4]). Оно могло дать иностранцамъ наглядное и довольно вѣрное представленіе о краѣ, сильно интересовавшемъ и привлекавшемъ ихъ своею торговлею и промышленностью, тѣмъ болѣе, что тогда во главѣ его стоялъ извѣстный французскій эмигрантъ дюкъ де Ришелье, желавшій привлечь сюда въ большомъ количествѣ французскихъ колонистовъ. Авторъ этой книги имѣлъ всѣ данныя, чтобы написать хорошее сочиненіе на избранную имъ тему: онъ долго жилъ въ Новороссіи, путешествовалъ по ней, дѣлалъ наблюденія надъ мѣстнымъ климатомъ, находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ

---

[1]) „Очеркъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, изъ оригинальныхъ источниковъ почерпнутый“ (въ 3-мъ т. Зап. од. общ.) и „Продолженіе очерка о Новорос. краѣ“ (въ 5-мъ т. Зап. од. общ.); эти же статьи перепечатаны въ „Сочиненіяхъ“ преосвященнаго, изд. въ Москвѣ въ 1854 г.

[2]) А. Шмидта. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ. 2 части. Спб. 1863 г.; стр. 3—78.

[3]) Сюда еще нужно причислить М. Кирьякова „Историко-статистическое обозрѣніе херсонской губ.“ въ „Матеріалахъ для стат. рос. имп.“ Спб. 1839 г., стр. 163—189.

[4]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol. P. 1820; въ 1-й и 2-й части излагается систематическая исторія новороссійскихъ степей, начиная со скиѳовъ и оканчивая крымскими татарами, запорожцами и русскими; въ концѣ 2-й части кромѣ того мы находимъ описаніе природы Новороссійскаго края и его колоній; въ третьей части помѣщены историческія и статистическія свѣдѣнія объ Одессѣ и отчетъ о путешествіи въ Крымъ.

и, что самое важное, получилъ отъ представителей мѣстной администраціи и устныя и письменныя извѣстія о недавнемъ прошломъ и современномъ состояніи края, если къ этому еще мы прибавимъ въ высшей степени доброжелательное отношеніе автора къ личности и дѣятельности имп. Александра I-го, выразившееся между прочимъ въ посвященіи ему книги, и желаніе *оцѣнивать* мѣропріятія разныхъ дѣятелей, то для насъ станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ трудомъ, интереснымъ не только для иностраннаго, но и для русскаго читателя. Такъ, во 2-й части мы найдемъ не мало интересныхъ данныхъ и соображеній по исторіи заселенія Новороссіи (таково описаніе мѣстной природы и свѣдѣнія о колоніяхъ); а 3-я часть, посвященная спеціально г. Одессѣ и ея торговлѣ, въ этомъ отношеніи еще интереснѣе. Конечно, современный читатель не удовлетворится книгой де Кастельно и найдетъ въ ней не мало промаховъ и пробѣловъ; его не заинтересуетъ описаніе древнѣйшихъ судебъ Новороссіи и онъ пожалѣетъ, что исторіи колонизаціи края во 2-й пол. XVIII в. и нач. XIX в. отведено такъ мало мѣста; въ характеристикѣ дѣятельности дюка де Ришелье онъ увидитъ не объективное воспроизведеніе заслугъ и недостатковъ этого дѣятеля, а исключительно одинъ панегирикъ; не разъ онъ пожалѣетъ также, что авторъ не обозначалъ болѣе точно своихъ источниковъ и т. п.. А. А. Скальковскій и др. изслѣдователи не были поставлены въ необходимость ссылаться на книгу де Кастельно, потому что сами имѣли въ своемъ распоряженіи множество новыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ и писали только на основаніи ихъ; но будущій историкъ новороссійской колонизаціи, намъ кажется, не обойдетъ ее и приметъ во вниманіе нѣкоторые взгляды маркиза де Кастельно.

Кромѣ этихъ общихъ сочиненій можно указать на нѣсколько монографій по отдѣльнымъ вопросамъ; таковы—А. А. Скальковскаго о болгарскихъ колоніяхъ, его же, Смольянинова и Орлова объ Одессѣ, Владимірова—объ Екатеринославѣ, Никитина—о евреяхъ-земледѣльцахъ, Клауса—объ иностранныхъ колоніяхъ, Щебальскаго и Брикнера о Потемкинѣ, Пейсоннеля—о черноморской торговлѣ и др. Но вопросъ о колонизаціи Новороссійскаго края поставленъ на настоящую почву только въ самое послѣднее время, въ издаваемыхъ херсонской земской управой «Матеріалахъ для оцѣнки земель». Нельзя не поблагодарить херсонское земство и статистиковъ, что они въ каждомъ изъ трехъ доселѣ изданныхъ томовъ «Матеріаловъ» помѣстили по краткому очерку заселенія описываемаго ими уѣзда, такъ что изъ

этихъ частичныхъ очерковъ составится впослѣдствіи полная картина заселенія херсонской губ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что колонизаціонный вопросъ находится въ тѣснѣйшей связи съ существующими нынѣ формами землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ въ самый моментъ заселенія края складывались и вырабатывались тѣ или иныя формы землевладѣнія, сословныхъ отношеній, мѣстнаго управленія и т. п. Къ сожалѣнію, статистики, стѣсненные рамками своей спеціальной задачи (современнаго хозяйственнаго и экономическаго изученія губ.), едва ли будутъ имѣть возможность достаточно подробно, какъ того требуетъ важность предмета, изложить исторію фактическаго заселенія Новороссійскаго края и условій, сопровождавшихъ это заселеніе. Очевидно, что это прямая задача спеціалиста-историка, и жаль, что до сихъ поръ никому изъ изслѣдователей не пришла на мысль такая благодарная тема;—по всей вѣроятности этому мѣшаетъ обширность задачи, обиліе и разнообразіе печатныхъ и архивныхъ данныхъ, но мы, само собою разумѣется, далеки отъ мысли принять на себя такую задачу—для этого понадобилось бы напечатать м. б. два большихъ тома;—наша настоящая статья представляетъ нѣкоторую переработку публичныхъ лекцій, читанныхъ весною 1888 г. въ г. Николаевѣ, и издается вслѣдствіе выраженнаго нѣкоторыми лицами желанія видѣть ихъ въ печати. Со времени выхода въ свѣтъ трудовъ А. А. Скальковскаго накопилось не мало новыхъ матеріаловъ; они то и послужили главнымъ источникомъ для моихъ статей; таковы разнообразные и цѣнные документы, помѣщенные въ 13-ти томахъ «Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей», въ нѣсколькихъ томахъ «Сборника Имп. рус. ист. общ.», въ журналѣ «Кіевская Старина», въ «Матеріалахъ для ист. стат. оп. екатеринославской епархіи» Θеодосія, въ «Матеріалахъ для исторіи южнорус. края» А. А. Андріевскаго, въ мемуарахъ нѣмецкаго врача Дримпельмана и Пишчевича. Кромѣ того нами найдено для себя кое что цѣнное и въ такихъ источникахъ 1-й руки, которые были изданы еще до выхода въ свѣтъ трудовъ г. Скальковскаго, но которыми ни онъ, ни другіе почти не пользовались; таковы путешествія и описанія академика Гюльденштедта, проф. Дюгурова, Измайлова, Неизвѣстнаго, Мейера. Наконецъ, нами не мало почерпнуто и изъ той сокровищницы матеріаловъ, изъ которой и черпали, и будутъ черпать всѣ изслѣдователи,—изъ Полнаго собранія законовъ. Не перечисляемъ мы здѣсь также и источниковъ, положенныхъ въ основу нашего топографиче-

скаго очерка новороссійскихъ степей, по ихъ общеизвѣстности (Эрихъ Лясота, Бопланъ, князь Мышецкій, Коржъ и др.).

На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ и перечисленныхъ выше пособій постараемся прослѣдить въ общихъ чертахъ распространеніе русскаго государства и движеніе народонаселенія къ югу, къ завѣтному побережью Чернаго и Азовскаго морей; попытаемся опредѣлить виды и формы, размѣры и быстроту колонизаціи, роль въ ней государства и народа, русскаго племени и иноземцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаемъ краткій очеркъ зачатковъ мѣстной культуры, развивавшейся параллельно съ колонизаціей края и находившейся въ прямой, непосредственной связи съ этой послѣдней, можно сказать, всецѣло опредѣлявшейся ею. Но предварительно намъ необходимо будетъ сдѣлать характеристику мѣстной природы для того, чтобы опредѣлить тѣ условія, при которыхъ совершалось заселеніе края.

ГЛАВА 1-я.

Природа страны.—Географическое положеніе степей.—Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами; Бугъ и Днѣстръ.—Флора.—Фауна.—Невзгоды степной жизни: зимнія стужи, лѣтнія жары и засухи; саранча; сосѣдство съ татарами.

Предметомъ нашего изученія будетъ мѣстность, обнимающая нынѣшнія херсонскую, екатеринославскую и таврическую губ. (исключая въ этой послѣдней Крыма) и извѣстная подъ именемъ Новороссіи или новороссійскихъ степей. Географическое положеніе и природа новороссійскихъ степей опредѣлили ихъ историческую судьбу: съ самыхъ отдаленныхъ временъ онѣ служили жилищемъ для номадовъ, постоянно приходившихъ въ Европу изъ Азіи черезъ Каспійскія ворота, вытѣснявшихъ другъ друга и уступавшихъ свое мѣсто новымъ пришельцамъ. Не перечисляя древнѣйшихъ обитателей ихъ, мы только напомнимъ о современникахъ древнихъ русичей—печенѣгахъ, черныхъ клобукахъ, половцахъ и татарахъ; одни кочевники надолго задерживались въ новороссійскихъ степяхъ; другіе только проходили черезъ этотъ великій путь изъ Азіи въ зап. Европу и тамъ уже проявляли свою разрушительную дѣятельность; новороссійскія степи на востокѣ сливаются мало по малу со степями Азіи; вотъ почему онѣ и сдѣлались торною дорогою для всѣхъ азіатскихъ кочевниковъ. Природа ихъ представляла гораздо большія удобства для бродячей, кочевой, чѣмъ для осѣдлой жизни. Здѣсь искони господствовала не лѣсная, а степная растительность—высокія густыя травы, столь за-

манчивыя для номадовъ; лѣса здѣсь если и попадались, то въ видѣ оазисовъ. Здѣсь былъ просторъ, столь необходимый для кочевниковъ, съ ихъ многочисленными стадами рогатаго скота и табунами лошадей; здѣсь почти нѣтъ лѣсовъ, препятствующихъ постояннымъ передвиженіямъ съ одного мѣста на другое; здѣсь мало и горъ: почти вся мѣстность отличается равниннымъ характеромъ; вездѣ, куда ни бросишь взоръ, увидишь одну безконечную равнину, то зеленую, то выжженную солнцемъ, отличительною чертою которой нужно признать почти полное отсутствіе разнообразія. Единственными предметами, на которыхъ останавливается взоръ, являются курганы,—это нѣмые свидѣтели отдаленнаго прошлаго; но и къ нимъ скоро привыкаетъ глазъ, можетъ быть потому, что и они похожи другъ на друга. «Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ, говоритъ о херсонскихъ степяхъ г. Шмидтъ, составляютъ какъ бы исключеніе въ херсонской губ. разнообразіемъ и живописностью многихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзывая всю степную поверхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинскимъ величіемъ и извиваются широкими, синими полосами среди обширныхъ зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камышей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихся пространствъ наносныхъ песковъ [1])». Первое мѣсто между этими рѣками по праву принадлежитъ Днѣпру [2]), извѣстному подъ именемъ Борисѳена уже отцу исторіи Геродоту. Начинаясь въ предѣлахъ смоленской губ., изъ болотъ, расположенныхъ у подошвы валдайской плоской возвышенности, Днѣпръ впадаетъ лиманомъ въ море и, такимъ образомъ, соединяетъ отдаленный сѣверо-западный край съ Чернымъ моремъ; въ предѣлахъ Новороссійскаго края онъ течетъ на разстояніи болѣе 500 верстъ и на всемъ этомъ пространствѣ орошаетъ степи. Характеристическую черту Днѣпра въ предѣлахъ сѣверной части екат. губ. составляютъ *пороги* и заборы. Днѣпровскіе пороги издавна привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ и писателей; о нихъ сообщаютъ свѣдѣнія византійскій имп. Константинъ Багрянородный, Эрихъ Лясота, Бопланъ, неизвѣстный авторъ Книги большаго чертежа, составитель атласа р. Днѣпра XVIII в. и, наконецъ, авторъ статьи, помѣщенной въ 3-мъ томѣ «Зап. од. общ. ист. и др.», стр. 581—586; но число пороговъ

---

[1]) Мат. для геогр. и стат. Рос. Херс. губ., I, 96.

[2]) Въ „Зап. од. общ. истор. и др.“, III, 571—580, помѣщено замѣчательное „Описаніе р. Днѣпра отъ м. Переволочнаго до Чернаго моря“, 1697 г., содержащее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о рѣкахъ, рѣчкахъ, вѣткахъ и островахъ р. Днѣпра“.

въ этихъ источникахъ указывается неодинаковое (отъ 7 до 13); самыя названія ихъ съ X вѣка измѣнились; впрочемъ, имена ихъ у Константина Багрянороднаго переданы не точно. «Пороги, говоритъ нѣм. путешественникъ XVI в. Э. Лясота—это пучины (Strudl) или скалистыя мѣстности, гдѣ Днѣпръ во всю ширину свою запруженъ камнями и скалами, которые отчасти находятся подъ водою или на уровнѣ ея, отчасти же поднимаются высоко надъ водой, почему и дѣлаютъ плаваніе по этой рѣкѣ весьма опаснымъ, особенно во время мелководія» [1]); по словамъ Боплана, пороги составляютъ родъ плотины, которая запружаетъ рѣку: «Днѣпръ подымается и падаетъ съ высоты 5 или 6 ф., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 7 ф., смотря по обилію водъ его; весною, при таяніи снѣговъ, онъ покрываетъ всѣ пороги, исключая седьмаго—Ненасытицкаго, который только и препятствуетъ судоходству въ это время; лѣтомъ же и осенью, когда вода стоитъ на самой низкой точкѣ, водопады имѣютъ нерѣдко отъ 10 до 15 ф. въ вышину» [2]). Самый грозный изъ пороговъ Ненасытецкій, теперь называемый Дидомъ. «Страшный шумъ, говоритъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій, зачастую слышный еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лоцманы Ненасытецъ, и вскорѣ вправо показываются огромные всплески волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменьями. Оба берега скалисты... Собственно порогъ состоитъ изъ 12 рядовъ камней, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ... Съ Монастырька, а лучше всего съ верху горы видъ на порогъ превосходный; Ненасытецъ представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ каменья...» [2]). Днѣпровскіе пороги, конечно, должны были служить значительнымъ препятствіемъ для судоходства; порожистое теченіе Днѣпра представляло изъ себя

---

1) Путевыя зап. Э. Ласоты, пер. и прим. Бруна, стр. 27.

2) Описаніе Украйны, стр. 22.

3) Поѣздка въ южную Россію, часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 100—101 103, 104.

какъ бы естественную твердыню, которая преграждала путь и въ лежавшее за нею далѣе къ югу русло Днѣпра (уже за порогами). Эта часть Днѣпра отличается другимъ свойствомъ, характеризуется такъ называемыми *плавнями*.

Днѣпръ течетъ здѣсь въ широкой долинѣ, перерѣзанной рукавами, гирлами и заливами рѣки, образующими множество озеръ, затоновъ и острововъ; эти то низменныя долины, образуемыя днѣпровскимъ русломъ, и называются плавнями. „Онѣ состоятъ изъ песчаныхъ и иловатыхъ наносовъ рѣки, затопляемыхъ съ весенними разливами и за исключеніемъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстъ древняго образованія, въ періодъ большаго обилія водъ въ рѣкѣ, остаются въ теченіи всего года на горизонтѣ ея водъ. Низменности одѣваются болотною растительностью и густо растущимъ камышомъ, покрывающимъ сплошнымъ ковромъ цѣлые десятки квадратныхъ верстъ. Прочія низменности долины представляютъ луговыя пространства, одѣтыя иногда густою лѣсною растительностью, преимущественно вербою, или же представляютъ совершенно оголенные наносы песка, какъ бы мели, только что выдвинувшіяся на поверхность воды. За исключеніемъ этихъ песчаныхъ пространствъ, плавни составляютъ особое богатство страны, по скудности въ ней строительнаго матеріала, топлива, а иногда и сѣна. Не говоря о значеніи лѣса въ степномъ краѣ, но и камышъ, достигающій роста отъ 5 до 6 аршинъ и болѣе, употребляется на топливо и на постройку крышъ, изгородей и самыхъ домовъ (что имѣетъ немаловажное значеніе), а луга доставляютъ постоянный и обильный сѣнокосъ, несмотря на случающіеся неурожаи сѣна въ степяхъ. Иловатая почва долины, при низменномъ ея положеніи, весьма способна къ разведенію садовъ и огородовъ... Кромѣ того она представляетъ особенное удобство къ разведенію птицы и животныхъ» [1]). «Какая бы ни была засуха, говоритъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ не ощутительна: здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности и на этихъ поемныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди даже и въ то время, когда въ степи не бываетъ ихъ совершенно» [2]). Описанныя здѣсь плавни начинаются

---

[1]) Мат. для геогр. и ст. херс. губ., I, 168—169.

[2]) Поѣздка въ южную Россію. Часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 154.

сейчасъ же за днѣпровскими порогами еще въ предѣлахъ екатерин. губ. (онѣ то были извѣстны у запорожцевъ подъ именемъ «Велыкого Лугу»); но затѣмъ тянутся и далѣе въ предѣлахъ херсонской губ. до самаго лимана.

Мы уже выше замѣтили, что Днѣпръ образуетъ въ плавняхъ множество островов; острова эти начинаются еще въ порожистой части Днѣпра, но больше всего мы находимъ ихъ за порогами въ плавняхъ. Уже Э. Ласота [1]) и Бопланъ [2]) обратили вниманіе на Днѣпровскіе острова, особенно много распространяется о нихъ послѣдній; впрочемъ, онъ самъ при этомъ заявляетъ, что спускался только до острова Хортицы, а объ островахъ за днѣпровскими порогами сообщаетъ по разсказамъ другихъ; онъ называетъ, между прочимъ, Великій островъ, Томаковку, Кагеръ, Носоковку, Тавань, самымъ значительнымъ изъ острововъ былъ Хортицкій. По словамъ Э. Ласоты, этотъ «прекрасный, высокій и пріютный» островъ имѣлъ въ длину 2 мили и раздѣлялъ Днѣпръ на 2 равныя части; Бопланъ къ этому присоединяетъ еще такія свѣдѣнія: онъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, слѣдовательно безъ удобныхъ пристаней; въ ширину имѣетъ съ восточной стороны около полумили, но къ западу уже и ниже. Онъ не подверженъ наводненіямъ и покрытъ былъ густымъ лѣсомъ. Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ острововъ была еще цѣлая масса небольшихъ островковъ, образуемыхъ руслами рѣки, озерами, затонами и т. п. «Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, говоритъ Бопланъ, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ, съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10000 островами (это, конечно, гипербола), которые разбросаны неправильно, безпорядочно; почву имѣютъ иные сухую, другіе болотистую, всѣ заросли камышемъ, возвышающимся подобно пикамъ и закрывающимъ протоки между островами».

Таковъ былъ Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами. Отчасти такими же свойствами отличался и Бугъ. Прорѣзываясь, подобно Днѣпру, черезъ каменную гряду—отроги Карпатъ, онъ также образуетъ пороги (между Ольвіополемъ и с. Александровкою); здѣсь каменными глыбами усѣяно все дно рѣки; всѣхъ пороговъ 18; кромѣ того еще не мало и заборъ; пороги дѣлаютъ эту часть Буга очень живописною, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неудобную для судоход-

---

[1]) Путевые записки, стр. 26—30, 52—53.
[2]) Опис. Украины, стр. 17—19, 22—29.

ства; ниже пороговъ (отъ Александровки до впаденія р. Куцаго Еланца) Бугъ течетъ въ долинѣ шириною отъ 1 до 5-ти верстъ и, подобно Днѣпру, образуетъ плавни [1]); плавни эти состоятъ то изъ луговъ, заливаемыхъ водою только во время половодья, то изъ топей, покрытыхъ камышемъ или мягкими лѣсными породами деревьевъ, то изъ совершенно обнаженныхъ песчаныхъ пространствъ. Въ нижнемъ теченіи Буга плавень почти вовсе не было; здѣсь онъ сильно расширяется и достигаетъ максимальной глубины [2]). Бопланъ указываетъ нѣсколько острововъ на Бугѣ (Андреевъ и Кременцовъ [3]).

На Днѣстрѣ мы видимъ пороги и отчасти тѣ же плавни и острова; только Днѣстръ образуетъ еще болѣе плодородную долину, нежели Днѣпръ и Бугъ; «долина днѣстровская составляетъ богатство края, преставляя самую плодороднѣйшую почву для садовъ, виноградниковъ и огородовъ, доставляя лѣсъ, камышъ и всегда обезпеченный сѣнокосъ [4])».

О притокахъ Буга и Днѣпра «Топогр. оп.» области, доставшейся намъ отъ турокъ въ 1774 г., говоритъ слѣдующее: «рѣчекъ по сей земли хотя по обширности ея и не весьма (много), однако довольно; но всѣ почти маловодны и къ вершинамъ совсѣмъ въ лѣтнее время воды не имѣютъ... По всѣмъ же, кромѣ Ингула и Ингульца, рѣчкамъ переѣзды въ бродъ вблизи самихъ устей есть; а которыя при томъ болотисты и у тѣхъ не долѣ отъ устья какъ до 7 в. и въ самое

---

[1]) Въ топ. описаніи земель, доставшихся Россіи по мирному трактату съ Турціей 1774 г., мы находимъ довольно подробное описаніе р. Буга; тамъ говорится, что Бугъ расширяется отъ впаденія въ него р. Мертвовода (у г. Вознесенска), а верстъ 15 ниже Мертвовода начинается плавня, заростающая камышами, и тянется на разстояніи 27 в. до Сухаго Еланца, только у Голой Пристани, верстъ на 6 выше Еланца, правый берегъ чистъ и не покрытъ камышемъ; на югъ отъ Сухаго Еланца на разстояніи 2-хъ верстъ опять идетъ плавня, съ обоихъ береговъ болотистая и заросшая камышемъ; далѣе къ югу Бугъ значительно расширяется (отъ 250 до 600 с.) и течетъ такъ на протяженіи 6 верстъ, при чемъ лѣвый берегъ его все таки покрытъ камышемъ, песчаными кучугурами и лугами; послѣ этого дѣлаетъ вдругъ поворотъ на востокъ и, разлившись на 600 с., течетъ такъ до самаго устья, имѣя глубину отъ 28 до 40 ф. (Зап. Од. общ. 7 томъ, стр. 180—181).

[2]) Матер. для геогр. и стат. херс. губ., 1, 188, 190; см. также опис. рѣки Буга у Мейера „Повѣств., землем. и естест. описаніе очак. земли.“ Спб. 1794 г., стр. 110—112.

[3]) Оп. Укр., стр. 31.

[4]) Мат. для геогр. и стат. херс. губ., 198.

разливающееся время рѣки Днѣпра переѣзжать можно... [1]) По Ингулу вверхъ суда съ рыбою ходятъ, отъ устья до 40 в., гдѣ уже болѣе 4 футъ глубины не имѣетъ» [2]).

Почва Новороссійскаго края должна быть названа въ общемъ очень плодородной: черноземъ преобладаетъ и въ херсонской, и въ екатеринославской губ. и толщина его колеблется между четырьмя вершками и $1^1/_2$ арш. Черноземъ этотъ покрываетъ не описанныя нами рѣчныя долины, а настоящія степи и при томъ слой его тѣмъ толще, чѣмъ выше эти степи приподняты надъ уровнемъ моря; но такъ какъ степи понижаются къ югу по мѣрѣ приближенія къ Черному и Азовскому морямъ, то наиболѣе тонкій слой чернозема оказывается у самаго побережья, возлѣ лимановъ. Очаковская область, т. е. часть Новор. края, лежавшая между Бугомъ и Днѣстромъ, по качеству почвы можетъ быть раздѣлена на 2 части—сѣверную и южную; первая отличается необыкновеннымъ плодородіемъ, а вторая, приморская производитъ только тощую растительность; западная часть степи—днѣстровская болѣе изобилуетъ водою, чѣмъ восточная (бугская); протекающія здѣсь рѣки могутъ быть раздѣлены на 3 группы: однѣ никогда не пересыхали, другія пересыхали только отчасти, а третьи совсѣмъ; кромѣ рѣчной воды жители пользовались еще колодцами и родниками [3]). Что касается рѣчныхъ долинъ, то тамъ почва наносная—преимущественно илисто-песчаная, а иногда илисто-песчано-черноземная (по теченію Днѣстра)—и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ довольно плодородная. Конечно, кромѣ черноземныхъ пространствъ, есть также и песчаныя и солончаковыя и болотистыя, совершенно неудобныя для культуры; такова, напр., Кинбурнская коса, или, какъ ее называли запорожцы, «прогнои», представляющая изъ себя настоящую Ливійскую пустыню и отличавшаяся такимъ

[1]) Подробнѣйшее перечисленіе днѣпровскихъ притоковъ см. въ соч. кн. Мышецкаго: Ист. о козакахъ запорожскихъ, стр. 59—73; гораздо менѣе удовлетворительны свѣдѣнія атласа р. Днѣпра конца прошлаго вѣка, см. Русова., Русскіе тракты., стр. 128—129.

[2]) Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. VII, стр. 183—184, 181.

[3]) Мейера., Повѣствевное, землемѣрное и естественное описаніе Очаковскія земли. Спб. 1794, стр. 100—103. Оно заключаетъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія о физико-геогр. свойствахъ очаковской области: „Нижняя или приморская часть на красной, ржавчатой и желѣзными частицами наполненной землѣ производитъ только тощія, солковатыя и всѣ вообще какъ бы дымчатыя растенія. Верхняя же или кодымская часть плодоносностію и изящностію своей земли превзойти можетъ всякую другую страну“.

же характеромъ и въ прежнія времена [1]), но существованіе безплоднаго пространства не нарушаетъ общаго вывода о плодородіи степей. Объ этомъ плодородіи свидѣтельствуютъ многіе очевидцы стараго времени, сообщающіе данныя о богатствѣ степной *флоры*. Послушаемъ, напр., что говоритъ объ этомъ Бопланъ: «По полямъ Замоканя (Самоткання), говоритъ онъ, особенно же по лощинамъ, встрѣчаются цѣлые лѣса вишневыхъ деревъ, небольшіе, но весьма частые, длиною иногда болѣе полумили, а шириною отъ 200 до 300 шаговъ; лѣтомъ видъ ихъ прелестенъ. Тамъ же растетъ множество дикихъ малорослыхъ миндальныхъ деревъ съ горькими плодами; но они не составляютъ лѣсочковъ, подобно вишнямъ, коихъ вкусные плоды не уступаютъ садовымъ» [2]). По теченію р. Самары (притока Днѣпра), по словамъ Боплана, было большое обиліе лѣса, который доставляли отсюда въ Кодакъ [3]); одинъ изъ островорвъ у Стрѣльчаго порога былъ покрытъ дикимъ виноградомъ [4]); острова Хортица и Томаковка лѣсомъ [5]). Князь Мышецкій сообщаетъ намъ списокъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ, растущихъ при Днѣпрѣ: виноградъ, яблоки, груши, тернъ, барбарисъ, калина, вишни, ежевика; на днѣпровскихъ островахъ—дикій чай, шалфей и др. аптечныя травы, дубъ, осокорь или осина, ивнякъ, гордовое и таволжное дерево; но всѣ эти деревья для построекъ не годятся [6]). Авторъ «Топ. Оп.» говоритъ о части херсонскихъ степей, прилегающихъ къ Днѣпру и Бугу, такимъ образомъ: «Земля на семъ округѣ, выключая около рѣкъ песчаныя косы и кочугуры, каменные берега, вообще влажна сверху на два фута и болѣе, черна, а ниже глинистой, желтоватой грунтъ имѣетъ и вся къ плодородію способна; но на высокихъ горахъ отъ жаровъ и трава скоро высыхаетъ, слѣдственно хлѣбопашество тамъ производить нельзя, а только къ тому балки и отъ рѣкъ низменныя мѣста и пологость при балкахъ горъ способными остаются; да и траву, если на тѣхъ горахъ получать для покосу, то каждую осень выжигать неотмѣнно принуждено [7])». О флорѣ тотъ же авторъ говоритъ слѣдующее: «лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, а по балкамъ мѣстами растутъ яблони, груши,

---

[1]) Скальковскаго, Опытъ стат. оп. Новор. края, ч. 1-я, стр. 200—201.

[2]) Оп. Укр. стр. 16.

[3]) Ibidem стр. 18.

[4]) Ibidem стр. 23.

[5]) Ibidem стр. 25.

[6]) Ист. о каз. Зап. стр. 78.

[7]) Зап. Од. Общ., т. 7-й стр. 185.

а болѣе терновникъ, шиповникъ, хмель, виноградъ (весьма одичалъ, а потому весьма мелокъ, вкусъ кисловатый имѣетъ и растетъ не во множествѣ), вишни, ивнякъ, осокорь, боярыня, гордина, и всѣ изрѣдка; на островахъ, что въ гирлахъ, довольно ольхи, березы, лознику или вербы, терну, но все мелкіе; а по р. Аргамаклы или Громоклеи нѣсколько годнаго и въ строеніе лѣсу есть... Травы родятся разныя, а обще: въ балкахъ и около рѣкъ растетъ пырей, дягельникъ, чернобыльникъ, дикій лукъ, щавель, кропива, лебеда, цикорій, горчица; изъ цвѣтовъ: тюльпаны, васильки, ромашка, гвоздичка; по надъ берегомъ лимана капуста заячья, спаржа, и въ степяхъ: ковыль, катранъ, бурьянъ, шалфей, мята; по горамъ много богородицкой травы и полыню, морковка дикая какъ пусторнакъ, чеберъ, бедринецъ, а въ множествѣ около Гарду по Бугу между каменья артишокъ, а въ рѣкахъ, по Днѣпру водяные орѣхи, лапушникъ, изобильно тростнику и камышу, очеретъ называемаго... грибовъ никакихъ, кромѣ шемпіоновъ, не видно. Изъ ягодъ, кромѣ изрѣдка клубники и земляники, никакихъ нѣтъ [1])». А вотъ весьма характерный отрывокъ изъ донесенія правителя екатеринославскаго намѣстничества Каховскаго объ Очаковской области, пріобрѣтенной отъ турокъ: «въ проѣздъ мой осматривалъ я оба берега Березанскаго, Тилигульскаго и Куяльницкаго лимановъ. Обозрѣвъ нынѣ всѣ почитаемыя мною нужнѣйшими мѣста въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, пріемлю смѣлость всеподданѣйше донесть В. И. В., что нашелъ я по всему пространству земли отмѣнно тучныя и плодородныя: сіе доказывается остатками развалинъ многочисленныхъ бывшихъ повсюду селеній и различнаго рода лучшими травяными кормовыми растеніями, коими покрыты не только всѣ долины, но и плоскія мѣста, исключая береговъ и отлогостей по р. Днѣпру. Весьма мало попадались мнѣ солонцоватыя и песчаныя мѣста; болотистыхъ же не наѣзжалъ я, какъ только по берегамъ Буга и Днѣстра и по лиманамъ, кои покрыты камышемъ, пригоднымъ для употребленія вмѣсто дровъ [2])».

Не меньшимъ богатствомъ отличается фауна степей. Бопланъ описываетъ подробно водившихся здѣсь байбаковъ и сугаковъ, и говоритъ также объ оленяхъ, ланяхъ, сайгахъ, дикихъ кабанахъ не-

---

[1]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 186—187; Чернявскій въ своемъ „Описаніи Сѣчи" перечисляетъ лѣса, принадлежавшіе запорожцамъ; см. „Ист. о каз. запор." стр. 83—84.

[2]) Сравнительный взглядъ на Очаковскую область, А. А. Скальковскаго (Зап. Од. Общ., I, 260—261).

обыкновенной величины и дикихъ лошадяхъ, ходившихъ табунами отъ 50 до 60 головъ[1]). Э. Ласота передаетъ, что на обратномъ пути изъ Сѣчи онъ и его товарищи встрѣтили медвѣдя и убили его (между рѣчками Самотканью и Домотканью)[2]). Кн. Мышецкій перечисляетъ звѣрей, которые встрѣчаются по обоимъ берегамъ р. Днѣпра и по островамъ; это были: олени, волки, лисицы, зайцы, барсуки, выдры, дикія козы, дикія кошки, дикіе кабаны, дикіе лошаки; на очаковской сторонѣ въ Черномъ лѣсу водились медвѣди и лоси[3]); авторъ «Топ. Оп.», извѣстія котораго относятся къ концу XVIII вѣка, когда количество дикихъ звѣрей уже уменьшилось, говоритъ слѣдующее: «звѣрей дикихъ прежде войны важивалось довольно, но нынѣ изрѣдка волки, лисицы, зайцы, козы, барсуки, хорьки, сурки или байбаки, а въ камышахъ дикія свиньи и кабаны. По лѣвую сторону Ингула есть множество дикихъ лошадей, а въ рѣкахъ довольно выдры. Были, сказываютъ, олени и сугаки, но нынѣ совсѣмъ не видно[4])». По сообщенію Пейсоннеля, сугаки (дикія овцы) въ Очаковской и Перекопской степи водились въ изобиліи еще и въ концѣ XVIII в.; Гюльденштедтъ упоминаетъ объ оленяхъ въ елисаветградской провинціи во 2-й половинѣ XVIII в.; дикія козы, куницы и барсуки были еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи[5]).

Царство пернатыхъ также было велико. Князь Мышецкій перечисляетъ слѣдующихъ птицъ, которыя водились на днѣпровскомъ побережьѣ и на островахъ: дикія гуси разнаго рода, лебеди, утки, колпицы, дрохвы, бакланы, журавли, бабы (пеликаны), аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястребы[6]); авторъ «Топ. Оп.» присоединяетъ еще сюда стрепетовъ, чаекъ и нѣк. др. [7]).

Воды изобиловали рыбою. «Озеро (лиманъ) Тилигулъ, говоритъ Бопланъ, такъ обильно рыбою, что стоячая вода онаго получаетъ запахъ несносный... Озеро Куяльникъ столь же обильно рыбою, какъ и Тилигулъ. Ватаги рыбаковъ пріѣзжаютъ на сіи два озера далѣе

---

[1]) Опис. Украины, стр. 89—93.

[2]) Путевыя зап., стр. 54.

[3]) Ист. о каз. запор., стр. 77.

[4]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

[5]) Ист.-стат. обозр. херс. губ., Кирьякова (Мат. для стат. Рос. имп., стр. 181); о сугакахъ и дикихъ козахъ свидѣтельствуетъ и Мейеръ, стр. 192.

[6]) Ист. о каз. запор., стр. 77—78.

[7]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

нежели изъ за 50 миль и ловятъ карповъ и щукъ величины необыкновенной[1])». Пселъ и Ворскла—рыбныя рѣки; но обильнѣе всѣхъ рыбою притокъ Днѣпра Орель; р. Самара также весьма обильна рыбою[2]). Князь Мышецкій передаетъ, что запорожцы въ его время въ Днѣпрѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ ловили много осетровъ, севрюги, стерляди, сомовъ, сазановъ, линей, щукъ, карасей, бѣлизны, окуней, судаковъ, плотвы, сельдей, лящей[3]). Авторъ «Топ. Оп.» говоритъ, что въ лиманѣ, Бугѣ, Ингулахъ и Днѣпрѣ ловились стерлядь, севрюга, бѣлуга, осетры, сомы, лещи, скумбрія, тарань, камбала[4]) и т. п. Еще во времена Гюльденштедта рыба ловилась въ большомъ изобиліи и продавалась очень дешево; пудъ соленой бѣлужины по 70 к.[5]).

Итакъ, Новороссійскія степи изобиловали въ прежнія времена разнообразными естественными богатствами міра животнаго и растительнаго; кромѣ того неисчерпаемыя залежи минераловъ (гл. обр. каменнаго угля и желѣза) находились еще въ нѣдрахъ земли, но сдѣлались извѣстными и стали эксплуатироваться очень поздно. Почва, какъ мы видѣли, по большей части представляла прекрасный черноземъ, а въ рѣчныхъ долинахъ хотя и песчано-илистые, но все таки довольно плодородные наносы; безплодныхъ или малоплодородныхъ мѣстъ было немного—и они находились главнымъ образомъ въ южныхъ частяхъ степей, ближе къ морю. Климатъ здѣсь болѣе теплый, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Понятное дѣло, что всѣ эти благопріятныя условія должны были привлечь сюда русскихъ поселенцевъ.

Но намъ нужно показать и обратную сторону медали, для того чтобы понять причину медленнаго заселенія этого края въ XVI—XVII в. Жизнь въ степи была сопряжена со страшными лишеніями и неудобствами: приходилось вести настойчивую и упорную борьбу съ дикой степной природой. Страшна была безлюдная степь зимою, когда въ ней господствовали сильные морозы, вѣтры и вьюги, когда вся она представляла изъ себя безконечную бѣлоснѣжную пелену, на которой не видно было уже дорогъ, а бродили только голодные

---

[1]) Опис. Украйны, стр. 32—33.

[2]) Ibidem, стр. 15—16, 18.

[3]) Ист. о каз. запор., стр. 77.

[4]) Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

[5]) Зап. Од. Общ., XI, стр. 192—193.

волки и др. звѣри. Если теперь великая опасность угрожаетъ путнику, застигнутому здѣсь снѣжною мятелью и лютымъ морозомъ, то что же было прежде? Объ этомъ времени сообщаютъ намъ любопытныя свѣдѣнія очевидцы, сами на себѣ испытавшіе все это. Бопланъ очень картинно описываетъ зимніе холода. «Обыкновенно стужа обхватываетъ человѣка вдругъ, говоритъ онъ, и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро;—кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и при томъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало по малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпененіе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди самаго крѣпкаго тѣлосложенія... Въ 1646 г., когда польская армія вступила въ московскіе предѣлы, для пресѣченія возвратнаго пути татарамъ и возвращенія плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2,000, изъ коихъ многіе погибли описанною мною мучительною смертью, другіе же возвратились калѣками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей [1])». Другой французскій писатель баронъ де-Тоттъ разсказываетъ, что во время зимняго похода татаръ на Новую Сербію въ 1769 г. (и онъ самъ здѣсь участвовалъ) погибло болѣе 30,000 лошадей [2]). Всѣмъ извѣстна также знаменитая очаковская зима [3]).

Недостаточное количество рѣчной воды и быстрое всасываніе испареній атмосферой въ связи съ сухими вѣтрами производили

---

[1]) Бопланъ, Опис. Укр. стр. 96—98.

[2]) Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares 1781 a. sec. partie, 153—154.

[3]) По описанію современника, очаковская зима отличалась чрезвычайною продолжительностью и суровостью; 13 окт. выпалъ уже большой снѣгъ, а 7 ноября началась настоящая зима съ заметами и мятелями, при чемъ замерзло множество деревьевъ въ садахъ и лѣсахъ; передъ 12 іюня ударилъ еще такой морозъ, что мѣстами замерзли огородныя овощи (Очаков. зима по современному описанію, В. Ястребова, въ Кіевск. Стар. 1884 г. авг., стр. 732).

очень частыя засухи. Мы упоминали уже, какъ мелководны были рѣчки, впадающія въ Днѣпръ и Бугъ; лѣтомъ онѣ почти совершенно пересыхали и не могли достаточно хорошо орошать и тѣ долины, въ которыхъ онѣ протекали. Атмосферные осадки (въ видѣ дождя, росы и т. д.) жадно поглощались сухою землею или же обращали жалкіе дотолѣ ручьи въ стремительные и полноводные потоки, вода которыхъ быстро уносилась въ большія рѣки и море, а въ степи земля трескалась отъ засухи; вся богатая растительность засыхала. Подобныя засухи были истиннымъ бичемъ для земледѣльческаго хозяйства и тогда уже, когда здѣсь поселились мирные колонисты. Климатъ былъ здѣсь континентальный, сухой; даже близость моря не умѣряла его; и это потому, что степи были совершенно открыты со всѣхъ четырехъ сторонъ дѣйствію вѣтровъ; и вотъ сѣверный вѣтеръ приносилъ съ собою холодъ, а восточный—страшную сухость и жару. Родники и колодцы въ юго-восточной части Новороссійскаго края находились только у береговъ рѣкъ, а въ степи на горѣ не было ни одного; потому то и дороги проложены были возлѣ рѣчекъ [1]).

Весна отличалась большою перемѣнчивостью погоды. Лѣтомъ вся трава въ степяхъ высыхала и выгорала и онѣ представляли изъ себя мертвую пустыню. Когда же не было засухи, могъ явиться другой врагъ и истребить не похуже ея всю растительность на громадной территоріи; это была саранча—истинный бичъ Божій въ южныхъ степяхъ. «Саранча, говоритъ Бопланъ, летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на 5 или 6 миль въ длину и на 2 или 3 мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкасіи, Бассіи и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія—тамъ черезъ 2 часа не остается ни былинки... Бѣдствія увеличиваются въ 300 разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени: ибо въ октябрѣ мѣсяцѣ она умираетъ, но прежде смерти каждое насѣкомое кладетъ въ землю до 300 яицъ, изъ коихъ въ слѣдующую сухую весну выводится бездна саранчи... Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ и помрачаетъ воздухъ... Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ [2])». Если

[1]) Зап. Од. Общ. VII, стр. 183.

[2]) Опис. Укр., стр. 85—87.

саранча была истинным бичемъ для растительности, то мошки были такимъ же бичемъ для людей и скота. «Берега днѣпровскіе, говоритъ Бопланъ, замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною въ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала чрезъ 3 дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть; страшно было взглянуть на меня» [1]). Вѣроятно, заноснымъ путемъ распространялась также въ степяхъ страшная гостья чума, противъ которой не было никакихъ средствъ [2]). Наконецъ, прежде чѣмъ поселиться въ степяхъ, необходимо было, такъ сказать, отвоевать ихъ отъ татаръ. Татары, явившись сюда въ XIII в., были какъ нельзя болѣе довольны новыми мѣстами своего жительства— этимъ моремъ травъ, служившихъ подножнымъ кормомъ для ихъ стадъ даже зимою (по крайней мѣрѣ въ самыхъ южныхъ приморскихъ степяхъ). Опорнымъ пунктомъ, неприступнымъ гнѣздомъ для нихъ былъ Крымъ, завоеваніе котораго сдѣлалось исторической задачей для русскаго государства, ничиная съ XVI в.; но эта задача была рѣшена только въ 1783 г. Въ XIII—XVI в. Новороссійскія степи принадлежали татарамъ, кочевья которыхъ простирались еще далѣе на сѣверъ и переходили даже въ нынѣшнюю харьковскую и полтавскую губ., которыя также представляли изъ себя дикое поле. Завоевать Крымъ въ XVI в. и ввести его въ составъ своихъ государственныхъ границъ Москвѣ не удалось: онъ былъ защищенъ степями, отдѣлявшими его отъ московскаго государства. Правда, черезъ эти степи протекали 3 громадныя рѣки (Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ), которыя несли свои воды въ самое море, но къ несчастью на всѣхъ этихъ трехъ рѣкахъ, какъ мы знаемъ, находились пороги, которые страшно затрудняли судоходство или, правильнѣе говоря, дѣлали его

---

[1]) Оп. Укр. стр. 84; см. также Аѳанасьева-Чужбинскаго, Поѣздка въ южную Россію. Очерки Днѣпра.

[2]) Любопытныя подробности о чумѣ въ херс. губ. находятся въ замѣткахъ А. С. Пишчевича; особенно интересно его описаніе Крюковскаго карантина г. Кременчуга, см. Кіевск. Стар. 1885 г. май, стр. 155—163.

возможнымъ только за порогами; при томъ Днѣстръ отличался быстротою теченія, а Бугъ вовсе не былъ судоходенъ въ верховьяхъ. Туда вели только татарскіе «извѣчные» шляхи—Черный, Кучманскій и Волошскій на правомъ берегу Днѣпра, Муравскій, Изюмскій и Калміусскій на лѣвомъ. Проходить спокойно по степямъ то пространство, которое отдѣляло Крымъ отъ московскаго государства, могли только татары, выросшіе въ степи; русскія рати, какъ показываетъ исторія Голицынскихъ и Миниховскихъ походовъ, должны были терпѣть при этихъ степныхъ переходахъ страшныя лишенія, несмотря на всѣ тѣ мѣры, какія предпринимались главнокомандующими. Степные пожары являлись ужаснымъ оружіемъ въ рукахъ степняковъ: воздухъ въ степи отъ пожара сильно накалялся; къ страшной сухости и жарѣ присоединялся еще удушливый дымъ, который выѣдалъ глаза и не позволялъ дышать; лошади и люди чувствовали себя какъ бы въ раскаленной печи. Но главное что такой пожаръ захватывалъ громадныя пространства и уничтожалъ весь кормъ для лошадей; а въ какомъ положеніи должны были очутиться всадники, потерявшіе своихъ коней?! Они неминуемо должны были погибнуть если не отъ жажды и страшнаго утомленія, то отъ татарскихъ выстрѣловъ, ибо татары ни на одну минуту не оставляли въ покоѣ утомленнаго войска, а наблюдали все время за нимъ, окружали его, какъ вороны свою добычу. Почти въ такомъ положеніи очутилась, напримѣръ, рать кн. Голицына. Во всей степи не было ни городовъ, ни деревень, вообще никакихъ постоянныхъ жилищъ, гдѣ бы можно было найти временный пріютъ и пристанище. Минихъ, какъ извѣстно, долженъ былъ построить по всему пути редуты и ретраншаменты, чтобы поддерживать сообщеніе съ Украиной. Мало того,—отъ р. Самары прекращались и лѣса,—эти естественныя крѣпости для осѣдлаго населенія; попадались они послѣ этого только въ плавняхъ. «Можно пройти, говоритъ Манштейнъ, 15 и 20 верстъ и не встрѣтить ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности—найдутся ли они на новомъ мѣстѣ». Такія опасности и затрудненія угрожали въ степяхъ большому войску, снабженному фуражемъ и всѣмъ необходимымъ. Но чрезвычайно затруднительно было также положеніе и небольшаго отряда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что испытали наши посланники Тяпкинъ и Зотовъ, отправленные въ Крымъ для заключенія мирнаго трактата въ 1681 г.; несмотря на то, что ихъ должно было ограждать званіе

пословъ, несмотря на то, что ихъ сопровождалъ отрядъ рейтаръ и козаковъ, они всю дорогу пробыли въ величайшемъ страхѣ, терпѣли отъ безкормицы, безводія, копоти и дыма и вздохнули свободно, пришедши въ самый Крымъ, воздавши благодареніе избавителю Богу, Пречистой Богоматери, что «препроводилъ ихъ такимъ страшнымъ путемъ здоровыхъ и не попустилъ на нихъ враговъ». Спрашивается, каково же могло быть положеніе тѣхъ людей, которые бы рѣшились поселиться навсегда въ степи, въ качествѣ осѣдлыхъ колонистовъ? Имъ нужно было бы вести постоянную борьбу и съ татарами, считавшими эти степи своею собственностью, и съ природой. О мирной колонизаціи края нечего было, конечно, и думать до второй пол. XVIII в. Первые колонисты должны были затрачивать почти всю свою энергію на войну съ татарами—какъ оборонительную, такъ и наступательную; имъ трудно было обратить свою заботливость на созиданіе культуры, потому что для этого нужно было такое спокойствіе въ краѣ, какимъ онъ не пользовался очень долго. Они должны были поселиться въ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ, а такимъ мѣстомъ были острова за днѣпровскими порогами; въ открытой степи ихъ уничтожила бы первая татарская рать. А тамъ, въ этихъ плавняхъ, они могли бы найти все необходимое для своей полукочевой, полуосѣдлой жизни, ибо только такую жизнь и можно было бы вести самымъ раннимъ колонистамъ.

ГЛАВА 2-я.

Первые поселенцы.

Первые колонисты—запорожскіе козаки.—Вліяніе мѣстныхъ условій на внутреннюю организацію ихъ общины.—Боевое значеніе Запорожья.—Заселеніе ими степей: пространство, занятое Запорожьемъ въ XVIII в.; виды запорожскихъ поселковъ; статистика населенія.

Первыми поселенцами Новороссійскихъ степей были запорожскіе козаки, основавшіе свою сѣчь за днѣпровскими порогами на островѣ Хортицѣ въ самомъ началѣ 2 й пол. XVI в. (при извѣстномъ кн. Дм. Вишневецкомъ)[1]. Съ этого времени мѣста сѣчи мѣ-

[1]) О происхожденіи зап. козачества см. статью г. П-ки (Кіев. Стар. 1884 г. авг. и сент., стр. 580—613, 27—52): основная мысль—одинаковость факторовъ, вызвавшихъ къ жизни укр. и запор. козачество—уяснена авторомъ обстоятельно и при томъ на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ и потому можетъ быть при

нялись—то мы видимъ ее на островѣ Томаковкѣ, то на Микитиномъ Рогѣ, то на Чертомлыцкомъ Рѣчищѣ, то на р. Каменкѣ, то въ урочищѣ Олешкахъ, то надъ рѣчкою Подпольной [1]). Переселеніе ея съ одного мѣста на другое обусловливалось не одною, а многими и разнообразными причинами, при чемъ большую роль играли естественныя условія [2]). Скажемъ болѣе того: природа мѣстности, столь подробно описанная нами раньше, оказала рѣшительное вліяніе на внутреннее устройство Сѣчи и ея бытъ. Что изъ себя представляла запорожская сѣчь въ первое время своего историческаго существованія (напр. въ XVI и даже въ XVII в.)? Военное братство, скрывавшееся отъ татаръ на днѣпровскихъ островахъ среди плавней, отказавшееся по необходимости отъ многихъ формъ правильной гражданской жизни — отъ семьи, личной собственности, земледѣлія и др. культурныхъ занятій. И могло ли быть иначе? Смѣлая горсть русичей только и могла поселяться на днѣпровскихъ островахъ; поселись она въ открытой степи, она была бы немедленно раздавлена татарами; а тутъ на Днѣпрѣ иное дѣло—плавни представляли изъ себя цѣлый лабиринтъ заливовъ, острововъ, гдѣ, по словамъ Боплана, однажды запутались и откуда не могли выйти турецкія суда, рѣшившіяся было погнаться за козацкими; здѣсь же большая часть ихъ и погибла и турки послѣ этого не осмѣливались уже подниматься далеко вверхъ по Днѣпру. Правда, рѣчныя долины Днѣпра и Буга не были покрыты такимъ густымъ слоемъ чернозема, какъ болѣе возвышенныя степи; но запорожцы не нуждались въ этихъ черноземныхъ поляхъ, потому что не занимались на первыхъ порахъ земледѣліемъ; всякая попытка ихъ въ этомъ смыслѣ была бы немедленно уничтожена татарскимъ отрядомъ. Понятно, слѣдовательно, почему заселеніе степей началось съ рѣчной долины: здѣсь запорожцы имѣли, какъ мы видѣли, въ изобиліи рыбу, дикихъ звѣрей и птицъ; понятно, почему главными занятіями у нихъ были рыболовство и звѣроловство; здѣсь

нята какъ доказанная; слабѣе оттѣнена разница между тѣмъ и другимъ въ составѣ, занятіяхъ, внутренней организаціи; авторъ съ полнымъ основаніемъ приписываетъ громадное значеніе сосѣдству съ татарами съ одной стороны, польскому государственному обществ. строю съ другой; въ запорожскомъ козачествѣ онъ видитъ своеобразную полукочевую, полуосѣдлую колонизацію.

[1]) Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запорожскихъ сѣчей, стр. 4—15; всѣ эти мѣстности можно легко найти на атласѣ р. Днѣпра к. XVIII в. (см. Русова, Русскіе тракты).

[2]) Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запор. сѣчей, стр. 15—19.

же были весьма благопріятныя условія для развитія скотоводства, которое дѣйствительно скоро тутъ получило широкое распространеніе. «Велыкый Лугъ»—эта громадная плавня—сдѣлался ихъ «батькомъ», а Сѣчь—матерью. Живя на Днѣпрѣ, они не могли не узнать всѣхъ его извилинъ, заворотовъ, острововъ; по немъ они спускались на своихъ легкихъ челнахъ—чайкахъ громить приморскіе турецкіе и татарскіе города и селенія, слѣдовательно, Днѣпръ, по которому они спускались въ море, сдѣлалъ ихъ моряками. Въ такой суровой жизни, исполненной всевозможными лишеніями, нельзя не видѣть прямаго, непосредственнаго вліянія дикой степной природы. Запорожцы жили непосредственною натуральною жизнью, и природа была для нихъ иногда родною матерью, а иногда мачихой. Понятное дѣло, что не могли они въ свое братство, преданное исключительно военнымъ интересамъ, ввести семейнаго начала, ибо во 1-хъ оно едва ли было возможно при той бурной, исполненной безпрерывныхъ опасностей, жизни, какую вели запорожцы, во 2-хъ оно бы разлагающимъ образомъ дѣйствовало на складъ ихъ жизни (главнымъ образомъ на идею братства), въ третьихъ, наконецъ, запорожскому рыцарству и трудно было бы добывать себѣ женъ. Какъ бы то ни было, Запорожье, въ первое время своего историческаго существованія, несмотря на сравнительно небольшое число братчиковъ, представляло изъ себя такую военную силу, которую чрезвычайно высоко цѣнили сосѣди. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напримѣръ, вспомнить, что въ XVI ст. (въ 1594 г.) австрійскій императоръ Рудольфъ II посылалъ къ запорожцамъ спеціальнаго посла Э. Ласоту, чтобы побудить ихъ черезъ Валахію вторгнуться въ Турцію; по словамъ самихъ запорожцевъ, они въ это время могли выставить «6,000 человѣкъ старыхъ козаковъ, людей отборныхъ, не считая хуторянъ (Landfölk), живущихъ на границахъ». Московское государство также цѣнило военное могущество запорожскаго войска. Извѣстно, какъ оно уважало основателя запорожской хортицкой Сѣчи кн. Дм. Вишневецкаго и даже пригласило его къ себѣ на службу[1]). Польша испытала на себѣ силу Запорожья въ XVII в. Крымъ также трепеталъ нерѣдко передъ грозными обитателями днѣпровскихъ острововъ, выставлявшими такихъ героевъ-удальцевъ, какъ, напримѣръ, знаменитый Ив. Сѣрко, который былъ грозою для татаръ; очень характерныя данныя о его сухопутномъ нападеніи на Крымъ сообщаетъ лѣтопись Величка. Наконецъ,

---

[1]) См. подробности въ Ник. Лѣт. ч. VII и Лѣт. изд. Н. Львовымъ ч. V.

и Турція видѣла подъ стѣнами своихъ приморскихъ городовъ запорожскій флотъ, который грабилъ, сожигалъ Каѳу (нынѣшнюю Ѳеодосію), Трапезондъ, Синопъ и освобождалъ христіанскихъ плѣнниковъ. Эти морскіе набѣги и создали имъ славу неустрашимыхъ воиновъ. Но кромѣ этихъ обширныхъ сухопутныхъ и морскихъ нападеній, запорожцы вели также въ степяхъ постоянную партизанскую войну, въ которой они усвоили себѣ многіе обычаи татаръ и въ которой ихъ замѣнить уже не могъ никто другой. Степь, которая окружала ихъ и которую они стали мало по малу отвоевывать отъ татаръ, научила ихъ вести степную войну, приспособиться къ ней, усвоить себѣ тѣ пріемы, которые были выработаны раньше истинными сынами пустыни—крымцами и ногайцами. Вотъ весьма характерный лѣтописный отрывокъ, ярко рисующій намъ образъ жизни запорожскихъ удальцовъ, ведшихъ степную войну съ татарами. Въ 1690 г. образовалось въ степяхъ множество ватагъ для борьбы противъ бусурманъ. «Ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степахъ, иногда звѣринымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна только да сухарей толченыхъ въ сутки разъ вкушали, съ великимъ отъ татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда и конямъ ржати не допущая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комишахъ кормилися и пути свои, порознившися, теряли, но паки познавая оніе въ день по слонцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако висмотрѣвши татаръ, нечаянно малимъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Полшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую» [1]).

Таково было военное значеніе запорожскаго «товарыства». Но рядомъ съ чисто военными цѣлями—самообороны и наступленія—Запорожье преслѣдовало и другую задачу—колонизацію дотолѣ пустыннаго края; въ первый моментъ всецѣло, можно сказать, господствовала первая цѣль, но потомъ все большее и большее значеніе получаетъ вторая. Мы не будемъ касаться подробностей, а постараемся только напомнить существенные моменты въ этомъ дѣлѣ. Предѣлы Запорожья съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе распространялись на счетъ «Дикаго поля», татарской степи. Въ самомъ концѣ своей исторической жизни Сѣчь (послѣдняя, Новая) заключала уже

[1]) Лѣт. Самовидца. Изд. 1878 г., стр. 289—290; собственно этотъ отрывокъ помѣщенъ въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“.

въ себѣ громадную территорію, въ большей или меньшей степени заселенную. Всѣ запорожскія владѣнія или «вольности» состояли въ это время изъ Сѣчи (въ собственномъ смыслѣ этого слова), 8 паланокъ и, наконецъ, зимовниковъ. «Запорожская Сѣчь, по словамъ кн. Мышецкаго, есть небольшой полисадникомъ огражденный городъ, заключающій въ себѣ одну церковь, 38 такъ называемыхъ куреней и до 500 куренныхъ козачьихъ, торговыхъ и мастеровыхъ домовъ» [1]). Въ куреняхъ жили члены «товарыства», т. е. неженатые сѣчевики. «Всѣ курени, по словамъ Коржа, были выстроены въ Сѣчи, въ одномъ мѣстѣ, хотя и не такъ, какъ обыкновенный куринь, или шалашъ пастушій строится просто, но были рубленыя и изъ рѣзанаго лѣса, ибо «Великый лугъ» на лѣсъ былъ достаточенъ; а при томъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣщаться въ каждомъ куринѣ, во время обѣда» [2]). Это была, такъ сказать, столица войска, въ 1775 г. разрушенная Текеліемъ и представлявшая изъ себя нѣчто совершенно своеобразное, не то городъ, не то крѣпость съ казармами. Здѣсь жило и высшее начальство (выборное), которое завѣдывало всѣми запорожскими владѣніями. Эти послѣднія состояли (кромѣ Сѣчи) изъ паланокъ и зимовниковъ. Запорожскія земли занимали нын. екатеринославскую и херсонскую губ., исключая въ этой послѣдней очаковской области, т. е. мѣстности, лежавшей между Бугомъ и Днѣстромъ (нын. одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго уѣздовъ). Онѣ тянулись глав. образомъ по р. Днѣпру; на правой сторонѣ Днѣпра, по словамъ кн. Мышецкаго, они начинались у устья р. Самоткани, откуда граница шла на западъ до Буга, а оканчивались при впаденіи р. Камянки, откуда пограничная линія направлялась на сѣверо-западъ и, пересѣкая рр. Ингулецъ и Ингулъ, доходила до Буга; на лѣвомъ берегу Днѣпра запорож. владѣнія ограничивались на сѣверѣ р. Самарью, на югѣ—Конскими Водами, а на востокѣ—Калміусомъ [3]). Впослѣдствіи селенія запорожцевъ подвинулись нѣсколько къ сѣверу и заняли также теченіе р. Орши. «Выше показанная по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра земля, которая большею частью состоитъ изъ пустой и дикой степи, говоритъ кн. Мышецкій, и которая въ окружность простирается около 1700 в.

---

[1]) Ист. о коз. запор., стр. 79.

[2]) Устное повѣст. Н. Л. Коржа стр. 36, см. также Эварницкаго „Сборникъ мат. для ист. запор. козаковъ“ стр. 147—148.

[3]) Ист. о коз. запор., стр. 80—81.

раздѣлена на 5 такъ наз. паланокъ... Первая паланка на Ингульцѣ, 2-я у р. Буга, гдѣ Гардъ (рыболовля), 3-я въ Кодакахъ, 4-я при р. Самарѣ, а 5-а у Калміуса» [1]). Впослѣдствіи къ этимъ пяти присоединились еще 3—Прогноинская (на Кинбурнскомъ полѣ), Орельская (по р. Орели), Протовчанская (между устьями рр. Орели и Самары [2]). Изъ этихъ 8 паланокъ 4 сѣверныя, прилегавшія къ заселеннымъ мѣстностямъ (Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчанская) имѣли села, деревни и хутора, «въ коихъ жили козацкія команды, женатые козаки и посполъство»; остальныя, болѣе южныя «ни селъ, ни даже постоянныхъ мѣстопребываній не имѣли, а учреждались ежегодно съ весны на все лѣтнее и осеннее время, для рыболовства, звѣриной и соляной добычи, а на зиму преходили къ зимовникамъ неженатыхъ или сѣчевыхъ козаковъ для наблюденія за ними» [3]). Для охраненія этихъ промысловъ и порядка здѣсь находились полковники съ командами. Очевидно, онѣ соотвѣтствовали такъ называемымъ козацкимъ уходамъ, или ухожаямъ, которые представляютъ изъ себя первичную форму поселковъ въ южнорусскихъ степяхъ. Нерѣдко, впрочемъ, такія временныя поселенія запорожцевъ обращались въ постоянныя; такъ было, напр., при основаніи слободы Николаевки (въ 12 верстахъ отъ Таганрога); въ 1769 г. весною туда явилось 500 чел. семейнаго запорожскаго козачества для рыбной ловли; но уже лѣтомъ значительная часть ихъ построила себѣ здѣсь шалаши, мазанки, землянки и зимовники; въ августѣ по распоряженію коша, который хотѣлъ свою «землю превеликую, страну пребольшущую заселить своими подданными», явилась новая партія козаковъ и въ сентябрѣ основала 3 слободы (Николаевскую, Троицкую и Покровскую) [4]).

Наконецъ, послѣднею типическою формою запорожскихъ поселковъ были зимовники, расположенные главн. обр. по берегамъ Днѣпра и впадающихъ въ него рѣчекъ, а также на островахъ, «при коихъ, говоритъ князь Мышецкій, содержатъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ; имѣютъ пасѣки для расположенія пчелъ и ведутъ экономію по свойству и качеству земли; заводятъ сады, запасаются сѣномъ для прокормленія скота и засѣваютъ поля разнымъ хлѣбомъ; упражняются ловлею въ степяхъ и лѣсахъ звѣрей, а въ рѣкахъ рыбъ, отъ чего

---

[1]) Ibidem, стр. 81.

[2]) Скальковскаго, Ист. Нов. Сѣчи, 3-е изд., I, стр. 36—37.

[3]) Ibidem, стр. 33—37.

[4]) Θеодосія, Матеріалы для ист. стат. опис. Екат. епархіи, вып. II, стр. 215.

довольную прибыль получаютъ» [1]) «Зимовниками, говоритъ авторъ «Топогр. опис.», называютъ тѣ строенія, при которыхъ жители имѣютъ скотъ и проживаютъ съ нимъ всегда, но при нѣкоторыхъ и рыбную ловлю содержатъ и людей или хозяевъ въ такихъ зимовникахъ бываетъ мало, однако случается, что человѣка 3 или 4 соглася̀сь построить вмѣстѣ и заведутъ скотъ, а рѣдко чтобъ одинъ хозяинъ былъ. Въ работное время да и въ зиму приходятъ къ нимъ и по многому числу для работы и на прокормъ пришедши, проживаютъ недѣлю или болѣе и пойдетъ въ другой зимовникъ. Избы выстроены изъ лѣсу, а иныя стѣны плетены и обмазаны глиной, а заборы при дворахъ все изъ плетней». Такихъ зимовниковъ въ началѣ 70-хъ годовъ было по Ингулу—17, по Ингульцу—11, по Аргамаклѣ—11 по Днѣпру—14, по Бугу—7, на Куцомъ и Сухомъ Еланцѣ по 1; тутъ же было 5 загоновъ для скота и значительное число рыбныхъ заводовъ, при которыхъ для зимняго времени устроены были землянки, а для лѣтняго камышевые шалаши; и вотъ въ гирлахъ и у лимана землянокъ было 17, шалашей—15, по Бугу землянокъ 11, шалашей—39, по Ингулу—2 и 4, по Ингульцу—4 и 1; такія же землянки и шалаши были выстроены и для пограничныхъ запорожскихъ военныхъ командъ (напримѣръ, при Гардѣ, Александровскомъ шанцѣ и др. мѣстахъ); рыбныя ловли содержались не однимъ, а нѣсколькими лицами, называвшимися односумами; обыкновенно во время лова сюда приходило по 15, 20 чел. постороннихъ лицъ, которыя оставались тутъ до зимы; нѣкоторые, впрочемъ, оставались и на зиму, хотя безъ работы [2]). Изъ этихъ данныхъ видно, что зимовники представляли изъ себя своего рода хутора, устраивавшіеся главнымъ образомъ для скотоводства, отчасти для рыболовства, пчеловодства, земледѣлія и др. промысловъ, смотря по свойствамъ мѣстности и вкусамъ владѣльца. Значительная часть зимовниковъ обратилась впослѣдствіи времени (послѣ разрушенія Сѣчи) въ села и деревни; но съ нѣкоторыми изъ нихъ такое превращеніе произошло еще во время самостоятельнаго существованія Запорожья. Любопытный примѣръ обращенія зимовника въ селеніе представляетъ слобода Николаевка—Рудева (павлоградскаго уѣзда екат. губ.). Въ 1-й пол. XVIII в. здѣсь жилъ зимовникомъ старшина Рудь, который «ходилъ отсюда на старо-крымскій шляхъ со своими хлопцами—малюками, нападалъ

[1]) Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

[2]) Зап. Од. Общ., VII, 182—183.

тамъ на турокъ, татаръ и ногайцевъ, возвращавшихся изъ Малороссіи съ ясыремъ—со взятыми въ плѣнъ христіанами,—отбивалъ злосчастный ясыръ и освобожденныхъ христіанъ приводилъ на свой зимовникъ; здѣсь покоилъ, питалъ, и довольствовалъ ихъ; съ невеликимъ ватажкомъ своихъ хлопцевъ—малюковъ Рудь не разъ ходилъ для той же цѣли даже на знаменитый Муравскій шляхъ и всегда возвращался на свой зимовникъ со множествомъ освобожденныхъ плѣнниковъ. Въ сентябрѣ 1739 г. на зимовникѣ войсковаго старшины Рудя освобожденнаго ясыру было 426 д. обоего пола»... Кошъ подарилъ Рудю пространство, занятое его зимовникомъ, и тотъ здѣсь основалъ цѣлую слободу Николаевку, «населилъ ее народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, самъ пригласивъ въ свою слободу изъ подъ Конотопа черниговской губ. своихъ родныхъ и знакомыхъ, и дозволилъ *своимъ хлопцамъ* вызвать также къ себѣ своихъ кровныхъ и близкихъ»; въ 1752 г. здѣсь числилось уже 315 д. мужска и 196 д. женска пола, а въ 1754 г. устроена церковь [1]). Вотъ при какихъ условіяхъ происходило заселеніе новороссійскаго края запорожцами: еще и въ пол. XVIII в. имъ приходилось вести упорную борьбу съ татарами и одновременно съ этимъ заботиться объ устройствѣ поселковъ. Какъ видно изъ настоящаго примѣра, значительный контингентъ для новыхъ слободъ доставляла Гетманщина, гдѣ оставались родственники и свойственники тѣхъ лицъ, которыя раньше ушли въ Запорожье; поводомъ же къ выселенію оттуда жителей являлись распоряженія, ограничивавшія право вольнаго перехода [2]).

Запорожскіе поселки (селенія, зимовники и т. п.) были разбросаны, какъ мы видѣли, на громадномъ пространствѣ земель нынѣшнихъ двухъ южныхъ нашихъ губерній—екатериносл. и херсон.). Число этихъ поселковъ все болѣе и болѣе возрастало, а параллельно съ этимъ увеличивалось и число жителей. Къ сожалѣнію, привести точныя статистическія данныя о количествѣ селеній и о числѣ жителей въ нихъ довольно трудно. До разрушенія Сѣчи, по словамъ Н. Л. Коржа, было 17 селеній, возникшихъ по большей части изъ зимовниковъ [3]). Гюльденштедтъ только въ Поднѣпровьѣ называетъ 30 селеній женатыхъ козаковъ (12 на правомъ и 18 на лѣвомъ берегу) [4]).

---

[1]) Ѳеодосія, Мат. для ист.—ст. оп. екат. еп., I, 522—523, 397.

[2]) Ѳеодосія, Мат. для ист.—ст. опис. екат. еп., I, 191, 221.

[3]) Устное повѣствованіе, стр. 84—94.

[4]) Reisen durch Russland, II, стр. 110—111.

Но на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо болѣе. А. А. Скальковскій, на основаніи подлинныхъ документовъ сѣчеваго архива, насчитываетъ ихъ въ 4-хъ паланкахъ 64 и говоритъ, что въ нихъ было 3415 хатъ, или 12250 д. женатыхъ козаковъ и посполъства обоего пола [1]). По оффиціальной вѣдомости, составленной Текеліемъ въ моментъ уничтоженія запорожской Сѣчи, въ ней было (кромѣ Сѣчи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) 45 деревень и 1601 зимовникъ; всѣхъ жителей было 59637 д. обоего пола, большую часть ихъ составляло посполъство, т. е. женатые поселяне (именно 35891 чел.); впрочемъ, и большая часть козаковъ жила не въ Сѣчи, а въ деревняхъ и зимовникахъ, гдѣ занималась скотоводствомъ, земледѣліемъ и другими мирными промыслами; часть козаковъ, какъ извѣстно, имѣла семьи [2]). Нужно полагать, что цифры этой оффиціальной вѣдомости значительно меньше дѣйствительныхъ; намъ будетъ совершенно непонятно, какъ это въ болѣе раннее время (о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія А. А. Скальковскій) было больше селеній, чѣмъ въ 1775 году (къ которому относится оффиціальная вѣдомость). Да и какъ могъ Текелій точно сосчитать, напр., число запорожскихъ зимовниковъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ въ разныхъ уединенныхъ мѣстахъ? Не удивительно поэтому, что его показанія расходятся съ показаніями кн. Мышецкаго, который насчитываетъ всего около 4000 зимовниковъ [3]); есть извѣстія, что запорожцы основывали иногда зимовники за границею своихъ владѣній на чужой землѣ; таковы, напримѣръ, были хутора, устроенные ими въ турецкихъ предѣлахъ въ виду Очаковской крѣпости [4]); такіе населенные пункты не могли, конечно, войти въ оффиціальную вѣдомость, если мы приведемъ себѣ на память также нерасположеніе запорожцевъ ко всякимъ оффиціальнымъ статистическимъ запросамъ, которое должно было еще болѣе усилиться въ моментъ уничтоженія Сѣчи, то б. м. окончательно убѣдимся въ томъ, что на самомъ дѣлѣ въ Запорожьѣ было не 59637 д., а гораздо больше; по всей вѣроятности, ближе всего къ истинѣ будетъ цифра, приводимая А. А. Скальковскимъ—100,000 обоего пола козаковъ и посполъства. Во всякомъ случаѣ для насъ интереснѣе всего тотъ фактъ, что большинство населенія запорожской Сѣчи въ

---

[1]) Исторія новой Сѣчи, I, 33—37.

[2]) Сборникъ антроп. и этногр. ст., изд. Дашковымъ, I, прил. 1-е.

[3]) Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

[4]) А. А. Андріевскаго. Мат. для ист. южнор. края. Од. 1886, стр. 117.

годъ ея уничтоженія составляли женатые козаки и посполитые, преданные почти исключительно мирнымъ культурнымъ занятіямъ; правда, среди нихъ были и такія лица, (скотари, табунщики, чабаны), которыя вели полукочевой образъ жизни—защищались отъ непогоды въ такъ называемыхъ кошахъ съ очагомъ для разведенія огня (кабыцей) или котигахъ, т. е. палаткахъ на 2-хъ или 4-хъ колесныхъ арбахъ, совершенно напоминающихъ ногайскія [1])—но въ общемъ о населеніи запорожья слѣдуетъ сказать, что оно въ послѣдніе годы своего историческаго существованія рѣшительно стало переходить на мирное положеніе и показывало склонность къ культурнымъ занятіямъ. Впослѣдствіи мы сдѣлаемъ болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ запорожской культуры; теперь же только замѣтимъ, что первыми зачатками своей матеріальной культуры Новороссійскій край обязанъ Запорожью. Такимъ образомъ Запорожье, съ одной стороны являясь оплотомъ русскаго міра отъ мусульманскаго, не мало потрудилось для *отстаиванія* русской культуры, а съ другой внесло свою лепту и въ общую творческую дѣятельность русскаго народа, направленную къ *созиданію* культуры. Чрезвычайно вѣрно и метко опредѣлилъ роль Запорожья въ исторіи колонизаціи Новороссійскаго края г. Надхинъ; мы позволимъ себѣ привести здѣсь его образное сравненіе: «въ степяхъ Новороссійскихъ, говоритъ онъ, есть цѣлыя кучугуры сыпучихъ песковъ; на нихъ долго не могло укрѣпиться ни одно растеніе: всякую былинку, кустъ, деревцо изъ рыхлой почвы вырывалъ вѣтеръ; но вотъ началъ здѣсь рости шелюгъ (родъ красной ивы)—и онъ цѣпкими своими корнями укрѣпился на этомъ грунтѣ и укрѣпилъ его до того, что вслѣдъ за нимъ начали рости и другіе деревца и кустарники. Запорожье было для южной Россіи такимъ шелюгомъ: оно первое тутъ успѣло укорениться на непрочной почвѣ, первое укрѣпило ее подъ собою для жизненныхъ посѣвовъ и такимъ образомъ первое дало возможность для постояннаго на ней заселенія и гражданскаго развитія» [2]).

Д. И. Багалѣй.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Описанія ихъ см. у Н. Л. Коржа.

[2]) Память о Запорожьѣ, ср. 68—69.

Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе.

Низменный мысъ на берегу Чернаго моря, въ 2 верстахъ пути отъ г. Севастополя, называется «Херсонесомъ». Здѣсь въ древности былъ греческій городъ того же имени, извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ «Корсуня», гдѣ въ 988 году крестился и вступилъ въ бракъ съ греческой царевной Анной князь Владиміръ Святославичъ, просвѣтившій христіанскою вѣрою всю Россію. Окружность площади этого города, наполненная теперь развалинами, простиралась до 1350 саженей, отдѣляясь съ юго-восточной стороны Карантинной бухтой, съ сѣверо-восточной—Чернымъ моремъ, съ сѣверо-западной и съ юго-западной сухопутной стороны—перешейкомъ въ 570 саж. между вершинами двухъ названныхъ заливовъ, или бухтъ, возвышающимся на 46 саженей надъ уровнемъ моря.

Хотя Крымъ присоединенъ къ Россіи въ 1783 году, но открытіе остатковъ древнихъ церквей Херсонеса началось лишь съ 1827 года. Въ «Исторіи Ираклійскаго полуострова» генералъ-маіора морской службы Захарія Аркаса [1]) мы читаемъ:

Въ 1827 году разрывали нѣкоторую часть мѣстности Херсонеса и нашли нижнія стѣны 3-хъ каменныхъ церквей, сложенныхъ на извести, съ полукруглыми алтарями, а по бокамъ, у стѣнъ, гробницы, покрытыя мраморными плитами съ изображеніями креста и въ нихъ человѣческіе остовы, мѣдныя монеты и стеклянныя кисти или запястья, по одному и по два вмѣстѣ, багроваго и чернаго цвѣтовъ. Одна изъ этихъ церквей, на срединѣ Херсонеса, сохранилась лучше; другія же двѣ, означенныя на приложенномъ планѣ буквами *G* и *E*, разорены и камни ихъ

---

[1]) Исторія Ираклійскаго полуострова и его древности З. Аркаса въ Запискахъ Одес. общества исторіи и древностей, т. II., стр. 245—271 и отдѣльной книгой—Николаевъ 1879 г. съ картами и планами. Составлена въ 1840 году.

снесены. Ближайшая съ южной стороны церковь, находилась около насыпи земляной, которая можетъ быть остаткомъ той насыпи, которую сдѣлали жители Херсонеса во время осады этого города Владиміромъ, унося землю, наваливаемую осаждавшими, въ крѣпостной ровъ. Первая изъ церквей, сохранившаяся въ лучшемъ видѣ среди города, имѣла въ длину 18 аршинъ и столько же въ ширину, 50 футовъ въ окружности и до 27 футовъ высоты. Форма ея крестообразная, полукруглый алтарь раздѣлялся на три части, полъ изъ мозаики и на полу лежали разбитыя мраморныя колонны съ широкими концами и съ изображеніемъ на нихъ выпуклаго креста. По близости этой церкви находится незастроенная пятиугольная площадь въ 2200 квадратныхъ саженей. Вблизи каждой изъ трехъ вышеупомянутыхъ церквей были цистерны: цистерна, сложенная на цементѣ съ 2 водопроводными трубами—при церкви, что вблизи насыпи; двѣ цистерны при второй церкви, которая среди города и которая сохранилась лучше другихъ, и цистерна малаго размѣра при 3-й церкви. Всѣ эти цистерны сложены на цементѣ, а есть, сверхъ того, нѣсколько меньшихъ цистернъ, выдолбленныхъ въ цѣльномъ камнѣ.“

Въ 1836 году посѣтилъ Херсонесъ Н. Н. Мурзакевичъ сначала членъ, а впослѣдствіи предсѣдатель Одесскаго Общества исторіи и древностей, и въ описаніи своей «Поѣздки въ Крымъ» [1]) передалъ слѣдующее:

„Въ 3 верстахъ отъ Севастополя, за бухтою, называемою Карантинною, находятся для всякаго русскаго драгоцѣнныя развалины Херсона, въ которомъ кіевскій князь Владиміръ I-й Святославичъ (sic) воспріялъ христіанскую вѣру. Отъ Херсона, нѣкогда многолюднаго и богатаго, теперь остались едва остатки городскихъ стѣнъ. Мелкія потребности жителей Севастополя скоро разрушатъ и настоящіе скудные остатки, если не будетъ строгаго присмотра за охраненіемъ ихъ. Изъ всего построеннаго византійцами уцѣлѣлъ фундаментъ церкви, лежащей ближе къ карантину и его бухтѣ. Храмъ, почти одинаковой постройки съ городской стѣной, имѣетъ расположеніе совершенно византійское—крестообразное, въ алтарной части тройное полукружіе: среднее для престола, правое для діаконника (ризницы) и лѣвое для жертвенника. Въ длину церковь 75 футовъ и столько же въ ширину, стѣны толщиною въ 42 дюйма. По угламъ церкви замѣтны вдѣланные въ стѣны отрѣзки известковыхъ колоннъ іоническаго ордена (въ діаметрѣ 25 дюймовъ). Не положены ли они суевѣрными созидателями храма изъ какого либо древнѣйшаго храма во главу угла? А можетъ быть не остатки ли это древнѣйшаго Діанина храма? Близь церкви попадается много мраморныхъ обломанныхъ капителей коринѳскаго ордена, колоннъ съ продолговатыми византійскими крестами и мраморныхъ досокъ съ разными украшеніями. Сказываютъ, что въ этой церкви былъ открытъ и мозаическій полъ, расхищенный любопытными. Не въ этомъ ли храмѣ равноапостольный князь Владиміръ принялъ св. крещеніе? Въ нѣсколькихъ шагахъ находится открытая, выштукатуренная яма; судя по множеству лежащихъ въ ней костей, она должна была служить кладбищнымъ погребомъ. Далѣе на востокъ, къ самой бухтѣ, у развалинъ береговой стѣны, примѣтны, какъ кажется, слѣды другой церкви. Въ нѣсколькихъ шагахъ на

[1]) Журналъ Минист. Народ. Просвѣщенія за 1837 годъ, кн. XIII. Поѣздка въ Крымъ въ 1836 году Н. Мурзакевича.

западъ отъ перваго храма видна круглая яма съ узкимъ въ нее отверстіемъ и на поверхности ея лежатъ разбитыя мраморныя колонны съ крестами, подобными тѣмъ, кои изсѣчены на гробницѣ Ярослава І-го Владиміровича, что въ кіевскомъ Софіевскомъ соборѣ. Изъ всѣхъ колоннъ двѣ менѣе другихъ повреждены. Кто знаетъ, легко случится, что и онѣ разобьются для перезженія на известь! Недалеко отсюда находится большая насыпь изъ битаго камня и черепицъ. Трудно отгадать назначеніе ея. Не та ли это земля, которую при осадѣ города Владиміромъ, дѣлавшемъ у стѣны „присыпы", жители Херсона сквозь земное отверстіе уносили и сыпали здѣсь? [1]).

Лѣтомъ 1853 года по Высочайшему повелѣнію командированъ былъ въ Крымъ для археологическихъ разысканій состоявшій при кабинетѣ Его Величества надворный совѣтникъ графъ А. С. Уваровъ. Это назначеніе послѣдовало въ то время, когда развалины Херсонеса по Высочайшей волѣ переданы были изъ военно-морскаго вѣдомства въ вѣдѣніе херсонскаго епархіальнаго начальства. Преосвященный Иннокентій далъ и графу разрѣшеніе производить археологическія розысканія въ этой мѣстности. По прибытіи въ Херсонесъ, графъ занялся расчисткою остатковъ обширной церкви, стоявшей на краю Херсонскаго мыса, на самомъ берегу моря. Результатъ своихъ раскопокъ въ этой церкви изложенъ графомъ въ всеподданѣйшемъ отчетѣ и въ его статьѣ подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ объ археологическихъ розысканіяхъ близь Симферополя и Севастополя,» помѣщенной въ Пропилеяхъ. [2]) Графъ писалъ:

„церковь, разрытая мною въ прошлое лѣто, лежитъ на сѣверѣ города, такъ близко къ морскому берегу, что обрушившаяся часть его увлекла за собою цѣлый уголъ этого строенія. Выстроенная по плану древнихъ базиликъ, церковь имѣетъ въ длину до внутренняго притвора 16 саж. $2^{1}/_{4}$ аршина и въ ширину 10 саж. $1^{1}/_{2}$ аршина. Два ряда колоннъ въ одинадцать колоннъ каждый (a. d. b. c.), идутъ во всю длину храма и раздѣляютъ его на три продольныя части: на среднюю часть, или собственно храмъ, и на боковыя галлереи. На колоннахъ написаны имена гражданъ, пожертвовавшихъ деньги на устройство ихъ. Колонны сіи и надписи принадлежатъ IV столѣтію. Нѣкоторыя капители сдѣланы въ видѣ опрокинутыхъ трапецій съ крестами или монограммой Христа. Но подъ византійскою трапеціей сохранились еще остатки прежней греческой архитектуры. Алтарная часть оканчивалась полукруг-

---

[1]) Таже догадка и у Аркаса, какъ упомянуто выше. Но, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, на этой насыпи была построена сторожевая башня, которая стояла здѣсь еще до осады Херсона Владиміромъ и, значитъ, имѣла другое назначеніе, чѣмъ усвояемое ей нашею лѣтописью. (Исторія Херсонеса—сочин. императора Константина Порфиророднаго—въ Зап. Одес. общества исторіи. Т. II. стр. 118).

[2]) Пропилеи, сборникъ статей по классической древности. Кн. IV стр. 433—537.

лымъ выступомъ (ἀψίς, absidе). Каменная стѣна (1) позднѣйшаго устройства служила горнимъ мѣстомъ. Стѣны сохранились здѣсь выше и лучше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ храма. Алтарный помостъ сдѣланъ былъ изъ бѣломраморныхъ плитъ и кончался красивою солеею въ одну ступень (h. i). Четыреугольная плита (е) обозначаетъ мѣсто престола. Подъ плитою была маленькая яма, выдолбленная въ скалѣ; въ ней нашли 22 мѣдныя монеты, изъ которыхъ 19 принадлежатъ къ царствованію Романа I-го (920—944), 2—неясны и 1—восточная. Предъ солеею возвышался мраморный амвонъ, обнесенный 6-ю мраморными столбами, съ мраморными между ними плитами (9). На срединѣ каждой плиты византійскій крестъ. Совершенно подобныя плиты составляли иконостасъ; только колонны, находившіяся между ними, бо́льшаго размѣра, чѣмъ колонны амвона. На срединѣ царскія двери; по бокамъ ихъ иконостасъ, который совершенно закрытъ былъ вышеописанными плитами до высоты двухъ аршинъ, а далѣе промежутки между колоннами закрывались занавѣсками. Подобные иконостасы доселѣ еще видны въ нѣкоторыхъ церквахъ Греціи и до царствованія императора Юстиніана были употребляемы во всемъ восточномъ мірѣ. Южныя и сѣверныя двери устроены по бокамъ алтаря (h. f. i f.), кромѣ того на южной сторонѣ былъ устроенъ клиросъ. Средняя часть церкви, или собственно храмъ (nef) вымощенъ былъ мраморомъ. У среднихъ колоннъ, по обѣимъ сторонамъ нефа, базы и самыя колонны задѣланы кирпичами почти до трехъ аршинъ вышины. Тутъ устроены гробницы (k. k. k.); остовы, въ нихъ лежавшіе, не носили никакихъ признаковъ для опредѣленія времени и почти совершенно истлѣли. Подобные склепы часто устраивались въ церквахъ и большею частію подъ церковнымъ помостомъ. Многочисленные примѣры доселѣ существуютъ въ Греціи, гдѣ носятъ они названіе *кимитирій*. Боковыя галлереи, вмѣсто мраморнаго пола, были украшены мозаиками. Въ южной галлереѣ сохранилась мозаика въ 7 аршинъ длины; черные кресты съ краснымъ полемъ между ихъ вѣтвями украшаютъ средину бѣлаго осьмиугольника. За этимъ рисункомъ слѣдуетъ богатый разноцвѣтный узоръ на срединѣ квадрата въ 5 аршинъ, 6 вершковъ. Подобные же остатки половой мозаики находятся въ пристройкахъ (*l. l.*) къ южной сторонѣ. Мозаика по всей церкви сдѣлана большею частію изъ какого то состава. Онъ тверже стекла и сохраняетъ весь блескъ красокъ. Храмъ и обѣ галлереи соединяются съ внутреннимъ притворомъ посредствомъ трехъ дверей. Притворъ имѣетъ въ длину 4 сажени 8 вершковъ и раздѣляется на три части, отдѣленныя между собою колонною (m. m.) Трое дверей ведутъ изъ внутренняго притвора къ внѣшнему. У сѣверной двери найденъ карнизъ съ трехстрочною греческою надписью, изъ которой видно, что первобытный храмъ былъ посвященъ „Афродитѣ.“ Форма базилики, данная этому храму, показываетъ, что постройка ея должна быть отнесена въ царствованіе Константина Великаго. При разрытіяхъ въ разныхъ мѣстахъ найдены монеты Валентіана, Граціана, Θеодосія Великаго, Аркадія, Θеодосія Младшаго, Василія и Романа, т. е. монеты 4, 5, 9 и 10 вѣковъ. Колонны почернѣли отъ огня, уничтожившаго этотъ храмъ въ X столѣтіи, т. е. во время одной изъ осадъ Корсуня. Изслѣдованіе показало намъ планъ византійской церкви со всѣми ея подробностями.“

Открытый въ этой церкви графомъ Уваровымъ мозаичный полъ вынутъ и вмѣстѣ съ мраморною колонною, украшенною барельефомъ, отправленъ въ Императоркій Эрмитажъ, на что употреблено 3364

рубля, какъ значится въ дѣлѣ канцеляріи тавр. губ. № 2404 и 5512 1854 года [1]).

Имъ же, графомъ Уваровымъ, изслѣдованы пещерные склепы, окружающіе Херсонесъ съ юго-восточной стороны. Къ статьѣ графа объ этой базиликѣ, помѣщенной въ Пропилеяхъ, приложенъ и планъ.

Объ остаткахъ другихъ херсонескихъ церквей графъ Уваровъ не упоминаетъ ни въ своей статьѣ, ни въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, и при посѣщеніи членами Одесскаго Археологическаго съѣзда въ 1886 г. Севастополя и развалинъ Херсонеса говорилъ, что въ открытіи крестообразной церкви и въ опредѣленіи ея отношенія къ крещенію св. Владиміра онъ не принималъ никакого участія. Впрочемъ бывшій при графѣ Уваровѣ въ 1853 г. архитекторъ Медвѣдевъ снялъ планъ фундаментовъ крестообразной церкви, (который еще въ 1840 г. снятъ былъ г. Аркасомъ и приложенъ при его описаніи Херсонеса). Составленный Медвѣдевымъ планъ этой церкви точнѣе описанъ архитекторомъ Авдѣевымъ, назвавшимъ ее церковью св. Василія, и помѣщенъ въ Архитектурномъ Вѣстникѣ за 1859 годъ съ показаніемъ на рисункѣ нетушеванными и пунктирными линіями остатковъ стѣнъ и могилъ, означенныхъ на планѣ Н. И. Медвѣдева, которыхъ теперь уже не существуетъ [2]). По сему плану, копію котораго прилагаемъ здѣсь, церковь эта имѣетъ форму равноконечнаго креста въ 9 саж. длины и въ 8 сажен. ширины внутри стѣнъ; три вѣтви креста имѣютъ каждая 3 сажен. дл. и 2 с. 1 арш. ширины [3]). По бокамъ алтарной вѣтви креста, которая короче прочихъ, двѣ камеры, имѣвшія назначеніе—одна быть жертвенникомъ, а другая діаконникомъ. Алтарная стѣна имѣетъ закругленіе съ восточной стороны, восточная сторона жертвенника—прямолинейникъ, а таковая же стѣна діаконника закруглена. Жертвенникъ имѣетъ внутри квадратную форму, діаконникъ—овальную и два выхода—въ алтарь и въ среднюю часть храма. Авдѣевъ полагалъ, что этотъ діаконникъ былъ *крещальнею*. Высота уцѣлѣвшихъ стѣнъ церкви—2 аршина выше пола; обрѣзъ стѣны въ 4 вершка. Предъ алтарною частію, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, *могила*, обдѣланная камнемъ въ 3 аршина длины и

[1]) Извѣстія Тавр. учен. Арх. Ком. стр. 113.—Авдѣевъ въ Архит. Вѣстникѣ сообщалъ, что туда же, въ Императорскій Эрмитажъ, отправлены и архитектурные фрагменты алтарной преграды. (Архитектурн. Вѣст. 1859 г. стр. 210).

[2]) Архитект. Вѣстникъ 1859 г. № 5.

[3]) Размѣръ этой церкви, сдѣланный г. Авдѣевымъ, нужно считать наиболѣе вѣрнымъ съ дѣйствительностію.

2 ширины. Предъ діаконникомъ, у южной стѣны, другая *могила* меньшей ширины. Такого же размѣра двѣ *могилы* у наружныхъ стѣнъ первой вѣтви креста—одна у входа въ церковь, другая подлѣ южной стѣны. На томъ же рисункѣ нетушованными и пунктирными линіями означены подъ буквами *В. С. Д.* нанесенные на планъ архитекторомъ Медвѣдевымъ остатки стѣнъ, которыя исчезли во время войны.

Въ 1861 году при расчищеніи мѣстности подъ постройку Владимірскаго собора по проекту профессора Гримма, открыты подлѣ крестообразной херсонеской церкви фундаменты еще трехъ церквей и жилыхъ при нихъ зданій. Планъ этой мѣстности, съ означеніемъ всѣхъ оказавшихся церквей и жилыхъ зданій, сообщенъ тогда бывшимъ настоятелемъ херсонскаго монастыря, игуменомъ Евгеніемъ, въ Одесское общество исторіи и древностей и изданъ при томѣ V Записокъ этого общества. На планѣ этомъ фундаменты двухъ вновь открытыхъ церквей находятся въ 5 саженяхъ отъ описанной выше крестообразной церкви, нынѣ называемой *Богородичною*; онѣ разныхъ размѣровъ и неодинаковой формы, но гораздо вмѣстительнѣе фундаментовъ церкви такъ называемой Богородичной.

Большая церковь имѣетъ форму трехчастной базилики, въ длину 11 саж. и въ ширину 7 саж. внутри стѣнъ. Къ сѣверной ея стѣнѣ, въ концѣ ея, не доходя алтаря, пристройка въ 10 аршинъ длины и 6 ширины съ закругленіемъ въ передней части. Пристройку эту можно считать крещальнею. Въ западной части базилики, при входѣ въ нее, по двѣ могилы при среднихъ стѣнахъ; въ паперти, у сѣверной и южной стѣны, также двѣ могилы, всего внутри базилики 6 могилъ, въ которыхъ положены останки усопшихъ. Впереди базилики, въ 4 аршинахъ отъ нея, фундаменты другой меньшей церкви, которая, начинаясь на линіи алтаря церкви крестообразной, имѣетъ въ длину 7 саж. и столько же въ ширину. Форма ея—квадратный прямоугольникъ съ закругленіемъ въ алтарной части, но алтарь ея не на средней линіи храма, а ближе къ сѣверной стѣнѣ, что встрѣчается иногда въ монастырскихъ трапезахъ. По бокамъ алтаря—отдѣленія для жертвенника и діаконника, или ризницы Въ западной части двѣ могилы—одна при южной, другая при сѣверной стѣнѣ. За алтаремъ этой церкви, въ разстояніи 2 саженей отъ него, фундаменты жилаго строенія, заключавшаго въ себѣ длинный корридоръ, большой залъ и 4 комнаты меньшаго размѣра. Влѣво отъ нихъ, въ 4 саженяхъ, противъ алтаря крестообразной церкви, фундаменты другаго жилаго строенія, состоявшаго изъ нѣсколькихъ комнатъ разнаго размѣра, при

которыхъ обозначились мѣста печей и бани; здѣсь же найденъ остатокъ мраморной большой вазы, или ванны, имѣвшей форму котла. Такимъ образомъ жилое зданіе, которое могло быть квартирой греческой царевны Анны, оказывается за алтаремъ не крестообразной, а другой церкви, находившейся вправо отъ нея. Впереди крестообразной церкви, въ 4 саженяхъ отъ фундаментовъ ея галлереи или ограды, открыты фундаменты еще одной малой, трехчастной базилики, имѣвшей съ алтарнымъ закругленіемъ въ длину 5 саж. и въ ширину 4½ сажени. Подъ этой базиличкой проходитъ каналъ, которымъ была проведена вода въ цистерну, находившуюся предъ входомъ въ крестообразную церковь, но не дальше.

И такъ въ Херсонесѣ, предъ закладкой въ немъ Владимірскаго собора по проекту г. Гримма, стали извѣстными фундаменты 6-ти древнихъ церквей, изъ коихъ три открыты предъ самой закладкой въ 1861 году. Послѣднія три церкви и церковь крестообразная, остатки которой теперь сохраняются въ нижнемъ этажѣ Владимірскаго собора, занимали средину Херсонеса и составляли одну группу церквей, встрѣчаемую только въ монастыряхъ. Церковь у насыпи и базилика, раскрытая и обслѣдованная графомъ Уваровымъ, находились на крайнихъ противоположныхъ пунктахъ Херсонеса—одна съ суши, другая съ моря.

Хотя на развалины Херсонеса вначалѣ, по присоединеніи Крыма къ Россіи, смотрѣли только какъ на мѣстность, изъ которой можно было доставать безплатно матеріалъ для постройки домовъ въ сосѣднемъ Севастополѣ, и Херсонесъ долгое время представлялъ собою ничѣмъ неогражденный пустырь, но въ началѣ этого столѣтія уже вполнѣ сознавали потребность увѣковѣчить какимъ либо памятникомъ то мѣсто, на которомъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ для нашего отечества событій—крещеніе просвѣтителя Россіи, кіевскаго князя Владиміра.

Первоначально, въ 1805 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ древности въ Крыму; затѣмъ, въ 1822 году сдѣлано распоряженіе о порученіи непосредственному надзору таврическаго губернатора сохраненія и оберeганія развалинъ Херсонеса, находившихся до сего времени въ вѣдѣніи севастопольскаго военнаго карантина, выстроеннаго изъ матеріала тѣхъ же развалинъ. Въ 1825 году адмиралъ Грейгъ подалъ Императору Александру 1-му въ Севастополѣ записку о сооруженіи памятника въ Херсонесѣ, на мѣстѣ крещенія св. Владиміра.

По этому проекту предполагалось «соорудить въ Херсонесѣ небольшую, изящной архитектуры церковь и при ней богадѣльню для 30 человѣкъ дряхлыхъ и неимущихъ, которые, прославляя имя Божіе, имѣли бы надзоръ какъ за храмомъ, такъ и за сохраненіемъ развалинъ». Записка удостоена была Высочайшаго одобренія, проектъ же храма былъ переданъ въ академію художествъ для разсмотрѣнія. Академія составила новые проекты, которые уже были ею представлены на Высочайшее усмотрѣніе въ 1829 г. Императору Николаю Павловичу и по разсмотрѣніи которыхъ Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы на первый случай былъ устроенъ обелискъ по одному изъ чертежей академика Беретти и чтобъ была открыта повсемѣстная подписка на сооруженіе его. Въ 1843 году мысль о сооруженіи храма въ Херсонесѣ вовсе оставлена такъ какъ Императоръ Николай, посѣтивъ въ семъ году Севастополь, повелѣлъ, чтобы храмъ во имя св. Владиміра построенъ былъ, вмѣсто Херсонеса въ Севастополѣ, при чемъ онъ самъ изволилъ указать мѣсто для него, и для сбора пожертвованій на этотъ предметъ открыта въ 1848 г. подписка по всей Россіи, и вмѣстѣ съ этимъ учрежденъ строительный комитетъ[1]). Закладка храма послѣдовала 15 іюня 1854 г. въ виду соединеннаго англо-французскаго флота, появившагося предъ Севастополемъ наканунѣ этого дня. Преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій, въ прекрасной своей рѣчи предъ этой закладкой говорилъ: «Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи? А мы въ это самое время, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, полагаемъ здѣсь основаніе храму во имя св. Владиміра... Здѣсь купѣль нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну кому бы то ни было значило бы для Россіи отказаться отъ купѣли своего крещенія, измѣнить памяти св. Владиміра. Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ, нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто креста Христова!.. Не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты преемникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсона Таврическаго. Что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто». Храмъ этотъ, сооруженный по

[1]) Извѣстія Тавр. учен. Архив. Ком. № 5., стр. 6—8.

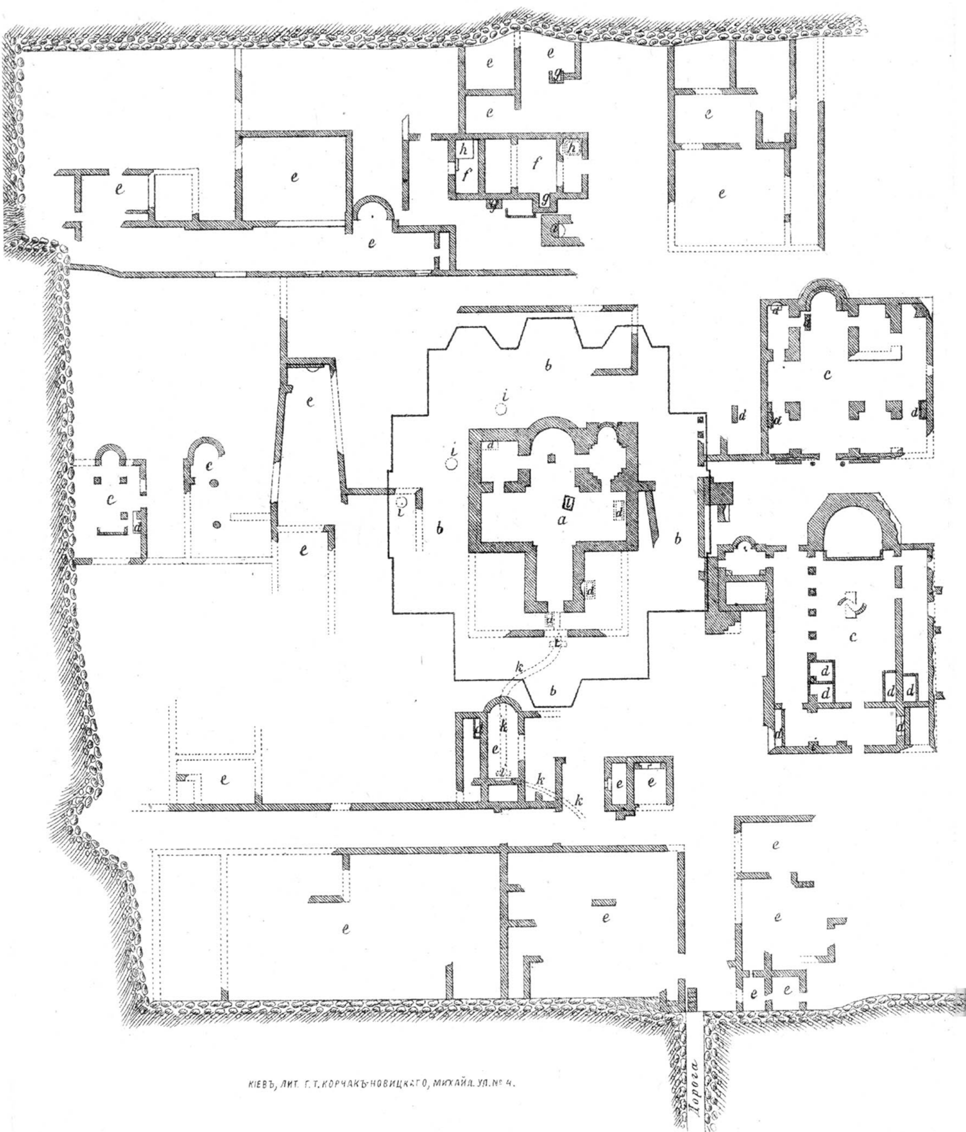
проекту архитектора Авдѣева, оконченъ въ минувшемъ 1888 году, т. е. спустя 34 года послѣ его заложенія, и освященъ 5 октября,—храмъ небольшой, но чудный и по архитектурѣ и по внутренней отдѣлкѣ и по очаровательной своей мѣстности, которая господствуетъ и надъ сушею, и надъ моремъ съ его заливами. Въ нижней церкви, подъ мраморными плитами пола, могилы адмираловъ Корнилова, Нахимова, Истомина — славныхъ героевъ-защитниковъ Севастополя, тутъ же и могила виновника этого храма, адмирала Лазарева, создателя черноморскаго флота.

Духовное вѣдомство до 1848 года стояло какъ бы въ сторонѣ отъ всѣхъ проектовъ объ увѣковѣченіи священнымъ памятникомъ мѣста крещенія св. Владиміра и не принимало въ этомъ дѣлѣ участія, такъ какъ Севастополь и Херсонесъ подлежали военно-морскому, отдѣльному отъ епархіальнаго, вѣдомству. Но въ такомъ отношеніи къ сему дѣлу не могъ быть знаменитый архипастырь, преосвященный Иннокентій, прибывшій на новую свою херсонскую и таврическую паству въ 1848 году. Обозрѣвъ Крымъ въ томъ же году, онъ тогда же возымѣлъ мысль учредить киновіи въ запустѣлыхъ 9-ти священныхъ мѣстахъ Крымскихъ горъ отъ Инкермана до г. Керчи и, возстановивъ центральный скитъ въ Бакчисарайской скалѣ, создать въ Крыму нѣчто похожее на св. Аѳонскую гору—русскій Аѳонъ. Сочувствіе своей идеѣ, при ближайшемъ ея соприкосновеніи съ жизнью, онъ нашелъ въ жителяхъ г. Симферополя, Бакчисарая, Алушты и друг. крымскихъ городовъ и селеній, подавшихъ ему въ январѣ 1849 года прошеніе, въ которомъ они обѣщали содѣйствовать посильными пожертвованіями возстановленію древнихъ христіанскихъ святынь, уважаемыхъ и многими изъ крымскихъ татаръ. Заручившись согласіемъ на такое возстановленіе святыни и со стороны князя М. С. Воронцова, главноначальствовавшаго въ Новороссійскомъ краю и на Кавказѣ, преосвященный Иннокентій представилъ святѣйшему Синоду прошеніе жителей Крыма при составленной имъ обширной запискѣ, въ которой развилъ подробности и основанія своего проекта о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ на горахъ Крымскихъ. Въ этой запискѣ онъ, не касаясь причинъ, по которымъ Севастополь избранъ мѣстомъ для церкви во имя св. Владиміра, указывалъ на основанія четырехъ церквей на развалинахъ Херсонеса—трехъ меньшихъ и одной большой, которую, по его словамъ, не безъ причины признаютъ за соборную, въ коей крестился св. князь Владиміръ, и предполагалъ возстановить ее въ томъ древнемъ видѣ, какъ она была

План местности расчищенной под площадь сооружаемого храма Св. Равноап. Князя Владимира въ Херсонесѣ, съ показ. старыхъ частей прежде сущ. зданій.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

a. Древній храмъ.
b. Сооруж. храмъ Св. Рав. Кн. Владиміра.
c. Нынѣ открытыя церкви.
d. Могилы.
e. Открытыя строенія
f. Открытая баня.
g. Мѣста гдѣ были печи.
h. Часть мраморнаго котла.(ванны)
i. Систерны.
k. Водосточный каналъ.
l. Могила обдѣланная камен. плитами.



КІЕВЪ, ЛИТ. Г. Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО, МИХАЙЛ. УЛ. № 4.

ПЛАНЪ
развалинъ
ХЕРСОНИСА

КРУГЛЫЙ ЗАЛИВЪ
Калитка
Площадь
Пристань
Башня
Пристань
Систерна
Систерна
Круглыя Систерны
Церковь
D Церковь
F Систерна со сводомъ
Церковь
Систерна H
р. Херсониса
дорога на
Херсонискій маякъ
Гробницы
Гробницы въ скалахъ
Севастопольскій карантинъ
Подземный Колодезь
КАРАНТИННАЯ БУХТА

при св. Владимірѣ, «что и составитъ, по его выраженію, самый приличный памятникъ на мѣстѣ его крещенія». Преосвященному думалось, что и сохранившаяся въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей мраморная напрестольная доска, отысканная въ 1845 году княземъ Барятинскимъ близъ Херсонеса, но не въ самомъ Херсонесѣ [1]), принадлежала престолу именно этой церкви, и онъ выражалъ въ своей запискѣ желаніе, чтобы она легла опять на престолѣ той же церкви. Кромѣ сего онъ предполагалъ устроить помѣщеніе служащимъ съ особою комнатою для посѣтителей, возобновить древнюю при церкви цистерну и насадить вокругъ церкви садъ. По его порученію епархіальнымъ архитекторомъ Отто, вмѣстѣ съ г. Мурзакевичемъ, составленъ былъ въ 1852 году проектъ предположеннаго имъ храма. Преосвященный въ донесеніи св. Синоду писалъ, что на устройство всего этого на свой коштъ уже нашелся одинъ человѣкъ въ Одессѣ, а мѣсто, какъ впустѣ и безъ употребленія лежащее, съ охотою уступается г. адмираломъ Лазаревымъ [2]). Св. Синодъ, одобривъ предположенія преосвященнаго Иннокентія въ общемъ и испросивъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе скитскаго пустынножительства въ Успенской скалѣ, близъ Бакчисарая, и въ четырехъ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и «на развалинахъ *церквей* въ Херсонесѣ», далъ о семъ знать указомъ 4 мая 1850 г. [3]). Адмиралъ Лазаревъ не замедлилъ послѣ сего передать въ епархіальное изъ военноморскаго вѣдомства Херсонесскій мысъ съ его развалинами, и мѣстность эта на первый разъ была поручена вѣдѣнію и наблюденію протоіерея севастопольской Петропавловской церкви А. Лебединцева [4]), состоявшаго благочиннымъ крымскихъ церквей, который съ помощію флотскихъ командъ, при благосклонномъ къ нему расположеніи властей, отгородилъ Херсонесъ съ сухопутной стороны, задѣлавъ бреши древней городской стѣны. Устройствомъ киновіи занялся прибывшій потомъ съ Аѳона іеромонахъ *Василій* Юдинъ, бывшій офицеръ Донскаго войска, лишившійся до поступленія въ монашество своей семьи. По благословенію преосвященнаго Иннокентія и при содѣйствіи окрестныхъ жителей, устроивъ въ Херсонесѣ три

---

[1]) Записки Одес. Общ. исторіи и древностей, т. V.

[2]) Извѣстія Тавр. уч. арх. ком. № 5, стр. 91.

[3]) Ibid. стр. 85—86.

[4]) О. Арсеній Лебединцевъ, нынѣ протоіерей каѳедральнаго собора въ Одессѣ.

келліи, онъ успѣлъ соорудить здѣсь и небольшой храмъ [1]) во имя св. княгини *Ольги*, въ память своей покойной дочери; храмъ освященъ 28 марта 1853 года настоятелемъ Бакчисарайскаго скита, архимандритомъ Поликарпомъ (впослѣдствіи епископомъ орловскимъ) [2]). Киновія эта просуществовала, по освященіи храма, всего $1^1/_2$ года. Во время наступившей въ 1854 году осады Севастополя, когда Херсонесъ былъ занятъ французскими войсками, киновія разрушена до основанія вмѣстѣ съ храмомъ; тогда же здѣсь были устроены батареи и мѣстность прорѣзана траншеями.

Преосвященный Иннокентій не покинулъ однако своей заботы о Херсонесѣ. По заключеніи мира, коль скоро удалились изъ Крыма непріятели, имъ сдѣланы уже распоряженія о возстановленіи киновіи херсонесской. На первый разъ устроенъ изъ деревяннаго барака небольшой храмъ севастопольскими купцами Петромъ и Михаиломъ Телятниковыми. Настоятелемъ киновіи, 19 апрѣля 1857 года, назначенъ произведенный изъ іеромонаховъ архіерейскаго дома въ игумены *Евгеній* (Отмарштейнъ), а 30 апрѣля освященъ новый херсонесскій храмъ. Смерть преосвященнаго Иннокентія, послѣдовавшая 26 мая того же 1857 года, повидимому, должна была положить конецъ его предначертаніямъ къ прославленію имени св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса. Но печальная участь Севастополя, оказавшагося тоже въ развалинахъ, и неизвѣстность будущности его при существованіи извѣстной статьи Парижскаго трактата, которою воспрещалось возобновленіе черноморскаго флота, въ то же время дѣлали безцѣльнымъ и сооруженіе въ Севастополѣ Владимірскаго храма, заложеннаго предъ войною. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовалось херсонское епархіальное начальство, чтобы возобновить ходатайство о возстановленіи въ Херсонесѣ на древнихъ фундаментахъ того крестообразнаго храма, въ которомъ, по предположенію преосвященнаго Иннокентія, совершилось крещеніе св. Владиміра, и обращеніи на

---

[1]) Каменный храмъ св. Ольги устроенъ былъ на томъ видномъ пунктѣ, гдѣ теперь обширный 2 этажный домъ настоятеля монастыря. Помѣщеніе для начальника киновіи и братіи было пристроено къ городской стѣнѣ, у воротъ. Устройству киновіи содѣйствовали: бессарабскій генералъ-губернаторъ Федоровъ, военные губернаторы г. Севастополя—Хрущовъ и Станюковичъ, контръ-адміралъ Вукотичъ и протоіерей севастопольской Петропавловс. церкви Арсеній Лебединцевъ, какъ значится въ истор. запискѣ Тавр. арх. коммиссіи.

[2]) Іеромонахъ Василій Юдинъ утонулъ въ р. Еланчикѣ 17 іюля 1856 года, не дождавшись окончанія Крымской войны.

эту постройку суммы, собранной прежде на сооруженіе храма во имя св. Владиміра въ Херсонесѣ, но впослѣдствіи, по представленію адмирала Лазарева, назначенной на храмъ того же имени въ самомъ Севастополѣ. Ходатайство это имѣло полный успѣхъ и 10 февраля 1858 года Высочайше повелѣно—въ ознаменованіе мѣста крещенія св. Владиміра, построить храмъ его имени на развалинахъ Херсонеса; а 28 августа 1859 г., по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго морскимъ министерствомъ Высочайше повелѣно: 1) учрежденный въ 11 день августа 1845 года комитетъ для построенія храма въ Севастополѣ упразднить; 2) сумму, собранную отъ добровольныхъ пожертвованій на построеніе храма св. Владиміра въ Херсонесѣ, раздѣлить по день состоянія того Высочайшаго повелѣнія на двѣ равныя части: одну обратить на построеніе инвалиднаго дома съ домовою церковью въ Севастополѣ, а другую предоставить херсонесскому храму, съ тѣмъ, чтобы подписка и добровольныя приношенія поступали уже въ пользу сего послѣдняго сооруженія; и 3) производство работъ по возведенію храма въ Херсонесѣ, согласно удостоенному во 2-й день іюня сего года Высочайшаго одобренія проекту, предоставить, по изъявленному на то св. Синодомъ согласію, въ завѣдываніе мѣстнаго епархіальнаго и гражданскаго начальствъ съ тѣмъ, чтобы для распоряженія работами составленъ былъ комитетъ изъ духовныхъ лицъ по выбору преосвященнаго, а изъ гражданскихъ—по назначенію начальства; 4) независимо отъ суммы, выше сего упомянутой, предоставить въ пользу херсонесскаго храма писанные для церкви въ г. Севастополѣ образа и картины, а также всѣ заготовленные для того храма предметы, для удешевленія же работъ употребить гранитъ и другіе камни отъ севастопольскихъ сооруженій, сколько это окажется возможнымъ. Проектъ реставраціи крестообразной церкви былъ оставленъ еще прежде, а вмѣсто онаго составленъ былъ архитекторомъ Елингеромъ проектъ болѣе обширнаго храма, который обхватывалъ и заключалъ въ подвальномъ своемъ этажѣ развалины древней церкви. Но этотъ проектъ храма съ 5-ю луковичными куполами не одобренъ, а взамѣнъ его поручено извѣстному архитектору, академику Гримму, составить новый проектъ съ сохраненіемъ нетронутыми остатковъ древней церкви, который, по утвержденіи Государемъ Императоромъ 2 іюня 1859 года, переданъ въ комитетъ для исполненія[1]). Въ продолженіе 1860 и 1861 года комите-

[1]) Предсѣдателемъ этого комитета первоначально, короткое время, былъ настоятель Балаклавскаго монастыря архимандритъ *Геронтій*, а вскорѣ послѣ него,

томъ производились работы по расчисткѣ мѣста подъ постройку храма, а 23 августа 1861 года Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, прибывъ въ Херсонесъ съ Августѣйшею супругой, положилъ первый камень въ основаніе храма въ присутствіи Е. И. В. великой княгини Маріи Александровны и Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича. Въ теченіи 1862 г. выведены фундаменты. Хотя въ распоряженіи комитета было въ началѣ 117,981 р. и строительныхъ матеріаловъ на 40 тысячъ, но комитетъ находилъ эти средства далеко недостаточными для выполненія проекта храма. Пріостановивъ поэтому работы на три года въ ожиданіи новаго поступленія пожертвованій, комитетъ приступилъ къ работамъ только въ маѣ 1865 года и къ 15 ноября 1867 года окончилъ нижній этажъ церкви; затѣмъ работы опять пріостановлены на три года, такъ какъ вся бывшая въ комитетѣ сумма оказалась уже израсходованною, именно—израсходовано на планировку мѣста и возведеніе фундаментовъ съ постройкой дома для присутствія комитета 69,787 рублей и на постройку нижней церкви храма—70,535 руб., всего 140,323 руб. [1]). Наконецъ, постройка храма вчернѣ предложена въ 1873 году г. оберъ-прокуроромъ св. Синода, графомъ Д. А. Толстымъ, строителю севастопольской желѣзной дороги Губонину, который принялъ на себя эту работу за 236,476 руб. и согласно обязательству окончилъ ее въ самомъ лучшемъ видѣ осенью 1876 года [2]). Въ такомъ черновомъ видѣ остается и нынѣ этотъ величественный храмъ. Есть вѣрная надежда и на совершенное его окончаніе такъ какъ на основаніи состоявшагося 18 января 1888 г. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, на внутреннюю отдѣлку его назначено по смѣтѣ св. Синода 300 тысячъ рублей съ ассигнованіемъ въ теченіи 3 лѣтъ. Хотя къ работамъ еще не приступлено, но во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что не дальше, какъ чрезъ три года вну-

---

съ 1860 г., игуменъ *Евгеній* (Отмарштейнъ), которому преосвященный Гермогенъ, бывшій епископъ таврическій, приписываетъ мысль построить храмъ въ два этажа, съ тѣмъ, чтобы въ нижнемъ этажѣ сохранить фундаментъ и остатки древней церкви. (Опис. тавр. епарх. стр. 466).

[1]) Существовавшій съ 1859 г. комитетъ по сооруженію въ Херсонесѣ храма, во имя св. Владиміра упраздненъ 18 августа 1872 года; 15 ноября 1874 г. уволенъ, по прошенію, настоятель и бывшій предсѣдатель комитета, архимандритъ Евгеній.

[2]) Такимъ образомъ черновая постройка этого храма, опредѣленная по утвержденной смѣтѣ въ суммѣ 183,419 руб., обошлась въ 440,322 рубля.

тренняя отдѣлка Владимірскаго собора въ Херсонесѣ будетъ окончена, и память о крещеніи св. Владиміра будетъ увѣковѣчена на самомъ мѣстѣ этого событія.

Такова́ исторія храма во имя св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса, мысль о сооруженіи котораго возникла еще за 70 лѣтъ предъ симъ. Отрадно вѣрующему сердцу быть въ томъ храмѣ, въ которомъ сохраняются остатки церкви, послужившей мѣстомъ крещенія просвѣтителя русской земли; но кто прослѣдилъ внимательно начальную исторію этого храма и ознакомился съ первоначальнымъ состояніемъ остатковъ древнихъ церквей среди развалинъ Херсонеса, въ душѣ того невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли намъ извѣстны фундаменты того храма, въ которомъ крестился св. Владиміръ?

Повидимому, этотъ вопросъ совершенно праздный. Готовый на него отвѣтъ имѣется въ „Описаніи таврической епархіи“ преосвященнаго Гермогена, епископа псковскаго, бывшаго таврическаго, въ „Извѣстіяхъ таврической архивной коммиссіи“ и въ „Извлеченіи изъ записки, составленной по архивнымъ дѣламъ св. Синода, канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ“. Въ нихъ указываются не только фундаменты церкви, въ которой совершилось крещеніе св. Владиміра въ Херсонесѣ, но и самая купѣль, въ которой оно совершено, уцѣлѣвшая въ развалинахъ сей церкви. Такъ, въ названной книгѣ преосвященнаго Гермогена на стр. 166-й сказано:

„мѣсто, гдѣ принялъ крещеніе св. Владиміръ, благодаря живому и дѣятельному участію и заботамъ и трудамъ извѣстнаго ученаго археолога, графа Алексѣя Сергѣича Уварова, производившаго въ Херсонесѣ раскопки, не только было найдено, но и открыто самое основаніе храма, имѣющее 17 с. длины и 10½ с. ширины, въ формѣ базилики: это былъ соборный храмъ *Рождества Богородицы*, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ. По расчисткѣ полу, открыта въ полу купѣль въ видѣ продолговатаго ящика въ 2½ арш. длины и 1½ аршина ширины, устроеннаго изъ большихъ песчаныхъ плитъ. Она углублена нѣсколько ниже основанія пола, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, въ разстояніи 3 аршинъ отъ солеи“.

Въ исторической запискѣ г. Лашкова о сооруженіи въ Херсонесѣ храма во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра, помѣщенной въ Извѣстіяхъ таврической архивной коммиссіи (№ 5, 1888 года) на стр. 9—10 говорится:

„благодаря раскопкамъ извѣстнаго археолога графа А. С. Уварова, открыто основаніе соборнаго храма *Рождества Божіей Матери*, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ; тамъ же по всѣмъ даннымъ была найдена купѣль св. Владиміра.“

Въ «Очеркѣ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдованій въ области Херсонеса Таврическаго», приложенномъ къ № 5-му Извѣстій той же ученой коммиссіи, говорится:

„графъ Уваровъ, встрѣтивши въ Херсонесѣ преосвященнаго Иннокентія, на городской площади Херсонеса открыли нѣсколько церквей, и одну изъ нихъ, въ которой была крещальня, признали за церковь Рождества Пресвятой Богородицы, въ которой, по сказанію лѣтописи, крестился св. Владиміръ."

Въ извлеченіи изъ особой записки, составленной по архивнымъ дѣламъ св. Синода и помѣщенной въ № 22 Церковныхъ Вѣдомостей за 1888 годъ, на стр. 777-й, читаемъ:

„благодаря трудамъ извѣстнаго ученаго археолога, графа Уварова, производившаго раскопки въ Крыму, среди развалинъ Херсонеса были найдены не только слѣды многихъ христіанскихъ храмовъ, но и открыто основаніе соборнаго храма *Рождества Божіей Матери*, въ которомъ, по преданію, крестился великій князь Владиміръ, а въ полу сего храма, по расчисткѣ фундамента, открыта и самая купѣль, въ которой совершалось крещеніе. Основаніе древняго храма имѣетъ около 17 сажен. длины и 10 саж. ширины. [1]) На разстояніи аршинъ 3 отъ солеи нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, находится въ полу самое святилище купѣли, въ которой воспріялъ св. крещеніе св. равноапостольный князь Владиміръ. Купѣль эта углублена ниже основанія пола и устроена изъ тесаныхъ плитъ въ видѣ продолговатаго ящика—аршина въ $2^1/_2$ длины и аршина $1^1/_2$ ширины."

Справимся, что говоритъ лѣтопись преподоб. Нестора о мѣстѣ крещенія св. Владиміра, и что писали о семъ графъ А. С. Уваровъ и преосвященный Иннокентій.

Въ лѣтописи по Кенигсбергскому списку говорится, что св. князь Владиміръ крестился въ церкви *Богородицы*; въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку: крестился въ церкви *св. Василія*; въ лѣтописи по Ипатскому списку: крестился въ церкви *св. Софьи*. Изъ этого видно, что въ Херсонесѣ было нѣсколько церквей, и что одна изъ нихъ называлась именемъ св. Богородицы, другая была во имя св. Василія, третья во имя св. Софьи [2]). Но при всемъ разногласіи въ названіи церкви, въ которой совершено крещеніе св. Владиміра, списки древней нашей лѣтописи согласно передаютъ, что церковь эта стояла «въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣютъ Корсуняне», что «палата Владиміра вскрай церкви стоитъ и до сего дни, а царицына палата за алтаремъ».

---

[1]) Этотъ размѣръ церкви не согласенъ съ дѣйствительностію; также невѣрно указаны размѣры ея у Мурзакевича и въ книгѣ преосвящ. Гермогена. Вѣрнымъ нужно считать размѣръ, сдѣланный архитекторомъ Авдѣевымъ.

[2]) Во имя Софіи, по примѣру Константинополя, была церковь въ древности и въ крымской Сугдеѣ или Судакѣ. Церковь св. Софіи—Премудрости Божіей—вѣроятно, была главною или епископскою и въ Херсонесѣ.

Графъ А. С. Уваровъ прибылъ въ 1853 году въ Севастополь безъ преосвященнаго Иннокентія, но съ письмомъ отъ него къ настоятелю севастопольской Петропавловской церкви, протоіерею А. Лебединцеву, въ вѣдѣніи коего, по званію благочиннаго крымскихъ церквей южнаго берега, состояли тогда развалины Херсонеса. Письмо состояло изъ увѣдомленія о разрѣшеніи графу производить археологическія изслѣдованія въ Херсонесѣ, поступившемъ тогда уже изъ военноморскаго въ епархіальное вѣдомство. Графъ Уваровъ производилъ раскопки 3 мѣсяца до наступленія холода и появленія снѣга. Во все это время бытности графа А. С. Уварова въ Херсонесѣ преосвященный Иннокентій въ Крыму не былъ, какъ удостовѣряютъ о семъ протоіерей А. Лебединцевъ и супруга покойнаго графа, графиня Параскева Сергѣевна Уварова въ письмѣ отъ 16 декабря 1888 г. Что открытія той церкви, въ которой крестился св. Владиміръ, графъ А. С. Уваровъ себѣ не усвоилъ, это видно и изъ донесенія его г. министру удѣловъ, въ которомъ онъ упоминаетъ только, что преосвященный Иннокентій *«отыскиваетъ* тамъ (въ Херсонесѣ) дворецъ и храмъ, гдѣ, по сказанію лѣтописца Нестора, крестился великій князь Владиміръ.» [1]) Въ чемъ состояло это отыскиваніе, намъ неизвѣстно, но извѣстно, что оно начато преосвященнымъ Иннокентіемъ со времени прибытія на херсонскую паству, въ 1848 году, извѣстно также и то, что остатки крестообразной церкви, находящейся теперь въ нижней церкви Владимірскаго храма, какъ показано выше, были открыты гораздо раньше 1848 года, именно въ 1827 году и описаны г. Аркасомъ въ 1840 году, а Мурзакевичемъ въ 1836 году. Графъ Уваровъ въ своей статьѣ «Разысканія близь Севастополя» [2]) писалъ слѣдующее о церквахъ, бывшихъ нѣкогда въ Херсонесѣ:

„при молчаніи византійскихъ лѣтописей единственныя свѣдѣнія о церквахъ Херсонеса мы имѣемъ въ лѣтописи Нестора и въ рукописныхъ сказаніяхъ о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуна, гдѣ упоминается о 4 церквахъ. Одна церковь выстроена между 320 и 323 годами епископомъ Еферіемъ I. Другая церковь св. Василія, въ которой крестился св. Владиміръ и которая стояла въ самой серединѣ города, а *открытая мною* (графомъ) церковь выстроена *на краю города*, на сѣверѣ, у самаго берега морскаго. Третья церковь была построена св. Владиміромъ и четвертая св. Апостола упоминается въ житіи св. Климента.“

---

[1]) Отношеніе г. министра удѣловъ къ г. оберъ-прокурору св. Синода за № 1857 въ Извѣстіяхъ таврической учен. арх. коммиссіи.

[2]) Пропилеи, т. IV.

Ясно, что здѣсь говорится о церквахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, а не объ остаткахъ церквей Херсонеса, и что графъ, отличая открытую имъ церковь отъ упоминаемой въ лѣтописи церкви св. Василія, тѣмъ самымъ отстраняетъ всякую мысль объ открытіи имъ той церкви, въ которой, по лѣтописи, крестился св. Владиміръ. Къ этому добавимъ, что графъ А. С. Уваровъ, бывши въ послѣдній разъ въ Херсонесѣ съ членами Одесскаго археологическаго съѣзда, прямо говоритъ, что онъ не причастенъ ни къ ея открытію, ни къ признанію ея за ту церковь, въ которой крестился св. Владиміръ.

Преосвященный Иннокентій въ запискѣ своей «О возстановленіи древнихъ св. мѣстъ по горамъ Крымскимъ», представленной св. Синоду въ 1849 году, писалъ:

„между развалинами Херсонеса доселѣ примѣтны основанія четырехъ церквей—трехъ меньшихъ и одной большей, которую *не безъ причины признаютъ* за соборную, въ которой крестился св. Владиміръ".

Кто признаетъ, не сказано, а признавать не безъ причины, не значитъ еще признавать по достаточнымъ причинамъ.

Итакъ изъ представленнаго нами обозрѣнія постепеннаго открытія, осмотра и изслѣдованія остатковъ древнихъ церквей Херсонеса видно:

1) что графъ А. С. Уваровъ не открывалъ остатковъ крестообразной церкви, сохранившихся въ нижней церкви херсонесскаго Владимірскаго храма, и не принималъ никакого участія въ признаніи ихъ за остатки той церкви, въ которой крестился св. Владиміръ; *предположеніе* о крещеніи въ ней св. Владиміра принадлежитъ одному Иннокентію. Мурзакевичъ, обозрѣвъ эту церковь въ 1836 году, оставилъ только вопросъ: «не въ этой ли церкви крестился св. Владиміръ?» Пока въ срединѣ Херсонеса извѣстны были остатки только одной крестообразной церкви, можно было предполагать, что въ этой церкви совершено крещеніе св. Владиміра, но когда рядомъ съ нею, послѣ Крымской войны, открыты остатки еще двухъ другихъ церквей, изъ коихъ каждая гораздо обширнѣе крестообразной церкви и каждая имѣетъ при себѣ пристройку близь алтарной части съ явными признаками крещальни, то съ равнымъ правомъ и о каждой изъ этихъ церквей можно спросить: не въ ней ли крестился св. Владиміръ? Предположеніе о крещеніи св. Владиміра въ крестообразной церкви можно считать потому только вѣроятнымъ, что предалтарная яма среди остатковъ крестообразной церкви, называемая нынѣ купѣлью св. Владиміра, стала извѣстной подъ именемъ купѣли св. Владиміра

уже послѣ войны Крымской и по смерти преосвященнаго Иннокентія [1]) За крещальную купѣль она могла быть принята лишь по недоразумѣнію, такъ какъ извѣстно, что крещальни въ древности устроялись или въ особыхъ зданіяхъ, или въ особыхъ отдѣленіяхъ храма—придѣлахъ и папертяхъ, которыя назывались «βαπτηστερίον»; потому и купѣль крещальная не могла имѣть мѣста въ предалтарной или средней части храма. Купѣли эти обыкновенно имѣли форму овальную или круглую, въ видѣ чаши, дѣлались изъ цѣльнаго камня или мрамора, а предалтарное углубленіе крестообразной церкви имѣетъ форму удлиненнаго прямоугольника и размѣръ обыкновенной могилы въ 3 аршина длины и 2 ширины по измѣренію архитектора Авдѣева; выложена эта яма каменными досками изъ тесаныхъ плитъ и, слѣдовательно, не приспособлена къ наполненію водою, а потому и къ крещенію въ ней [2]); до войны Крымской, по свидѣтельству очевидцевъ, она наполнена была человѣческими костями, приваленными всякимъ мусоромъ и щебнемъ. По всей вѣроятности, это не болѣе, какъ одна изъ трехъ открытыхъ въ семъ храмѣ могилъ для покойниковъ. Можетъ быть въ ней покоились бренные остатки создателя крестообразнаго храма, подобно тому, какъ гробницы св. князя Владиміра и его бабки св. благовѣрной княгини Ольги находились опущенными въ склепы, устроенные въ предалтарной части Кіево-Десятинной церкви, созданной св. Владиміромъ послѣ своего крещенія во имя Пресвятой Богородицы. Остается желать, чтобы могильная яма, находящаяся предъ солеей нижней церкви херсонскаго Владимірскаго собора, какъ неимѣющая никакого отношенія къ крещенію св. Владиміра, была закрыта. Безъ особенной потери для исторіи можно бы снять и остатки стѣнъ древней крестообразной церкви, означивъ ихъ фундаменты плитами особаго цвѣта на полу обхватывающей ихъ нижней церкви.

П. Л.

[1]) Преосв. Иннокентій подъ купѣлью св. Владиміра въ своей запискѣ разумѣетъ то мѣстность Херсонеса, то храмъ, въ которомъ онъ крестился, но объ углубленіи предалтарномъ нигдѣ не упоминаетъ.

[2]) Устройство здѣсь крещальной купѣли изъ тесаныхъ плитъ тѣмъ болѣе невѣроятно, что въ Херсонесѣ, какъ сказано выше, оказались даже цистерны изъ цѣльнаго камня.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

4. Гимназія.

(посвящается памяти П. А. Антоновича).

(1833—1840)

Историческій очеркъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, до учрежденія въ Малороссіи намѣстничествъ, въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ нынѣшней черниговской губерніи, по свидѣтельству Сухомлинова, было 370 школъ, возникшихъ безъ всякаго вліянія извнѣ, а по дѣйствительной потребности мѣстнаго населенія.

Затѣмъ въ 1786 году въ Россійской имперіи учреждены „народныя училища—въ уѣздныхъ городахъ т. н. *малыя* училища, состоявшія мѣстами изъ двухъ, мѣстами изъ трехъ классовъ, а въ губернскихъ городахъ *главныя* народныя училища. Но эти правительственныя училища назывались „народными“ только по имени, а отнюдь не по сочувствію къ нимъ жителей: явное нерасположеніе къ нимъ народа видно изъ многихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ открытіе и дальнѣйшее существованіе [2]).

На такомъ, общемъ для всей имперіи основаніи, въ 1789 году, въ Новгородъ-Сѣверскѣ, тогда главномъ городѣ сѣверскаго намѣстничества, учреждено главное народное училище, при намѣстникѣ Ильѣ Богдановичѣ Бибиковѣ и генералъ-губернаторѣ гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ; а въ Стародубѣ и Глуховѣ въ 1790 г. открыты малыя училища. Директоромъ всѣхъ этихъ училищъ назначенъ прокуроръ верхняго земскаго суда Иванъ Ивановичъ Халанскій.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 3, мартъ.

[2]) Въ городѣ, напр., Нѣжинѣ дѣти, взятые отъ дьячковъ и приведенные въ училище пробыли тамъ лишь одинъ день и только черезъ мѣсяцъ, и то съ помощію полиціи водворены въ немъ (см. Рус. Мысль, 1889, № 1. ст. Пругавина.

По упраздненіи намѣстничествъ, въ 1797 г., Новгородъ-Сѣверскъ разжалованъ въ повѣтовый городъ и малыя училища подчинились черниговской дирекціи, а главное новгородъ-сѣверское, на общемъ основаніи, подлежало закрытію. Но, благодаря ходатайству Халанскаго, оно оставлено съ прежнимъ своимъ названіемъ и значеніемъ, получивъ въ собственность бывшій губернаторскій домъ, который, впрочемъ, и построенъ былъ для училища.

По учрежденіи главнаго правленія училищъ въ 1803 году, имперія раздѣлена на 6 учебныхъ округовъ, въ губернскихъ городахъ повелѣно учредить гимназіи, а въ уѣздныхъ уѣздныя училища. Черниговская губернія вошла въ составъ харьковскаго учебнаго округа, а съ нею и главное новгородъ-сѣверское училище. Въ другой разъ ему грозила опасность быть закрытымъ, но и на сей разъ оно уцѣлѣло, благодаря стеченію благопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа Северинъ Осиповичъ Потоцкій, прежде чѣмъ приступить къ правительственной реформѣ, въ томъ же 1803 году командировалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ генеральнаго визитатора, профессора харьковскаго университета Илью Ѳедоровича Тимковскаго. Прибывъ на мѣсто, визитаторъ нашелъ „въ главномъ училищѣ значительное число учениковъ и ученіе, достойное справедливаго одобренія, при томъ положеніи самаго училища, по разстояніямъ въ обширной губерніи выгоднымъ для образованія юношества“. Въ 1804 году училище посѣтилъ и самъ попечитель Потоцкій.

Въ 1805 году, проѣздомъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ, училище осматривалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и на докладъ визитатора Тимковскаго далъ попечителю предложеніе „преобразованіе новгородъ - сѣверскаго гл. училища пріостановить впредь до особаго распоряженія“. Вслѣдъ за тѣмъ 5 ноября 1805 года Высочайше повелѣно въ Новгородъ-Сѣверскѣ учредить гимназію. Замѣчательно, что это достопамятное для города событіе совершилось уже послѣ того, когда предложено было учредить въ Нѣжинѣ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородка, въ 150 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска.

Въ 1806 году директоръ Халанскій занялся перестройкой надворныхъ строеній гимназіи, остававшихся безъ употребленія со дня упраздненія намѣстничества, и „къ лучшему спѣху сего дѣла“ оффиціальнымъ письмомъ отъ 30 апрѣля 1806 года, пригласилъ моего дѣда Алексѣя Ивановича Чалаго, „какъ такого человѣка, котораго съ лишнимъ 20 лѣтъ зналъ онъ съ самой лучшей стороны, обществомъ всегда уважаемаго почтительностію и отличаемаго выборами въ публичное званіе и довольно свѣдущаго въ прочности нужнаго къ строенію лѣса и другихъ матеріаловъ, въ покупкѣ оного по сходнымъ цѣнамъ“, и просилъ его, тѣмъ же письмомъ, „приложить свое стараніе о выгодномъ для казны приготовленіи строительнаго матеріала“. „Такая услуга ваша, (заключаетъ свое письмо Халанскій) на общую пользу простираемая, пріятна для меня и не будетъ оставлена безъ вниманія высшимъ начальствомъ. Я надѣюсь, что сей трудъ тѣмъ съ большею охотою на себя примите, что и сынъ вашъ, обучаясь въ настоящемъ училищѣ, будетъ также воспитываться въ гимназіи“. (Подлинное письмо директора Халанскаго)

Довольно значительное количество матеріаловъ, исчисленныхъ въ томъ же письмѣ, Халанскій поручилъ дѣду моему пріобрѣсть покупкою частнымъ образомъ, обходя всѣ формальности, неизбѣжныя въ настоящее время при самыхъ незначительныхъ казенныхъ постройкахъ, и при томъ безъ всякого возмездія за труды. Сынъ Алексѣя Ивановича, Корнилій, правда, поступилъ въ гимназію, но онъ могъ вступить туда безъ всякой протекціи.

Въ 1807 году Тимковскій вторично пріѣзжалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ для соображеній на мѣстѣ объ открытіи гимназіи, которое и послѣдовало въ 1808 году. Тогда же при гимназіи учреждено и уѣздное училище.

Въ день открытія гимназіи состоялось первое пожертвованіе въ 500 рублей асс. Въ томъ же году, помѣщица с. Ображеевки, вдова бунчуковаго товарища Мароа Матвѣевна Полуботко представила чрезъ визитатора въ даръ заведенію для вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ двѣ тысячи руб. асс.

Въ 1808 году гимназію посѣтилъ Аракчеевъ и самолично выбралъ 12 воспитанниковъ для службы въ артиллеріи, а въ 1817 году, проѣздомъ изъ Гомеля, гимназію удостоилъ посѣщенія гр.

Николай Петровичъ Румянцевъ. Онъ предложилъ учителямъ вызовъ на сочиненіе исторіи Сѣверскаго княжества и когда они отговаривались неимѣніемъ нужныхъ для такого труда источниковъ, по причинѣ скудости библіотеки, то графъ пожертвовалъ гимназіи нѣсколько весьма цѣнныхъ сочиненій. Преподаватель словесности и философіи Григорій Прокофьичъ Македонскій преподнесъ именитому гостю написанное имъ для торжественнаго акта похвальное слово его отцу малороссійскому генералъ-губернатору гр. Румянцеву-Задунайскому, за что и получилъ въ подарокъ золотые часы.

По причинѣ ветхости гимназическаго зданія и большого неудобства въ размѣщеніи классовъ, при возрастающемъ количествѣ учениковъ, директоръ Халанскій въ 1824 году представилъ проектъ о постройкѣ новаго каменнаго дома; но ему не суждено было осуществить своего намѣренія: этотъ полезный дѣятель и превосходныхъ качествъ человѣкъ, прослужившій въ директорской должности 35 лѣтъ, скончался на 80 году своей жизни, въ 1825 году.

По смерти Халанскаго директоромъ гимназіи назначенъ зять его, извѣстный уже намъ генеральный визитаторъ харьковскаго учебнаго округа, профессоръ университета, докторъ правъ и философіи, великобританскаго и геттингенскаго ученыхъ обществъ членъ, Илья Ѳедоровичъ Тимковскій. По увольненіи въ 1812 году отъ должности профессора правовѣдѣнія и судопроизводства, онъ занималъ, по выборамъ отъ глуховскаго дворянства, должность уѣзднаго судьи, а потомъ черниговскаго губернскаго суда перваго департамента. Обогащенный глубокими свѣдѣніями, руководимый любовію къ гимназіи онъ много способствовалъ ея успѣхамъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Въ 1826 году помѣщикъ харьковской губерніи, уроженецъ города Конотопа М. О. Парпура, завѣщавшій харьковскому университету и конотопскому уѣздному училищу по 16 тыс. рублей асс., такую же сумму пожертвовалъ и новгородсѣверской гимназіи, для содержанія изъ процентовъ четырехъ воспитанниковъ.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ на представленный покойнымъ Халанскимъ проектъ постройки новаго зданія для гимназіи, преемникъ его И. Ѳ. Тимковскій занялся составленіемъ новыхъ смѣтъ и плановъ. А между тѣмъ, пока изготов-

лялись эти смѣты и планы, при неизмѣнномъ правилѣ директора *festina lente*, въ 1828 году обнародованъ новый уставъ семиклассныхъ гимназій, вслѣдствіе чего нужно было заняться изготовленіемъ опять новыхъ плановъ. Такимъ образомъ дѣло о постройкѣ каменнаго зданія тянулось слишкомъ 17 лѣтъ, такъ что только въ 1841 году приступлено было къ возведенію теперешняго двухэтажнаго зданія, оконченнаго въ 1844 г. при директорѣ Батаровскомъ.

Введеніе устава 1828 года и второй классъ.

Послѣ обнародованія Высочайше утвержденнаго устава, новгородсѣверская гимназія, по недостатку средствъ, просуществовала при прежнемъ своемъ четырехклассномъ составѣ еще пять лѣтъ. Наконецъ и до нея дошла очередь. Преобразованіе ея въ семиклассную совпало съ переходомъ моимъ во второй классъ уѣзднаго училища.

8 октября 1833 года позвали насъ въ залу. Директоръ произнесъ намъ длинную рѣчь, послѣ которой изъ сонма преподавателей выступилъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ Ивановскій и прочелъ что то такое мудреное, чего не могли понять даже ученики высшихъ классовъ гимназіи.

„Утвержденное начальствомъ распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіи дано для нее основаніемъ, правиломъ и мѣрою преподаваній въ каждомъ ея классѣ и въ каждомъ предметѣ. Симъ оно твердо, ясно и рѣшительно опредѣлило, какіе ученики и въ какой классъ, по готовой для него способности, поступить должны, за опредѣленною въ успѣхъ ихъ по означеннымъ предметамъ отвѣтственностію учителей, если будетъ неуспѣвшихъ болѣе одного изъ десяти. Сличеніемъ распредѣленія предметовъ съ нынѣшнимъ состояніемъ классовъ произведено раздѣленіе учениковъ“.

За симъ „ученымъ“ вступленіемъ, написаннымъ самимъ директоромъ, послѣдовало чтеніе списка учениковъ, „поступившихъ въ раздѣленіе на 7 классовъ“. Какъ рѣшилось гимназическое начальство совершить такой смѣлый coup d' état, какимъ образомъ умудрилось оно мизернѣйшій курсъ уѣзднаго училища вколотить въ рамки семиклассной гимназіи, съ разными высшими науками четырехклассной

гимназіи и приступить къ преподаванію предметовъ по новой программѣ, почти въ срединѣ учебнаго года?—Не намъ, конечно, было тогда судить объ этомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а изъ 6 разношерстныхъ классовъ гимназіи и уѣзднаго училища образовалось семь новыхъ классовъ—да будетъ едино стадо и единъ пастырь!

Такимъ образомъ 1 классъ новой семиклассной гимназіи составился изъ оставленныхъ на второй годъ въ первомъ классѣ уѣзднаго училища и изъ вновь переведенныхъ изъ приготовительнаго. II-й частію изъ оставшихся во 2-мъ классѣ уѣзд. училища, частію изъ переведенныхъ изъ перваго. III классъ изъ оставшихся на другой годъ въ 1-мъ классѣ четырехклассной гимназіи и изъ вновь переведенныхъ изъ 2-го кл. уѣзднаго училища. IV классъ сформированъ изъ переведенныхъ изъ 1-го класса четырехклас. гимназіи и изъ оставленныхъ на другой годъ во 2-мъ.

V классъ составился исключительно изъ переведенныхъ изъ втораго класса. VI классъ—частію изъ оставшихся на 2-й годъ въ прежнемъ третьемъ классѣ, частію изъ лучшихъ учениковъ 2-го класса. VII—изъ оставленныхъ на 2-й годъ въ прежнемъ четвертомъ и изъ переведенныхъ изъ третьяго.

Изъ такого распредѣленія учениковъ „поступившихъ въ раздѣленіе по классамъ", явствуетъ, что оно было совершенно произвольное, и что VI-й напр. классъ семиклассной гимназіи возникъ какъ deus ex machina, ибо половина бывшаго 2-го класса водворена въ V-мъ, а другая черезъ V-й шагнула въ VI-й.

Вслѣдствіе такого нераціональнаго раздѣленія учениковъ по классамъ, возникли непреодолимыя затрудненія какъ для преподавателей, такъ и для учениковъ. Въ научныхъ свѣдѣніяхъ учащихся обнаружились впослѣдствіи огромные пробѣлы, которые во все продолженіе курса служили помѣхою къ основательному усвоенію преподаваемыхъ предметовъ. Благодаря тому же раздѣленію, я нежданно-негаданно очутился во второмъ классѣ гимназіи и облачился въ форменный сюртукъ съ широчайшимъ краснымъ воротникомъ, твердымъ какъ лубокъ, и металлическими бѣлыми пуговицами. Для уѣзднаго училища нанято особое помѣщеніе и Яковъ Яковлевичъ долженъ

былъ оставить насиженное мѣстечко навсегда. Намъ наслали новыхъ учителей—поляковъ.

По усмиреніи польскаго мятежа и послѣдовавшаго затѣмъ въ 1832 году учрежденія кіевскаго учебнаго округа, правительство зорко стало слѣдить за направленіемъ воспитанія юношества въ юго-западномъ краѣ, гдѣ до того времени учебно-воспитательныя заведенія, по инициативѣ извѣстнаго польскаго патріота Ѳаддея Чацкаго, обратились въ разсадники пропаганды. Для пресѣченія такого зла, успѣвшаго въ короткое время глубоко пустить свои корни, ко вреду русскаго населенія, были закрыты виленскій университетъ и кременецкій лицей и множество школъ, содержавшихся на счетъ разныхъ фундушей. Въ Кіевѣ открытъ университетъ св. Владиміра и нѣсколько средне-учебныхъ заведеній, съ общимъ для всей имперіи устройствомъ [1]). Вслѣдствіе такихъ преобразованій, для гимназій юго-западнаго края потребовалось значительное количество опытныхъ и благонадежныхъ учителей изъ коренныхъ русскихъ, которыхъ, къ великому ущербу просвѣщенія по сю сторону Днѣпра, стали высылать въ юго-западныя губерніи, такъ что въ 1833 году въ преобразованной гимназіи нашей не осталось почти никого изъ прежнихъ, истинно достойныхъ наставниковъ—Капли, Левицкаго, Македонскаго, Сбитнева. На ихъ мѣсто присланы другіе, которые, къ сожалѣнію, „смѣнивъ, не замѣнили ихъ“. Допуская прогрессивное движеніе впередъ въ общемъ ходѣ образованія, я не смѣю оспаривать преимущества отжившаго поколѣнія педагоговъ предъ новыми; но не могу умолчать объ одной особенности людей прежняго закала, при всей кажущейся ихъ несостоятельности, въ сравненіи съ ихъ преемниками: это разносторонность научныхъ знаній и необыкновенная тягучесть и выносливость въ трудѣ, за самое скудное, сравнительно съ теперешнимъ, вознагражденіе [2]).

---

[1]) Открыто 7 гимназій, 11 *дворянскихъ* училищъ, а на *народныя* школы не обращено ни малѣйшаго вниманія, трехмилліонное коренное русское населеніе осталось по старому во тьмѣ, а въ немъ то вся сила! Переустройство учебной части начато не съ фундамента, а съ крыши.

[2]) *Кириллъ Захарьевичъ Капля* обучался въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ с.-петербургской учительской семинаріи. Вступилъ въ службу въ 1792 году преподавателемъ математики, историческихъ наукъ и рисованія въ Введенскомъ училищѣ. Въ 1795 году перемѣщенъ въ малороссійское главное черниговское учи-

При безпрерывной перетасовкѣ преподавателей, которая такъ нравилась первому попечителю кіевскаго учебнаго округа, фонъ Брадке, къ намъ пріѣзжали всякіе—и плохіе, и хорошіе. Не говоря уже о томъ, что частыя перемѣны въ учительскомъ персоналѣ, по какимъ бы высшимъ соображеніямъ онѣ ни дѣлались, весьма вредно вліяли на наше ученіе, успѣхи учащихся не меньше страдали и отъ того, что въ числѣ новыхъ учителей было много поляковъ, плохо говорившихъ по русски и враждебно относившихся къ русскому юношеству.

Но какъ бы тамъ ни было, а мы, повѣтовцы, очутились, по щучьему велѣнью, по директорскому соизволенью, въ гимназіи и нашли тамъ совершенно иные порядки.

Не стало почтеннаго педагога Игнатьева, съ его любезной „ариѳметичкой", представлявшейся намъ не иначе, какъ во образѣ синей тетрадки, въ которой намъ досконально были извѣстны всѣ задачи, со всѣми ихъ нехитрыми рѣшеніями. Мы отлично понимали, какъ „въ одинъ высокоторжественный день выстрѣлено было изъ пушекъ 101 разъ", и сколько пороху на эти выстрѣлы потрачено;

лище преподавателемъ математики, физики, латинскаго языка и русской словесности. Въ 1805 году переведенъ въ главное новгородсѣверское училище преподавателемъ тѣхъ же предметовъ съ прибавкою архитектуры и рисованія, а съ 1812 года греческаго языка и нѣмецкаго. Прослужилъ Капля 37 лѣтъ.

Григорій Прокофьевичъ Македонскій первоначальное образованіе получилъ въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ (1799—1816), затѣмъ вступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ обучался въ двухъ отдѣленіяхъ: словесномъ и нравственно-политическомъ. Опредѣленъ сперва учителемъ философіи, естественнаго права и политической экономіи въ харьковскую гимназію, а оттуда перемѣщенъ въ новгородсѣверскую преподавателемъ, кромѣ означенныхъ предметовъ, этики и русской словесности. Сверхъ того разновременно преподавать латинскій языкъ, французскій и нѣмецкій, всеобщую и россійскую исторію. Спустя 22 года, въ 1832 году перемѣщенъ въ гимназію волынскую учителемъ логики и россійской словесности и окончилъ службу свою въ 1846 году въ должности инспектора лицея кн. Безбородка.

Петръ Степановичъ Левицкій духовнаго званія изъ дворянъ съ весьма скуднымъ запасомъ домашняго воспитанія поступилъ въ кіевскую духовную академію въ 1778 году, гдѣ обучался 7 лѣтъ латинскому языку, риторикѣ и поэзіи; потомъ около года въ черниговской семинаріи философіи; откуда поступилъ въ петербургскую учительскую семинарію, гдѣ обучался латинскому, греческому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, естественной исторіи, физикѣ, педагогіи и рисованію втеченіе двухъ лѣтъ.

Въ 1789 году опредѣленъ въ новгородсѣверское главное народное училище учителемъ исторіи, географіи и естеств. исторіи, гдѣ прослужилъ 42 года. Затѣмъ въ 1831 году назначенъ директоромъ училищъ черниговской губерніи, вышелъ въ отставку въ 1836 году; всей службы его 47 лѣтъ.

кàкъ катилось колесо и сколько разъ оборотилось оно въ минуту? Мы твердо знали: „въ какомъ году, въ какомъ мѣсяцѣ, какого числа и въ которомъ часу родился *Нѣкто?* Сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, минутъ и даже секундъ прожилъ на свѣтѣ этотъ Нѣкто". Задачи эти много лѣтъ повторялись, слово въ слово, такъ что не знать ихъ рѣшенія могъ только самый несообразительный человѣкъ, въ родѣ Василія Кинды, или уже совершенная деревяшка, въ родѣ Евграши Головотяпа.

И вотъ... приходимъ въ классъ и вмѣсто Якова Яковлевича застаемъ на учительскомъ стулѣ Матвѣя Альбертовича, сгорбленнаго, въ очкахъ съ заостреннымъ носомъ и съ табакеркой въ рукахъ вмѣсто синей тетрадки. Началась перекличка и мы сразу убѣдились, что нашъ новый наставникъ плохо разбираетъ русское письмо, исковеркавъ наши фамиліи такъ, что нѣкоторые и самихъ себя не узнали. Ради перваго знакомства, мы, хотя съ большимъ трудомъ, отъ смѣху удержались. Ждемъ, что будетъ дальше. Вдругъ учитель нашъ мгновенно схватывается со стула, переваливаясь съ ноги на ногу, идетъ къ доскѣ, беретъ мѣлъ—и руки трясутся—оборачивается къ намъ и глядя, поверхъ очковъ, зычнымъ голосомъ выкрикиваетъ: Задача!! Лисица, преслѣдуемая сýбакой, дѣлáетъ пьятьдесять скáчковъ впéреди.... Тутъ ужъ мы рѣшительно не могли удержаться отъ смѣха. Подойдя къ скамьѣ и указавъ на сидѣвшаго съ краю ученика, учитель разразился бранью.

— А ну, ты зви́ння! Чего ты смѣешь! Пóди вонъ! Поставь себѣ на колѣна!

Распорядившись такимъ манеромъ, учитель снова принялся за свою лисицу, которая тѣмъ временемъ, безъ сомнѣнія, успѣла убѣжать еще дальше отъ собаки.

— А девять скáчковъ лисицы равняются семи скáчкамъ субáки: то-то слѣдýетъ опредѣлить время, когда субака догонитъ лисицу?—

Окончивъ задачу, Матвѣй Албертовичъ заставилъ повторить ее Ваську Глотова, и къ счастію попалъ на самаго бойкаго математика. Отвѣтомъ его учитель остался, повидимому, доволенъ, хотя и не понравились ему нѣкоторые усвоенные прежде пріемы, отъ которыхъ Яковъ Яковлевичъ приходилъ въ умиленіе. Главное, на что обращалъ вниманіе его преемникъ, не быстрота, не фразы въ родѣ

„слѣдующимъ образомъ“, а основательное пониманіе условій задачи, логически вытекающій выводъ слѣдствія изъ причины. Такія требованія новаго учителя выразились въ часто повторяемомъ имъ возгласѣ: „а разсуждай!!“

Эге, подумали мы, этого не проведешь, не скроешь своего невѣжества разными чисто механическими фокусами; тутъ зубреніе не поможетъ —тутъ нужно разсуждать, къ чему насъ вовсе не пріучали въ повѣтовомъ училищѣ. Знай Матвѣй Албертовичъ по русски, да не будь чудоковатъ, отъ него многому можно было бы научиться; но къ несчастію, какъ его, такъ и нашему, всѣ его достоинства остались незамѣченными не только нами, дѣтьми, но и его сослуживцами; и они только трунили надъ нимъ, да предразнивали.

Иногда, совсѣмъ выбившись изъ силъ отъ возни съ мальчуганами, Матвѣй Албертовичъ прибѣгалъ къ содѣйствію инспектора.

— Герасымъ Ивановичъ! а ей Богу, не можно: то не естъ классъ, але кóрчма: смéрдятъ, вóнятъ, гвиздáютъ, жаловался онъ инспектору. Тотъ, конечно, принималъ энергическія мѣры, и спокойствіе въ классѣ возстановлялось, но лишь до слѣдующаго урока.

Въ томъ же 1833 году гимназію нашу ревизовалъ фонъ Брадке. Пришелъ онъ къ намъ на урокъ ариѳметики. Ученикъ, рѣшая задачу, оробѣлъ и запнулся.

— А разсуждай! крикнулъ Матвѣй Албертовичъ зычнымъ голосомъ, стоя позади попечителя, надъ самымъ его ухомъ. Тотъ вздрогнулъ и вопросительно взглянулъ на директора, который приказалъ стоять учителю смирно и не мѣшаться. Матвѣй нашъ отошолъ въ сторону, оперся обоими локтями на скамью и, выпятивъ впередъ животъ, иронически сталъ смотрѣть на доску. Отъ нечего дѣлать ему захотѣлось понюхать. Какъ скрипнетъ онъ крышкой своей табакерки, съ портретомъ Костюшки—нервный нашъ попечитель опять вздрогнулъ и посмотрѣлъ на инспектора, который почтительно-выразительной миной показалъ Е. П—ву, что съ этимъ чудакомъ ничего не подѣлаешь.

Матвѣй Албертовичъ не любилъ пѣтуховъ вообще, а пѣнія ихъ въ особенности. Разстроенные разными превратностями судьбы, нервы его не выносили близкаго сосѣдства съ этой безпокойной птицей. Нанимая квартиру, нашъ наставникъ прежде всего предлагалъ хозяйкѣ вопросъ: а пѣтухъ у тебя есть?

— А якже, отвѣчаетъ хозяйка: чи можна жъ въ хазяйствѣ обойтись безъ пѣтуха?

— Ну, то я у тебя жить не хочу!

Подмѣтивши такую странность въ учителѣ, мы постоянно школьничали: идетъ бывало онъ по троттуару, закутавшись въ плащъ, а тутъ изъ-за забора надъ головой: кукареку! Разъ какой то шалунъ вбросилъ ему пѣтуха въ открытое окно его квартиры, и онъ безжалостно убилъ его линейкой и выбросилъ на улицу.

На урокъ нѣмецкаго языка пришелъ не Я. Я—чъ съ своимъ „Зрѣлищемъ", а настоящій нѣмецъ изъ Дерпта—Эдуардъ Андреевичъ Штранге и принесъ съ собой какія то таблицы, съ нарисованными на нихъ цвѣтами. Повѣсивъ одну изъ нихъ на доскѣ, учитель взялъ прутикъ и, указывая на бутонъ розы, спросилъ:

— Was ist das? А мы должны были отвѣчать ему всѣ разомъ, словно хоръ въ оперѣ, на распѣвъ, отбивая тактъ дружнымъ топаньемъ: das ist! eine! Rosen! Knospe!

Какъ цвѣты, такъ и пѣніе съ перваго разу намъ очень понравились, но впослѣдствіи, когда, дирижируя хоромъ, нашъ остзеецъ началъ хлестать тѣмъ же прутикомъ по ушамъ, тогда мы запѣли другимъ голосомъ.

Учитель русскаго языка остался тотъ же весельчакъ Егоръ Андреевичъ Носачевскій; но и въ гимназію перенесъ онъ свою пакостную привычку за всякіе пустяки „драть" учениковъ линейкой.

Быть можетъ, такому ожесточенію была причиной нѣкая скандальная исторія, о коей и до насъ дошли слухи. Дѣло въ томъ, что „подъ вечеръ осени ненастной", къ господину директору явилась съ жалобой на нашего наставника дѣвица духовнаго званія.

И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ....

Латинскій языкъ отъ Егора Андреевича перешелъ къ Казиміру Петровичу Климовскому. Какъ теперь вижу эту іезуитскую физіогномію, на которой рисовалось нескрываемое отвращеніе отъ всего, что только носило имя русскаго. Къ ученикамъ онъ относился такъ, какъ будто они были личными его врагами. Потребуетъ, напр., книгу для переводовъ, ему поднесутъ; но Казиміръ не сразу возьметъ ее, а сперва осмотритъ руки поднесшаго книгу, поцѣживая сквозь зубы;

„чи чисты руки?“—Если книга оказывалась сильно подержанною, онъ бралъ ее за край листка и, держа въ воздухѣ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ, приговаривая: ммм... чи чисты руки? чи чисты руки?... и затѣмъ швырялъ ее на средину класса съ видомъ глубочайшаго омерзѣнія, какъ будто онъ взялъ въ руки лягушку.

Къ счастію, Казиміръ былъ у насъ недолго; его смѣнилъ Иванъ Даниловичъ Юскевичъ-Красковскій, за которымъ послѣдовалъ Карлъ Ивановичъ Микульскій, прибывшій въ Новгородъ-Сѣверскъ изъ Каменца-Подольскаго съ другомъ своимъ Осичковскимъ, прозваннымъ Бореемъ, за его взъерошенные сѣдые волосы, на основаніи стиха Державина: „Съ бѣлыми Борей власами“.... Но у Карла Ивановича, кромѣ Борея, было другое близкое существо — небольшой пуделекъ *Amicus*, сопровождавшій его въ гимназію и на прогулки.

Карлъ Ивановичъ и Осичковскій, чрезвычайно живые, бодрые старички, начиная съ мая, не взирая ни на какую погоду, ежедневно въ 5 часовъ утра совершали прогулку на Заручье пить изъ криницы воду, приписывая ей цѣлебныя свойства. Выпивши съ роздыхомъ отъ 5 до 8 стакановъ холодной ключевой водицы, они весело возвращались домой, въ сопровожденіи Amicus'а, пили молоко и въ 8 часовъ всегда первыми являлись на службу.

Карлъ Ивановичъ былъ большой любимецъ дѣтей. Преподаваніе скучной латыни онъ старался оживить разными анекдотцами, вдаваясь иногда въ такія комментаріи, которыя вовсе не относились ни къ этимологіи, ни къ синтаксису. Такъ, переводя изъ Корнелія Непота жизнеописаніе Датама, Карлъ Ивановичъ оставлялъ книгу и начиналъ фантазировать:

— „Выобра́зьте себѣ, господа, какъ этотъ воинственный мужъ скачетъ на конѣ передъ строемъ всадниковъ, ка́къ блестѣлъ на солньцѣ его шлемъ, ка́къ онъ красиво сидѣлъ на сѣдлѣ“.

Замѣтивъ, что учитель въ ударѣ, ученики начинали школьничать:

— Карлъ Ивановичъ! А какой масти у Датамиса была лошадь?

— Ну, можетъ быть бѣлая, можетъ быть вороная.

— Карлъ Ивановичъ! А какъ ѣхалъ Датамъ, рысью или галопомъ?

— Ну, можетъ быть галопомъ, можетъ быть рысью.

— Карлъ Ивановичъ! отзывается третій: чѣмъ кормилъ Датамисъ своего коня, овсомъ или сѣномъ?

Замѣтивъ, наконецъ, что надъ нимъ начинаютъ подтрунивать, учитель начиналъ сердиться. Ты же, мужикъ, молчи! ты же дуракъ!

Не выучившему урока Карлъ Ивановичъ давалъ такого рода совѣтъ:

— Ты же оселъ, не умѣешь учиться: ты иди въ сарай, да сядь тамъ съ книгой, да читай громко, плавно, выразно!...

Француза пока не пріискали.

На любимѣйшій нашъ урокъ рисованія пришелъ Степанъ Кириловичъ Кириловъ, по прозванію Шата́. Обучался онъ сему искусству, какъ гласитъ его дипломъ, въ с.-петербургской академіи „въ живописномъ миніатюрномъ художествѣ и за хорошіе успѣхи, а особливо за признанное въ немъ добронравіе и лестное и похвальное поведеніе, возведенъ въ 1812 году въ званіе художника и награжденъ шпагой“.

Произведеніями, если не кисти, то карандаша этого „миніатюрнаго художника“ увѣшаны были всѣ стѣны гимназической залы. Онъ, какъ всѣ художники, проникнутъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства и высоко ставилъ свое искусство, особенно когда немножко былъ подшефэ!

— Ты, твердилъ онъ безпрестанно, обращаясь съ выговоромъ къ ученику, ты хоть и хорошъ по другимъ предметамъ, но я могу тебѣ все испортить своею отмѣткой, если не будешь у меня учиться.

— Говори! думалъ про себя ученикъ, выслушивая выговоръ: какъ будто я не знаю, что твои единицы ничего не значатъ при переводахъ.

По старой привычкѣ, мы постоянно подносили ему для исправленія свое маранье, которое онъ, по своей забывчивости, уже нѣсколько разъ поправлялъ, при чемъ любилъ вдаваться въ теорію искусства, самаго, впрочемъ, незатѣйливаго свойства. Какъ обезьяна, чѣмъ больше въ ней видимаго сходства съ человѣкомъ, тѣмъ она смѣшнѣе, такъ и нашъ Шата́—тѣмъ казался глупѣе, чѣмъ болѣе старался походить на умнаго. До обѣда онъ былъ еще ничего себѣ, довольно приличный съ виду господинъ, но на послѣобѣденныхъ урокахъ къ нему нельзя было подойти близко—отъ него несло сивухой, какъ изъ бочки. Его лицо и волосы, и безъ того всегда красные, становились какъ бы огненными. Въ такомъ возбужденномъ состояніи

онъ любилъ читать мораль, начиная каждый разъ свою предику любимымъ словцомъ: „безсовѣстный! Гдѣ твоя совѣсть?“.

Иногда, на самомъ патетическомъ мѣстѣ его рѣчи, ученикъ VI класса Николай Кабановъ, проходя по корридору, во всю мочь крикнетъ въ замочную скважину: „Шата́!“ на что нашъ наставникъ качалъ головою и говорилъ только: „безсовѣстный!“ Жившіе у него пансіонеры передавали, что самое вещество, зеленаго цвѣта, вдохновлявшее его геній и стоявшее въ шкафикѣ въ его мастерской въ графинѣ, онъ тоже называлъ совѣстью, по крайней мѣрѣ, когда однажды онъ сталъ бранить сынишку своего Мишу за шалость и сказалъ: „безсовѣстный! гдѣ твоя совѣсть“? то онъ безъ запинки отвѣтилъ ему: „въ скафѣ, папоцка, на полоцкѣ стоитъ“.

Смотрителя-аптекаря замѣнилъ директоръ, или, лучше сказать, инспекторъ, который безотлучно сидѣлъ въ гимназіи, тогда какъ директоръ бывалъ въ гимназіи только въ извѣстное время года: на рождественскіе праздники, во время говѣнья на первой недѣлѣ поста и во время годичныхъ экзаменовъ. Около 8 мѣсяцевъ въ году жилъ онъ въ 40 верстахъ отъ города, въ своемъ имѣніи. Туда отсылались и всѣ получаемыя имъ изъ округа бумаги. Уѣзжая въ свою милую Турановку на каникулярное время, Илья Ѳедоро́вичъ оставался тамъ до конца октября, procul negotiis, наслаждаясь, по примѣру любимца своего Горація Флакка, прелестями сельской природы, sub tegmine fagi membra stratus. Хотя у него при дѣтяхъ находился домашній учитель изъ гимназистовъ высшихъ классовъ, но большую часть предметовъ директоръ читалъ самъ: за чаемъ обыкновенно шли языки, во время и послѣ обѣда исторія. Порядокъ этотъ соблюдался ежедневно съ необыкновенною точностію. Илья Ѳедоровичъ былъ деспотъ въ семействѣ. Гостей у него никогда не бывало и самъ онъ нигдѣ не бывалъ, предпочитая провинціальному обществу бесѣду съ неразлучными своими друзьями—римскими классиками.

Съ конца октября до конца декабря директоръ жилъ въ городскомъ своемъ домѣ, на Козацкой улицѣ, но гимназіи не посѣщалъ. Пріѣзжая во время роспуска 20 декабря, собиралъ всю гимназію въ залу, говорилъ, viva voce, рѣчь и надобно знать, что эти рѣчи—импровизаціи были лучшими его произведеніями: онъ говорилъ увле-

[1]) Разновременно у него жили: П. А. Антоновичъ, Нагула и Левдикъ.

кательно, убѣдительно и просто; напротивъ, все написанное имъ выходило изъ рукъ вонъ плохо, въ родѣ вышеприведеннаго отрывка, прочитаннаго инспекторомъ при преобразованіи гимназіи: темно и непонятно. Темами для такихъ рѣчей Илья Ѳедоровичъ обыкновенно избиралъ какой нибудь афоризмъ или изреченіе знаменитаго мужа, въ родѣ напр. слѣдующаго: „Императоръ Титъ, недовольный проведеннымъ днемъ, говорилъ друзьямъ своимъ: amici! hodie diem perdidi!“ За темой слѣдовало развитіе главной мысли, примѣнительно къ жизни ученика. По окончаніи рѣчи, онъ давалъ воспитанникамъ трехъ высшихъ классовъ нѣсколько темъ на праздники и уѣзжалъ въ свою Турановку до поста.

Говѣли мы обыкновенно на первой недѣлѣ. Всѣ учащіе и учащіеся обязаны были два раза въ день сходиться въ гимназію, начиная съ понедѣльника, къ заутрени и на поклоны. Въ залѣ въ это время ставили большой столъ; на столѣ крестъ, евангеліе и всѣ принадлежности великопостнаго служенія. Какъ псалтирь, такъ и канонъ на поклонахъ Илья Ѳедоровичъ читалъ всегда самъ. Стройное пѣніе гимназическаго хора, подъ управленіемъ страстнаго любителя и знатока сего искусства Осипа Акимовича Самчевскаго, выразительное чтеніе директора и теплая комната весьма благопріятно вліяли на наше религіозное настроеніе, пробуждая въ душѣ уваженіе и благоговѣніе къ святости великаго таинства, къ которому мы готовились. Никому изъ учениковъ не дозволялось говѣть даже въ своей приходской церкви, потому что тамъ ничего подобнаго не было: однообразное бормотанье дьячка и его негармоническое solo, при длиннотѣ великопостнаго служенія, въ холодной, съ желѣзнымъ (какъ въ соборѣ) поломъ, могли поселить въ душѣ чувство противоположное благоговѣнію, какое приличествуетъ и святости мѣста, и самой цѣли установленныхъ для говѣнья молитвъ, пѣснопѣній и славословій.

Въ среду и пятницу послѣ заутрени мы по парно шли въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ тоже пѣли наши пѣвчіе, а воспитанники 7-го класса читали, изъ „собранія поученій“, проповѣди, по выбору самаго директора, стоявшаго всегда на лѣвомъ клиросѣ, не смѣшиваясь съ толпой.

Въ пятницу послѣ обѣда мы сходились въ гимназію исповѣдываться во грѣхахъ своихъ. Порядокъ, при которомъ совершалось

великое таинство покаянія,—установленный, конечно, не церковію и даже не начальствомъ, а мѣстнымъ обычаемъ, который сильнѣе всякого начальства,—совершенно не гармонировалъ съ ходомъ и характеромъ нашего продолжительнаго говѣнія.

Въ маленькой комнатѣ VII класса садился за столъ нашъ протопопъ от. Стефанъ, а у дверей отъ залы становился пономарь Адріанъ. Чтобы попасть въ исповѣдальню къ батюшкѣ, или, какъ выражаются наши мѣщане, „чтобъ повозить попа въ рѣшетѣ", нужно было дать прежде нѣсколько грошей „входного" привратнику, а потомъ положить на столъ подлѣ самаго евангелія втрое противъ того, въ пользу протоіерея, ему же дана власть вязать и рѣшить. Учениковъ первыхъ двухъ классовъ впускали по пяти, по шести разомъ, а начиная съ четвертаго по два и по три; по одному же входили самые большіе, за что и платили больше другихъ.

Въ то время, когда такимъ maнеромъ совершалось таинство покаянія, на гимназическій дворъ сходились со всего города торговки съ бубликами, стовпчиками, мочеными кисличками и др. ласощами. Откупившись отъ грѣховъ, школяры накидывались, какъ голодные псы, на всю эту благодать и начинали истреблять громадное количество бубликовъ, словно они дня два ничего не ѣли. Объѣдалась вся эта орда до тошноты именно потому, что послѣ пассіи уже не дозволялось ѣсть до самаго причастья. Нѣкоторые ѣдоки даже бились объ закладъ, кто больше сокрушитъ бубликовъ.

Такое явленіе можно объяснить отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что впродолженіе цѣлой недѣли у насъ соблюдался строжайшій постъ. Рѣдко бывало и варятъ что нибудь дома. Дадутъ тебѣ сырой капусты, приправленной цыбулей и олеею, или сухарь, размоченный въ водѣ, или варенаго гороху съ сытой—больше ничего не смѣй и спрашивать, потому: не все коту масляница—пришелъ и великій постъ.

Ученикъ III класса Петръ Воденъ признался попу на духу, что онъ, говѣючи, ѣлъ селедку. Что жъ изъ этого вышло? А то, что, не дожидавшись за содѣянный грѣхъ суда Божія, начальство покарало его на семъ свѣтѣ, а именно: въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, когда ученики сидѣли уже на урокахъ, по приказанію директора, бѣднягѣ нацѣпили на шею аршиннаго оселедца и повели, какъ медвѣдя, на показъ по всѣмъ классамъ: смотрите, молъ, такъ

и вамъ будетъ, только попробуйте, говѣючи, покушать селедки! Во все продолженіе великаго поста, директоръ пріѣзжалъ въ гимназію только одинъ разъ—на Андреево стояніе, а потомъ уѣзжалъ изъ города встрѣчать въ деревнѣ весну и возвращался въ концѣ мая, передъ самыми экзаменами, на которыхъ онъ просиживалъ ежедневно по 10 часовъ.

Въ этомъ году во второмъ классѣ пройдено было очень мало, да отъ преподавателей и требовать было несправедливо невозможнаго: произведши путаницу въ преподаваніи „раздѣленіемъ учениковъ на семь классовъ", само начальство было причиной неуспѣшности.

Экзамены мои шли довольно удовлетворительно и все, казалось, должно было кончиться благополучно; но надо мной неожиданно стряслась бѣда. Вслѣдствіе часто повторявшихся несчастныхъ случаевъ на Деснѣ, намъ строжайше воспрещено было купаться не въ урочное время. Около пяти часовъ, насъ, какъ барановъ, надзиратели вели къ рѣкѣ и мы подъ ихъ наблюденіемъ купались. Но представьте себѣ положеніе мальчика, живущаго въ 20 шагахъ отъ воды въ жаркіе дни. И вотъ, трое изъ учениковъ, на зло запрещенію, желая выкупаться вволюшку на свободѣ, отправились въ праздничный день къ Щуровкѣ и тамъ стали купаться на совершенно незнакомомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ началъ тонуть, другой хотѣлъ спасти его и оба пошли ко дну. Третій прибѣжалъ домой, чтобы сказать о случившемся хозяевамъ. Объ этомъ „чрезвычайномъ происшествіи" директоръ отправилъ въ округъ донесеніе, въ которомъ старался оправдать самый фактъ несчастія незрѣлостію лѣтъ утопленниковъ, жаркимъ лѣтомъ, красотами новгородъ-сѣверскихъ окрестностей, соблазнившихъ учениковъ и т. д. Но что отвѣтилъ онъ осиротѣвшимъ родителямъ, довѣрившимъ заведенію дѣтей—объ этомъ исторія умалчиваетъ: тутъ, я думаю, не помогло никакое краснорѣчіе.

Послѣ такого событія, строгость мѣръ противъ купанья не только не уменьшилась, но еще увеличилась, Не взирая на сіе, для меня, водяного звѣрька, жившаго у самой рѣки, искушеніе было слишкомъ велико, чтобы не соблазниться, и я, махнувъ рукой на всякія запрещенія, пошелъ купаться вмѣстѣ съ двумя товарищами.

Только что мы вошли въ воду—глядь, а на Замкѣ стоитъ, растопыривъ ноги, словно колоссъ родосскій, инспекторъ и смотритъ

на насъ въ „подозрительную трубку". Выскочивъ на берегъ, мы схватили свои рубашонки да драла, такъ что одѣлись уже на бѣгу. Но это намъ не помогло. Мы были узнаны.

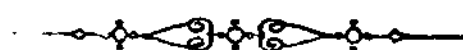
Приходимъ на другой день на экзаменъ—бѣда! О нашемъ проступкѣ доложено директору. Что то будетъ? что то будетъ съ нами? Илья Ѳедоровичъ, не терпѣвшій тѣлесныхъ наказаній, придумалъ для насъ такую кару: велѣлъ позвать Павла́ и приказалъ ему раздѣть насъ до рубашки, да такъ и оставилъ сидѣть между учениками до конца экзамена. Не довольствуясь и этимъ позорнымъ наказаніемъ, онъ порѣшилъ было оставить насъ въ томъ же классѣ на 2-й годъ, не допустивъ къ экзамену; но я такъ усердно плакалъ цѣлыхъ четыре часа, что надо мной сжалились и подозвали къ столу. Удовлетворившись моимъ отвѣтомъ, Илья Ѳедоровичъ позволилъ мнѣ одѣться и отпустилъ домой съ миромъ.

На другой день въ 9 часовъ меня потребовали къ директору на домъ, гдѣ я долженъ былъ выслушать отеческое увѣщаніе, подѣйствовавшее на меня больше всяческихъ наказаній: отъ души сказанное слово глубоко западаетъ въ душу.

Экзамены кончились. Съ какимъ восторгомъ прибѣжалъ я домой послѣ акта! Билетъ, гдѣ прописанъ былъ мой переводъ въ III классъ, я держалъ чуть не надъ головой, какъ трофей побѣды надъ школьною премудростію. Отецъ былъ очень обрадованъ моими успѣхами, позволилъ мнѣ во все время каникулъ всѣ мои любимыя развлеченія и даже (о восторгъ!) подарилъ мнѣ свое маленькое одноствольное ружьецо.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Очерки стариннаго быта Волыни и Украины.

1. Пасквиль и судъ.*)

I.

Дѣло происходило въ маѣ 1575 года.

Теплая весенняя ночь спустилась умиротворяющимъ покровомъ надъ г. Луцкомъ, призывая его неугомонное населеніе къ покою и отдыху. Несмотря на громкій титулъ „столечного мѣста земли Волынской“, Луцкъ жилъ въ то время патріархальною жизнью. Часъ спустя по заходѣ солнца, запирались городскія ворота, и городъ постепенно замиралъ, чтобы съ восходомъ солнца начать снова свою муравьиную сутолоку. Дольше всего гамъ и галдѣніе доносились съ „Жидовской“ улицы, одной изъ самыхъ многолюдныхъ. Но вотъ изъ-за угла сосѣдней, „Троецкой“ улицы показалась группа людей съ длинными палками и „походнями“ (фонарями) въ рукахъ: то были „панове бурмистры“, въ сопровожденіи городской стражи совершавшіе свой урочный обходъ для надзора за исполненіемъ магистратскаго распоряженія—тушить огни въ домахъ въ ночное время. Гдѣ только виднѣлось хоть слабое мерцаніе свѣчи или лучины, туда подходилъ бурмистръ, безмолвно стучалъ палкой въ окно—и свѣтъ исчезалъ моментально, а вмѣстѣ съ нимъ какъ бы все замирало въ домѣ.

*) Составлено на основаніи архивныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ луцкаго и владимірскаго судовъ.

Лишь въ немногихъ домахъ огонь продолжалъ мерцать и послѣ стука въ окно бурмистровской палки: то загулявшіеся шляхтичи были безсильны разстаться съ гостепріимными шинкарками и не спѣшили допивать послѣднія „коновочки“ пива или меду. Сегодня, впрочемъ, по случаю кануна праздника св. Николая, самые завзятые гуляки раньше обыкновеннаго прекратили бражничанье и безъ шуму и обычныхъ „галасовъ“ расходились по домамъ. Скоро весь городъ потонулъ во мракѣ, и только темные силуэты замковыхъ башенъ и церквей чуть примѣтно рисовались на звѣздномъ небѣ.

На главной башнѣ замка часы пробили шесть, что по тогдашнему суточному счету означало полночь. Серебристый звонъ колокола гулко прозвучалъ надъ спящимъ городомъ—и замеръ мягкими, вибрирующими отзвуками, какъ бы смущаясь, что нарушилъ ночное безмолвіе. И снова все тихо; лишь издали, съ предмѣстьевъ, едва доносится лай собакъ и соловьиныя трели.

— „Вартуй! вартуй!“ раздается вдругъ протяжный окликъ изъ „вышняго“ замка, или дѣтинца.

— „Вартуй! вартуй!“ черезъ минуту доносится такой же окликъ изъ „окольнаго“ замка, отъ Глушецкой брамы.

— „Вартуй!..“ слабо отзывается гдѣ-то съ противоположнаго конца города.

То „сторо́жа“ замковая *„кличетъ“* на стѣнахъ замка, давая знать жителямъ, что они могутъ спокойно предаваться сну, что есть на замкѣ недремлющія очи, которыя не допустятъ ни злого татарина, ни другого непріятеля воспользоваться ночною темнотою и напасть въ расплохъ на спящій городъ. Впрочемъ, нынѣшнею ночью стражники очень уже лѣниво „кличутъ“, точно знаютъ, что сегодня некому наблюдать за ихъ бдительностью, такъ какъ панъ городничій Александръ Жоравницкій весь день прогулялъ на храмовомъ праздникѣ у своего тестя, владыки луцкаго Іоны Борзобогатаго, гдѣ поссорился съ братомъ своимъ Яномъ, и теперь спитъ словно мертвымъ сномъ; да и сами они, какъ добрые христіане, изрядно отпраздновавши „храмъ“, т. е. престольный праздникъ замковой церкви св. Іоанна Богослова, никакъ не могутъ противостоять искушеніямъ сна, возложивъ надежду на то,

что св. Николай никакъ не допуститъ въ канунъ своего праздника „поганыхъ“ татаръ напасть на христіанскій городъ. И по мѣрѣ того, какъ все погружается въ сонъ, перекликанія на замковыхъ стѣнахъ становятся все рѣже и рѣже, а далѣе и совсѣмъ умолкли, такъ что случись на ту пору непріятель, онъ развѣ лишь по громкому храпу, доносившемуся съ городскихъ стѣнъ, могъ бы заключить, что замковая „сторожа“ находится на своихъ постахъ.

Время уже близилось къ разсвѣту, когда черезъ базарную площадь промелькнули двѣ фигуры, осторожно прокрадывавшіяся по направленію къ Глушецкой „брамѣ“ (воротамъ). Здѣсь онѣ остановились на минуту, прислушиваясь къ мѣрному сопѣнію находившагося тамъ сторожа. Убѣдившись, что онъ мирно почиваетъ, прислонясь спиною къ стѣнѣ, таинственные незнакомцы осторожно приблизились и прикрѣпили къ воротамъ какой то бумажный листокъ. То же самое сдѣлали они у выѣздныхъ воротъ, ведущихъ къ Жидичину, у ратуши и въ другихъ мѣстахъ. У въѣздной брамы внутренняго замка они чуть было не попали въ бѣду: въ темнотѣ кто-то изъ нихъ неосторожно наступилъ на ногу спавшему у воротъ сторожу. Тотъ опрометью схватился и, полагая, что панъ городничій обходитъ сторожевые посты, съ просонковъ закричалъ: „Вартуй, вартуй!“ Убѣдившись, однако, что городничаго нѣтъ и въ поминѣ, и видя, что на его „кликанье“ не послѣдовало ни откуда отзыва, сторожъ перекрестился, выбранилъ въ слухъ „нечистого“ за его дурную привычку тревожить сонъ добрыхъ людей и, улегшись поудобнѣе, снова заснулъ крѣпче прежняго. А надъ его головой, на темномъ фонѣ крѣпостной стѣны, при слабомъ отблескѣ занимавшейся зари, едва обозначался какой то бумажный листокъ.

II.

Было чудное майское утро. Въ церквяхъ начался праздничный перезвонъ, и городскія улицы стали наполняться народомъ.

Вышелъ изъ своего дома престарѣлый владыка луцкій Іона Борзобогатый и, сопровождаемый немалой свитой, направился къ каѳедральной замковой церкви. Это былъ крупнаго сложенія

и высокаго роста старикъ, достаточно еще свѣжій и бодрый для своихъ 80 лѣтъ. На немъ была коричневая „чамлетовая референда" [1]), на головѣ круглая, отороченная дорогимъ мѣхомъ, бархатная шапка, какія носили тогда всѣ пожилые люди, духовные и свѣтскіе, и только золотой крестъ на груди, украшенный драгоцѣнными камнями, давалъ знать, что это не простой „презвитеръ" или „протопопъ", а самъ „его милость отецъ владыка". Клобука Іона не любилъ носить, и когда ему напоминали о томъ, отвѣчалъ обыкновенно: „Я не чернець и не повиненъ мѣти на головѣ тое страшилище—каптуръ". Опираясь на высокую трость въ серебряной оправѣ, медленно выступалъ владыка, останавливаясь поминутно, чтобы дать благословеніе встрѣчавшимся мѣщанамъ и перекинуться съ ними нѣсколькими словами. Владыка былъ простъ въ обращеніи и необыкновенно словоохотливъ. Кто только ни встрѣчался ему на пути—шляхтичъ ли, мѣщанинъ, или даже еврей, — онъ каждаго окликалъ по имени и находилъ, что̀ сказать ему, такъ какъ зналъ въ лицо едва ли не всѣхъ жителей Луцка и окрестностей, что́ было естественнымъ послѣдствіемъ долголѣтней дѣятельности его въ этомъ краѣ и при томъ на различныхъ поприщахъ. Когда-то, въ молодыхъ лѣтахъ, бывши еще красноставскимъ мѣщаниномъ, Борзобогатый по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ по Волыни; потомъ онъ былъ „целникомъ" волынскимъ, т. е. аренднымъ сборщикомъ торговыхъ пошлинъ, затѣмъ долгое время былъ войтомъ луцкимъ, а теперь въ старости довелось ему здѣсь же архипастырствовать. Большую сумму заплатилъ онъ королю и членамъ его „рады" за этотъ почетный санъ; за то теперь старался вознаградить себя сторицею за потерянныя траты и грабилъ церкви и духовенство безъ всякаго милосердія.

Поровнявшись съ церковью св. Димитрія, построенною, по преданію, княземъ Мстиславомъ, сыномъ Мономаха, владыка остановился и гнѣвно оглядѣлъ группу мѣщанъ, стоявшихъ въ нѣмомъ недоумѣніи и съ печальными лицами у запертаго храма.

[1]) *Референда*—родъ нынѣшней рясы. *Чамлетъ*, съ итал. comelotto (камлотъ), шерстяная матерія, очень прочная и въ то время очень дорогая, такъ какъ первоначально она выдѣлывалась исключительно изъ шерсти особой породы азіатской козы.

Завидѣвъ остановившагося владыку, многіе изъ толпы, неохотно обнаживъ головы, стали подходить подъ его благословеніе.

— „А для которои то причины, панове парохіяне, попъ вашъ не правитъ службы Божои въ такъ великое свято християнское?“ какъ-то загадочно спросилъ Борзобогатый.

— Для того, отче владыко, ижъ (что) ваша милость невѣдомо для якои потребы казалисте церкву нашу запечатати“,—сумрачно отвѣтили мѣщане.

— „Правда есть, ижъ я казалъ былъ ее запечатати и не только вашу, але и иншие вси церкви въ Луцку, яко то: троецкую, миколинскую, покровскую, панасовскую, рожественскую и михайловскую. Але иншие вси попове давно упокорилися и учинили ми досыть, и я имъ заразъ позволилъ службу Божую служити; а вашъ попъ и до сего часу смѣетъ и важится противенъ быти владзѣ моей пастырской“.

— „Нашъ презвитеръ есть чоловѣкъ вельми убогій и не можетъ такои подачки знести, якую ваша милость на немъ вытягти хочете, то есть десять копъ грошей“.

— „Ну, то вы, парохіяне, тое за него знесите“.

— „Мы тежъ, отче владыко, люде убогие и такого тягару неправного знести не можемо“.

— „То оставайтесь же и напредъ безъ хвалы Божои, якъ тые поганцы (язычники)!“ заключилъ владыка сердитымъ голосомъ.

Послѣ этого онъ подошелъ къ дверямъ церковнымъ, внимательно осмотрѣлъ ихъ и, убѣдившись, что снурки съ краснымъ воскомъ цѣлы и его именная печать съ гербомъ не повреждена, съ довольнымъ видомъ продолжалъ свое шествіе въ соборъ.

Приблизившись къ воротной башнѣ замка, владыка примѣтилъ прибитый къ стѣнѣ бумажный листъ. „Ужъ не новая ли это инфамія?“ подумалъ старецъ не безъ тревоги, вспомнивъ, что еще недавно на этомъ самомъ мѣстѣ красовался прибитый вознымъ королевскій универсалъ, оповѣщавшій всѣхъ и каждаго о томъ, что луцкій владыка приговоренъ къ лишенію чести (infamia) за наѣздъ на имѣніе сосѣда, сопровождавшійся грабежомъ и пролитіемъ крови. Вспомнивъ это, Іона остановился,

силясь старческими глазами прочесть, что было написано на заинтересовавшемъ его листкѣ.

— „То суть якіесь вирши, отче владыко!" доложилъ архіерейскій слуга.

У владыки отлегло отъ сердца.

— „Вирши? А ну, подай мнѣ тые вирши", приказалъ онъ, совсѣмъ успокоенный.

Листокъ былъ сорванъ и поданъ ему. При бѣгломъ взглядѣ на первыя строки этого листка, лицо владыки вдругъ побагровѣло и затряслись руки.

— „То якійсь нецнота, кламца и потварникъ [1]) написалъ той пашквиль!.. Урветъ ему катъ языкъ шкаредный зъ горла!" прогремѣлъ старый владыка, стуча посохомъ о каменныя плиты. „Добре наложу на тое—и або збудусь владыцтва, або позбавлю горла того потварника, що смѣетъ и важится наступовати на добрую славу и почтивость дому моего!"

Страшныя проклятія и угрозы лились рѣкой изъ устъ раздраженнаго старца по адресу неизвѣстнаго обидчика. Толпы прохожихъ останавливались и съ изумленіемъ глядѣли на эту странную сцену; но Іона не обращалъ ни на что вниманія. Казалось, гнѣву владыки не будетъ конца. Но въ эту минуту съ колокольни соборной церкви замѣтили приближеніе Борзобогатаго и подняли такой трезвонъ, что нельзя уже было разслышать его словъ; и старецъ, погрозивъ кому то рукой, отправился въ церковь, откуда для встрѣчи его вышло соборное духовенство въ облаченіяхъ, сорванный же листокъ онъ приказалъ отнести къ зятю и вручить ему „въ власные руки".

Въ то же самое время у городскихъ воротъ, у ратуши и въ другихъ мѣстахъ Луцка останавливались толпы мѣщанъ и пріѣзжихъ шляхтичей, чтобы узнать, что заключаютъ въ себѣ неизвѣстно откуда появившіеся листки, расклеенные повсюду и въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ обыкновенно прибивались для всеобщаго свѣдѣнія королевскіе универсалы, магистратскія и воеводскія распоряженія и другіе подобные документы. Толпы любопыт-

[1]) *Нецнота*—безчестный человѣкъ; *кламца*—лжецъ; *потварникъ*—клеветникъ.

ныхъ еще болѣе стали увеличиваться, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что это—не указъ о новыхъ пошлинахъ или налогахъ, не призывъ къ посполитому рушенію, а „*пашквиль*“ на жену мало популярнаго ключника и городничаго, дочь позорящаго своими дѣяніями православную церковь владыки-грабителя—и притомъ на женщину, не пользовавшуюся хорошей репутаціей въ городѣ.

Вотъ что было написано въ расклеенныхъ листкахъ:

Хто йдешъ мимо, стань годину,
Прочитай сюю новину.
Чи есть въ Луцку бѣлоглова, [1])
Якъ та пани ключникова?
Хочай вѣкъ подойшлый [2]) мае,
А розпусты [3]) не встыдае;
Убирается въ форботы [4]),
Лечъ не дбае про честноты [5])
На що модлы ей, офѣры? [6])
Абы були кавалѣры!
Лишъ малженокъ [7]) ѣдеть з двора—
Внетъ [8]) тутъ молодыковъ чвора!
Зъ ними учты и беседы [9])—
Не вертайся, мужу, теды!
Ой ты, мужу необачный!
Зроби жонѣ бенкетъ смачный:
Змажъ ю лоемъ зъ дхлого хорта, [10])
Ачей [11]) зженешъ з шкуры чорта;
Смаруй кіемъ надъ статечность,
Нехъ забуде про вшетечность [12])

Часъ спустя, слуги городничаго и Борзобогатаго бѣгали по городу и срывали расклеенные листки; но было уже поздно: сотни людей успѣли не только прочесть, но и выучить вирши наизусть; нашлись и такіе, что списали ихъ для памяти, и въ нѣсколько дней пасквиль во множествѣ экземпляровъ разошелся по всей Волыни.

---

[1]) Женщина. [2]) преклонный. [3]) распутство. [4]) кружева. [5]) добродѣтели. [6]) молитвы и жертвы. [7]) супругъ. [8]) тотчасъ. [9]) пирушки. [10]) дохлой собаки. [11]) авось [12]) развратъ.

III.

Печальный и задумчивый сидѣлъ въ своей свѣтлицѣ панъ ключникъ и городничій луцкій Александръ Марковичъ Жоравницкій. Живетъ онъ на свѣтѣ шестой десятокъ лѣтъ, а никогда еще не приходилось ему встрѣчать „роковое свято" въ такомъ печальномъ настроеніи, какъ сегодня. Начать съ того, что онъ поздно проснулся послѣ вчерашняго „храмованья" и проспалъ заутреню, а такой грѣхъ съ нимъ рѣдко случался. Всѣ въ Луцкѣ знали пана городничаго, какъ человѣка набожнаго, не пропускавшаго ни одной церковной службы,—не даромъ вѣдь онъ и самъ былъ архіерейскимъ сыномъ и женился на архіерейской дочери. Далѣе, припомнилась ему вчерашняя ссора съ братомъ Яномъ на обѣдѣ у тестя. Хотя и былъ онъ вчера въ „подпиломъ" состояніи, а помнитъ до мельчайшихъ подробностей эту неприличную сцену, когда предъ лицомъ архіереевъ, игуменовъ и цѣлаго сонма духовныхъ отцовъ, въ присутствіи престарѣлаго князя Богуша Корецкаго, воеводы волынскаго, и другихъ знатныхъ пановъ поносилъ онъ непристойными словами родного своего брата и даже бросался на него съ „добытою шаблею"... Хорошо, что князь-воевода взялъ его за руку и, уговаривая „лагодными" словами, отвелъ въ другую комнату,—не то, согрѣшилъ бы онъ, и смертельно.... Сколько разъ онъ давалъ себѣ слово не слушаться жены: пусть себѣ сколько хочетъ грызется съ „ятровкой", а ему съ братомъ не дѣло вмѣшиваться въ бабьи ссоры, а жить бы въ мирѣ да любви, памятуя слова, которыя такъ часто повторялъ „небожчикъ" отецъ ихъ, владыка Марко:

„Тому роду не буде переводу,
Въ которомъ братья милуютъ згоду".

Покойникъ хотя и не былъ настоящимъ владыкою, а только „нареченнымъ", потому что не хотѣлъ принимать посвященія, но правилъ епархіей какъ настоящій архіерей, былъ свѣдущъ въ писаніи и всегда внушалъ своимъ сыновьямъ благочестивыя правила. Старшаго брата своего Михайла, а ихъ дядю, что служилъ писаремъ у короля Сигизмунда Стараго, почиталъ онъ всегда какъ отца. Тотъ для него и „владычество" выхлопоталъ и.

умирая, завѣщалъ часть своего состоянія. Вотъ какъ жили братья въ старину! А у нихъ съ Яномъ безпрестанныя „сварки“ и „незгода“, и стало это повторяться все чаще съ тѣхъ поръ, какъ Янъ женился на Оленѣ Коптевнѣ. Правда, у него съ малыхъ лѣтъ обнаруживался уже злой и мстительный характеръ. Когда Янъ, будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, учился грамотѣ у покойнаго архимандрита жидичинскаго, и тотъ за что то велѣлъ постегать его „прутьями“, взбѣшенный этимъ „хлопецъ“ два дня пропадалъ въ монастырскомъ лѣсу, а на третій, ночью, поджегъ келью отца архимандрита, и только по особому, видно, покровительству угодника Николая случилось такъ, что св. обитель не сдѣлалась жертвою пламени. Въ другой же разъ—тогда Янъ занимался уже въ гродской канцеляріи,—разсердившись за что то на одного изъ подканцеляристовъ, онъ хватилъ его ножемъ въ животъ—да такъ, что тотъ на вторыя сутки и Богу душу отдалъ! Сколькихъ хлопотъ и денегъ стоилъ этотъ случай покойному отцу ихъ владыкѣ Марку! Но, все таки, не будь этой Коптевны, съ Яномъ можно было бы какъ нибудь ладить. Она—всему злу причина! Не даромъ ее не можетъ переносить пани городничая! Какъ только Олена прійдетъ къ нимъ въ домъ, то пани Ганна тотчасъ начнетъ морщиться и вдругъ обратится къ челяди: „Що то есть за причина, же в насъ на покояхъ *копотью* смердитъ? Чи не зъ пекарни занесло?“ Олена тотчасъ вспыхнетъ, какъ порохъ, и соберется уходить, а пани Ганна еще и припрашиваетъ: „посидь, пани-братова, за гостя будешъ!“ Олена, конечно, въ домѣ не посмѣетъ браниться, но лишь выбѣжитъ за ворота, остановится и подниметъ такую брань, что приходится спускать съ цѣпи собакъ, чтобы прогнать ее отъ воротъ. Конечно, и Ганнѣ не слѣдовало бы понапрасну дразнить эту осу; иначе та расплачется передъ мужемъ, настроитъ его, какъ захочетъ,—а тотъ прибѣжитъ, набросится звѣремъ на нихъ и начнетъ поносить невѣстку. Ужъ какъ они ее „на доброй славѣ шкалюютъ“, какіе позорныя про нее слухи распускаютъ!

И вся эта злоба не отъ чего другого, а отъ зависти. Имъ завидно, что старшій братъ, какъ только сталъ зятемъ владыки, тотчасъ получилъ урядъ ключника луцкаго, через два года сдѣ-

ланъ былъ городничимъ, а со временемъ, если Богъ продлитъ вѣкъ владыкѣ, можетъ быть, получитъ и староство или каштелянство; тогда какъ Янъ хотя и хвалится тѣмъ, что его „швагеръ"— королевскій писарь, но до сихъ поръ не получилъ никакого уряда. Правда, и то еще ихъ досадуетъ, что пани Ганна принесла мужу богатый „пбсагъ" [1]): кромѣ значительныхъ денежныхъ суммъ, отецъ владыка далъ за дочерью церковное имѣніе м. Жабче съ укрѣпленнымъ замкомъ и нѣсколько деревень, да сверхъ того Ганна имѣла богатое „вѣно", записанное ей первымъ мужемъ Янушемъ Гулевичемъ, сыномъ луцкаго епископа Ѳеодосія Гулевича; тогда какъ Янъ взялъ за женою только 700 копъ грошей. Но кто же тутъ виноватъ? Было бы ему не „квапиться" на красу молодой Коптевны, а искать себѣ въ жены богатую вдову.

Правда, Янъ претендуетъ, будто не получилъ сполна своей доли въ отцовскихъ имѣніяхъ и что ему не уплаченъ какой то старый долгъ. Пусть и такъ; но развѣ нельзя было бы уладить этого дѣла „лагоднымъ обычаемъ", по родственному? Слава Богу, у тестя владыки есть чѣмъ надѣлить не только родныхъ дѣтей, но и дальнихъ родственниковъ: сколько имѣній въ одной епископіи, пожалованныхъ князьями Свидригайломъ, Любартомъ и еще до Любарта бывшими князьями луцкими! А сколько сверхъ того маетностей, принадлежащихъ Жидичинскому монастырю, который отецъ владыка выпросилъ себѣ у короля! Поклонись ему Янъ да не обижай его дочери — и навѣрное отецъ владыка согласился бы записать ему на извѣстный срокъ любую церковную маетность подъ видомъ „заставы" или аренды. Развѣ онъ раньше не пользовался благодѣяніями владыки, пока былъ почтителенъ и не ссорился съ невѣсткою? Когда Янъ женился и на другой день свадьбы, „по доброй ночи", захотѣлъ сдѣлать приличный подарокъ молодой женѣ, то кто, какъ не владыка, далъ ему для этой цѣли золотой „крыжикъ" старинной работы, съ „діаментами", даръ какого то древняго князя чудотворному образу Пречистой Богородицы, что̀ въ соборной церкви! Вотъ и на вчерашнемъ „храму" Олена „красовалась" съ этимъ „кры-

[1]) Приданное.

жикомъ“ на шеѣ,—да изъ за него же и „бурда“ приключилась...

Пришли они съ Яномъ, незванные, въ домъ къ отцу владыкѣ,—не выгонять же ихъ было, да еще при такихъ гостяхъ! Олена сухо поздравила владыку съ „храмомъ“ и „святомъ“—и сразу же начала:

— „Бенкетуете, отче, зъ чужими, а про своихъ кревныхъ и забули есте!“

Владыка, занятый бесѣдою съ княземъ-воеводою, пропустилъ мимо ушей эту колкость. Сѣли за столъ. Все шло благополучно, только Олена глядѣла „фуріею“, красная, какъ „червець“, и мало ѣла; подъ конецъ же обѣда „всчалася бурда“. Начала то ее, впрочемъ, не Олена, а пани Ганна: напомнила ей про „крыжикъ“, какъ достался онъ ей, да и прибавила къ тому, что, молъ, кто не имѣетъ средствъ одѣваться въ дорогія „шаты“, тому не пристало носить такой „коштовный клейнотъ“ (драгоцѣнность), а лучше бы „офировать“ его „на хвалу Божую, до образу Пречистои“, откуда онъ и былъ взятъ „на якийсь только часъ, але не довѣчно“. Оленѣ, какъ младшей „братòвой,“ слѣдовало бы смолчать на то, что сказала старшая и при томъ хозяйка дома. А она въ отвѣтъ:

— „Правда есть, пани братòва, моихъ статковъ не выстачитъ на тое, ижбы (чтобы) я мѣла убиратися въ тые саяны коштовные, злотоглавы, брамки перловые, форботы венацкие, манели [1]), якъ твоя милость чинишъ, не памъятаючи на свои лѣта подойшлые,—бо мнѣ золотари не куютъ фальшивыхъ талярей, якъ тобѣ! Певно, памъятаешъ добре Яна золотаря, которого ты часъ не малый у себе ховала, въ Блудовѣ, въ свѣтлицѣ малой, въ саду, а онъ тобѣ гроши ковалъ, о чомъ была справа у суду? Тая справа еще не есть скончена, и не вѣдаешъ, може и тебе катъ потягнетъ на драбину!“

Конечно, Ганна не могла снести такую „неслыханную, бридкую обмову“ при стольких ъ свидѣтеляхъ! Она схватилась съ

---

[1]) *Саянъ*—верхнее женское платье; *злотоглавъ*—дорогая матерія въ родѣ парчи; *брамка перловая*—лента или тесьма на платьѣ, вышитая жемчугомъ; *форботы венацкие*—кружева венеціанскія; *манели*—браслеты.

мѣста и дала обидчицѣ звонкую пощечину... Олена вцѣпилась ей въ волосы. Вмѣшался въ свалку Янъ... И вотъ тутъ то и произошла та сцена, о которой такъ непріятно теперь вспоминать пану городничему. Вѣрно объ этомъ знаетъ уже весь Луцкъ. Какъ теперь показаться и въ храмъ Божій!..

Среди этихъ непріятныхъ воспоминаній, волновавшихъ пана городничаго, въ свѣтлицу вошла его жена. Ганна Ивановна была немолодая брюнетка, лѣтъ за сорокъ, высокаго роста, съ рѣзкими, но правильными, чертами лица, сохранившаго едва примѣтные слѣды былой красоты. Несмотря на толстый слой бѣлилъ, покрывавшій ея морщины, внимательный взглядъ легко могъ бы подмѣтить на ея суровомъ лицѣ нѣкоторыя подозрительныя пятна— слѣды вчерашней ссоры, какъ ни старалась она замаскировать ихъ при помощи всевозможныхъ натираній. Очевидно, она собралась идти въ церковь, потому что нарядилась, какъ княгиня. Поверхъ бархатнаго платья гранатоваго цвѣта съ серебрянымъ шитьемъ надѣтъ былъ атласный „саянъ", подолъ котораго былъ отдѣланъ „брамами (тесьмой) злотоглавовыми" въ три ряда, а обшлага расшиты золотомъ и жемчугомъ. На груди, изъ подъ широкаго вырѣза въ платьѣ, блистала „кошулька перловая", украшенная крупнымъ жемчугомъ и золотыми блестками, а поверхъ нея повѣшено драгоцѣнное ожерелье („завѣшенье"). На головѣ „чепецъ" изъ венеціанскихъ кружевъ („форботъ венацкихъ"), съ цвѣтными лентами, прикрытый не „намиткою" (пани городничая не особенно уважала старосвѣтскую моду), а новомоднымъ въ то время „беретомъ" изъ фіолетоваго бархата, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, прикрѣпленнымъ драгоцѣнною, сверкавшею алмазами, запонкою. Пани городничая на весь Луцкъ славилась нарядами и слѣдила за модой. Завистливыя „паніи" на всѣ лады пересуживали ее за это пристрастіе къ щегольству въ ея далеко немолодомъ уже возрастѣ; но она не обращала на эти толки никакого вниманія и, какъ на зло, носила самыя яркія и дорогія матеріи и еще больше навѣшивала на себя драгоцѣнностей.

Супруги Жоравницкіе выходили со двора, когда въ воротахъ встрѣтилъ ихъ слуга съ какимъ то листкомъ въ рукахъ. Увидѣвъ городничую, онъ смутился и хотѣлъ было спрятать бу-

магу за пазуху; но пани это замѣтила и потребовала ее.

— „Отецъ владыка казали отдати тую цыдулу его милости пану городничому въ власные руки“, успѣлъ заявить только смущенный слуга.

Жоравницкій протянулъ за листкомъ руку, чтобы взять его, но Ганна поспѣшила вырвать его изъ рукъ оторопѣлаго слуги и тутъ же начала читать... Боже! какъ жестоко была наказана она за свое любопытство! Въ одну минуту на лицѣ ея, преобразившемся отъ злобы, сквозь слой бѣлилъ выступили багровыя пятна—и она здѣсь же, среди двора, на виду у сбѣжавшейся челяди, разразилась страшными проклятіями по адресу всѣхъ и каждаго, а болѣе всего по адресу оторопѣлаго мужа, не понимавшаго причины того, что предъ нимъ происходило.

IV.

Въ домѣ владыки шли совѣщанія. Собралась вся его семья: сынъ Василій съ невѣсткою, младшая дочь Марья Рогозинская съ мужемъ; судили-рядили и ни къ чему не пришли въ вопросѣ, какъ отомстить за честь фамиліи, опозоренной дерзкимъ пасквилянтомъ. Пани городничая слегла въ постель и поклялась не вкушать пищи, пока нанесенная ей обида не будетъ смыта кровью обидчика. Слабохарактерный супругъ ея совсѣмъ потерялъ голову: ему ли выступать въ роли рыцаря-мстителя? Пусть бы еще противъ чужого, но какъ поднять руку на родного брата!.. Да, вся семья Борзобогатыхъ была убѣждена въ томъ, что „пашквиль“—дѣло рукъ Яна и Олены Жоравницкихъ. Они едва ли не первые познакомили волынцевъ съ этой „пакостной“ литературой. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда Борзобогатые вели жестокую войну съ волынскимъ каштеляномъ Мышкою-Варковскимъ и изо дня въ день ломали голову надъ тѣмъ, какую бы учинить ему новую непріятность,—молодая невѣстка ихъ Олена, часто проживавшая до замужества въ Вильнѣ, какъ то разсказала имъ, что дядя ея Василій Копоть, враждуя съ какимъ то паномъ, сочинилъ про него „пашквилюсъ“ до того остроумный, что всѣ

придворные и самъ король не могли читать его безъ смѣха. Олена даже знала его наизусть и когда прочла, то Борзобогатые въ одинъ голосъ выразили сожалѣніе, что некому сочинить такую „пакость“ и на ихъ „вôрога“. За эту мысль схватился именно Янъ и съ помощью Олены сложилъ „вирши“ до того злыя и „уразливыя“, что когда Борзобогатые распространили ихъ по городу, то пани Варковская готова была грызть себѣ руки отъ злости. И съ тѣхъ поръ, лишь только поссорится съ кѣмъ Янъ, того и гляди—появится пасквиль. Наконецъ, у Борзобогатыхъ имѣлось и болѣе положительное доказательство того, что авторъ пасквиля—Янъ: на улицѣ схваченъ былъ одинъ изъ его слугъ, и когда его хорошенько допросили, то подъ „кіями“ онъ выдалъ своего пана.

Но этихъ данныхъ не было достаточно для того, чтобы начать судебный процессъ, и Борзобогатые, привыкшіе за свой вѣкъ къ тяжбамъ, знали это не хуже всякаго юриста. Судъ потребуетъ положительныхъ уликъ противъ обвиняемаго—а ихъ и нѣтъ на лицо. Не могли же Борзобогатые сдѣлать на судѣ признаніе, что Янъ, по ихъ порученію, сочинялъ пасквили на счетъ Варковскихъ! Показаніе слуги на судѣ не будетъ имѣть никакой цѣны, такъ какъ, по статуту, слуги не могли быть свидѣтелями противъ своихъ пановъ; притомъ же, слуга на судѣ навѣрно откажется отъ своего показанія, объяснивъ, что оно вынуждено пыткой.

Но такъ или иначе, дѣло требовало исхода! Не оставлять же безнаказаннымъ такой вопіющій проступокъ, какъ „обрáза“ благородной женщины, а въ ея лицѣ и цѣлой фамиліи! Мщенія требовали не одни только обиженные, но и ихъ совѣтники, и каждый изъ нихъ спѣшилъ предложить свой проектъ. Отецъ владыка отъ себя предложилъ, что онъ позоветъ Яна къ своему духовному суду и торжественно предастъ его церковному проклятію, съ „гашеніемъ“ свѣчей и похороннымъ звономъ. Въ первую минуту мысль эта пришлась всѣмъ по душѣ, но потомъ взяло всѣхъ раздумье: приведетъ ли эта мѣра къ чему нибудь существенному? Было время, когда отлученіе отъ церкви служило въ рукахъ польскаго духовенства страшнымъ оружіемъ противъ непокорныхъ шляхтичей, когда имѣнія отлученнаго, если

онъ въ теченіе извѣстнаго срока не успѣвалъ примириться съ церковью, подвергались конфискаціи и самъ онъ объявлялся лишеннымъ всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ; но время это давно миновало. Съ Петроковскаго уже сейма 1562—63 гг. церковное проклятіе не влекло за собою никакихъ юридическихъ послѣдствій и потеряло всякое иное значеніе, кромѣ религіознаго. Янъ же не принадлежалъ къ числу тѣхъ особенно набожныхъ людей, которые боятся „проклятія," тѣмъ болѣе еще, что трудно было бы его обвинить въ нарушеніи церковныхъ каноновъ, влекущемъ за собою такую мѣру. Болѣе дѣйствительнымъ казался совѣтъ, предложенный невѣсткою владыки, княжною Ганною Сокольскою, прославившеюся впослѣдствіи тѣмъ, что, лично предводительствуя отрядами конницы и артиллеріи, она мужественно отразила шляхетское ополченіе цѣлаго воеводства, явившееся по королевскому приказу для взысканія съ ея мужа денежной суммы въ пользу князя Андрея Курбскаго [1]). Эта воинственная дама, въ то время еще молодая женщина, предложила собрать побольше людей, напасть ночью на домъ Яна, взять его вмѣстѣ съ женою, заковать въ цѣпи и морить въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока они публично не испросятъ прощенія у пани городничей. Но воинственной дамѣ мужъ ея, королевскій секретарь, опытный юристъ, не замедлилъ объяснить, что за подобное насиліе, учиненное въ большомъ городѣ и притомъ—во время междуцарствія, въ періодъ дѣйствія чрезвычайныхъ законовъ и „каптуровыхъ" судовъ, можно поплатиться если не головой, то по меньшей мѣрѣ изгнаніемъ изъ отечества („банниціей"); и что, напротивъ, желательно было бы подвинуть на подобное дѣло самого Яна, чтобы затѣмъ подвести его подъ „банницію" и принудить его, къ чему имъ будетъ угодно. Этотъ практически-мудрый совѣтъ менѣе всего могъ быть одобренъ панею городничею, которой въ такомъ случаѣ предстояло бы послужить главнымъ объектомъ насильственныхъ дѣйствій со стороны Яна, и потому она по прежнему настаивала, чтобы мужъ ея вызвалъ

---

[1]) Объ этомъ подвигѣ княжны Сокольской см. „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. II, стр. 77."

брата на поединокъ и перевѣдался бы съ нимъ за честь жены, „якъ то люди шляхетского народу обычаемъ рыцерскимъ чинити звыкли;“ панъ же городничій робко возражалъ противъ этого требованія, ссылаясь на то, что отъ него, стараго человѣка, требуютъ невозможнаго—рѣшимости на братоубійство. Шумѣли, спорили, но ни къ какому опредѣленному рѣшенію не пришли.

За то противная сторона оказалась болѣе рѣшительною. Два дня спустя къ городничему явился возный съ двумя шляхтичами и заявилъ, что имѣетъ вручить его женѣ какой-то „листъ“. Когда вышла пани Ганна въ сопровожденіи родственниковъ, возный подалъ ей листъ, говоря:

— „То есть цыдула отповѣдная вашей милости отъ пана Яна Жоравницкаго.“

Всѣ присутствовавшіе такъ и ахнули отъ изумленія. Какова, въ самомъ дѣлѣ, дерзость этого человѣка: публично оскорбить женщину—и ей же присылать еще угрожающія письма! Вотъ что стояло въ „цыдулѣ“:

„Пани Жоравницкая! Добре наслухалися уши мои одъ многихъ зацныхъ людей, ижъ ты, запомнивши боязни Божои и повинности хрестиянскои, зъ природнои злости своеи, мене на учтивости моей кривдишъ и тое задаешъ, чого на мене, чоловѣка учтивого, николи довести не можешъ; а не маючи на тому досыть, служебниковъ моихъ ловити кажешъ, битьемъ и вязеньемъ [1]) ихъ мордуешъ, на здоровье мое стоишъ и мужа своего до того примушаешъ, хотячи мене позбавити горла, чого вамъ Богъ справедливый николи не допоможе. Проте отповѣдаю тобѣ, ижъ я за тую кривду и зелживость ни на чомъ иншомъ, одно на горлѣ твоемъ шукати и мститися буду. Вѣдай о томъ и не презпечайся ни въ дому, ни въ дорозѣ, ни въ церкви, ни на беседѣ; зори не досыпай, бо не вѣдаешъ, отколь тебе злое споткаетъ! За тымъ ся Пану Богу поручаю. Янъ Жоравницкий рука власна“.

Это была обычная въ то время форма объявленія вражды. Если кто считалъ себя обиженнымъ кѣмъ-либо и не хотѣлъ искать удовлетворенія судомъ, то посылалъ противнику угрожаю-

[1]) *Вязенье*—заключеніе.

щее письмо („цыдулу отповѣдную)“, объявляя о своемъ намѣреніи мстить ему всякими способами до лишенія жизни включительно. То была черта древняго славянскаго права, остатокъ отдаленной эпохи кровавой мести, удержавшійся въ южной Руси до XVII ст., несмотря на свое рѣшительное противорѣчіе основнымъ положеніямъ дѣйствовавшаго тогда права. Литовскій статутъ строго воспрещалъ всякаго рода „похвалки“ и „отповѣди“ (угрозы); „отповѣдь“ же „на горло“ (на смерть) разсматривалась статутомъ, какъ уголовный проступокъ, виновный въ которомъ, въ видахъ пресѣченія ему возможности привести угрозу въ исполненіе, немедленно отдавался на поруки, а если не находилъ за себя поручителей, то подвергался тюремному заключенію впредь до полнаго примиренія съ тѣмъ лицомъ, противъ котораго направлена была угроза [1]). Это предписаніе закона на практикѣ весьма рѣдко исполнялось. Мало того, не въ рѣдкость было, что угрожающій лично являлся въ урядъ, заявлялъ о своемъ намѣреніи объявить извѣстному лицу вражду, при чемъ просилъ еще дать ему вознаго для врученія противной сторонѣ формальнымъ порядкомъ грозительнаго письма. И урядъ, вопреки статуту, спокойно принималъ подобное заявленіе, отряжалъ вознаго и вносилъ „цыдулу“ въ актовыя книги. Такъ велика еще была тогда сила стариннаго обычая! Тотъ, кто получалъ „отповѣдную цыдулу“, отправлялъ ее, вмѣстѣ съ жалобой, въ судъ, а самъ обыкновенно запирался въ домѣ и не рѣшался ни выходить, ни выѣзжать никуда—до тѣхъ поръ, пока родственники и пріятели или помирятъ его съ противникомъ, или испросятъ для него у короля (а иногда у мѣстнаго воеводы или старосты) такъ называемый „заручный листъ“, который затѣмъ формально, черезъ вознаго, вручатъ противнику. Въ этихъ листахъ грозителю обыкновенно строго внушалось не прибѣгать къ самоуправству и сверхъ того на него налагалась денежная „зарука“ отъ 500 до 2000 копъ грошей, которая взыскивалась съ него въ королевскую казну въ случаѣ допущенія имъ какого либо насилія по отношенію къ противнику или его семейству и домочадцамъ,—помимо уголов-

---

[1]) Лит. Статутъ, 2-й ред., раздѣлъ 11-й, арт. 11-й.

ной отвѣтственности за самый проступокъ. Такъ какъ между братьями Жоравницкими и раньше случались ссоры, при чемъ дѣло не обходилось безъ „похвалокъ“ и „отповѣдей“, то у пана городничаго имѣлся уже наготовѣ „заручный листъ“ противъ брата. Правда, листъ этотъ выданъ былъ еще королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, умершимъ незадолго предъ тѣмъ; но отъ этого онъ не потерялъ своей силы. Да въ ту пору и не у кого было испрашивать свѣжихъ листовъ: король Генрихъ сбѣжалъ съ королевства, а новаго короля еще не выбрали.

На другой день возный, въ сопровожденіи шляхтичей, отправился къ Яну Жоравницкому и нашелъ его среди двора, возлѣ плотниковъ, тесавшихъ колоды. Возный объяснилъ ему, съ какимъ онъ порученіемъ явился, и подалъ „заручный листъ“. Янъ молча пробѣжалъ его, посмотрѣлъ насмѣшливо на featuresнаго и понятыхъ и, поднявъ съ земли щепу, произнесъ:—„Повѣдай отъ мене пану городничому: пожиточнѣйшая ми есть тая трѣска, а нижли тотъ листъ королевскій. Уже той король умеръ, що листъ далъ, а зъ нимъ и его право умерло. А тая вшетечница [1]) нехай ся мене добре стережетъ, бо мовлю ей певне, ижъ моихъ рукъ не втечетъ!“

Возвратившійся возный буквально передалъ сказанное ему Яномъ, и пани городничая, хорошо знавшая характеръ своего родственника, сочла болѣе благоразумнымъ запереться на нѣкоторое время въ домѣ и не показываться иначе на улицу, какъ подъ охраной цѣлой толпы слугъ.

V.

Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Наступилъ іюнь—время сбора *червца* [2]), начало полевыхъ работъ. Въ такую пору какая же добрая „господарка“ могла

[1]) *Вшетечница*—развратница. Рѣчь идетъ о Ганнѣ Жоравницкой.

[2]) *Червецъ*—coccus polonicus, особый родъ насѣкомаго, изъ котораго добывалось красящее вещество „кармазиноваго“ цвѣта, употреблявшееся для окрашиванія суконъ и др. матерій. Въ XVI ст. червецъ былъ въ большомъ употребленіи на Волыни и даже служилъ предметомъ вывозной торговли. Впослѣдствіи онъ былъ вытѣсненъ въ мануфактурномъ производствѣ американской кошенилью.

оставаться въ городѣ! Не выдержала домашняго заключенія въ городѣ и Ганна Жоравницкая и переѣхала со всѣмъ домомъ въ Жоравники [1]), родовое имѣніе мужа—то самое, изъ-за котораго Янъ велъ тяжбу съ братомъ. Скоро по переѣздѣ туда пришло извѣстіе о банкротствѣ гданскаго купца Гануса Копфа, которому Александръ Жоравницкій и владыка Борзобогатый ежегодно поставляли въ кредитъ значительное количество хлѣба и лѣсныхъ товаровъ, сплавляя ихъ, весеннимъ половодьемъ, на собственныхъ „комягахъ“ по Бугу и Нѣману. Такъ какъ за Копфомъ оставались значительные долги, то для обезпеченія уплаты ихъ Александръ Жоравницкій, посовѣтовавшись съ тестемъ, рѣшился отправиться въ Гданскъ [2]), наказавъ женѣ не засиживаться въ деревнѣ и поскорѣе возвращаться въ городъ. Какъ ни торопилась Ганна съ своимъ отъѣздомъ, но не успѣла и въ Жоравники нагрянулъ таки Янъ съ отрядомъ своихъ слугъ и съ наемной ротой польскихъ жолнеровъ. У Ганны же вся охрана состояла изъ десяти человѣкъ слугъ, не считая дворовой „челяди“. Съ такими силами нельзя было отразить нападеніе, тѣмъ болѣе что панская усадьба въ Жоравникахъ обнесена была лишь „дылеваньемъ“ (досчатымъ заборомъ) и при ней не существовало никакого укрѣпленія. Не прошло и часа, какъ Ганна и ея дочь отъ перваго брака Настасья Гулевичевна, избитыя и окровавленныя, сидѣли въ „коморѣ“ подъ стражей, а домъ со всѣмъ имуществомъ подвергся грабежу. Впрочемъ, мстительность Яна этимъ лишь и ограничилась; на другой день онъ велѣлъ вывести плѣнную невѣстку, вмѣстѣ съ ея дочерью и челядью, за село и отпустить на всѣ четыре стороны, а имѣніе Жоравники съ приселками Ржищовымъ и Волицею удержалъ въ своихъ рукахъ.

Когда узналъ объ этомъ владыка Борзобогатый, то повелѣлъ собирать большое ополченіе, думалъ было даже взять пушки съ епископской башни въ луцкомъ замкѣ съ тѣмъ, чтобы идти наказать дерзкаго „кгвалтовника“. Съ большимъ трудомъ успѣлъ отклонить его отъ этого намѣренія сынъ его Василій, убѣдивъ

[1]) Находилось въ юго-зап. углу нынѣшняго владиміръ-вол. у. близъ границъ Галиціи, къ З. или СЗ. отъ м. Дружкополя. Нынѣ не существуетъ.

[2]) Нынѣшній Данцигъ.

его въ томъ, что теперь Янъ—въ ихъ рукамъ, и что его легко будетъ заставить не только возвратить захваченныя имѣнія, но и дать, какое потребуютъ отъ него, удовлетвореніе за пасквиль и за всѣ прежніе „деспекты", если только не горячась и съ умѣніемъ повести противъ него дѣло. Не ожидая возвращенія зятя, молодой Борзобогатый быстро исполнилъ всѣ формальности, необходимыя для начатія процесса: занесъ жалобы, истребовалъ возныхъ для дознанія, подыскалъ свидѣтелей и т. под.

Насталъ день суда. Когда возный, по обычаю, троекратно сталъ „кликать" отвѣтчика, то вмѣсто Яна выступилъ его слуга съ письмомъ, въ которомъ Янъ объяснялъ суду, что имѣніе Жоравники имъ отобрано, какъ своя отчина, незаконно присвоенная братомъ, и что онъ считаетъ себя въ правѣ не являться на судъ, такъ какъ въ врученномъ ему позвѣ невѣрно прописанъ титулъ старосты: вмѣсто „князь Богушъ Корецкій, староста Луцкій и *Вѣницкій*" (т. е. Винницкій), написано: „*Венацкий*" (т. е. Венеціанскій). Судъ не призналъ, однако, основательной эту казуистическую отговорку и постановилъ декретъ, которымъ обязалъ Яна: немедленно возвратить отнятыя имъ имѣнія, заплатить истцу 2800 копъ грошей за „кгвалтъ (насиліе), бои и раны" и вознаградить понесенные имъ убытки; а за то, что Янъ осмѣлился не явиться на позовъ и „учинилъ ся праву посполитому непослушнымъ", судъ, согласно статуту, постановилъ донести о томъ королю для „выволанья" ослушника „зъ панствъ", т. е. изгнанія его изъ предѣловъ государства. Къ несчастію, приговоръ этотъ не могъ быть скоро приведенъ въ исполненіе: въ ту пору не было въ Польшѣ короля, который одинъ имѣлъ право подвергать виновныхъ „выволанью"; поэтому Янъ и подобные ему своевольные паны при безкоролевьи дѣлали, что хотѣли, сознавая вполнѣ свою безнаказанность до поры—до времени. Имѣя это въ виду, судъ сдѣлалъ слѣдующее дополненіе къ своему декрету: „А бачачи тое, ижъ на сесь часъ въ себе короля не маемо, и вѣдаетъ то одинъ Панъ Богъ, якъ скоро его мѣти будемъ; а уважаючи, ижъ въ такихъ справахъ великое въ справедливости людской омешканье дѣется: укривженый плачетъ, а кривду чинячий веселится,—прото, забѣгаючи тому, абы ся впе-

редъ такъ не дѣяло, а справедливость святая скоро укривженыхъ доходила, такъ собѣ вси одностайне, одномыслне и згодливе, которые справедливость святую милуемъ, тотъ артыкулъ поправляемъ, а пришлый (будущій) король, тотъ артыкулъ въ статутъ нашъ вписати росказавши, подтвердити его намъ будетъ повиненъ", чтобы въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, самому суду гродскому предоставлено было право произносить и приводить въ исполненіе декретъ о „выволаньи". А пока, все таки Яна Жоравницкаго представить будущему королю „къ выволанью, яко кгвалтовника и розливцу крови."

Недолго, однако жъ, продолжалъ „веселиться кривду чинячій". Въ декабрѣ 1575 г. прекратилось наконецъ всѣмъ надоѣвшее interregnum, и королемъ былъ избранъ знаменитый Стефанъ Баторій. Еще новый король не успѣлъ короноваться, а уже Александръ Жоравницкій поѣхалъ въ Варшаву хлопотать о приведеніи въ исполненіе судебнаго декрета по дѣлу съ братомъ.

И точно, спустя нѣсколько недѣль, въ Луцкѣ, въ одинъ изъ базарныхъ дней, старостинскіе слуги прибивали къ дверямъ соборной церкви, къ воротамъ замка, къ стѣнамъ ратуши копіи королевскаго универсала, а возный, держа надъ головой подлиникъ того же универсала, разъѣзжалъ по городу и, останавливаясь въ наиболѣе многолюдныхъ мѣстахъ, громко возглашалъ:

— „Панове! То есть листъ его королевскои милости, пана нашого милостивого, до вѣдомости всихъ належачий и вельми потребный."

Всѣ останавливались и съ почтеніемъ слушали то, что во всеобщее свѣдѣніе читалъ возный.

„Стефанъ, Божою милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Киевский Волынский, Подляский, Инфлянтский, панъ и княжа Седмигродский. Всимъ вобецъ (вообще) и кождому зъ-особна, всякого вряду, достоинства и стану людемъ, обывателемъ панствъ нашихъ, ознаймуемъ, ижъ мы, господарь, выконываючи дальший поступокъ строгости права посполитого и забѣгаючи тому, абы ся жадная свовольность и непослушенство вряду въ панствахъ нашихъ не дѣяла, шляхетного Яна Жоравницкого, яко кгвалтов-

ника и розливцу крови а вряду нашого непослушного, зо всихъ земль панствъ нашихъ выволати есмо велѣли, якожъ и симъ листомъ нашимъ его выволанцемъ чинимъ, отъ сполку и обцованья людей учтивыхъ вылучаемъ; о чомъ до всихъ вѣдомости приводячи, росказуемъ, абы вже одъ того часу нихто помененого Яна Жоравницкого въ себе въ домахъ не переховывалъ, товариства зъ нимъ никоторого вести не важился, помочью, радою (совѣтомъ) а ни хутью ему помоченъ ни въ чомъ не былъ, и во всемъ зъ нимъ, яко зъ выволанцомъ, ся заховалъ, для ласки нашои королевскои и подъ винами, въ правѣ посполитомъ описанными, иначей не чинячи. Данъ..... (и проч.). Stephanus Rex."

Такая же точно публикація производилась потомъ по всѣмъ окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ и кромѣ того могла быть произведена всюду, гдѣ признавалъ то нужнымъ обвинитель. Послѣ того „выволанцу" (иначе „банниту") предоставлялся льготный 12-ти недѣльный срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ или вступить въ миролюбивое соглашеніе съ противникомъ, или судебнымъ порядкомъ доказать, что банниція исходатайствована неправильно; въ противномъ случаѣ, если онъ не хотѣлъ покидать родины, его постигала горькая участь. Имѣнія баннита отбирались въ казну или же поступали въ удовлетвореніе иска противной стороны. Самъ онъ становился внѣ покровительства закона, долженъ былъ оставить домъ, семью и вести жизнь скитальца, безпрестанно преслѣдуемаго грознымъ мстителемъ. Всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго, такъ какъ за малѣйшую услугу, оказанную банниту, легко было подвергнуться обвиненію въ укрывательствѣ и за то поплатиться банниціей, а въ иныхъ случаяхъ даже головой [1]). Эта угроза одинаково относилась къ друзьямъ, родственникамъ баннита и даже къ членамъ его семьи—къ женѣ и дѣтямъ. За „выволанцемъ" не признавалось болѣе никакихъ гражданскихъ или человѣческихъ правъ: всякій и вездѣ могъ схватить его, заключить подъ стражу и вообще поступить съ нимъ во всемъ по своему желанію, не опасаясь за то никакой отвѣтственности; даже въ случаѣ убійства

---

[1]) Лит. Статутъ 1566 г., розд. II, арт. 5.

баннита родственники его не могли преслѣдовать убійцу судомъ [2]). Конечно, на практикѣ всѣ эти лишенія значительно смягчались, а люди знатные и богатые, находясь и подъ „банниціей", жили припѣваючи. Янъ Жоравницкій не принадлежалъ къ числу магнатовъ, и ему необходимо было позаботиться о томъ, чтобы избѣжать печальной участи „выволанца." Въ прежнее время, въ особенности при королѣ Генрихѣ, можно было дешевымъ способомъ добыть изъ королевской канцеляріи „поднесенье выволанья" (sublevatio bannitionis), т. е. королевскій листъ объ отсрочкѣ исполненія банниціи на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, по истеченіи котораго выпрашивалась новая „сублеваціа." Съ этимъ намѣреніемъ Янъ Жоравницкій отправился въ Варшаву и обратился за содѣйствіемъ къ своему родственнику Станиславу Жолковскому [3]), пользовавшемуся расположеніемъ вліятельнаго уже въ то время короннаго подканцлера Яна Замойскаго. Но Жолковскій объяснилъ Яну, что теперь въ королевской канцеляріи не тѣ уже порядки, что были за Генриха, что новый король неумолимъ въ преслѣдованіи ослушниковъ „права посполитого", и потому на „поднесенье" нечего надѣяться, а слѣдуетъ какъ можно скорѣе иначе покончить съ братомъ, т. е. примириться съ нимъ. Нечего было дѣлать: поклонился Янъ Жолковскому и сталъ просить его быть посредникомъ въ дѣлѣ примиренія. Тотъ не отказался и въ скоромъ времени лично прибылъ на Волынь мирить родичей.

Надо замѣтить, что по литовскому статуту порядокъ судебнаго преслѣдованія былъ общій для дѣлъ гражданскихъ, какъ и для уголовныхъ; и тѣ и другія разсматривались, какъ частныя правонарушенія. Поэтому всякое уголовное дѣло могло быть въ каждую минуту пріостановлено или даже вовсе прекращено, если только обвиняемый заключалъ мировую сдѣлку съ потерпѣвшимъ или его наслѣдниками. Тогда всѣ декреты, въ томъ числѣ и королевскіе, хотя бы въ нихъ заключался смертный приговоръ пре-

---

[2]) Тамъ же, роздѣлъ 11, арт. 4.

[3]) Младшій братъ Яна, Михайло Марковичъ Жоравницкій былъ женатъ на родной сестрѣ знаменитаго впослѣдствіи гетмана, Ганнѣ Жолковской. Кн. Кіевск. Центр. Архива. № 963, л. 863.

ступнику, тотчасъ теряли силу и были отмѣняемы. Такимъ образомъ и въ настоящемъ случаѣ судьба Яна вполнѣ зависѣла отъ великодушія брата и невѣстки. Сверхъ ожиданія, Борзобогатые, повидимому, благосклонно отнеслись къ предложенію Яна и велѣли ему передать, что они не отказываются отъ примиренія, если онъ „учинитъ покóру.“ Ободренный этимъ и разсчитывая на посредничество Жолковскаго, Янъ рѣшился лично отправиться къ брату и невѣсткѣ и, съ видомъ кающагося грѣшника, униженно сталъ просить у нихъ извиненія не только за наѣздъ и побои, но и за „пашквиль“... Это только и нужно было Борзобогатымъ. Теперь они категорически объявили, что согласны прекратить дѣло только тогда, когда получатъ отъ Яна и его жены „слушное“ удовлетвореніе не только за наѣздъ и побои, но и за „деспектъ и образу“, т. е. за пасквиль, а въ какой формѣ должно быть дано это удовлетвореніе—о томъ пусть разсудятъ полюбовные судьи, избранные изъ числа пріятелей той и другой стороны. Тутъ только сообразилъ Янъ, что попалъ въ ловушку, да ужъ поздно было отрекаться отъ признанія, сдѣланнаго въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей. Онъ вынужденъ былъ согласиться на требованіе Борзобогатыхъ, разсчитывая на то, что авось полюбовные судьи хоть немного усладятъ горькую чашу, какую—онъ это предчувствовалъ—прійдется выпить ему, чтобы удовлетворить жажду мести противниковъ.

Въ условленный срокъ въ с. Милятинѣ, въ домѣ луцкаго земскаго судьи Гаврила Бокія, съѣхались въ числѣ восьми человѣкъ полюбовные судьи, по четыре съ каждой стороны. То были все знатные люди: брацлавскій каштелянъ Василій Загоровскій, королевскій писарь Василій Древинскій, владимірскій подкоморій Александръ Семашко, Станиславъ Жолковскій, панъ Бокій и др. Тутъ же находились и обѣ стороны—истецъ и отвѣтчикъ съ родственниками, но, согласно обычаю, въ совѣщаніяхъ они не принимали личнаго участія, а свои заявленій дѣлали чрезъ посредство судей—пріятелей. Первый пунктъ „еднанья“ былъ выработанъ и принятъ безъ затрудненія: Янъ Жоравницкій обязывался немедленно возвратить отнятыя имѣнія и заплатить всѣ убытки „на голое реченіе слова“ противной стороны, т. е. сколько

ими будетъ назначено. Зато не мало споровъ вызвало требованіе истцовъ, чтобы Яна подвергнуть „вязенью", т. е. заключенію въ замкѣ. Собственно говоря, сами уполномоченные отвѣтчика не отвергали этого требованія, а споръ шелъ лишь о томъ: сидѣть ли Яну въ „вежѣ" (башнѣ) „на кганку", т. е. верхнемъ помѣщеніи башни, куда обыкновенно сажали шляхтичей, или въ подземельи (in profundo), гдѣ терпѣли заключеніе узники „простого стану, а изъ привилегированныхъ только тяжкіе преступники, и какой именно срокъ должно продолжаться его заключеніе. Послѣ долгихъ дебатовъ этотъ вопросъ былъ улаженъ: Янъ Жоравницкій долженъ „седѣти на мѣстцу звыкломъ—на кганку" всего лишь—„три *годины*": „а по тыхъ трехъ годинахъ" панъ городничій и его жена, по просьбѣ пріятелей заключеннаго, „маютъ его с того вязенья вызволити [1]); а Янъ съ женою, не сходячи зъ замку, маютъ перепросити ихъ" [2]). Но какъ „перепросити?" „*Съ карты*," т. е. по формулѣ, выработанной пріятельскимъ судомъ. Составленіе текста этой формулы вызвало самыя ожесточенныя пренія. Ганна Жоравницкая упорно настаивала, чтобы Янъ не только публично „одмовилъ" (т. е. взялъ назадъ) то, что написано про нее въ пасквилѣ, но чтобы „одмова" эта учинена была по формулѣ, установленной на подобный случай въ статутѣ: „што есми менилъ на тебе" то-то и то-то, „въ томъ на тебе *брехалъ якъ песъ*," [3]) и чтобы все это—и сидѣнье въ „вежѣ", и публичное извиненіе происходило въ Луцкѣ въ ближайшую судебную сессію, во время съѣзда шляхты со всего повѣта.—Два дня шли споры изъ-за этого требованія. Самъ панъ городничій находилъ его чрезмѣрнымъ. Напрасно пріятели Яна

---

1) Освободить изъ того заключенія.

2) Просить извиненія.

3) Впослѣдствіи въ судебной практикѣ на Литвѣ и въ южной Руси обрядъ извиненія за клевету былъ осложненъ еще болѣе унизительною для виновнаго подробностью. Въ XVII—XVIII ст. обычай требовалъ, чтобы обвиненный въ присутствіи суда ползкомъ подлѣзъ подъ лавку и оттуда произнесъ извинительную рѣчь, закончивъ ее формулой: „брехалъ якъ песъ"—и вслѣдъ за тѣмъ онъ долженъ былъ оттуда же, изъ подъ лавки, *трижды пролаять пособачьи*. Это называлось на судебномъ языкѣ: „одмавять и щекать." Объ этомъ обрядѣ см., напр., Акты Виленск. Коммиссіи т. XV, № 83.

упрашивали Ганну освободить брата своего мужа отъ такого неслыханнаго униженія: она была неумолима, и лишь благодаря настояніямъ Жолковскаго согласилась на то, чтобы выраженіе „брехалъ якъ песъ" было замѣнено другимъ, не столь рѣзкимъ.

Что оставалось дѣлать Яну? Льготный срокъ былъ на исходѣ; на отсрочку банниціи не было никакой надежды; поэтому, скрѣпя сердце, онъ подписалъ постановленіе пріятельскаго суда и обязался за себя и за жену исполнить его во всей точности.

VI.

Черезъ двѣ недѣли наступили „рочки" (сессія) луцкаго гродскаго суда и одновременно съ ними открылись засѣданія сеймика, въ которомъ должны были принять участіе дворяне всѣхъ трехъ повѣтовъ волынскаго воеводства: луцкаго, владимірскаго и кременецкаго. По этому случаю въ Луцкъ съѣхалось такое множество народа, какое собиралось здѣсь лишь во время главной ярмарки „на св. Семена" или въ тревожные дни татарскихъ набѣговъ.

Обыкновенно сеймиковыя засѣданія происходили въ каѳедральномъ костелѣ, потому что это было самое помѣстительное зданіе въ городѣ. Но такъ какъ во время предыдущаго сеймика споры приняли настолько страстный характеръ, что совѣщаніе окончилось генеральнымъ побоищемъ, при чемъ скамьи были сломаны и храмъ оскверненъ пролитіемъ въ немъ крови, то луцкій бискупъ Янъ Андрушевичъ объявилъ шляхтѣ, что не позволитъ ей болѣе засѣдать въ костелѣ, и потому въ этотъ разъ сеймикъ происходилъ въ „судовомъ" домѣ, находившемся въ замкѣ, а судъ открылъ свои засѣданія въ притворѣ замковой церкви св. Іоанна Богослова, какъ то обыкновенно дѣлалось въ лѣтнее время. Поэтому въ замкѣ съ утра до вечера толпились шляхтичи, переходя изъ сеймиковой залы къ мѣсту засѣданія суда и обратно, смотря по тому, гдѣ представлялось больше интереса. Въ эту сессію, какъ нарочно, не случилось ни одного громкаго процесса;

поэтому всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали видѣть сцену публичнаго примиренія братьевъ Жоравницкихъ. Какъ ни часты бывали подобныя сцены, онѣ всегда привлекали зрителей, какъ забавное представленіе; въ данномъ же случаѣ интересъ увеличивался еще и тѣмъ, что дѣло касалось семьи Іоны Борзобогатаго, о которой всюду ходила недобрая молва, и что въ дѣлѣ этомъ заключалось немало комическаго элемента. Пасквиль Яна все еще ходилъ по рукамъ; иные изъ пріѣзжихъ только теперь узнавали о немъ, съ любопытствомъ выслушивали пересуды, касавшіеся старой щеголихи Ганны Жоравницкой, и старались не упустить случая посмотрѣть финальный актъ „пашквильной“ драмы. Между тѣмъ и „рочки“ приходили уже къ концу, а ожидаемое развлеченіе все откладывалось. Ходили слухи, будто Яну никакъ не удавалось побѣдить упорство жены, предпочитавшей подвергнуть его всѣмъ лишеніямъ банниціи, нежели самой перенести публичное униженіе предъ лицемъ торжествующей соперницы.

Насталъ, наконецъ, послѣдній день „рочковъ.“ Судья собирался уже объявить закрытіе ихъ, когда къ мѣсту засѣданія подошелъ Іона Борзобогатый въ сопровожденіи многочисленной родни, пріятелей и изряднаго числа слугъ. Владыкѣ дали почетное мѣсто за судейскимъ столомъ; рядомъ съ нимъ сѣла пани городничая, вся въ шелкахъ да въ златоглавахъ, обвѣшанная драгоцѣнностями, съ выраженіемъ удовлетвореннаго достоинства на гордомъ лицѣ. За нею помѣстился панъ городничій, угнетенный видъ котораго мало гармонировалъ съ величавой осанкой его супруги. Владыка, видимо находившійся въ отличномъ расположеніи духа, немедленно затѣялъ оживленную, шутливую бесѣду съ присутствовавшими, и его громкій смѣхъ звучно отдавался въ крытой колоннадѣ церковнаго притвора.

Спустя нѣсколько времени, сюда же подошелъ Янъ Жоравницкій съ женою и съ пріятелями, бывшими полюбовными судьями. Онъ старался казаться спокойнымъ и, взойдя на крыльцо храма, развязно поздоровался съ присутствующими, даже пошутилъ съ владыкой. За то пани Олена имѣла видъ жертвы, приведенной на закланіе; едва кивнувъ головою на обращенныя къ ней при-

вѣтствія, она молча сѣла на предложенное мѣсто, не взглянувъ даже въ ту сторону, гдѣ торжественно возсѣдала ея противница пани городничая. Пора была приступить къ дѣлу. Панъ Жолковскій, какъ близкій родственникъ обѣихъ сторонъ и главный посредникъ между ними, поднялся съ мѣста и обратился къ суду съ рѣчью: „Милостивый пане вряде! Сталася угода и постановеніе межъ его милостью паномъ Александромъ Жоравницкимъ, ключникомъ и городничимъ луцкимъ, и малжонкою его милости панею Ганною Борзобогатовною, съ паномъ Яномъ Жоравницкимъ, за ихъ добровольнымъ позволеньемъ, черезъ насъ, пріятелей ихъ обопольныхъ."

Изложивъ затѣмъ сущность дѣла, Жолковскій объявилъ, что Янъ Жоравницкій и его жена готовы немедленно „во всемъ досыть учинити" постановленію полюбовнаго суда. Съ этими словами онъ подалъ Яну листъ, по которому тотъ долженъ былъ „перепрошенье учинити" за наѣздъ и побои. Янъ поднялся съ мѣста и, ставъ передъ братомъ и невѣсткою, прочелъ въ слухъ слѣдующее:

„Милостивый пане ключнику, пане а брате мой милый, и милостивая пани ключниковая! Знаю, ижъ я, наѣхавши на домъ вашей милости, панюю малжонку вашей милости и дочку ея, также и слугъ вашихъ збилъ и поранилъ, въ чомъ противъ вашихъ милостей глупо, спросне, никчемне и небачне поступилъ и за то, ведлугъ права [1]), значное а великое каранье заслужилъ. Але, бачачи вашу милость быти христіанскими, цнотливыми а милосердными людьми, во всемъ томъ плохомъ а никъчемномъ поступку моемъ виннымъ ся даю подъ каранье вашей милости, въ вязенье, якое похочете, только зъ милосердиемъ, поддаваючи; а зъ великою покорою, до ногъ упадаючи вашей милости обудву, о милосердье и отпущенье того выступу моего прошу, абы-сте ваша милость, то пробачивши и оный выступокъ мой изъ сердца своего опустивши, въ первую ласку и милость приняти мене рачили. А васъ, панове пріятели (тутъ Янъ обра-

[1]) Т. е. по закону.

тился къ своимъ третейскимъ судьямъ), о ласкавую въ томъ ку ихъ милости причину [1]) покорне прошу."

Снова поднялся Жолковскій и отъ имени своихъ товарищей—судей сталъ просить городничаго и его жену, чтобы они, видя покорность и раскаяніе Яна, освободили его отъ заключенія. Александръ Жоравницкій видимо былъ склоненъ удовлетворить это ходатайство, но Ганна остановила его взглядомъ и проговорила тономъ, не допускавшимъ возраженій:

— „Панъ Янъ повиненъ во всемъ учинити досыть угодѣ и постановенью пріятельскому."

— „Такъ, такъ!" вмѣшался отецъ владыка: „бо и письмо святое учитъ, ижъ тылько той, хто до конца утерпитъ, спасеный будетъ"—и владыка громко разсмѣялся собственной остротѣ.

Это означало, что Яну надлежало отправляться въ „вежу."

По тогдашнему обычаю, обвиненный могъ быть отведенъ въ заключеніе только истцемъ, и еслибы послѣдній не явился для исполненія этой церемоніи, то его ни въ какомъ случаѣ не могло замѣнить другое лице, не имѣвшее на то формальнаго полномочія, и отвѣтчикъ освобождался отъ ареста. Въ настоящемъ случаѣ возникло минутное недоумѣніе по другому вопросу: кто изъ супруговъ Жоравницкихъ долженъ былъ исполнить эту роль, въ виду того, что искъ велся отъ имени ихъ обоихъ? Пани городничая и въ этомъ не уступила мужу и потребовала, чтобы ей предоставлено было „всадити" Яна въ заключеніе, такъ какъ она, а не панъ городничій, терпѣла отъ него „бои и деспекты". Съ этимъ доводомъ согласились и судьи.

И вотъ открылось забавное шествіе. Впереди шелъ старостинскій слуга, звеня связкою ключей отъ замковыхъ казематовъ, а за нимъ, съ видомъ Немезиды, торжественно выступала пани городничая, ведя за руку сконфуженнаго Яна. Часть публики съ громкимъ смѣхомъ присоединилась къ шествію и сопровождала его до угловой замковой башни, куда пани Ганна увлекла свою жертву. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла оттуда одна и вернулась на прежнее мѣсто, а въ окнѣ верхняго этажа башни

---

[1]) Т. е. о ходатайствѣ.

показалась фигура узника и была привѣтствована громкимъ смѣхомъ и веселыми восклицаніями толпы.

Прошло болѣе часа. Судъ разсмотрѣлъ послѣднія очередныя дѣла, писарь составилъ протоколъ о „лимитаціи рочковъ“ [1]), и возные провозгласили закрытіе сессіи. Публика, однако, не расходилась, ожидая конца занимавшаго ее фарса. Жолковскій и его товарищи напомнили Жоравницкимъ, что пора уже „вызволити“ заключеннаго. Ганна хотѣла было возражать, что еще не прошли условленные „три годины;“ но тутъ среди публики, видимо начинавшей тяготиться ожиданіемъ, поднялись такіе внушительные крики недовольства, что Ганна не посмѣла упорствовать, но за то отказалась лично идти „вызволять“ Яна, предоставивъ это мужу. Тотъ охотно исполнилъ это порученіе—и черезъ нѣсколько минутъ, при оживленныхъ возгласахъ толпы, вывелъ на свѣтъ Божій улыбающагося узника, видимо уже освоившагося съ своей забавной ролью, и поставилъ его передъ урядомъ.

Оставалось исполнить послѣдній актъ „покоры“: Янъ съ женою должны были испросить извиненіе за пасквиль.

Волнуемая чувствомъ обиды и униженія, съ пылающимъ лицомъ и опущеннымъ взоромъ, выступила пани Олена Жоравницкая и, взявъ поданный ей листокъ, едва слышнымъ голосомъ стала повторять за мужемъ слѣдующее „прошеніе“: Милостивый пане ключнику и милостивая пани ключниковая! Што есмо написали и у Луцку на розныхъ местцахъ прибити велѣли пашквилюсъ, або цыдулу, образливую доброй славѣ вашей милости, милостивая пани ключниковая, и дому вашей милости почтивому, милостивый пане ключнику, ино ижъ есмо тую цыдулу, або пашквилюсъ, непристойне, зъ злого своего умыслу противъ вашей милости, въ невинности вашей милости написали, въ чомъ всемъ, яко въ томъ пашквилюсѣ есть написано, ваша милость, милостивая пани ключниковая, не есть винна, бо николи ваша милость того ничого, што въ томъ пашквилюсѣ написано, не чинила, одно такъ ся завжды захована, якъ цнотливой панеи належитъ; а такъ, ижъ есмо въ томъ противъ вашей милости

---

[1]) *Лимитація* (лат. limitatio) *рочковъ*—закрытіе судебной сессіи.

выступили, сердечне того жалуемо и покорне просимо, абы то ваша милость христіянскимъ обычаемъ намъ отпустити рачила, а мы о вашей милости яко о почтивои и статечнои панеи розумѣемъ и за такую вашу милость маемъ.“

При этихъ словахъ въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ; но пани городничая не обратила на него вниманія. Ея лице сіяло торжествомъ: она заградила уста клеветникамъ и принудила ихъ публично признать ее „почтивою и статечною панею.“ Изъ-за этого стоило перенести даже побои! Но еслибы Ганна видѣла, какимъ взглядомъ подарила ее въ эту минуту пани Олена: сколько нѣмой злобы и непримиримой ненависти крылось въ этомъ взглядѣ, украдкой брошенномъ на торжествующую соперницу!...

Тѣмъ не менѣе всѣ условія мировой въ точности были выполнены отвѣтчиками. Очередь оставалась за истцами. Александръ Жоравницкій обратился къ уряду съ просьбой внести въ судебныя книги заявленіе, что онъ и его жена „выпускаютъ и вызволяютъ отвѣтчиковъ зо всего переводу правного и вольными чинятъ на вѣчные часы и вси листы и декреты правные уморяютъ и касуютъ.“ И въ подтвержденіе своихъ словъ, панъ городничій здѣсь же, передъ урядомъ, вручилъ брату всѣ документы, относящіеся къ прекращенному процессу, въ томъ числѣ и королевскій листъ о „выволаньи.“

Послѣ всего этого братья подали другъ другу руки и троекратно расцѣловались. Отнынѣ они—не противники, и завѣтъ отца ихъ, владыки Марка, о „братерской згодѣ“ вступалъ въ прежнюю силу.

— „Се что добро или что красно, еже жити братіи въ згодѣ!“ заключилъ владыка Іона, поднимаясь съ мѣста; затѣмъ, обращаясь къ судьямъ—урядовымъ и третейскимъ, прибавилъ:

— „Прошу васъ, милостивые панове, до мене хлѣба ѣсти!“

Янъ и Олена Жоравницкіе также оказались въ числѣ лицъ, приглашенныхъ къ владыкѣ на обѣдъ.

Такъ окончилась „пашквильная“ исторія. Досказать ли конечную судьбу ея участниковъ?

Александръ Жоравницкій въ томъ же году былъ назначенъ старостою луцкимъ, но женѣ пришлось не долго тѣшиться осуще-

ствленіемъ честолюбивыхъ желаній: въ 1581 году его не было уже въ живыхъ, а скоро за нимъ послѣдовала и пани городничая. Владыка Іона на пять лѣтъ пережилъ зятя и подъ конецъ жизни не мало перенесъ непріятностей отъ новаго старосты луцкаго, князя Пронскаго и умеръ „баннитомъ." Но всѣхъ печальнѣе кончилъ Янъ. Нѣсколько лѣтъ онъ велъ войну съ королевскимъ секретаремъ Балтазаромъ Гнѣвошемъ за родовыя имѣнія—м. Свинюхи съ волостью,—наконецъ наскучили ему мелкія стычки, и задумалъ онъ покончить дѣло однимъ ударомъ: взялъ штурмомъ замокъ противника, захватилъ его самого, подвергъ изысканной казни и велѣлъ бросить трупъ его въ прудъ. Этотъ подвигъ, однако, не остался безъ соотвѣтственнаго возмездія: Янъ позванъ былъ на судъ къ королю и въ 1589 г. сложилъ на плахѣ свою буйную голову.

О. Левицкій.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

15.

Садоводство у крестьянъ

въ лѣвобережной Малороссіи, въ особенности въ харьковской губерніи вымираетъ на нашихъ глазахъ. Одновременно съ паденіемъ крестьянскаго садоводства пало садоводство мелкопомѣстнаго дворянства. Въ харьковской губерніи сады удерживаются и развиваются только въ большихъ экономіяхъ.

Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ малорусскимъ селомъ, чтобы убѣдиться въ живой любви малоросса къ растенію. Этнографы, путешественники, беллетристы многократно говорили объ этой симпатичной чертѣ народнаго характера. Въ народныхъ пѣсняхъ постоянно упоминаются душистый василекъ, зеленый барвинокъ, тонкій тополь, бѣлая береза, зеленый яворъ, лилія, розмаринъ, тернъ и калина. Рѣдкій дворикъ простолюдина не имѣетъ нѣсколько деревцовъ или кустовъ, и весело крестьянину отдохнуть въ жаркій лѣтній денекъ подъ тѣнистымъ деревомъ, посмотрѣть на привѣтливую его зелень и послушать шепотъ его листьевъ. Сажаютъ, что идетъ къ почвѣ, чаще всего вербу, которая ростетъ на всякой землѣ, даже на пескѣ, затѣмъ любятъ серебристую тополь, листья которой, съ бѣлой подкладкой, ярко блестятъ на солнцѣ, и и особенности любятъ рябину, красныя кисти которой въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ украшаютъ дворъ. Рябину сажаютъ передъ

[1]) См. „Кіев. Старина" 1889 г., № 3, мартъ.

окнами и въ церковныхъ оградахъ. Если въ домѣ есть дѣвушка, на порѣ выхода замужъ, то за тыномъ появляются синія и лиловыя чашечки крученыхъ паничей, ярко красные цвѣточки королеваго цвиту, желтоцвѣтная красолька, высокій макъ. Разведеніе сада обусловлено мѣстоположеніемъ двора, и нѣтъ такого хозяина, который не насадилъ бы яблонь, грушевыхъ или вишневыхъ деревьевъ, имѣя хотя клочекъ свободной земли во дворѣ или на огородѣ. Въ старое время много садовъ было разбросано по лѣсамъ.

По любви къ садоводству старинное харьковское дворянство, крупное и мелкопомѣстное, не отличалось отъ мѣстнаго крестьянства. Въ усадьбахъ и въ лѣсахъ помѣщиковъ были сады, въ усадьбахъ преимущественно вишняки и сливняки, а въ лѣсахъ— изъ яблоновыхъ и грушевыхъ деревьевъ. У богатыхъ помѣщиковъ были роскошные сады, съ разными украшеніями, на подобіе западно-европейскихъ садовъ, съ статуями, гротами, живописными мостиками, подъемными лѣстницами и сидѣніями на высокихъ дубахъ. Добродушные Афанасіи Ивановичи подрѣзывали, подчищали, щепили, колировали; столь же добродушныя Пульхеріи Ивановны, въ лучшихъ семействахъ стараго времени, варили варенья изъ домашнихъ фруктовъ и приготовляли разныя настойки, квасы, соленья, пастилу, павидло. Кое-что шло въ подарокъ роднымъ, добрымъ сосѣдямъ и знакомымъ; кое что отъ избытка шло и въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Въ топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, составленномъ сто лѣтъ назадъ, говорится, что „здѣшнихъ рукъ труды услаждаютъ многихъ странъ вкусы садовыми яблоками, бергамотами, дулями, гливами, вишнями, сливами и черносливомъ“...

Лѣтъ двѣсти назадъ входящія нынѣ въ составъ города Харькова густо-заселенныя Холодная и Лысая горы были покрыты густымъ лѣсомъ, служившимъ убѣжищемъ для татарскихъ наѣздниковъ и запорожскихъ разбойниковъ харцызовъ, во время появленія ихъ подъ стѣнами городка въ поискахъ за добычей. Мирный городской обыватель, подвигаясь отъ крѣпостныхъ стѣнъ къ этимъ лѣсамъ, мало по малу овладѣлъ ими. Забывъ о злыхъ временахъ татарщины и разбойничества, онъ поставилъ въ лѣсу хаты и пасѣки, насадилъ плодовыя деревья и обратилъ лѣса въ роскошные, тѣнистые и душистые са-

ды. Эти сады непрерывной цѣпью тянулись отъ Ивановки до Основы; остаткомъ ихъ на одной сторонѣ являются сады Кузинскій и Шато-де-Флеръ, на другой Карповскій, нынѣ городской садъ. Нѣкоторые обширные сады исчезли безъ слѣда, напримѣръ, садъ Верховскаго, раскопанный подъ мѣста для зданій харьк.-никол. жел. дороги; садъ Ляхова, также раскопанный подъ желѣзную дорогу; отъ другихъ остались лишь обрѣзки, напримѣръ, отъ садовъ Булгакова, Кнепфера, Карповыхъ. Желѣзныя дороги глубоко изрѣзали почву и высушили ее. Вмѣсто запаха цвѣтущихъ липъ въ воздухѣ повисли тяжелые клубы каменно-угольнаго дыма.

Уничтоженіе общественныхъ лѣсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе садоводства началось еще въ прошломъ столѣтіи, во время существованія свободнаго винокуренія. Составитель Топографич. описанія харьк. намѣстничества (1788 г.) замѣчаетъ:

„Несчастны тѣ лѣса, которые принадлежатъ цѣлымъ селеніямъ въ общественный въѣздъ. Въ такихъ лѣсахъ кромѣ суковатыхъ и горбатыхъ бревенъ, кромѣ дровъ и хворосту, немного попадается годныхъ къ строенію и другимъ надобностямъ растеній. Правда, и сіи лѣса предохраняются и отращиваются положенною на урочные годы заповѣдью; однако рѣдкая на свѣтѣ рѣдкость такіе умы, которые къ общественному добру и частному въ собственности владѣнію имѣли бы равное расположеніе и одинаковое вниманіе.... Несравненно большее несчастье постигло тѣ лѣсныя угодья, которыя достались въ руки владѣльческимъ подданнымъ. Отсутственныя боярскія отчины подданными черкасами заселенныя прежде всѣхъ опустошили своими винокурнями лѣса какъ причитавшіеся ихъ помѣщикамъ, такъ принадлежавшіе по смежности частнымъ владѣльцамъ и казеннымъ селеніямъ. Сія всегубительная лѣсовъ язва пожирала въ одинъ годъ безцѣнный натуры даръ, плоды цѣлыхъ вѣковъ.... Слѣды подданническихъ винокуренъ черезъ цѣлый вѣкъ едва ли могутъ загладиться въ пространныхъ лѣсныхъ полосахъ, прилежащихъ къ рѣкамъ Осколу, Донцу и Ворсклу, гдѣ винокурни во многихъ отсутственныхъ слободахъ боярскихъ умножились и ужасно выгубили пространнѣйшіе драгоцѣнные лѣса. Сіи слѣды и остатки винокуренъ видны тамъ такъ, какъ путь саранчи, пожирающей на поляхъ растенія. Въ истребленныхъ сихъ лѣсахъ видно нынѣ множество дубовыхъ пней, имѣющихъ въ діаметрѣ до трехъ аршинъ. Подданные винокуры, не предрасполагающіе о своемъ потомствѣ, не утверждающіеся коренно на жилищѣ и имѣющіе главной цѣлью пропитанія и обогащенія винокуреніе, не имѣли нужды думать о формѣ отращенія и употребленія лѣсовъ; рубили самыя лучшія деревья на выборъ. Одинъ такой винокуръ сжигалъ на винокурнѣ въ одинъ день два дорогіе дуба, изъ которыхъ слободской казенный обыватель получилъ бы нѣсколько хорошихъ брусьевъ и пильныхъ досокъ или бы вырѣзалъ нѣсколько гонту.“ (Харьк. сб. 1888, 31-32).

Эта картина лѣсоистребленія повторилась въ громадныхъ размѣрахъ въ половинѣ текущаго столѣтія, съ развитіемъ сахарныхъ заводовъ и постройкой желѣзныхъ дорогъ. Каменный уголь лишь недавно пошелъ по сумской ж. дор. на отопленіе многочисленныхъ

сахарныхъ заводовъ, находящихся въ сумскомъ, ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ харьк. губ. послѣ того какъ древесное топливо было все исчерпано и обширный край по теченію р. Ворсклы и р. Псла совсѣмъ лишенъ былъ лѣснаго покрова.

Курско-Азовская желѣзная дорога прошла по харьковскому краю на подобіе чудовищнаго, прожорливаго дракона одного стихотворенія графа А. К. Толстаго:

Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, что сростись съ корой успѣло змѣя,
Все выдернувъ съ собою онъ унесъ.....
Гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти
Мгновенно сохли травы и коронья,
И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ.

Цыфровыя доказательства отмѣчены въ „Мнѣніи“ харьк. губерн. земской управы 1878 г. о перевозкѣ каменнаго угля: въ 1863 г. въ харьковскомъ уѣздѣ было 64 тысячи десятинъ лѣса, въ 1878 г. осталось четыре тысячи десятинъ; во всей губерніи въ 1863 году 601,000 дес., въ 1878 году $^1/_{10}$, а нынѣ и того не осталось.

Съ истребленіемъ лѣсовъ мало по малу погибли разсѣянныя въ нихъ маяками фруктовыя деревья; погибли затѣмъ скрывавшіеся въ въ лѣсахъ фруктовые сады крестьянъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ. Они засохли безъ лѣсной влаги и защиты, безъ посадки новыхъ деревьевъ, со всѣхъ сторонъ открытые для воровства и холодныхъ вѣтровъ.

Упадокъ садоводства оказалъ дурное вліяніе на народную нравственность, сколько я могъ замѣтить на крестьянахъ одной хорошо мнѣ знакомой мѣстности харьковской губерніи. При порубкѣ общественныхъ лѣсовъ не трогали дико растущихъ грушевыхъ и яблоневыхъ деревьевъ, дававшихъ въ старину въ изобиліи груши и кислицы на квасы, узвары, кисели и т. п. Но затѣмъ кое что годное на подѣлку было украдено и многое засохло частью отъ старости, частью отъ поломки. Осталось очень немного фруктовыхъ деревьевъ, и вмѣсто заботливости объ ихъ сохраненіи обнаруживается самое хищническое и безпощадное къ нимъ отношеніе. Въ первыхъ числахъ іюля, когда плоды еще совсѣмъ зелены, дѣти идутъ за ними въ лѣсъ съ торбами, взрослые ѣдутъ съ возомъ, и рвутъ ихъ

въ такомъ неспѣломъ видѣ, что они оказываются негодными для пищи людей, выбрасываются на кормъ свиньямъ, но и послѣднія иногда брезгаютъ ими. Спѣшатъ урвать, чтобы другой не захватилъ, при чемъ плоды сбиваютъ палками и ломаютъ вѣтви. Крестьяне сознаютъ, что наносятъ вредъ деревьямъ. Волостное начальство приказываетъ отнимать торбы и выбрасывать кислицы и груши, собранныя неспѣлыми; но все это не имѣетъ серьезнаго значенія. Никто не заботится объ общественномъ достояніи съ надлежащимъ умѣніемъ и настойчивостью. Всякій готовъ выбранить другихъ проклятыми или чортовыми людьми, и при этомъ забываетъ, что и онъ одинъ изъ числа небрежно относящихся къ общественному достоянію.

16.

Вольное винокуреніе

сохранилось только въ воспоминаніяхъ, въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Въ южной Руси въ древности всякій могъ курить и продавать вино, уплативъ небольшую подать съ солода, про которую упоминаетъ уже Русская Правда (XI в.). Такъ, по старинѣ, въ сѣверной Руси винокуреніе шло до половины XVI в., въ южной до половины XVIII в.; свободно варили питья и платили за это лишь брашную пошлину, съ солода, съ хмѣля и меда и, спокойно распивали ихъ дома, среди семьи, или на братчинахъ и на общественныхъ попойкахъ въ корчмахъ. Въ XVI ст. польскіе короли давали южнорусскимъ братствамъ грамоты на приготовленіе меда и торговлю имъ въ опредѣленные праздничные дни. Цеховые мѣщане получали также разрѣшительныя грамоты на куреніе и продажу вина, въ кругу своего общества, не на сторону. Пользуясь вообще правомъ свободнаго винокуренія, малороссіяне вносили только за то плату въ королевскую казну „подля давнято звычаю". По магдебургскому праву королевскіе чиновники не могли вмѣшиваться въ торговлю напитками. Въ XVI и XVII ст. польское правительство начало стѣснять свободную продажу напитковъ мѣщанами и братствами и ставить города въ зависимость отъ жидовъ арендаторовъ. Слободскіе полки сначала пользовались полной свободой

винокуренія, и хотя по бѣлгородскому окладу 1665 г. на жителей была наложена подать съ виннаго котла по рублю, съ пивнаго по четыре; но въ 1670 г. Алексѣй Михайловичъ далъ грамоту полкамъ сумскому, харьковскому и ахтырскому „за осадное сидѣнье велѣть имъ вмѣсто своего государева годоваго жалованья отдати оброки, которые на нихъ довелось взять съ промысловъ и съ шинковъ по бѣлгородскому окладу, и впредь такими промыслами промышлять безоброчно и безпошлинно“. Въ 1669 г. городамъ острогожскаго полка дано право безоброчнаго и безъявочнаго шинкованія виномъ, пивомъ и медомъ, что затѣмъ подтверждалось жалованными грамотами 1672, 1678, 1700 и 1716 годовъ. Въ 1684 г. разрѣшено козакамъ въ г. Харьковѣ торговать безпошлинно и изъ другихъ полковъ вина къ нимъ не ввозить. Петръ В. въ 1700 далъ харьковцамъ грамоту „шинки держать безоброчно, вино курить безпошлинно по ихъ черкасскому обыкновенію“. Елизавета Петровна въ 1743 г. въ грамотахъ всѣмъ полкамъ подтвердила „шинки держать, вино курить и шинковать безпошлинно“ (*Прыжовъ* Ист. кабак. въ Россіи, 18—25, 149—227).

Съ половины XVIII ст. начинается рядъ ограничительныхъ мѣръ относительно всесословнаго и безпошлиннаго винокуренія. Въ 1751 г. въ Кіевѣ всѣмъ людямъ мірскимъ и духовнымъ и козакамъ шинковать запрещено, исключая кіевскаго Михайловскаго монастыря, и съ тѣхъ поръ это запрещеніе не переставало повторяться. Сначала за мѣщанами оставлено было еще право имѣть винокуренные заводы; но въ 1787 г. вся винная продажа въ Кіевѣ передана городу, а потомъ право винокуренія стало принадлежностью однихъ лишь польскихъ и ополяченныхъ украинскихъ пановъ (ib. 171). Въ Слободской Украинѣ въ 1764 г. введенъ былъ подушный окладъ съ пользовавшихся правомъ свободнаго винокуренія по 95 коп., непользовавшихся имъ 85 к.; въ 1783 г. первые должны были платить уже 1 р. 20 к. съ души, а въ 1791 г. право винокуренія утверждено за дворянами въ ихъ помѣстьяхъ, а за козаками право одной только продажи въ ихъ домахъ, состоящихъ въ селеніяхъ; мѣщанамъ запрещено курить и продавать вино. Эти послѣднія козацкія права были отмѣнены въ 1817 г., при введеніи устава о питейныхъ сборахъ (ib. 225).

Свободное винокуреніе давало крестьянамъ хорошій доходъ. Оставшійся отъ годоваго употребленія излишекъ хлѣба перегонялся въ водку и въ такомъ видѣ продуктъ достигалъ рынка. Сильнымъ развитіемъ винокуренія обусловлено было процвѣтаніе бондарства. „Время вольнаго винокуренія, замѣчаетъ г. Добротворскій, было золотымъ вѣкомъ для Борисовки, Ольшанки, Мирополья и другихъ слободъ южныхъ уѣздовъ, входящихъ нынѣ въ составъ курской губерніи. Здѣшніе крестьяне до сихъ поръ не забыли его и, вынимая изъ скрынь по праздничнымъ днямъ для своихъ скромныхъ пирушекъ старинные серебряные и золотые стаканы и чарки, вспоминаютъ о томъ, какъ хорошо жилось во время оно ихъ дѣдамъ, пользовавшимся правомъ безпошлинно курить горилку" (Куст. пром. курск. губ., 56).

Нельзя сказать, чтобы свободное винокуреніе развило пьянство. Судя по преданіямъ, вино часто было очень слабое и пили его много, не упиваясь, не теряя сознанія. Въ Топографич. опис. харьк. намѣстничества 1788 г. читаемъ: „простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства; но въ винѣ предполагается образъ дружескаго ихъ обхожденія и угощенія, а не единственное намѣреніе пьянства. Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъ-осьмухи вина; они пьютъ медленно и малыми мѣрами; больше разговариваютъ. Однако и тогда, когда до пьяна напиваются, буянскаго шуму и вздорнаго крику мало между ними случается и до драки въ то время рѣдко доходитъ" (*Харьк. Сборн.* 1888, 43).

Въ думахъ выраженіе „пить горѣлку" представляется общимъ мѣстомъ, эпическимъ *locus communis*, равно какъ и въ былинахъ „пить чару вина въ полтора ведра"—общее мѣсто. Независимо однако отъ внѣшняго формальнаго распространенія этого эпическаго мотива, питье горѣлки, даже чрезмѣрное питье было обычнымъ бытовымъ явленіемъ стариннаго малорусскаго козачества. Дешевизна хлѣба и свобода винокуренія въ сильной степени тому содѣйствовали. Дума о Байдѣ начинается словами: „въ Цариградѣ на рыночку та пье Байда медъ, горилочку" (*Голов.*, т. I, стр. 1). Козубай, отправляясь воевать съ ляхами, беретъ „фляшку съ горилкою" (*Гол.*, т. I, стр. 7). Коновченко „рано ранесенько горѣвки ся напивае" и народное благоразуміе устами гетмана даетъ ему совѣтъ сначала умыться, потомъ Богу помолиться и не пить водки, особенно передъ битвой, чтобы сонъ не похилилъ козацкой головы и турки ее не срубили (*Гол.*, т. I, стр. 11). Вообще, по дан-

нымъ старинныхъ думъ, народная мысль снисходительно относилась къ питью водки козакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда козакъ пилъ водку въ родной семьѣ, раздѣляя общую семейную радость, какъ пилъ, напримѣръ, Савва Чалый по случаю рожденія сына (*Гол.*, т. I, стр. 19), или когда питье водки слѣдовало за военной удачей, какъ пировалъ, напримѣръ, Самійло Кишка въ очеретахъ съ своими товарищами послѣ освобожденія изъ турецкаго плѣна и захвата галеры (*Ант. и Драг.*, Истор. пѣс. мал. нар., т. I, стр. 219).

17.

Корчма, какъ общественное учрежденіе.

Слово корчма встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 260), что указываетъ на его древность. Такъ называлось у древнихъ славянъ мѣсто, куда народъ сходился для питья и ѣды, для бесѣдъ и попоекъ съ пѣснями и музыкой. У западныхъ славянъ въ корчмахъ приставы передавали народу постановленія властей; судьи творили судъ; разбирались дѣла между пріѣзжими людьми, и корчмы долго замѣняли ратуши и гостиные дворы (*Прыжовъ*, Ист. кабак. 29). Въ Богеміи, Польшѣ, Помераніи корчмы сначала были вольными учрежденіями, потомъ дѣлались княжескими, казенными или переходили къ духовенству, къ монастырямъ, и тогда народъ начиналъ заводить свои тайныя корчмы. Въ корчму, наравнѣ съ простолюдинами, шли и лучшіе люди въ родѣ того, какъ древне-греческія капилеи были посѣщаемы Сократомъ, древне-римскія кавпоны — Овидіемъ, Гораціемъ, Цицерономъ.

Въ юго-западной Россіи и въ Бѣлоруссіи удержалась древнеславянская корчма, съ характеромъ общественнаго учрежденія. Дворъ корчмы служитъ мѣстомъ собранія парней и дѣвушекъ для пѣнія и пляски. „Въ корчмѣ и въ банѣ уси ровные дворяне“ (ib. 33). „Корчма—это народный клубъ, говоритъ П. П. Чубинскій; сюда сходятся въ часы досуга мужчины и женщины и заводятъ дружескую бесѣду съ знакомыми и пріятелями, которые приходятъ въ

корчму не съ тою цѣлью, чтобы напиться, но больше являются съ намѣреніемъ людей посмотрѣть и себя показать.... Собирается извѣстная компанія, садится за столъ, а лѣтомъ на дворѣ въ тѣни гдѣ либо вблизи корчмы. Посрединѣ постилается платокъ, на который кладется разломанная на куски паляница и рыба, „чехоня або оселедци“, тутъ же въ корчмѣ пріобрѣтенная. Кто угощаетъ водкою, тотъ обязанъ подносить каждому по очереди; но первая рюмка всегда принадлежитъ угощающему. Когда разопьютъ взятую водку, другой членъ кружка покупаетъ и подноситъ такимъ же образомъ; затѣмъ третій и т. д. Во время этой попойки идетъ общая дружеская бесѣда о житьѣ—бытьѣ вообще.... Въ корчму приходятъ музыканты, собираются парни и дѣвушки и пляшутъ подъ звуки музыки“... (Труды Э. С. Экспед. VII, 450).

Корчма подъ вляніемъ разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій экономической и нравственной жизни народа въ однихъ мѣстахъ выродилась подъ польско-нѣмецкимъ вліяніемъ въ шинокъ, въ другихъ подъ московскимъ вліяніемъ въ кабакъ, т. е. въ темное и одностороннее учрежденіе, въ такое мѣсто, гдѣ только пьютъ, при чемъ въ интересъ шинкаря, большею частью жида, входитъ напоить посѣтителя корчмы—кабака до потери сознанія, чтобы онъ пилъ, лилъ, закладывалъ имущество, терялъ деньги и голову. Юрій Крижаничъ, бывшій въ Малороссіи лишь короткое время, замѣтилъ, что „вездѣ откупщики жиды сидятъ или бояринъ самъ смердящее пиво роздаетъ хлопамъ, которое они на гной виливаютъ, заплативъ за него деньги“. Вольная славянская корчма обращалась въ жидовскую корчму, или шинокъ, принадлежавшія панамъ и даже паньямъ. (Ист. каб. 179). Кабаки появились въ Малороссіи въ началѣ XVIII ст., въ Слободской Украинѣ въ XVII ст., при чемъ укрѣпились вполнѣ лишь въ лѣвобережной Украинѣ. Молодежь здѣсь сторонится отъ кабака, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ въ нравственномъ отношеніи селахъ, не испорченныхъ заводскимъ пьянствомъ и развратомъ. Уже Крижаничъ называлъ кабаки „проклятыми“, потому что „на нихъ ни отъ рода нѣсть толико вина, колико ся есть для ради нихъ крови проліяло“. И простой народъ раздѣляетъ это мнѣніе наблюдательнаго хорвата: „горилка проклятая“ „горилка зрадливая“—таковы возгласы женщинъ въ

пьяницкихъ пѣсняхъ. Къ жидовской корчмѣ относятся обличительныя и ироническія народныя пѣсни, напримѣръ, галицкія:

Стоить корчма надъ болотомъ,
Не пошита околотомъ:
„Ты, корчмонько, судотыне!
Въ тобѣ то вся праця гине:
Та вже бы'мъ тя злотомъ побивъ,
Тилько'мъ праци въ тоби пропивъ!
(*Голов.* III. 522).

Мы мусѣли бѣдовати,
Голодомъ терпѣти,
А все то-то черезъ жиды,
Та черезъ ихъ дѣти.
Изъѣшь дѣдьки, песій сыну,
Пархо бородатый,
Бо не пиду по горѣвку
Та до твоей хаты!
А мы будемъ працёвати,
Жинки будуть прясти,
Жиды будуть, песи сыны,
Своимъ дрантьемъ трясти.
(*Голов.*, т. II, стр. 465).

Слободско-украинскій кабакъ, замѣнившій корчму, хорошо обрисованъ въ „Салдацкомъ патретѣ" Квитки, съ выработанными пріемами спаиванія и обмана, съ новымъ сословіемъ мѣстныхъ кабатчиковъ изъ малороссовъ, которые вели кабацкое дѣло „якъ той Юда", т. е. обманно и для народа разорительно.

18.

Харьковскія коцарки.

Между кустарными промыслами г. Харькова осебенно любопытнымъ въ историко-культурномъ отношеніи представляется коцарскій промыселъ, состоящій въ выдѣлкѣ ковровъ и попонъ. Извѣстія о немъ идутъ съ половины прошлаго вѣка. Какое то лицо доставило въ 1740 г. въ Петербургъ образчики слободско-украинскихъ попонъ, и придворное конюшенное вѣдомство заказало харьковскимъ коцаркамъ 500 попонъ; но коцарки не пошли на предложенную имъ цѣну по 2 р. 50 к. за попону и не взяли заказа (подробности см. въ *Кіев. Стар.* 1886, VI, 365).

„Работа женскаго пола, замѣчаетъ авторъ „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества" 1788 года, заключается въ дѣланіи ковровъ разной мѣры и цѣны. Ковры сіи называются коци, а мастерицы коцарки, которыя сами собираютъ изъ минераловъ и растеній, здѣсь собираемыхъ, разныхъ цвѣтовъ краски, коими приготовленную шерстяную пряжу красятъ, и тогда ткутъ

ковры и пристригаютъ наподобіе трипу. Торгъ харьковскими коврами пространенъ; кромѣ употребленія внутрь всей Украины многія тысячи оныхъ вывозятъ торговцы въ великороссійскія селенія и заграницу" (*Харьк. Сборникъ* 1888, 57). По свѣдѣніямъ, собраннымъ землемѣрами 1814 г., въ Харьковѣ изготовлялось въ то время до 26,000 коцовъ (*Статист. Листокъ* 1883, с. 134). Въ 1838 г. Г. Ѳ. Квитка писалъ, что въ тридцатыхъ годахъ коцарскимъ промысломъ занимались исключительно женщины. „Онѣ составляли изъ мѣстныхъ полевыхъ цвѣтовъ краски и окрашивали ими получаемую отъ домашнихъ овецъ шерсть, изъ которой потомъ и ткали ковры фантастическими узорами. Знаніе узоровъ переходило отъ матерей къ дочерямъ, изъ рода въ родъ. Цвѣта шерсти были прочны и ярки. Ковры по добротности, красотѣ и дешевизнѣ пользовались славой. Кромѣ мѣстнаго сбыта, они шли тысячами въ великороссійскія губерніи и заграницу. Выдѣлкой коцовъ занято было много рукъ. Въ Харьковѣ одна изъ большихъ улицъ получила названіе Коцарской". (*Харьк. Губ. Вѣдом.* 1838, № 4).

Происхожденіе коцарскаго промысла неизвѣстно. Вѣроятно, онъ восходитъ въ старину глубокую, и въ Слободской Украинѣ появился съ первыми переселенцами изъ—за Днѣпра. Еще въ до-монгольской Руси употреблялись ковры. Когда умеръ в. кн. Владиміръ, тѣло его „обертѣвше въ коверъ и ужи свѣсиша на землю"; при ослѣпленіи Василька 1097 г. упоминается коверъ (*Аристовъ*, Промышл. др. Руси 165). Русскіе любили ковры багрянаго цвѣта и добывали ихъ отъ грековъ; но на ряду съ роскошными греческими коврами могли существовать болѣе простые домашняго производства, при чемъ узоры греческихъ ковровъ могли оказать вліяніе на подборъ красокъ для украинскихъ коцовъ.

На развитіе коцарскаго промысла въ харьковской губерніи вліяли обиліе шерсти и дешевизна красокъ. Въ „Воспоминаніяхъ Топчіева" о производствѣ ковровъ въ Харьковѣ въ началѣ столѣтія (до 1809 года) говорится: „Испанскія овцы едва только начали разводить для опыта въ нѣкоторыхъ (немногихъ) помѣщичьихъ имѣніяхъ; за то было много простыхъ овецъ, какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ харьковской губерніи. По недостатку стороннихъ покупателей, большая часть шерсти потреблялась внутри

губерніи, на выдѣлку крестьянской одежды и простыхъ ковровъ". (*Стат. Листокъ* 1883, 147).

Въ старинное время Малороссія была въ лѣтнее время покрыта роскошнымъ ковромъ травъ и цвѣтовъ. По словамъ Мѣховскаго, въ Подоліи травы произростали такъ быстро и въ такомъ обиліи, что перерастали шестъ и покрывали его въ три дня и тоже бывало съ плугомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Въ Малороссіи произростали травы, по словамъ Мѣховскаго, ей только свойственныя (alibi non visis). Во всѣхъ частяхъ ея произростали въ изобиліи сѣмена красильныхъ растеній, которыя нѣкогда были вывозимы въ Іену и Флоренцію. Во время Мѣховскаго растенія эти собирались уже въ незначительномъ количествѣ (*Замысловскій*, Гербершт․ 253). Слободская Украина XVII и XVIII ст. отличалась такимъ же изобиліемъ красильныхъ растеній, какъ Подолія въ болѣе древнее время, до распашки обширныхъ полей—облоговъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Слободской Украинѣ еще господствовала переложная система сельскаго хозяйства. Въ безлѣсныхъ и малолюднѣе населенныхъ степяхъ ежегодно распахивали плугомъ „цѣльныя степи" или долговременно неоранные перелоги, засѣвали ихъ три лѣта и затѣмъ оставляли ихъ на нѣсколько лѣтъ на перелогъ (*Харьк. Сборн.* 1888, 34). На такихъ цѣлинахъ и перелогахъ шли густыя травы и красильныя растенія.

Паденіе коцарскаго промысла замѣтно уже было въ пятидесятыхъ годахъ. Въ Харьковѣ выдѣлывалось тогда около 12,000 ковровъ ежегодно. Въ настоящее время совершается полное паденіе коцарства. Ослабѣла энергія промысла; уменьшилось число коцарокъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ В. В. Ивановымъ въ 1879 году, кустарный промыселъ за послѣдніе 25 лѣтъ упалъ на 600%. Конкурренція ковровъ фабричнаго производства, вздорожаніе матеріала, монополія торговли представляются главными причинами такого явленія. Прежде коцы постоянно встрѣчались въ богатыхъ домахъ; теперь ихъ вытѣснили болѣе изящные, хотя и менѣе прочные, ковры московской фабрикаціи. Цѣна, платимая коцаркамъ, была увеличена на $8^1/_2$% на самомъ распространенномъ коврѣ; цѣна же матеріала поднялась такъ, что на одномъ валѣ стоимость коцы увеличилась на 11%. Въ настоящее время въ селахъ коцарокъ уже не встрѣчает-

ся, между тѣмъ какъ въ старину много коцарокъ жило по уѣздамъ харьковской губерніи. Коцарскій промыселъ локализируется на окраинахъ города. Въ 1879 г. коцами занималось только 75 горожанокъ; изъ нихъ только 25 постоянно; остальныя временно, зимой. Онѣ изготовляли около 4000 ковровъ въ годъ, на 12,000 руб. (*Стат. Лист.* 1883, 135).

Въ настоящее время болгарскій ковровый промыселъ во многомъ напоминаетъ украинскій коцарскій. Въ Болгаріи цѣлые округи живутъ выдѣлкой ковровъ; работаютъ исключительно женщины, изъ красокъ мѣстныхъ цвѣтовъ. Болгарскіе ковры носятъ разныя названія, чаще всего называются килимами, турецкимъ словомъ, извѣстнымъ и въ Малороссіи въ приложеніи къ коврамъ.

Коцарскій промыселъ въ старинное время существовалъ, повидимому, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Малороссіи, напр., въ с. Быковѣ черниг. губ. (см. *Филарета*, Ист. ст. опис. черниг. еп. V, 256), а въ Галиціи, въ гористомъ Покутьѣ удержался до настоящаго времени (*Kolberg*, I. 69). Здѣсь коцами называютъ шерстяные съ цвѣтами ковры въ $2^1/_2$ метра длиной и въ $1^1/_2$ метра шириной.

19.

Слободско-украинское чеботарство.

Кожевенно-сапожное производство въ харьковской губерніи и въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи по исторіи своего развитія и упадка напоминаетъ коцарскій промыселъ. И оно въ настоящее время сократилось, вслѣдствіе измѣнившихся культурныхъ условій. Слово чоботъ, встрѣчающееся въ польскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, восточнаго происхожденія, что видно изъ сравненія съ персидск. чабатанъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 259). Слово это должно быть вытѣснило въ южной Руси другое славянское слово, обозначавшее обувь, въ силу бытовыхъ связей съ восточными народами. Малороссіяне издавна занимались чеботарствомъ; между прочимъ, занимались имъ и запорожцы, когда

не было войны. Успѣшному развитію кожевенно-сапожнаго производства содѣйствовало обиліе рогатаго скота, коней и овецъ и затѣмъ привычка украинскаго населенія къ кожаной обуви. Въ харьковскомъ намѣстничествѣ въ концѣ прошлаго вѣка чеботарство процвѣтало. Дѣлали, между прочимъ, крашенныя кожи, на подобіе сафьяновъ, для женскихъ сапогъ и черевиковъ. Въ городахъ и селахъ въ торговые дни открывался сапожный рядъ, гдѣ продавали сапоги и башмаки; тутъ же на площади собирались кузнецы съ готовыми подковами, гвоздями и инструментами, къ которымъ купившій обувь приносилъ ее для подковки (*Харьк. Сборн.* 1888, 56). Когда право свободнаго винокуренія было потеряно, т. е. съ 1772 г., винокуры и бондари стали учиться кожевенному и сапожному производствамъ. Благодаря обилію сыраго матеріала и большому спросу на сапожныя издѣлія на всѣхъ рынкахъ Украины кожевенно—сапожное производство стало быстро развиваться, особенно въ грайворонскомъ уѣздѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ украинскія ярмарки были завалены сапогами здѣшняго издѣлія (*Добротворскій*, Кустарн. пром. курск. губ. 86). Большую услугу чеботарямъ оказали чумаки, развозившіе сапоги по всей Украинѣ. По словамъ одного ахтырскаго старожила: „Тоди було и геть—то краще. Нашъ товаръ развозывся чумаками по разныхъ мистахъ. Мы сами инколи издылы и по полтавській и по екатерынославській губерніяхъ. Товаръ або за грошы продавалы, або минялы на шкапы (негодныя къ работѣ лошади), та на шкуры“ (*Твердохлѣбовъ*, Труды коммис. по изслѣд. кустар. пром. харьк. губ. III, 55).

Въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ обнаруживается быстрый упадокъ кожевенно-сапожнаго производства, въ мѣстностяхъ гдѣ оно процвѣтало въ 50-хъ годахъ. Причинъ тому много: основы старыхъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ расшатались совсѣмъ, замѣчаетъ г. Твердохлѣбовъ; вновь вводимые порядки не окрѣпли. Громадная площадь степной полосы отошла подъ свеклосахарныя плантаціи, вошла въ черту экономическихъ хозяйствъ, не имѣющихъ почти ничего общаго съ мелкими хозяйствами остальнаго населенія, и потому для послѣдняго заповѣдную. Число водопоевъ значительно уменьшилось; кромѣ того большинство ихъ попорчено. Рѣки во многихъ мѣстахъ портятся нечистотами, выпускаемы-

ми изъ сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ. Опустошительныя эпизоотіи все болѣе и болѣе стали учащаться. Г. Добротворскій указываетъ еще на то, что курско-харьковская и курско-кіевская желѣзныя дороги нанесли тяжелый ударъ чеботарству грайворонскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и другими издѣліями московскихъ и владимірскихъ мануфактуръ, желѣзныя дороги внесли въ степныя окраинныя губерніи кимрскій и московскій сапоги, которые по своей добротности и дешевизнѣ сразу заняли видное мѣсто на всѣхъ южныхъ рынкахъ.

20.

Остатки чумачества

встрѣчаются въ настоящее время въ немногихъ мѣстахъ Украины. Отсылая читателя къ сочиненію И. Я. Рудченка о чумацкихъ народныхъ пѣсняхъ, въ которомъ находится и краткій историческій очеркъ чумачества (стр. 1—24), мы остановимся здѣсь только на нѣсколькихъ проявленіяхъ его въ настоящее время, какъ культурныхъ переживаніяхъ. И нынѣ есть на Украинѣ села, гдѣ держится чумачество въ старинныхъ бытовыхъ формахъ, въ видѣ хожденія „у Крымъ по силь" и на Донъ „по рыбу". Оскудѣвшее чумачество держится теперь въ средѣ менѣе „заможныхъ" крестьянъ, чѣмъ въ старину. Теперь считается виднымъ чумакомъ тотъ, кто посылаетъ въ дорогу 3 или 4 паровицы, тогда какъ въ старину у хорошихъ хозяевъ шло въ дорогу по 20, 30, 50 и даже 70 паровицъ. Приспособляясь къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, къ новымъ условіямъ быта, чумаки расширили ассортиментъ привоза на югъ. Въ настоящее время чумачество въ незначительныхъ размѣрахъ существуетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ полтавской губ.: „по зѣньковскому уѣзду въ опошнянской волости преимущественно на лошадяхъ, въ раннюю осень, зимою и по установленіи весны транспортируютъ въ Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ и др. мѣста гончарныя издѣлія опошнянскаго раіона главнымъ образомъ, поливяную посуду и оттуда набираютъ грузъ соленой рыбы. По груньской вол. значительное число чумаковъ циркулируетъ въ ека-

теринославской, херсонской и таврической губ. съ колесами и телегами груньскаго раіона, и многіе изъ нихъ возвращаются также съ рыбой. По лубенскому уѣзду, изъ тишковской вол. ежегодно весной отправляются гужемъ, главнымъ образомъ въ Каховку (тавр. губ.), транспорты косарскихъ ложекъ туземнаго издѣлія, а обратно чумаки набираютъ рыбы или соли. До изданія правилъ по табаководству, изъ м. Рашевки (гадяч. уѣз.) каждую осень ходили въ Каховку и др. мѣста многія сотни чумаковъ съ простымъ табакомъ, а раньше (до распространенія джутовыхъ мѣшковъ) съ громадною массой рядовины для мѣшковъ, туземнымъ холстомъ и т. п., и привозили обратно овечью шерсть, рыбу и соль. Теперь чумакованье сократилось въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Въ золотоношскомъ уѣздѣ представителемъ чумаковъ-солевозовъ отъ крымскихъ озеръ является еремѣевская и отчасти васютинская вол. (Въ одномъ м. Еремѣевкѣ ходятъ ежегодно до 150 чумаковъ „по сіль“). Чумачество рыбой распространено между населеніемъ ирклѣевской, мойсенской, васютинской и отчасти золотоношской вол. При чемъ первая группа чумаковъ приняла при сношеніяхъ съ селянами на ярмаркахъ наименованіе еремѣевцевъ, а послѣдняя группа ирклѣевцевъ—въ собирательномъ смыслѣ. (*Василенко*, въ Харьк. Губ. Вѣд. 1885, № 286).

Въ печати было еще указано на слабые остатки стариннаго чумачества въ подольской и харьковской губерніяхъ. Но, вообще, чумацкій промыселъ можно считать почти вполнѣ вымершимъ явленіемъ народной жизни. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ харьковской губерніи, гдѣ нѣкогда, лѣтъ 30, 40 назадъ, чумачество процвѣтало, напр. Боромлѣ, теперь сохранилось о немъ лишь воспоминаніе. Въ Кіев. Стар. 1884 г. № 3 я сдѣлалъ сообщеніе о воспоминаніяхъ боромлянскихъ старожиловъ о мѣстномъ чумачествѣ. И тамъ, гдѣ еще держится чумачество, въ Полтавщинѣ, чумакъ, не прельщаемый уже былыми выгодами, идетъ въ путь—дорогу съ грустнымъ настроеніемъ, что видно между прочимъ, изъ слѣдующей чумацкой пѣсни, записанной г. В. Василенкомъ въ с. Еремѣевкѣ золотоношскаго уѣзда въ 1885 году:

„Ой порисъ порисъ, роменъ по дорози,
А травыця по облози,
Ой нема правды та теперъ ни въ кому,
Тилько въ едыному Бози.

———

Та паситеся, сири волы,
Не будете воды пыты,
Ой лучше бъ мыни та господарюваты,
Нижъ по дорогахъ ходыты.

———

Та й що хто дома та господарюе—
На билому спаты лягае,
А хто ходыть по бытыхъ дорогахъ—
Нуждоньки-горя приймае.

———

Та стеле постиль пидъ билы бокы
А зелену травыцю,
А въ голивоньку, замисць подушечкы—
Та клынчасту важныцю."

(Харьк. Губ. Вѣд. 1885, № 286).

Чумачество—торгашество почти повсемѣстно замѣнилось чумачествомъ—извозничествомъ; при чемъ самое слово чумакъ стало выходить изъ употребленія и въ замѣнъ его явилось другое слово—хурщики, болѣе удачно обозначающее современное чумачество.

Курско-харьково-азовская желѣзная дорога сначала установила малый тарифъ и, послѣ того какъ чумачество было подорвано, произвольно стала возвышать тарифъ. Харьковское земство вспомнило тогда объ упавшемъ чумачествѣ и заявленія сожалѣнія о томъ находятся во многихъ журналахъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній харьковской губерніи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ІОАННЪ ВИШЕНСКІЙ.

(Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности).

Іоаннъ Вишенскій принадлежитъ, безспорно, къ самымъ оригинальнымъ явленіямъ южно-русской литературы. Приверженецъ консервативныхъ и аскетическихъ воззрѣній въ дѣлахъ религіи и общественности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является въ литературѣ самымъ яркимъ представителемъ эпохи возрожденія со стороны языка, формы и духа своихъ сочиненій. Строгій аскетъ, „святъ мужъ и зело любяй безсловіе" [1]), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является горячимъ пропагандистомъ въ родѣ какого нибудь Гуттена, бросаетъ въ народъ свои пламенныя посланія, обращаясь къ грамотной и неграмотной массѣ на языкѣ для нея почти совсѣмъ понятномъ, сильномъ и энергическомъ. Заклятый ворогъ всякихъ „хитрыхъ діалектическихъ силлоизмъ" и всей мірской премудрости, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень искусно пользуется всѣми уловками риторическаго искусства и создаетъ стиль настолько богатый, разнообразный и цвѣтистый, что въ нашей древней литературѣ онъ уступаетъ развѣ одному „Слову о полку Игоревѣ" по пластичности и индивидуальной выразительности. Едва ли не первый въ южнорусской литературѣ онъ пускаетъ въ ходъ обоюдоострое оружіе юмора и ироніи и пользуется имъ съ замѣчательной ловкостью. Строгій порицатель мірской жизни и соблазновъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень тонко знаетъ эту жизнь до ма-

---

[1]) Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860, Львовъ, стр. 234.

лѣйшихъ ея изгибовъ, знаетъ не по слухамъ и не по книгамъ, но очевидно по собственному опыту, ибо не даромъ же онъ называетъ себя „голякомъ—странникомъ извлекшимся съ хитро сплетенныхъ сѣтей діавола", не даромъ объявляетъ въ „кратко-словномъ отвѣтѣ": „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ." [1]) Строгій поклонникъ древне-іерархическаго устройства общественной жизни, не видящій спасенія внѣ церкви и мудрости внѣ священнаго писанія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ въ своихъ посланіяхъ призывать въ помощь простой народъ, „хлоповъ, простыхъ шевцовъ, седелниковъ и кожемяковъ" противъ поповъ, епископовъ и митрополитовъ для поддержанія православной церкви, значитъ долженъ былъ подымать пасомыхъ противъ пастырей, искать опоры въ такой организаціи, какой были церковныя братства, организаціи, пропитанной западно-европейскимъ реформаціоннымъ духомъ.

Жизнь поставила его на рубежѣ двухъ міровъ, двухъ историческихъ теченій, въ самый центръ возгорающейся между ними борьбы. Съ одной стороны православіе, тѣсно сплоченное съ византійскимъ міровоззрѣніемъ, византійскою косностью и неподвижностью, съ другой стороны врывающіяся съ запада струи гуманизма, подтачивающаго весь древній строй жизни и расшатывающаго древнія вѣрованія. Что борьба этихъ міровыхъ теченій должна была отразиться въ душѣ самаго Іоанна Вишенскаго, человѣка горячаго, энергическаго, честнаго и неустрашимаго, прежде чѣмъ онъ рѣшился безповоротно идти въ томъ или другомъ направленіи, это было бы само собой понятно, даже ежели бы мы не имѣли въ его собственныхъ прямыхъ словахъ указаній на такой душевный переломъ. Страстно любя свой народъ и съ ужасомъ замѣчая, какъ новое, западное теченіе отчуждаетъ цѣлыя семьи, цѣлые слои отъ русскаго народа, онъ порѣшилъ, что для Руси только одно спасеніе—совершенно замкнуться отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, отказаться отъ мірскихъ наукъ, просвѣщенія, литературы, культуры, и углубиться въ одно только священное писаніе, да въ чтеніе и изученіе книгъ церковныхъ. Конечно,

[1]) С. Голубевъ, Петръ Могила, т. I, стр. 114.

сдѣлать это было невозможно, какъ невозможно повернуть вспять колеса исторіи—и Іоаннъ Вишенскій былъ смятъ и забытъ въ послѣдующее затѣмъ бурное время. То, противъ чего онъ такъ ревностно ратовалъ,—западная премудрость, риторика и діалектика съ Платонами и Аристотелями, положено было впослѣдствіи во главу новаго православнаго просвѣщенія. То, что онъ считалъ наиболѣе враждебнымъ Руси и православію, употреблено было Могилой, Барановичемъ, Голятовскимъ и другими, какъ мощное оружіе въ защиту православія, создало цѣлую русскую литературу, отражавшую въ себѣ кровные интересы южнорусскаго населенія и поддерживавшую въ этомъ населеніи духъ прогресса и развитія. Идеалъ Іоанна Вишенскаго былъ забытъ и заброшенъ, но методъ его дѣйствія былъ принятъ и развивался съ большей или меньшей послѣдовательностью. Южнорусскіе писатели XVII стол. всѣ обращаются къ массамъ, ищутъ опоры въ братствахъ, стараются писать языкомъ тѣхъ круговъ, къ которымъ говорятъ, а именно языкомъ славянскимъ, перемѣшаннымъ съ малорусскимъ и польскимъ, когда обращаются къ духовенству или начитанному въ книгахъ церковныхъ мѣщанству, языкомъ почти чисто малорусскимъ, когда говорятъ къ простому народу, и языкомъ польскимъ, когда говорятъ къ ополяченной шляхтѣ. Іоаннъ Вишенскій былъ великъ и плодотворенъ не въ силу своихъ аскетическихъ и византійскихъ идеаловъ, но въ силу формы своихъ сочиненій и метода религіозной пропаганды.

Вотъ почему мнѣ кажется совсѣмъ не удивительнымъ, что имя его было уже во второй половинѣ XVII стол. почти совершенно забыто, что сочиненія его не печатались, и разбросанныя пролежали подъ спудомъ въ пыли монастырскихъ библіотекъ даже до нашихъ дней, или даже совсѣмъ пропали. Это были пламенные полемическіе памфлеты, разсчитанные на непосредственное дѣйствіе. Аргументы, выдвинутые имъ въ защиту православія, не отличались ни новизной, ни глубиной; иногда онъ даже и не трудился надъ изысканіемъ надлежащихъ аргументовъ, но вмѣсто того бросалъ въ народъ мѣткое слово, кличку, пластическую шутку или параболу, хорошо зная, что такое оружіе на простые умы почти всегда дѣйствуетъ сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ са-

мые тонкіе богословскіе резоны. Все это для послѣдующихъ поколѣній было недостаточнымъ; съ точки зрѣнія схоластической учености посланія Іоанна Вишенскаго были не болѣе, какъ блестящія импровизаціи, но не ученые трактаты, какіе были нужны. Вотъ почему сочиненія эти не цитировались и авторъ ихъ былъ забытъ.

Въ добавокъ нужно замѣтить, что и самъ Іоаннъ Вишенскій почти ничего не сдѣлалъ для упроченія за своими сочиненіями того мѣста въ литературѣ, какое имъ принадлежало. Отправивъ какое нибудь изъ своихъ посланій на Русь, онъ, кажется, болѣе не заботился объ его судьбѣ. Рукопись, изъ которой я извлекъ нижеслѣдующее его сочиненіе, есть единственное свидѣтельство того, что одно время онъ думалъ о собраніи своихъ сочиненій въ одну книжку, не заботясь однако объ ея напечатаніи, и разсчитывая только на ея рукописное распространеніе. Изъ интересной монографіи проф. Сумцова объ Іоаннѣ Вишенскомъ (К. Стар. 1885, апрѣль) читатели могли убѣдиться, какъ мало собственно мы знаемъ о жизни и личности знаменитаго полемиста. Мы не знаемъ даже его мірскаго имени и фамиліи, такъ какъ имя Іоаннъ было очевидно его монашескимъ именемъ, а фамиліи своей онъ никогда не называлъ. Изъ того, что онъ подписывался „Мнихъ Іоаннъ изъ Вишни", мы можемъ развѣ догадываться, что мѣстомъ его рожденія былъ городокъ Судова Вишня, лежащій въ Галиціи близь Львова. Городокъ этотъ былъ обыкновеннымъ сборнымъ пунктомъ для сеймиковъ воеводства русскаго. Весь фактическій матеріалъ о его жизни и значеніи исчерпывается двумя бѣглыми замѣчаніями Игнатія изъ Люборова въ составленной имъ біографіи Іова Княгиницкаго о двукратномъ пребываніи Іоанна въ нынѣшней Галиціи, на Покутьи (коломійскій округъ), да постановленіемъ собора кіевскаго 1622 года, который опредѣлилъ: „послать на Аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ". Изъ этого постановленія видно развѣ то одно, что Іоаннъ Вишенскій въ этомъ году былъ еще въ живыхъ. Кромѣ этой един-

ственной хронологической даты проф. Сумцовъ даже не пытался хронологически опредѣлять какія либо другія подробности.

Изъ сочиненій Іоанна Вишенскаго до появленія монографіи проф. Сумцова извѣстныхъ было только четыре „Посланія“, напечатанныхъ въ 1865 г. во второмъ томѣ „Актовъ, относящихся къ южной и западной Россіи“. Проф. Сумцову принадлежитъ заслуга, что онъ отстоялъ для Іоанна Вишенскаго также „Зачапку мудраго латинника съ глупымъ русиномъ“, напечатанную въ приложеніи къ первому тому монографіи С. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“. Какую нибудь хронологическую послѣдовательность въ этихъ сочиненіяхъ проф. Сумцовъ не пытался установить. Кромѣ того онъ привелъ свидѣтельство архіепископа Филарета о двухъ до сихъ поръ ненапечатанныхъ сочиненіяхъ Вишенскаго, а именно: 1) Наставленіе въ благочестіи старицѣ Доминикіи и 2) Позорище мысленное. Кромѣ того въ концѣ предисловія къ „Зачапкѣ“ Вишенскій упоминаетъ еще о трехъ своихъ сочиненіяхъ, посланныхъ имъ съ Аѳонской горы на Русь, а именно: 3) Древо, зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла, 4) Церковца, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 5) Маленькая пѣсенька церковная.

Мнѣ посчастливилось найти на выставкѣ, устроенной львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ въ воспоминаніе 900-лѣтней годовщины крещенія Руси и только на дняхъ закрытой,—значительный отрывокъ рукописнаго собранія сочиненій Іоанна Вишенскаго. Отрывокъ этотъ содержитъ: 1) краткое предисловіе, которое оканчивается стихотвореніемъ, 2) оглавленіе всего, что содержалъ въ себѣ сборникъ, а именно перечень десяти сочиненій, изъ коихъ пять (или шесть) были до сихъ поръ извѣстны, одно печатается мною въ приложеніи къ этой статьѣ, а три остаются пока неизвѣстными, и, быть можетъ, совсѣмъ затерялись. Въ самомъ сборникѣ мы находимъ дальше: 3) „О чину прочитанія сего писанія“, небольшую, но крайне интересную статейку. Она интересна по своему содержанію, а также и потому, что почти буквально (кромѣ ошибокъ въ переписываніи и прочтеніи)

находится, какъ послѣсловіе къ второму полемическому сочиненію, „Краткословный отвѣтъ Феодула, въ святѣй афонстѣй горѣ скитствующаго“ и проч., извлеченному С. Голубевымъ вмѣстѣ съ „Зачапкой“ изъ одного рукописнаго сборника и напечатанному въ приложеніяхъ къ первому тому его монографіи о Петрѣ Могилѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, что „Краткословный отвѣтъ Феодула“ принадлежитъ Іоанну Вишенскому. Дальше слѣдуетъ маленькая статейка: 4) „Ко прочитателю на еднѣ сего писаня“, послѣ которой идутъ поименованныя въ оглавленіи сочиненія, а именно: 5) „Обличеніе діавола миродержца“; 6) „Писаніе до князя Василія Острожскаго“, напечатанное въ „Актахъ ю. и з. Россіи“ вмѣстѣ съ поименованной въ нашемъ оглавленіи подъ г҃ „Порадой“; въ нашемъ сборникѣ оба эти сочиненія составляютъ какъ будто одно цѣлое; 7) „Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ“, напечатанное въ „Актахъ ю. и з. Россіи“, и 8) значительный отрывокъ „Писанія къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ“. Ежели мы названное въ нашемъ оглавленіи подъ и҃ сочиненіе „Загадка философомъ латинскимъ“ отождествимъ съ „Зачапкой“, которую и самъ авторъ въ заглавіи называетъ тоже „гаданіемъ или бесѣдой“, въ текстѣ же (стр. 79) прямо называетъ загадкой („Конецъ загадцѣ и отвѣта мудраго съ глупымъ“), то останутся еще три тамъ поименованныя, и до сихъ поръ неизвѣстныя сочиненія нашего автора, а именно: 9) О еретикахъ, 10) Слѣдъ краткій и 11) Новина. Ежели присовокупить къ этому списку еще пять выше поименованныхъ, и до сихъ поръ неизвѣстныхъ сочиненій, то увидимъ, что число всѣхъ сочиненій, написанныхъ нашимъ авторомъ, о которыхъ мы имѣемъ извѣстія, простирается до шестнадцати, изъ коихъ ровно половина до сихъ поръ приведена въ общественную извѣстность.

На основаніи этихъ сочиненій мы можемъ съ приблизительной точностью опредѣлить еще нѣсколько моментовъ изъ жизни Іоанна Вишенскаго.

Прежде всего „Краткословный отвѣтъ“ даетъ намъ одну цѣнную автобіографическую подробность. Говоря о лжи и прелести латинянъ, авторъ разсказываетъ: „и я нѣкогда въ той пробѣ

былъ, и самъ своимъ слухомъ латинскаго оратора свѣдчилъ... Латинскій ораторъ, достоинствомъ сана мистръ, имѣлъ дружбу со мною въ Луцку, и не утаилъ тѣлесное пожадливости предо мною, которого звитяжецъ былъ, ато, какъ блуда отъ цнотливые девицы прагнулъ, и не могъ повабками того себѣ зъеднати.... рѣчьми сладкими и бесѣдами прельстилъ дѣвицу и тѣмъ словеснымъ похлебствомъ цноту дѣвицы укралъ" (Голубевъ. Приложенія, 114—115). Здѣсь мы имѣемъ прямое указаніе на то, что Іоаннъ Вишенскій до написанія этого сочиненія долгое время жилъ въ Луцкѣ, гдѣ пользовался дружбою и очень короткимъ знакомствомъ какого то знатнаго лица изъ числа латинскаго духовенства. Можно сомнѣваться, чтобы это могло случиться послѣ его постриженія вь монахи, и послѣ того, какъ мысль его приняла извѣстное, рѣшительно аскетическое и латинству враждебное направленіе. По всей вѣроятности мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, происшедшимъ еще въ то время, когда писатель нашъ былъ мірскимъ человѣкомъ и молодымъ. Какъ нужно понимать слова: „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ",—говоритъ ли здѣсь Іоаннъ Вишенскій объ искушеніяхъ, какія представляла ему похоть людская (что менѣе вѣроятно), или же о тѣхъ искушеніяхъ, въ какія вводили его краснорѣчивые и льстивые латинскіе ораторы—этого рѣшить не берусь. Быть можетъ даже, что фактъ обезчещенія дѣвушки знатнымъ латинскимъ ксендзомъ и его другомъ произвелъ на нашего писателя сильное впечатлѣніе и далъ его мыслямъ рѣшительный толчокъ въ направленіи къ аскетизму.

О пребываніи Іоанна Вишенскаго въ Луцкѣ мы имѣемъ еще другія свидѣтельства въ его сочиненіяхъ. Такъ, въ своемъ „Писаніи къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ" онъ обращается къ Кириллу Терлецкому, епископу луцкому, съ слѣдующими словами: „Пощупайся толко въ *лысую* головку, ксенже бискупе луцкій, колко еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу пославъ, однихъ сѣканою, другихъ водотопленою, третихъ огнепалною смертію отъ сея жизни изгналъ?..... *Вспоняни и Филипа маляра* многопѣняжного. Камо тые румяные золотые по его неволномъ отходѣ осталися, и въ чіемъ нынѣ везеню сидятъ?" (Арх. ю. и з. Россіи, стр. 320). Какъ видимъ

изъ этого обращенія, „мнихъ аѳонскій" хорошо зналъ Терлецкаго и всю его подноготную. Не менѣе хорошо онъ зналъ и втораго коновода Берестейской уніи Діонисія Збируйскаго, епископа холмскаго, о которомъ въ томъ же посланіи говоритъ: „Также холмскій, *коли въ Луцку жилъ*, Сексономъ и Майдебурскимъ правомъ свое черево кормилъ" (Акты, стр. 231). Значитъ, Іоаннъ Вишенскій зналъ Збируйскаго тоже въ Луцкѣ, когда тотъ занимался въ томъ городѣ судебной практикой.

Въ посланіи къ князю Василію К. Острожскому мы имѣемъ намеки на то, что Іоаннъ Вишенскій бывалъ въ Острогѣ (что очень естественно въ виду его долгаго пребыванія въ недалекомъ Луцкѣ), Жидичинѣ и др. мѣстахъ Волыни и Подоліи. Въ Острогѣ онъ видалъ народный обычай—класть пироги и яйца на гробахъ покойниковъ, въ Жидичинѣ же его возмутили праздничныя ярмарки (Акты, стр. 223). Что авторъ нашъ имѣлъ обыкновеніе въ посланіяхъ своихъ специально упоминать мѣста, въ которыхъ самъ побывалъ, на это мы имѣемъ доказательство въ предисловіи „Зачапки", которую онъ адресуетъ „Благочестивымъ и православнымъ христіаномъ малое Росіи, братству лвовскому и виленскому, *также всѣмъ подгорскимъ обывателемъ*, гражданомъ и началствующимъ въ своихъ державахъ рода шляхецкого и повсюду обще, *по Куту и Волыню* и проч." (Голубевъ, Приложеніе, стр. 67). Какъ увидимъ ниже, „Зачапка" писана была послѣ пребыванія автора въ галицкомъ Подгорьи и Покутьи, о которомъ онъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ не упоминалъ.

Изъ его монашеской жизни мы можемъ хронологически опредѣлить одну дату. Въ житіи Іова Княгиницкаго (Зоря Гал., стр. 233) читаемъ, что князь Василій Острожскій запросилъ Іова въ Дермань и поручилъ ему устройство дерманскаго монастыря и типографіи. „И многимъ тамо (Іовъ) на успѣхъ бысть, труждахся, помогая въ духовныхъ же и телесныхъ и въ друкарни; *тогда охтаи друковаху*. По семъ возвратися въ свою обитель до Угорникъ и въ той часъ отецъ Іоанъ Вишенскій другъ его отъ святыя горы прійде и поживъ съ ними нѣколико время". Октоихъ дерманскій изданъ былъ въ 1604 году, поэтому можно

полагать, что путешествіе Іоанна съ Аѳонской горы въ Угорники случилось около 1605 года.

Въ Угорникахъ (теперь небольшая деревня близь мѣстечка Отыніи, коломыйскаго округа), Іоаннъ пробылъ въ первый разъ недолго—„нѣколико время". Куда направился онъ изъ Угорникъ житіе не говоритъ, упоминаетъ только о совѣщаніи Іоанна съ Іовомъ Княгиницкимъ о пустынножительствѣ („потомъ оба совѣщавшися, жесточайшаго, безмольвнаго житія желающе") и объ удаленіи Іова въ горы. Кажется, что Іоаннъ остался еще нѣкоторое время въ Угорникахъ, на то намекаетъ извѣстіе того же житія, что Іовъ, удаляясь въ пустыню, вручилъ Іоанну „сыновца своего Дмитра", съ которымъ Іоаннъ впослѣдствіи отправился въ горы въ окрестности Краснополя (теперь городокъ Юлотвина), гдѣ Іовъ жилъ отшельникомъ въ лѣсахъ недалеко отъ села Жарковы надъ рѣчкой Манявкой[1]) „Потомъ же Іоаннъ Вышенскій взявши отрока сыновца его (Іова) Дмитра, иже бѣ вручилъ ему старецъ, пріиде, и пребыть и той съ нимъ время не мало"—говоритъ авторъ житія („Зоря Гал." 234). Какъ долго пробылъ въ томъ безлюдномъ мѣстѣ нашъ писатель, объ этомъ мы можемъ составить себѣ хотя и приблизительное, но все таки довольно опредѣленное понятіе. Вотъ что мы далѣе читаемъ въ житіи: „Іоаннъ же Вышенскій поживши зде, паки отходитъ въ святую гору, оставлъ при немъ (Іовѣ) отрока его, старцу же совѣтовавше и моляше и́ не отлучатися отъ горъ сихъ и пустиня, ибо есть, рече, прилично мѣсто спастися хотящимъ, еже и собысться... И въ то время преставися Ексарха великаго ѳрону константинопольскаго, Гедіонъ Балабанъ, епископъ львовскій". (З. Гал. стр. 234, 235). А такъ какъ Гедеонъ Балабанъ умеръ въ 1607 году, то ясно отсюда, что пребываніе Іоанна Вишенскаго въ покутской Руси длилось безъ малаго два года (1605—1607). Вотъ и все, что мы можемъ болѣе или менѣе достовѣрнаго сказать о жизни знаменитаго полемиста.

Попытаемся теперь коснуться вопроса о хронологической последовательности сочиненій Іоанна Вишенскаго. Нѣтъ сомнѣнія,

---

[1]) Смотри „Исторія Скиту Манявского", написавъ и уложивъ д-ръ Юліанъ Целевичъ у Львовѣ 1887, стр. 12.

что особеннаго интереса опредѣленіе это пока не составляетъ. Іоаннъ Вишенскій, повидимому, началъ писать уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда его міровоззрѣніе и его понятія уже совершенно сложились и кристаллизировались, а поэтому въ его сочиненіяхъ мы не замѣчаемъ почти никакихъ признаковъ индивидуальнаго развитія. Тѣмъ не менѣе однакожъ опредѣленіе хронологической послѣдовательности сочиненій можетъ быть не безъ пользы для историка южнорусской литературы того времени, какъ и для оцѣнки современнаго религіознаго и общественнаго движенія.

Едва ли не первое по времени изъ извѣстныхъ намъ сочиненій Іоанна Вишенскаго есть его посланіе къ князю Острожскому. Посланіе это былъ отвѣтомъ на изданную православными въ 1597 г. книжку Ekthesis albo krótkie zebranie spraw ktore się działy na partykularnym to jest pomiestnym synodzie w Brześciu Litewskim", изображавшую незаконныя дѣйствія митрополита Михаила Рогозы и епископовъ, принявшихъ унію, равно какъ и на книгу, защищавшую этотъ соборъ. Почти одновременно съ этимъ посланіемъ должно было быть написано и „Писаніе къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ". Изъ заглавія этого писанія видно, что оно составлено еще при жизни митрополита Михаила Рогозы, умершаго въ 1600 году. Значитъ, оба эти сочиненія должны быть отнесены къ послѣднимъ годамъ XVI стол., а именно 1596—1600.

Что касается опредѣленія времени составленія двухъ другихъ сочиненій Іоанна Вишенскаго, а именно „Зачапки" и „Краткословнаго отвѣта", то для этого мы имѣемъ нѣкоторыя данныя въ самихъ этихъ сочиненіяхъ. „Краткословный отвѣтъ" есть опроверженіе втораго изданія сочиненія Скарги „O jedności kosciela Bożego". Изданіе это вышло въ 1590 году въ Краковѣ, и прислано было нашему автору патріархомъ александрійскимъ Мелетіемъ Пигасомъ „для изъявленія лжи" этого іезуитскаго сочиненія. Такъ какъ Мелетій Пигасъ умеръ въ 1601 году, а въ „Краткословномъ отвѣтѣ" о немъ говорится, какъ о живомъ, то сочиненіе это должно было быть составлено въ періодъ 1590—1601, скорѣе всего во второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія XVI в. или въ первомъ году XVII в.

„Зачапка“ написана нѣсколькими годами позже. Не только Мелетій Пигасъ, но и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ упоминаются въ ней, какъ покойные,—значитъ, сочиненіе это написано уже послѣ 1607 года, по возвращеніи Іоанна Вишенскаго изъ Покутья.

Такъ какъ въ прилагаемомъ ниже оглавленіи „Зачапка“ или „загадка“ упоминается, то несомнѣнно и эта попытка собранія всѣхъ сочиненій Іоанна Вишенскаго принадлежитъ времени позднѣйшему, послѣ 1607 года. Когда появились прочія извѣстныя намъ сочиненія нашего автора—объ этомъ судить мы не имѣетъ никакихъ данныхъ.

Миронъ.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

ПОВѢСТЬ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1]).

I.

Какъ все ожило въ селѣ въ тотъ день! Передъ каждою стодолою суетились мужчины, женщины и дѣти, разстилали по землѣ мокрое сѣно, разставляли на солнцѣ снопы жита и овса; всѣ двигались проворно, схватывали одно, бѣжали за другимъ, какъ бы желая сразу сдѣлать десять дѣлъ. Женщины торопливо, дрожащими отъ поспѣшности руками развѣшивали на плетняхъ только что вымытое бѣлье, длинные куски полотна, мокрые кожухи и свиты; затѣмъ опрометью бросались въ хату, выносили оттуда пучки укропу, льна и конопли и также разставляли ихъ между колышками плетня; наиболѣе заботливыя даже дѣтей въ колыбелькахъ выносили изъ душныхъ хатъ на солнце, клали ихъ на самомъ припекѣ, гдѣ не было для тѣни даже и стебелька травы. Въ поле выгнали весь скотъ крупный и мелкій; изъ хатъ выползали дряхлые и больные старики и пригрѣвшись на солнышкѣ, съ наслажденіемъ вдыхали изсохшею грудью теплый, живительный воздухъ. Въ огородѣ у Якова среди желтыхъ гвоздикъ и георгинъ, прибитыхъ къ землѣ продолжительными дождями и первыми замо-

---

[1]) Повѣсть г-жи Ostoja, помѣщенная въ журналѣ Ateneum за 1888 г., подъ заглавіемъ „Zły duch“.

розками, стоялъ больной мальчикъ подростокъ, босой, въ отцовскомъ кожухѣ на плечахъ. Наканунѣ ему уже давали въ руки страстную свѣчку, но теперь и онъ выползъ на воздухъ, видно всеобщее оживленіе, сообщилось и ему, придавъ новыя силы. Онъ стоялъ, прислонившись въ плетню, стуча зубами, глядя угасшими глазами на залитыя солнцемъ крыши, жадно ловилъ воздухъ, но при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, задыхаясь кашлялъ и изо всѣхъ силъ хватался за плетень, какъ бы изъ боязни, чтобы вѣтеръ не унесъ его, не загналъ обратно въ избу, гдѣ смерть подстерегала его изъ всѣхъ темныхъ, закоптѣлыхъ угловъ. Кажется, если бы покойникъ всталъ изъ могилы и прошелся по улицамъ, никто не обратилъ бы на него вниманія,—такъ сильно страшилъ всѣхъ призракъ голода, притаившійся за снопами проросшаго хлѣба, выглядывавшій изъ-за кучъ на половину гнилаго картофеля.

Проливные дожди чуть не затопили деревни, подмыли старыя хаты, залили дырявыя *оборы*; въ теченіи нѣсколькихъ недѣль скотъ стоялъ по колѣни въ водѣ, а людей сушила тоска, страхъ и надрывающее душу сознаніе своего безсилія. Песчаный берегъ Нѣмана, размякшій отъ дождя, обрушивался мало по малу, унося съ собою часть плетней и огородныхъ овощей вмѣстѣ съ землею, а люди въ страхѣ ожидали, что скоро наступитъ очередь и ихъ хатъ, протянувшихся длиннымъ рядомъ вдоль берега; иные опасались даже свѣтопреставленія. Что было дѣлать? Почти всѣ, и старые, и молодые, спали по цѣлымъ днямъ, а проснувшись выходили на улицу, чтобы еще разъ взглянуть на свинцовое небо, на мокрую землю, на потемнѣвшія отъ дождя изгороди и постройки, наконецъ, на сосѣда, также стоящаго за воротами, съ тѣми же заспанными глазами глядящаго на мокрый міръ. Самые старые за весь свой долгій вѣкъ не спали такъ много, какъ въ то несчастное лѣто. Въ избахъ было душно, какъ въ ковчегѣ во время потопа, такъ какъ въ нихъ, кромѣ спящихъ людей, пребывали во время ливня всѣ куры, поросята, козы, а на ночь загонялись туда же овцы и коровы; все это вялое и осовѣлое, подобно ихъ владѣльцамъ, ѣло и дремало въ ожиданіи лучшей погоды. Наконецъ ливень превратился въ обыкновенный дождь съ вѣтромъ; страшный вихрь подбрасывалъ пѣнистыя волны рѣки

на высокій берегъ, срывалъ промокшія крыши, выворачивалъ изъ земли легкія изгороди, разрушалъ все на своемъ пути—однѣ только избы уцѣлѣли какимъ то чудомъ. Люди спали уже только до полудня, затѣмъ выглядывали то въ окна, то въ двери, прислушивались, соображали, пока наконецъ не дождались осенней погоды сухой и свѣжей; всѣ ободрились, словно ожили, даже тѣ, чьи глаза совсѣмъ запухли отъ сна, и тѣ веселѣе глядѣли на ясный свѣтъ.

Въ селѣ люди загудѣли, какъ пчелы въ ульѣ: закипѣла вездѣ неоконченная работа. Всюду, гдѣ спала вода, на лугахъ, на поляхъ, гдѣ чернѣлъ еще неубранный картофель, сновали люди, какъ муравьи, отогрѣтые весеннимъ солнцемъ. Къ полудню подошли туда же и старики, чтобы еще разъ собственными глазами посмотрѣть на вымокшее сѣно, на гнилой картофель, сравнить убытки этого года съ прежними, еще разъ припомнить свои лучшія времена и погоревать о настоящемъ. Вскорѣ деревня совсѣмъ опустѣла. Каждый, миновавшій послѣднюю избу надъ рѣкою, съ удивленіемъ замѣчалъ, что даже старый Чмель на этотъ разъ выползъ изъ хаты, усѣлся на *прызьбѣ* противъ солнца и, обводя взглядомъ пустое подворье, то обращалъ потухшіе глаза къ воротамъ, то поворачивалъ голову во всѣ стороны, точно впервые ему пришлось видѣть свѣтъ Божій. Худощавый старикъ, лысый, съ сѣдою бородою, съ впалыми висками напоминалъ собою лики святыхъ на иконахъ, только наброшенная на плечи свита, вся въ заплатахъ, нарушала сходство; подлѣ него стояла на завалинкѣ деревянная коновка съ водою и кусокъ хлѣба съ солью, чтобы онъ не голодалъ въ одиночествѣ, пока сыновья съ женами воротятся съ поля.

—Ого! видно и Евку погнали на работу! замѣчали бабы, поглядывая на опустѣлое подворье и на дверь хаты, заложенную колышкомъ.

Всѣмъ было некогда, всѣ торопились, но передъ этою хатою каждый останавливался на минуту и, отходя, все еще оглядывался на нее съ любопытствомъ и даже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; одна баба вскочила даже во дворъ, заглянула въ око-

шечко, въ *обору*, въ огородъ. Нигдѣ—никого.—Ни души живой, крикнула она и бросилась догонять сосѣдокъ.

Старикъ проводилъ ее взглядомъ и пожалъ плечами, какъ бы удивляясь тому, что баба скачетъ, какъ коза, между тѣмъ какъ онъ едва можетъ выйти изъ хаты опираясь на палку; совсѣмъ нѣтъ силы въ ногахъ—прохворалъ цѣлое лѣто, а здоровье и силы все какъ то не возвращаются. За то сегодня онъ чувствуетъ себя значительно крѣпче, легче.... какъ то даже необыкновенно легко. Если бы хоть немного силы, пошелъ бы и онъ съ другими въ поле, на лугъ... съ палкою, съ угрозою, какъ прежде. Безъ его надзора вѣдь все идетъ изъ рукъ вонъ плохо!... Эхъ! и думать не стоитъ о томъ, что онъ пережилъ, и что видѣлъ въ послѣдніе годы. Богъ имъ судья!... Можетъ быть выгнали бы изъ хаты, пустили бы по міру, если бы не деньги—небольшія сбереженія, собранныя еще въ лучшія времена, когда онъ самъ всю семью держалъ въ рукахъ. Еще и теперь, при одномъ воспоминаніи объ этомъ, окостенѣвшіе пальцы невольно сжимаются въ кулакъ. Деньги эти онъ тщательно скрываетъ... Какъ ни разнюхиваютъ домашніе, какъ ни ищутъ, ни выслѣживаютъ, но не найти имъ ихъ!... Можетъ быть они разсчитываютъ на сотни, на тысячи... Пусть ихъ разсчитываютъ, отъ того не прибудетъ и не убудетъ! Пускай себѣ люди разсказываютъ небылицы о его богатствѣ,—онъ одинъ знаетъ правду, знаетъ также и то, что ни одна рука человѣческая не можетъ обокрасть его. Вмѣстѣ съ своимъ сокровищемъ онъ прячетъ старинный грошикъ, тоненькій, потемнѣвшій, полученный имъ отъ нищаго за пару кислыхъ огурцовъ. Нищему онъ достался послѣ знаменитаго вора, не разъ обкрадывавшаго и панскіе дворы, и костелы и всегда счастливо уходившаго отъ преслѣдованія, пока наконецъ онъ, купаясь, не оставилъ на берегу этой монетки вмѣстѣ съ одеждою: его поймали въ то время и нагишомъ повели въ „холодну“. Многіе старались тогда добыть этотъ грошикъ—и паны, и священники, и евреи, но нищій ни за что не соглашался уступить его, не разставался съ нимъ ни на минуту и, хотя онъ и днемъ, и ночью одинъ ходилъ по лѣсамъ и оврагамъ, никогда его никто не ограбилъ, даже въ такіе дни, когда у него, кромѣ палки и дырявой сермяги, бы-

валъ въ сумѣ и мягкій хлѣбъ, и горсть соли, а въ пазухѣ нѣсколько мѣдныхъ грошей и полная тавлинка табаку. Съ тѣхъ поръ, какъ старый Чмель обладалъ этимъ талисманомъ, онъ еще заботливѣе пряталъ капшуки съ деньгами. Раньше бывало сыновья видали иногда этотъ дорогой капшукъ, когда ему приходилось доставать деньги на уплату податей или на другіе расходы; теперь же онъ и самъ забывалъ по временамъ, куда спряталъ его. Подъ конецъ однако старикъ отыскалъ для своего сокровища одно укромное мѣстечко и когда сосѣди говорили шутя, будто онъ закапываетъ деньги въ землю, старикъ не возражалъ, чтобы не давать повода къ излишнимъ распросамъ и догадкамъ. Въ теченіи своей болѣзни онъ уже нѣсколько разъ собирался отдать все старшему сыну, но какъ только начиналъ думать объ этомъ, силы какъ то возвращались снова, онъ понемногу поправлялся и чувствовалъ, что еще проживетъ годъ—другой, а можетъ быть и больше. А между тѣмъ, разъ упустивши казну изъ рукъ, онъ неизбѣжно утратитъ свой почетъ и значеніе въ домѣ. Теперь его по временамъ поятъ чаемъ съ перцемъ, который варятъ исключительно для него, хоть и въ пропитанномъ жиромъ горшечкѣ, пищу исправно подаютъ ему на печь. А тогда, почемъ знать, можетъ быть, пришлось бы умереть отъ голода... Пускай себѣ думаютъ, что получатъ въ наслѣдство сотни серебряныхъ рублей. Эхъ! Будь у него столько денегъ, какъ говорятъ, онъ давно бы уже купилъ хату и землю для Петра, самаго младшаго своего сына. Максимъ и Өедоръ унаслѣдуютъ материнскую землю и усадьбу, а тотъ бѣдняга останется ни съ чѣмъ, одинъ, какъ перстъ въ цѣломъ свѣтѣ. Родился онъ отъ бѣдной работницы, до самой смерти остававшейся въ услуженіи у Чмеля; то была сильная, мускулистая дѣвушка и до послѣдняго дня жизни трудилась, какъ волъ.... Скончалась она въ самый полдень весною, въ такой же ясный, тихій день, какъ и сегодня. Старикъ никогда не слышалъ отъ нея ни одного укора, развѣ только изрѣдка приговаривала она курамъ или коровамъ... а передъ смертью какъ то вдругъ разговорилась...

— Не обижай Петра, пожалѣй сироту! хотѣла еще что то сказать, да не стало голосу или, можетъ быть, словъ; она поцѣло-

вала его руку, словно благодарила за свою горькую участь. Онъ самъ отеръ съ ея лица последнія две слезы, какія выплакала она на этомъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ Чмель не могъ уже найти такой тихой, работящей служанки. Онъ схоронилъ ее, поставилъ на могилѣ большой черный крестъ между двумя соснами; а деревенскій столяръ написалъ на немъ: „Маріе Дѣво, молись за насъ, тяжкихъ грѣшниковъ." Напрасно доказывали ему сосѣди, что покойница называлась Ганка и не была дѣвою; столяръ въ концѣ концовъ успѣлъ убѣдить ихъ въ томъ, что всѣ имена равны передъ Богомъ, а на томъ свѣтѣ никто не отличитъ дѣвушки отъ замужней женщины. Надпись осталась на своемъ мѣстѣ, а Чмель, проходя мимо кладбища, всегда смотрѣлъ въ ту сторону. Тамъ гдѣ то была могила и настоящей его жены, но та умерла такъ давно, что онъ забылъ даже и мѣсто, гдѣ она похоронена. Да и сыномъ Ганки онъ занимался больше, чѣмъ старшими дѣтьми! иногда большаго уже мальчика бралъ онъ на руки, если, возвращаясь съ поля, встрѣчалъ его гдѣ нибудь на улицѣ подъ заборомъ. Не давалъ его въ обиду, кормилъ, какъ могъ, и радовался въ душѣ, что мальчикъ выросталъ сильный, здоровый, румяный, хотя немного туповатый. Замѣтивъ гдѣ нибудь по пути хорошую хату съ огородомъ, съ участкомъ земли, Чмель всегда думалъ, что такую же точно купитъ онъ и для Петра. Раза два освѣдомлялся, прицѣнивался, торговалъ даже, но когда дѣло приходило къ расплатѣ,—какъ то откладывалъ, разсчитывалъ еще.... Приносилъ ему съ поля молодыхъ зайчиковъ, птичекъ или хорошую палку, которую мальчикъ тотчасъ обращалъ въ коня; отправляясь за добычею въ чужой садъ или огородъ, Петрусь всегда оставлялъ своего коня у забора и шелъ воровать безъ всякаго опасенія, увѣренный въ помощи отца, который всегда во время являлся на выручку. Сосѣди предсказывали, что хлопецъ выростетъ воромъ; онъ дѣйствительно выросъ и сдѣлался сильнымъ, плечистымъ парубкомъ, молчаливымъ и работящимъ, какъ нѣкогда мать его.

Жена старшаго брата Максима, замѣнившая хозяйку въ домѣ, съ каждымъ годомъ шила ему рубахи все шире и шире; онъ былъ выше всѣхъ въ цѣломъ селѣ, сгорбился прежде вре-

мени и постоянно смотрѣлъ въ землю; только оставшись одинъ на одинъ съ отцомъ, молодой человѣкъ подымалъ голову и устремлялъ на него ясные, робкіе глаза, словно съ нѣмымъ вопросомъ: что со мною будетъ, татуню? Старикъ хмурился, иной разъ выходилъ даже изъ хаты недовольный, въ раздумьи почесывая затылокъ и самъ не зная, какъ тутъ быть. Деньги какъ будто были... да впрочемъ, что это за деньги! Такая малость, а вѣдь это кровавый потъ, тяжелая работа всей его жизни съ цѣлой семьей... При одной мысли о томъ, что придется отдать ихъ, сердце старика болѣзненно сжималось, имъ овладѣвалъ гнѣвъ, онъ шелъ въ поле или брался за какую нибудь работу, чтобы отогнать недобрыя мысли. То вдругъ онъ дарилъ Петру свой старый кожухъ, обѣщалъ слѣпую кобылу, но тотъ словно и не слыхалъ, забывалъ даже поблагодарить отца и только все чаще и чаще останавливалъ на немъ боязливый взглядъ.

— Не бойся, далъ Богъ кровъ, дастъ и пищу—ободрялъ его старикъ.

Петръ молчалъ, громко сопя и поглядывая изъ подлобья то вправо, то влѣво.

— Послѣ можетъ быть... гдѣ нибудь... нужно будетъ... какъ нибудь... вотъ, такъ... эхъ, воля Божья во всемъ... Молодой человѣкъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, выжидая болѣе ласковаго слова, но старикъ останавливался, вздыхалъ и уходилъ, махнувъ рукою, не желая давать преждевременныхъ обѣщаній; онъ самъ себя обманывалъ, и хотѣлъ сдѣлать что нибудь, и боялся рѣшиться, откладывалъ изъ года въ годъ, пока наконецъ не заболѣлъ. Только тогда вспомнилъ онъ, что въ случаѣ его смерти парубокъ останется ни съ чѣмъ, безъ всякихъ правъ на наслѣдство; въ тяжкой болѣзни мысль эта преслѣдовала его постоянно, онъ хотѣлъ было даже потолковать съ сосѣдями,—все какъ то не приходилось къ слову. Пришлось бы вынуть деньги изъ тайника, показать, отдѣлить часть—но... лучше обождать еще немного; а тутъ подошли теплые дни, больной какъ то вдругъ ожилъ.... теперь онъ совсѣмъ здоровъ, не чувствуетъ ни какой боли, только временами какъ будто нѣкоторая еще слабость и сонливость.

— Будущею весною, если дастъ Богъ дожить, куплю ужъ непремѣнно... что будетъ, то будетъ; пусть хоть говорятъ, хоть не говорятъ, а я куплю хату... землю... повторялъ онъ какъ бы сквозь сонъ.

Солнце стояло высоко, надъ самою хатою и давно уже согрѣвало старика съ ногъ до головы жгучими лучами. Онъ спустилъ съ плечъ кожухъ, протянулъ ноги и медленно расправилъ старыя, наболѣвшія кости; сонъ одолѣвалъ все сильнѣе и сильнѣе, онъ закрылъ глаза и вдругъ ему почудилось, будто его подымаетъ какая то невидимая сила и уноситъ въ безграничное воздушное пространство... Село съ его околицею было передъ нимъ какъ на ладони... поля, залитыя солнцемъ, синій Нѣманъ среди песчаныхъ, размытыхъ береговъ, поросшихъ темнымъ лѣсомъ.... Никогда въ жизни глаза его не видѣли такъ ясно, какъ въ эту минуту: каждый стебелекъ травы на пожелтѣлой *стернѣ* совершенно отчетливо выдѣлялся передъ его глазами. Всѣ луга, лѣса, поля, какіе когда либо случалось видѣть въ жизни, теперь проходили передъ нимъ, смѣняясь одни другими и протянувшись длинными полосами туда далеко, гдѣ небо сходится съ землею. Старикъ смотрѣлъ и не могъ наглядѣться, съ наслажденіемъ вдыхалъ теплый воздухъ, а въ ушахъ раздавался какой то необычайный шумъ: жужжаніе пчелъ, отдаленный шелестъ деревьевъ, плескъ рѣчныхъ волнъ оглушали, одуряли его; казалось, всѣ звуки, нѣкогда слышанные имъ отдѣльно, теперь повторялись всѣ вмѣстѣ, только несравненно сильнѣе, отчетливѣе, словно въ цѣломъ мірѣ онъ одинъ видѣлъ и слышалъ за всѣхъ.

— Ой, Боже жъ мій мылый! вздохнулъ старикъ и раскрылъ глаза. Становилось свѣжо. Подулъ вѣтеръ съ поля, солнце спускалось за крышу и тѣнь отъ хаты ровною полосою протянулась на половину двора; у старика окоченѣли ноги; холодъ, охватившій колѣна, подымался все выше по всему тѣлу, пронизывалъ его насквозь, отяжелѣвшія вѣки спускались сами собою и какая то бѣловатая дымка разстилалась передъ глазами, село и поля виднѣлись какъ бы въ туманѣ... А холодъ пронизывалъ его все сильнѣе; старикъ совсѣмъ окоченѣлъ и какъ то особенно вытянулся и выпрямился; въ груди чувствовалъ жаръ, а въ глазахъ

словно застывали стекловидныя слезы... онъ видѣлъ свою хату, стоящую на окраинѣ надъ самымъ обрывомъ, низкую, почернѣлую, съ поросшею мхомъ крышею; песчаный берегъ мало по малу осыпался у самаго ея основанія и комья песку медленно скатывались внизъ въ рѣку.

Старый Чмель закрылъ глаза; что то клонило его къ землѣ; онъ видѣлъ какъ на яву свою полянку близъ лѣса, тщательно вспаханную и забороненную, окаймленную зеленѣющею межою, и медленно склонялся къ ней, безъ опасенія, съ довѣрчивою улыбкою. Сколько разъ случалось ему лежать на этой межѣ въ полдень, отдыхая въ ожиданіи, пока выкормятся усталые отъ работы волы.

Солнце совсѣмъ зашло, сумерки спускались на землю, только крыши да верхушки деревьевъ блестѣли еще, залитыя красноватымъ свѣтомъ. У воротъ проходили люди съ граблями черезъ плечо, бабы съ пустою посудою, за ними мелкими шажками бѣжали дѣти, иные верхомъ на палкѣ, другіе просто пѣшіе. Каждый проходящій оглядывался на пустынный дворъ, на сидѣвшаго на *прызьбѣ* старика, и произносилъ обычное привѣтствіе, пастухъ крикнулъ ему, чтобы отворилъ ворота и впустилъ скотъ, но тотъ и не пошевельнулся, оставаясь сидѣть по прежнему, прислонившись къ стѣнѣ, опустивъ голову и сложа руки на колѣняхъ,—задремалъ ли онъ, или уснулъ на вѣки! Коровы постояли немного на улицѣ, потомъ сами, то съ помощью роговъ, то бокомъ, кое какъ открыли ворота, прошли одна за другой, оглянулись на хозяина и стали передъ запертою *оборою*; вслѣдъ вбѣжала кучка овецъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ, столпилась около хаты, поталкивала его окоченѣлыя колѣни,—онъ сидѣлъ, ничего не замѣчая. Движеніе и жизнь охватили деревню, вслѣдъ за стадомъ возвращались и люди. Вотъ Максимъ съ Ѳедоромъ прошли черезъ дворъ, одинъ въ хату, другой въ стодолу; женщины начали загонять по хлѣвамъ овецъ и свиней, никто не обратилъ вниманія на старика. Только усѣвшись съ подойникомъ подлѣ коровы, старшая невѣстка обернулась къ нему черезъ плечо.

— Идите уже въ хату, а то васъ опять схватитъ лихорадка.

— И душу вытрясетъ, подхватила младшая, Евка, подсаживаясь къ другой коровѣ.

Затѣмъ обѣ отвернулись и занялись своимъ дѣломъ. Въ это время Петръ съ граблями и вилами въ рукахъ входилъ во дворъ; онъ еще издали началъ приглядываться къ отцу, остановился передъ нимъ, вытянувъ шею, притаивъ дыханіе и долго не могъ рѣшить, спитъ ли онъ, или можетъ быть... Страшная мысль промелькнула въ умѣ парубка. Старикъ сидѣлъ, какъ живой, только лицо его, заросшее сѣдыми волосами, трудно было разсмотрѣть въ сумеркахъ. Петръ и не смотрѣлъ въ лицо, онъ только прислушивался и слышалъ, какъ его собственное сердце стучало въ груди, а кровь ударяла въ виски; сколько ни напрягалъ онъ зрѣнія, онъ не могъ уловить и малѣйшаго движенія. Медленно оглянувшись на обѣихъ женщинъ, онъ упорно опять смотрѣлъ на старика. Минуты бѣжали за минутами, холодная роса пахнула въ воздухѣ; въ дворикѣ окруженномъ хозяйственными постройками, было почти совсѣмъ темно—Петръ простоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ, осторожно ступая, пошелъ въ хату. Теперь онъ уже все зналъ, но еще самъ себѣ не вѣрилъ. Въ сѣняхъ еще разъ обернулся, поставилъ въ уголъ грабли, опустилъ руки, прислонился къ стѣнѣ и стоялъ, весь подавленный горемъ и тревогою. Онъ не рѣшался, не въ силахъ былъ первый объявить о случившемся; ему казалось, что все могло бы еще измѣниться, если онъ промолчитъ,—и стоялъ, притаившись въ темномъ углу; колѣна его дрожали, подгибались и слеза за слезою катилась по лицу. Онъ слышалъ, какъ Максимъ звалъ его изъ стодолы, зналъ, что еще до ночи нужно было убрать снопы на току и очистить мѣсто для сѣна, но не могъ двинуться изъ своего угла, не могъ поднять головы и ждалъ, опустивъ глаза въ землю... Изъ хаты долеталъ запахъ кипящаго картофеля... Петру припомнилось вдругъ, какъ днемъ на лугу, когда онъ немного замѣшкался за ѣдою, Евка назвала его „воломъ", „сучимъ сыномъ" толкнула ногою въ горшокъ съ молокомъ, бросила хлѣбъ собакѣ и полетѣла какъ бѣшеная, вѣдьма—проклятая!... Онъ ее когда нибудь научитъ... Когда нибудь!..по чемъ знать, что будетъ теперь съ нимъ самимъ... Теперь они здѣсь господа... полновластные хозяева...

Вошли женщины съ подойниками и во всю ширину открыли дверь въ хату; огонь въ печи освѣтилъ сѣни и босыя ноги стоявшаго въ темномъ углу парубка; онъ будто прилаживалъ что то обматывалъ тряпкою рукоять косы, а у самого дрожали руки, сжималось горло, его трясло какъ въ лихорадкѣ отъ одной мысли,— а что, если не правда? но пойти удостовѣриться онъ не рѣшался... онъ зарыдалъ-бы тамъ отъ отчаянія... Нѣтъ, пусть лучше они сами!... они здѣсь хозяева, а онъ только сынъ... и то... какой тамъ еще сынъ! Максимъ и Ѳедоръ вмѣстѣ вошли въ хату, вслѣдъ за ними съ шумомъ вбѣжали дѣти, изъ хаты пахнуло горячимъ паромъ отъ картофеля и кулиша, „хозяева" усѣлись за столъ.

— А гдѣ-же *старый*? Стецко! бѣги, проси дѣда! а что же это вы, шельмы, сами прежде всѣхъ взялись за ложки? прикрикнулъ Максимъ на дѣтей и толкнулъ старшаго къ дверямъ. Петръ такъ и присѣлъ къ землѣ, въ ушахъ у него зазвенѣло. Онъ слышалъ испуганный крикъ Стецка; видѣлъ, какъ всѣ одинъ за другимъ выбѣжали во дворъ, какъ *Максимыха* отъ испуга или второпяхъ выскочила изъ хаты съ горящею лучиною... Слышалъ отрывистые возгласы испуга, удивленія, пискливый плачъ дѣтей, но самъ не могъ двинуться съ мѣста; что то сдавливало ему горло, онъ сидѣлъ, скорчившись вдвое, и пряталъ въ рукахъ голову.

— Боже мылый!... Боже-жъ мій мылый, шепталъ онъ, закрывъ глаза; его даже не разбирало любопытство пойти взглянуть въ мертвое лицо отца, посмотрѣть, похожъ ли онъ еще на себя, или нѣтъ?... Онъ совсѣмъ ослабѣлъ.... Высокій плечистый крестьянинъ, румяный, съ огромными усами, вдругъ обезсилѣлъ, какъ ребенокъ, сидѣлъ, прислонивъ голову къ стѣнѣ, а изъ глазъ катились час-тыя дѣтскія слезы.

Наконецъ, все въ хатѣ успокоилось и пришло въ порядокъ; старика уложили на постель и Максимъ разъ—другой выходилъ въ сѣни, оглядываясь во всѣ углы, нѣсколько встревоженный.

— Иди въ хату, шепнулъ онъ, замѣтивъ Петра; взялъ его за руку, постоялъ немного, желая еще что то сказать и не находя словъ.—Ну, иди, чего тамъ, вотъ извѣстно... каждому такъ будетъ... Онъ отворотился и умолкъ. Петръ, самъ не зная зачѣмъ, поцѣ-

ловалъ его руку.—Иди! повторилъ Максимъ и провелъ рукавомъ по глазамъ; оба вошли вмѣстѣ въ избу и присѣли къ столу; Максимъ пододвинулъ къ нему миску съ кушаньемъ, отрѣзалъ краюху хлѣба, а самъ облокотился на столъ, закрылъ руками лицо и сидѣлъ молча. Петръ началъ ѣсть; отъ теплой пищи теплѣе становилось въ груди и въ желудкѣ, отъ ласковыхъ словъ Максима какъ то вдругъ легко сдѣлалось ему на сердцѣ. Слезы все еще падали въ миску, смѣшивались съ крупникомъ, но шумъ въ головѣ уже прекратился, возвратились и сила, и надежда—теперь онъ готовъ былъ пойти въ огонь для Максима, работать для него съ утра до ночи, такъ просто за кусокъ хлѣба; оберегать его имущество, можетъ быть онъ готовъ бы даже красть для него.... а что-жъ? и укралъ бы, еслибъ нужно было! Онъ всегда любилъ и слушалъ Максима, а теперь.... Теперь у него не доставало и мысли для выраженія неудержимыхъ порывовъ благодарности, возбужденной горемъ, сознаніемъ потери и тревожной неизвѣстности. По мѣрѣ ѣды Петръ поглядывалъ на него украдкою, глоталъ ложку за ложкою, очистилъ миску до дна, весь отрѣзанный хлѣбъ съѣлъ безъ остатка, выказывая этимъ свою покорность и готовность къ услугамъ, вспотѣлъ даже отъ усердія и еще больше раскраснѣлся.... Онъ чувствовалъ, что въ темномъ углу за спиною лежитъ на кровати старикъ, прикрытый бѣлымъ полотномъ, онъ замѣтилъ его, когда входилъ въ избу, и теперь не переставалъ ощущать его близость... онъ еще сожалѣлъ объ отцѣ, еще не рѣшался взглянуть ему въ лицо, но мысль его уже больше была занята Максимомъ.

Между тѣмъ хата опустѣла. Ѳедоръ отправился готовить доски для гроба, дѣти спали на печи, одна *Максимыха* хлопотала о чистой одеждѣ для покойника, вынимала изъ скрыни бѣлье и свиту и поминутно утирала носъ угломъ фартуха.

— Пойдемъ, онъ одинъ не справится тамъ, сказалъ Максимъ, медленно подымаясь; Петръ послѣдовалъ за нимъ, съ порога оба еще разъ оглянулись на постель и въ сѣняхъ столкнулись съ Евкою. Цѣлый вечеръ она летала сама не своя, то въ хату, то изъ хаты, то лазила на крышу, то сновала по двору, вся разгорѣвшаяся, какъ въ лихорадкѣ. Шесть лѣтъ уже, какъ она была замужемъ, а

выглядѣла какъ дѣвушка, худощавая, смуглая брюнетка съ большими сѣрыми глазами, съ мелкими чертами лица и ослѣпительно бѣлыми зубами. Она нетерпѣливо кусала губы, а глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны; въ красной юбкѣ, въ бѣлой рубахѣ, съ голубыми бусами на шеѣ, ея легкая фигура особенно рельефно выступала на фонѣ закоптѣлыхъ стѣнъ.

— Что вы такъ цѣлую ночь будете топтаться? спросила она запыхавшись, перебѣгая взглядомъ отъ невѣстки къ покойнику, къ *скрынѣ* и узелкамъ, ее жгло въ груди, въ рукахъ и ногахъ чувствовался зудъ какой то, она нетерпѣливо подергивала плечами.

— Я посижу возлѣ него... вотъ только сбѣгаю къ сосѣдкѣ.... ложитесь спать!

Максимыха, не оставляя сундука, поглядѣла на нее черезъ плечо.

— Берегла я его при жизни, поберегу и по смерти, медленно проговорила она.

Евка присѣла на лавку и дрожащими пальцами дергала уголъ передника.

— Такъ я посижу съ вами! прошипѣла она сквозь зубы. Ей не сидѣлось на мѣстѣ, босыя ноги ерзали по полу; наконецъ она схватила ведро и жадно глотала воду, потомъ оставила на минуту и снова принималась пить, какъ измученная лошадь, не спуская глазъ съ невѣстки. Вдругъ она отставила ведро на полъ и схватила дымящуюся лампочку.

— Я вамъ посвѣчу, а то пожалуй въ потьмахъ еще надѣнете на старика свою юбку! она засмѣялась и открыла свои бѣлыя зубы. Максимыха отплюнулась, пожала плечами и съ безпокойствомъ взглянула на бѣлое полотно, изъ подъ котораго въ одномъ концѣ виднѣлся высокій лобъ, окруженный сѣдыми волосами, въ другомъ выступали окостенѣлыя босыя ступни ногъ.

На слѣдующее утро старикъ былъ уже на кладбищѣ. Сосѣди прямо съ похоронъ отправились въ поле на работы, а Максимъ съ братьями тѣмъ же самымъ возомъ, на которомъ привезли гробъ, поѣхали за нѣсколько верстъ на лугъ за сѣномъ. Петръ правилъ лошадью, братья сидѣли, свѣсивъ ноги, спиною другъ къ другу. Ѣхали вдоль берега рѣки, солнце пригрѣвало, какъ лѣ-

ломъ, на выжатыхъ поляхъ кое гдѣ блистали еще капли ночной росы. Въѣзжая на песчаный пригорокъ, Петръ пустилъ лошадь шагомъ и оглянулся назадъ; на опушкѣ сосноваго лѣса какъ на ладони видно было кладбище—нѣсколько десятковъ могилъ, поросшихъ рѣдкою травою, съ кривыми крестами среди рѣдкихъ сосенъ. Солнечные лучи, проникавшіе между вѣтвями и высокими прямыми стволами, освѣщали новую могилу, высыпанную желтымъ пескомъ.

— Вонъ гдѣ лежитъ старый! подумалъ Петръ, глядя черезъ плечо въ ту сторону, пока лошади медленно подымались на гору. Максимъ еще вчера сказалъ ему, что онъ получитъ третью часть денегъ, что его не обидятъ, отдадутъ ему даже старую свиту, шапку и тавлинку, о сапогахъ только не вспомнилъ, не сказалъ также, сколько осталось денегъ, потому что и самъ не зналъ. Петръ былъ увѣренъ, что на долю его достанется сто, а можетъ быть и двѣсти рублей. Онъ успокоился, повеселѣлъ и, поглядѣвши еще разъ съ горы на лѣсъ, протянувшійся длинною полосою вдоль берега, и на песчаные холмики между сосенъ, повторилъ съ полною покорностью судьбѣ:

— Вонъ гдѣ лежитъ старый....

У корчмы остановились на минуту; чисто выбѣленный и оштукатуренный домикъ, обращенный фасадомъ къ рѣкѣ, похожъ былъ скорѣе на домъ шляхтича или священника; *ганокъ* съ четырьмя деревянными колоннами; на той половинѣ, гдѣ было помѣщеніе хозяина, въ окнахъ виднѣлись вязаныя занавѣски, фуксіи и герань въ вазонахъ; самъ Шмуль стоялъ на *ганкѣ* въ разстегнутомъ кафтанѣ и гарусныхъ туфляхъ на босую ногу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выдалъ замужъ трехъ дочерей и самъ женился вторично на молодой красивой дѣвушкѣ, онъ началъ важничать, держался какъ то солиднѣе, пересталъ бесѣдовать съ крестьянами, рѣдко даже заглядывалъ въ шинокъ—всѣми дѣлами завѣдывала жена, а онъ только выказывалъ особое вниманіе къ извѣстнымъ торжественнымъ событіямъ, связаннымъ съ религіозными обрядами. Если кумовья, возвращаясь съ крестинъ, заходили въ корчму, онъ каждому давалъ даромъ по стаканчику водки, угощая и крестника нѣсколькими каплями для того, что-

бы тотъ съ первыхъ дней позналъ, что есть добраго на свѣтѣ. Такую же точно честь оказывалъ онъ и новобрачнымъ, а возвращавшихся съ похоронъ угощалъ такою водкою, что тѣ послѣ второй рюмки не могли отличить погребенія отъ свадьбы. Вотъ почему въ подобныхъ случаяхъ приходили къ нему не только изъ своего села, но пріѣзжали и изъ другихъ приходовъ, дѣлали зачастую нѣсколько верстъ въ сторону, лишь бы показать Шмулю крестника, получить угощеніе и безплатно напоить ребенка хорошею водкою. Свадебныя процессіи всегда останавливались здѣсь хоть на минутку, а нерѣдко оставались до самой ночи, а иногда и до утра; Шмуль охотно давалъ въ кредитъ, а такъ какъ онъ обыкновенно при разсчетѣ уступалъ нѣсколько копѣекъ, то всѣ предпочитали пить у него въ долгъ, нежели у другаго за деньги.

— Глупые мужики, говаривалъ онъ съ небрежною улыбкою при всякихъ денежныхъ спорахъ, развѣ мнѣ нуженъ вашъ грошъ, развѣ я наживаюсь отъ васъ? Вотъ большая выгода! Съ мужика, какъ съ козла, ни молока, ни мяса! Что за барыши отъ корчмы? Если бы я имѣлъ столько, сколько затрачиваю на нее, давно бы уже ходилъ въ золотѣ. Ну, что тамъ разговаривать! я васъ не хочу обижать!

Крестьяне недовѣрчиво качали головою, слушая такія рѣчи иногда тотъ или другой называлъ его „Іудою“, но вообще чувствовали нѣкоторое уваженіе къ его атласному халату и серебрянымъ часамъ, къ тому же и флегматичное спокойствіе хозяина нѣсколько импонировало имъ. Разъ только извѣстный пьяница Гаврилко укралъ у него жестяную *кварту*, спряталъ ее на возу и, возвращаясь домой, во всю дорогу повторялъ пьянымъ голосомъ, для успокоенія совѣсти:

— Вотъ бестія! Христа распялъ... и живъ... невира проклятый... а! какъ его земля носитъ и смерти на него нѣтъ!

Онъ обронилъ кружку по дорогѣ и послѣ того цѣлый мѣсяцъ не смѣлъ глазъ показать въ корчму, а когда, наконецъ, воротился, Шмуль принялъ блуднаго сына съ библейскою кротостью и угостилъ настоянною на махоркѣ водкою, отъ которой того зажгло, какъ огнемъ; пилъ онъ безъ просыпу четверо сутокъ, пока не пришлось выгнать его изъ корчмы.

— Какой изъ тебя хозяинъ, усовѣщевалъ его Шмуль на пятый день, пропилъ и сапоги, и свиту? Стыдись! даже мнѣ стыдно, что такіе хозяева пьютъ въ моей корчмѣ. Заплати только за водку, а сапоги и свиту я и даромъ отдамъ—мнѣ они не нужны! я, слава Богу, мужицкой одежды не носилъ и носить не буду.

Говоря онъ прохаживался медленными шагами, заложа руки за спину, иногда бралъ понюхать табаку у болѣе зажиточныхъ изъ посѣтителей, бесѣдовалъ съ ними, но не допускалъ до фамильярности и даже самыхъ богатыхъ нерѣдко въ глаза называлъ „мужиками", если тѣ, потолковавши о томъ, о семъ, выходили трезвые изъ корчмы послѣ первой „кватырки". У Максима были съ нимъ давніе, чрезвычайно запутанные счеты; при мысли о нихъ крестьянинъ чувствовалъ, какъ что то сосало ему сердце, онъ какъ то весь ослабѣвалъ, словно терялъ сразу всю свою кровь; избѣгалъ своего кредитора и въ послѣдніе мѣсяцы совсѣмъ не заглядывалъ въ корчму; Шмуль только у сосѣдей наводилъ справки объ этомъ „ворѣ" и „паскудникѣ", грозилъ ему и напоминалъ, что своего не подаритъ.

— Я уже о тѣхъ деньгахъ и не думаю, пусть онъ только вознаградитъ мои убытки на доктора!... Но мнѣ больно, что теперь и сыновьямъ хорошихъ хозяевъ нельзя довѣрять! Ну я уже себѣ такъ думаю, что это я бѣднымъ роздалъ!

Максимъ изъ себя выходилъ, слушая такія рѣчи, глаза его горѣли, онъ уже десятки разъ готовъ былъ задушить еврея, но всегда откладывалъ до слѣдующаго раза и долговъ все таки не платилъ. При встрѣчѣ онъ опускалъ голову, крался, какъ воръ, не смѣя поднять глазъ, а въ душѣ проклиналъ еврея и дивился, какъ его до сихъ поръ черти не возьмутъ. Ему легче было бы выносить всевозможныя безпокойства, самыя настойчивыя напоминанія и требованія денегъ, нежели эту унизительную снисходительность, за которую придется со временемъ уплатить все сполна и съ процентами.

Теперь, подъѣзжая къ корчмѣ и еще издали замѣтивъ ея хозяина, Максимъ отплюнулся и съ пренебрежительнымъ видомъ продолжалъ курить трубку, а у самого голосъ замиралъ отъ радости,

что вотъ, наконецъ, онъ въ состояніи бросить деньги этой собакѣ. Сидя на возу спиною къ еврею, онъ крикнулъ черезъ плечо.

— Эй ты плутъ! сколько тамъ насчиталъ на меня? Призови чорта, пусть поможетъ тебѣ сосчитать, потому что я завтра заплачу; довольно уже держалъ меня въ своихъ лапахъ! Чтобъ тебѣ провалиться, проворчалъ онъ сквозь зубы и потянулъ трубку.

Шмуль стоялъ невозмутимо, словно и не слыхалъ, и, заложа руки въ карманы, смотрѣлъ на рѣку, сверкавшую на солнцѣ. Онъ давно привыкъ къ ругательствамъ и угрозамъ, не разъ даже самъ вызывалъ ихъ довольно искусно—брань на вороту не виснетъ, а между тѣмъ легче приводитъ дѣло къ желанному концу; случалось зачастую, что крестьянинъ, выругавшись всласть, отдавалъ спорный пятакъ или даже гривенникъ, Шмуль пряталъ придачу съ олимпійскимъ спокойствіемъ и думалъ:

— Ну, этотъ по крайней мѣрѣ понимаетъ приличіе.

Такое равнодушіе раздражало Максима, онъ хотѣлъ было еще разъ назвать еврея плутомъ, но рѣшилъ, что не стоитъ, молча плюнулъ и сидѣлъ нахмурившись въ ожиданіи жены, которая съ кладбища зашла домой взять хлѣбъ и молоко и должна была кратчайшимъ путемъ, черезъ поля, догнать ихъ у корчмы.

— Когда принесете деньги, тогда и счетъ сведемъ; при чемъ тутъ чортъ? отвѣчалъ шинкарь съ шутливою важностью. А нѣтъ ли у васъ тамъ какого парубка? Вотъ купецъ присталъ съ баркою, не можетъ плыть дальше, заболѣлъ человѣкъ; пораспросите, не пойдетъ ли кто? Онъ настоящій купецъ, хорошо платитъ и вамъ дастъ на водку!

— А пускай самъ зубами тянетъ! проворчалъ Максимъ, какъ то особенно враждебно настроенный противъ евреевъ.

У противоположнаго берега рѣки стояла большая темная барка; кусокъ сѣраго холста, замѣнявшій собою парусъ, болтался на высокой мачтѣ, къ которой привязаны были нѣсколько толстыхъ канатовъ, съ широкою тесьмою на концахъ. Низкая и широкая, плотно обшитая дранью, барка напоминала собою громадныхъ размѣровъ черепаху, чуть колыхавшуюся на синеватыхъ волнахъ; сверху на палубѣ лежали свертки канатовъ, доски, обручи, клепки, пустые мѣшки съ черными надписями, сложенены

въ кучу, нѣсколько полушубковъ, вывороченыхъ шерстью вверхъ; на бортахъ сушилась противъ солнца вымытая рубаха и холщевые шаровары. У кормы чуть замѣтно колыхалась новенькая лодочка, раскрашенная бѣлою и голубою краскою. На берегу у песчанаго обрыва грѣлись на солнцѣ нѣсколько человѣкъ, лежа на животѣ и поднявъ голову о чемъ то разговаривали между собою, а глухое эхо приносило къ корчмѣ отрывистые отголоски ихъ словъ.

Өедоръ стоялъ на берегу и смотрѣлъ, прикрывъ глаза рукою, то на осмоленную барку, то на легкую, красивую лодку и сложенныя на днѣ ея новыя весла. Пріятно было бы имѣть такой челнокъ! онъ покрутилъ головою въ нѣмомъ восторгѣ.

— А гдѣ же тотъ больной? спросилъ онъ еврея, воротясь къ своему возу.

Шмуль кивнулъ головою на заросли около дома.

— Лыхо его знае, що зъ нымъ сталось! парубокъ сильный, здоровый, присталъ въ дорогѣ, не хочетъ идти дальше.

На травѣ, подъ кустами можжевельника, сидѣлъ молодой крестьянинъ, босой, въ одномъ бѣльѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ; онъ сидѣлъ, обнявъ руками колѣни, опустивъ на нихъ рыжую голову, и смотрѣлъ впередъ безучастными глазами. Около него стояла заржавленная жестяная кружка, лежали на землѣ двѣ цыбули.

— Онъ отъ твоей водки до утра отправится, сказалъ Өедоръ, чужой человѣкъ, не знаетъ еще, что ты людей травишь.

— Ой, какой Өедоръ умный! Ну, почему же васъ отпустили изъ войска солдатомъ, если у васъ умъ генеральскій?

— А гдѣ же, ты, жыде, видѣлъ такихъ молодыхъ генераловъ? Ума своего я у тебя не пропью! Не бойся! не дождешься! Ей Богу, отравилъ! повторилъ онъ, присматриваясь къ неподвижной фигурѣ крестьянина, и направился къ нему медленными шагами; еврей проводилъ его насмѣшливымъ взглядомъ.

Тѣмъ временемъ Максимыха торопливо пробиралась черезъ поля къ корчмѣ, съ закрытыми горшками въ обѣихъ рукахъ; времени оставалось немного. Өедоръ остановился передъ незнакомцемъ и смѣрилъ его пристальнымъ взглядомъ. Несмотря на

сильный загаръ и веснушки, покрывавшія лицо, крестьнинъ былъ блѣденъ, голубые глаза его глядѣли утомленно изъ подъ отяжелѣлыхъ вѣкъ; опершись подбородкомъ въ колѣни, онъ смотрѣлъ на противоположный берегъ.

— Издалека? спросилъ Өедоръ.

Больной поднялъ только рыжія брови и молчалъ; его загорѣлыя ноги были покрыты засохшею грязью, а на мѣсто ногтей на пальцахъ виднѣлись пятна запекшейся крови, смѣшанной съ пескомъ. У Өедора мучительно сжалось сердце при видѣ этихъ израненныхъ ногъ. На травѣ подлѣ больнаго лежитъ синяя куртка съ блестящими пуговицами, разрисованная фаянсовая трубка и небольшой узелокъ въ красномъ платкѣ, изъ котораго выглядывали стекляныя голубыя бусы.

— Долго тащили? снова спросилъ Өедоръ, указывая на рѣку. Больной вмѣсто отвѣта сдѣлалъ какое то неопредѣленное движеніе головою, словно отгонялъ мухъ, поглядѣлъ искоса на пыльные сапоги Өедора, нахмурилъ брови, какъ то весь насупился и молчалъ.

— Должно быть не здѣшній, подумалъ Өедоръ, можетъ быть нѣмецъ? А такъ какъ въ бытность свою въ военный службѣ онъ научился многому, между прочимъ выучилъ и нѣсколько нѣмецкихъ словъ, то теперь представлялся какъ нельзя болѣе удобный случай пустить въ ходъ свои познанія. Онъ заложилъ руки въ карманы, улыбнулся и, моргнувъ самъ про себя глазомъ, спросилъ незнакомца:

— Ферфлюхтеръ, а бродъ, а вассеръ? По его мнѣнію эта фраза должна была означать: „что нѣмецъ? ты голоденъ?

Но больной хранилъ угрюмое молчаніе. Өедоръ пожалъ плечами и воротился къ повозкѣ; Максимыха разставила уже горшки и усѣлась рядомъ съ мужемъ.

Больной проводилъ его глазами, окинулъ взглядомъ всю группу пріѣзжихъ, возъ, истощенныхъ трудомъ лошадей, и, замѣтивъ, что Петръ хлеснулъ ихъ кнутомъ, дернулъ возжи и повернулъ въ глубокій песокъ, онъ проворчалъ: „дураки хлопы“! плюнулъ и смотрѣлъ, какъ слюна его, смѣшанная съ кровью, медленно впитывалась въ песокъ.

Евка одна оставалась дома; она подоткнула подолъ юбки за поясъ, засучила по локоть рукава рубахи, крѣпче подвязала красный платокъ на головѣ и съ озабоченнымъ видомъ сновала по хатѣ, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія. Она вынесла на дворъ постель покойнаго, сѣнникъ, одѣяло, развѣсила на заборѣ бѣлье и платье, внимательно осмотрѣвши напередъ каждую штуку; вытрясла сѣнникъ и долго перебирала солому, пересматривая каждую горсть стебелекъ за стебелькомъ; опрокинула вверхъ дномъ стоявшую подъ кроватью кубышку, откуда кромѣ стараго жилета и шерстяныхъ вязаныхъ рукавицъ выпало множество всевозможныхъ мелочей: обрывки шнурковъ и веревочекъ разной толщины, ремешки, пуговицы, высохшія зерна бобовъ и фасоли, лежащія тамъ съ незапамятныхъ временъ, старые колосья пшеницы, красный чепчикъ съ набивными желтыми цвѣтами, отдѣланный тюлемъ—память отъ первой жены. Евка все рвала, давила, отбрасывала въ сторону каждую вещь и снова хватала, ощупывала, осматривала со всѣхъ сторонъ, наклонившись къ землѣ перебирала дрожащими руками каждый лоскутъ; кровь приливала къ головѣ, жилы на шеѣ надулись, наконецъ, она выпрямилась, чтобы отдохнуть, и мрачно поглядѣла вокругъ; у порога въ открытыхъ дверяхъ сидѣла черная кошка, подогнувъ хвостъ, и смотрѣла на нее желтыми глазами. Евка стиснула зубы и поспѣшно наклонилась поднять полѣно, кошка исчезла и полѣно полетѣло ей вслѣдъ въ пустыя сѣни.

— Згынь! пропады, нечыстая сыла! Нѣсколько минутъ Евка стояла ошеломленная. Неизвѣстный черный котъ въ пустой хатѣ въ то самое время, какъ она съ такимъ вниманіемъ пересматривала вещи покойника,—здѣсь было чѣмъ смутиться; она отплюнулась разъ—другой, а сердце, какъ молотъ, стучало въ груди Успокоившись немного, Евка снова съ лихорадочною поспѣшностью принялась за дѣло: отставила столъ и скамьи, тапчанъ съ постелью, почти вросшій въ землю, также сдвинула съ мѣста и сновала вокругъ комнаты, какъ помѣшанная, щупая босыми ногами, не попадетъ ли гдѣ нибудь на мягкую глину, на слѣдъ ямы или норы, ощупывала стѣны, лазила подъ печь, заглядывала, даже въ трубу, царапала каждый кирпичъ на печи, пробуя

не вынется ли который, потомъ соскочила на землю и снова набросилась на вещи. Вытащила изъ подъ тапчана боченокъ съ дегтемъ, заткнутый соломою, мѣшки, лапти, горшки, наполненные перьями—и все это торопливо сносила на середину комнаты. Въ ушахъ звенѣло, она поминутно прерывала работу и прислушивалась... Вотъ кто то прошелъ мимо хаты, вѣтеръ распахнулъ дверь въ сѣняхъ, что то зашелестѣло подъ печкою... и снова все стихло—свѣтъ полосами стлался по землѣ, сверчокъ трещалъ въ кучѣ сора около порога. Евка не переставала искать. Уже въ десятый разъ пересматривала она и ощупывала каждый лоскутъ, не зная за что хвататься, гдѣ еще искать и шарить. Запыхавшись, наконецъ, она присѣла на тапчанъ среди старойрух ляди и спустила руки; сорочка прилипла къ потному тѣлу, капли пота блестѣли на лбу... она тяжело и громко дышала, съ трудомъ втягивая переполненный пылью воздухъ. Цѣлый день еще впереди. Они возвратятся не раньше вечера... Оставалось еще осмотрѣть крышу, чердакъ и комору,—хотя бы ногтями пришлось царапать землю, она должна найти! Всѣ знали, что старикъ гдѣ то пряталъ деньги и Евка цѣлыхъ шесть лѣтъ выслѣживала его. Онъ понималъ это, или скорѣе догадывался и больше всего сторожилъ хату, какъ старый волкъ сторожитъ логовище, гдѣ спряталъ нѣсколько костей про запасъ. Она была увѣрена, что деньги спрятаны гдѣ то въ хатѣ, но гдѣ? Старыя, гнилыя стѣны, покрытыя внизу бѣлою плесенью, закоптѣлый потолокъ, дымовую трубу, глиняный полъ—она все осмотрѣла, ощупала, обнюхала, обшарила всѣ углы, щели, всюду скребла, прислушивалась... Нигдѣ—ничего!.. Оставалась еще старая крыша, поросшая мхомъ, тамъ за каждою балкою могъ скрываться тайничекъ... Взглянувъ на скрыню въ углу за печкою, она сдѣлала презрительную гримасу: старикъ былъ слишкомъ хитеръ, онъ умѣлъ прятать! Сундукъ былъ запертъ большимъ висячимъ замкомъ, она могла бы открыть его однимъ ударомъ топора... Евка презрительно передернула плечами при одной мысли о подобной *„схованкѣ“*. Еще вчера, пока она свѣтила Максимыхѣ, ея острый взглядъ не пропустилъ ни одной мелочи. Не стоитъ и трогать замка! пусть остается для тѣхъ воловъ! Она поищетъ въ другомъ мѣстѣ... А что, если и

она ничего не найдетъ?... Она оцѣпенѣла при одной мысли о возможности такой неудачи и сидѣла безъ движенія, почти безъ дыханья. Непремѣнно убѣжитъ или утопится, но дольше не останется въ этой проклятой хатѣ. Шесть лѣтъ прожила она здѣсь какъ на привязи: дольше такъ нельзя жить! Евка вскочила, сотый разъ схватила подушку, рванула шовъ—перья разлетѣлись по хатѣ и покрыли собою разбросанную на полу ветошь.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край [1]).

VI.

4-го августа ночью я былъ уже въ Витебскѣ, а на другой день утромъ зашелъ въ мѣстный статистическій комитетъ и затѣмъ представился витебскому губернатору кн. Долгорукову, который принялъ меня весьма любезно, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ мнѣ XVII выпусковъ «Историко-юридическихъ матеріаловъ изъ актовыхъ книгъ витебской и могилевской губерній», нѣсколькихъ памятныхъ книжекъ витебской губерніи на разные годы, «Памятной книжки виленскаго генералъ-губернаторства» Сементовскаго 1869 года и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ изданій, и предоставилъ мнѣ всѣ средства къ обозрѣнію Витебска и его достопримѣчательностей. Непосредственнымъ руководителемъ моимъ при обозрѣніи Витебска былъ редакторъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафоновъ, вмѣстѣ съ которымъ мы осмотрѣли Успенскій и Николаевскій соборы, единовѣрческую Благовѣщенскую церковь, бывшій фарный костелъ, въ которомъ помѣщается теперь центральный архивъ древнихъ актовъ витебской и могилевской губерній, задвинскую Ильинскую церковь на урочищѣ «Русь» и загородный Марковъ монастырь.

Въ обоихъ витебскихъ соборахъ я не нашелъ ничего замѣчательнаго. Говорятъ, что въ витебскомъ Николаевскомъ соборѣ хранилась рука Іосафата Кунцевича, перенесенная сюда изъ Николаевскаго полоцкаго собора, и его архіерейскій жезлъ. Теперь ихъ нѣтъ въ этомъ соборѣ или, по крайней мѣрѣ, ихъ не показываютъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 3, мартъ.

Самою древнею церковью въ Витебскѣ считается единовѣрческая Благовѣщенская, основанная въ XIV вѣка. Кирпичъ въ ней длиною въ пять вершковъ, а толщиною въ 1 вершокъ съ небольшимъ. Помостъ предъ дверьми храма состоитъ изъ шиферныхъ камней. Алтаремъ она обращена на востокъ; въ храмѣ—четыре кирпичныя колонны, поддерживающія сводъ храма и куполъ. Иконы большею частію сѣвернорусскихъ писемъ, но на хорахъ, между бракованными иконами, есть иконы мѣстнаго письма вѣка XVII.

Упраздненный фарный Троицкій костелъ былъ самымъ древнимъ римско-католическимъ костеломъ въ Витебскѣ. Уже въ 1503 году король Александръ подтверждалъ привилегіи этому костелу, основанному и обезпеченному его предками, великими князьями литовскими, какъ это видно изъ документовъ этого костела, хранящихся въ библіотекѣ барона Шодуара, въ мѣстечкѣ Ивницѣ, житомирскаго уѣзда. Когда собственно построено сохранившееся доселѣ зданіе костела, намъ не извѣстно. Кирпичи длиною въ $4^1/_2$ вершка, а толщиною въ 1 вершокъ.

Доселѣ существующая въ Витебскѣ деревянная Ильинская задвинская церковь на урочищѣ «Русь» построена въ 1643 году Запольскимъ. Кромѣ главнаго алтаря, она имѣетъ два боковые. Въ иконостасахъ сохранилось много иконъ, современныхъ построенію храма или, по крайней мѣрѣ, относящихся къ XVII вѣку; но есть иконы и позднѣйшаго времени, напримѣръ двѣ намѣстныя иконы въ главномъ иконостасѣ, относящіяся приблизительно къ 1777 году. Изъ другихъ иконъ замѣчательны: икона покрова пресв. Богородицы, съ изображеніемъ внизу папъ, польскихъ королей и вельможъ, въ лѣвомъ отъ входа придѣлѣ, и Іосафата Кунцевича съ вонзенной въ голову сѣкирой—въ правомъ придѣлѣ. Нужно замѣтить, что эта церковь построена уже уніатами и для уніатскихъ прихожанъ церкви. Фундаментъ и подвалы подъ церковью сдѣланы изъ кирпича, который длиною въ $4^1/_2$ вершка и толщиною въ 1 вершокъ съ небольшимъ.

Загородный Марковъ монастырь былъ въ XVII и XVIII вѣкахъ одною изъ сильнѣйшихъ твердынь православія для Витебска и окрестныхъ жителей. Старѣйшая монастырская деревянная церковь построена Огинскимъ въ 1690 году и почти неизмѣнно сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ была построена. Иконы въ иконостасѣ и стѣнная живопись современны построенію самаго храма. На стѣнахъ внизу изображены событія изъ евангельской исторіи, а вверху—апокалипсическіе предметы, но тѣ и другіе—въ православномъ духѣ.

Послѣднюю оговорку дѣлаемъ въ виду высказаннаго теперешнимъ настоятелемъ монастыря мнѣнія, будто бы стѣнопись этой церкви— католическая и требуетъ передѣлки въ православномъ духѣ и вкусѣ. Въ церкви есть проповѣднический амбонъ и въ алтарѣ—киворій, или сѣнь надъ престоломъ. Какъ амбонъ, такъ и киворій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ составляли принадлежность древнихъ византійскихъ и русскихъ церквей и потому тоже не могутъ быть признаны характеристическими особенностями католическихъ и уніатскихъ храмовъ. Къ счастію мѣстная администрація, духовная и свѣтская, хорошо понимаетъ значеніе мѣстныхъ православныхъ святынь и, какъ я имѣю основаніе думать, не допуститъ существеннаго измѣненія въ устройствѣ и стѣнописи древняго храма Маркова монастыря. Въ дополненіе къ сказанному о семъ монастырѣ нужно прибавить еще, что въ немъ находится казанская икона Богоматери,—даръ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона.

Въ витебской духовной семинаріи достопочтенный ректоръ ея протоіерей І. Пичета показывалъ мнѣ портретную галлерею, въ которой находятся портреты слѣдующихъ уніатскихъ и католическихъ епископовъ: 1) Терлецкаго Меѳодія; 2) Левицкаго; 3) Стефана Левинскаго; 4) Смогоржевскаго; 5) Бѣлянскаго; 6) Цецишевскаго; 7) Скородынскаго; 8) Лисовскаго; 9) Ангелловича; 10) Кохановича; 11) Василія Лужинскаго, и нѣсколькихъ архимандритовъ, ректоровъ витебской семинаріи.

6 августа, пользуясь праздничнымъ днемъ, я обошелъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ изслѣдователемъ г. Сементовскимъ, нѣсколько православныхъ храмовъ и католическихъ костеловъ и видѣлъ нѣчто противоположное тому, чтó наблюдалъ въ Вильнѣ. Витебскія православныя церкви полны были молящихся, между тѣмъ какъ въ польско-католическихъ костелахъ видны были только небольшія группы богомольцевъ.

Говоря о Витебскѣ, нельзя не упомянуть о мѣстныхъ труженикахъ по собиранію матеріала и разработкѣ мѣстной исторіи. Почетною извѣстностію въ этомъ отношеніи пользовался въ свое время г. Сементовскій, авторъ «Памятной книжки виленскаго генералъ-губернаторства», 1869 года, и нѣсколькихъ статей по мѣстной исторіи. Въ настоящее время онъ живетъ большею частію въ своемъ имѣніи. На смѣну ему выдвигается другой, молодой еще и энергичный дѣятель, преподаватель витебской женскій гимназіи А. Сапуновъ. Онъ уже издалъ I и IV томы «Витебской Старины» и совершенно

приготовилъ къ изданію и почти напечаталъ V-й томъ этого сборника. Это изданіе представляетъ собою незамѣнимое пособіе для изученія исторіи города и края. Можно упомянуть еще редактора Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафонова, который, по самой своей должности имѣя соприкосновеніе съ мѣстной исторіей, владѣетъ небольшой коллекціей недревнихъ иконъ, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе портретъ св. Димитрія Ростовскаго, писанный на холстѣ масляными красками. Это едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ портретовъ св. Димитрія и можетъ быть признанъ современнымъ самому святителю Ростовскому.

VII.

7-го августа, въ воскресенье, я былъ уже въ Смоленскѣ. Смоленскъ—сравнительно небольшой городъ, имѣющій около 35,000 жителей обоего пола, но разбросанъ на холмахъ и пригоркахъ. Поэтому нигдѣ я не встрѣчалъ такой дороговизны извощиковъ, какъ въ Смоленскѣ. Но за то гористое положеніе Смоленска сообщаетъ городу красивый видъ.

Исторію Смоленска писали Мурзакевичъ и Никитинъ. Извѣстны также: «Историко-статистическое описаніе смоленской губерніи» Цебрикова, «Историко-статистическое описаніе смоленской епархіи» Трофимовскаго, справочныя и памятныя книжки смоленской губерніи за разные годы и проч. Кромѣ того, въ настоящемъ году къ проѣзду Великаго Князя Владиміра Александровича черезъ Смоленскъ, изданъ былъ смоленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ «Краткій хронологическій очеркъ исторіи города Смоленска, его достопримѣчательности» и пр. Очеркъ составленъ преподавателемъ смоленской мужской гимназіи С. П. Писаревымъ, любителемъ и знатокомъ мѣстной исторіи.

По стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, я предоставленъ былъ, при обозрѣніи Смоленска, самому себѣ и потому осмотрѣлъ только немного, что казалось мнѣ наиболѣе интереснымъ. Конечно, не преминулъ я быть въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ, отличающемся величественностію и красотою, и приложиться къ чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой Смоленскою. Но, независимо отъ чувства благоговѣнія, икона эта оставляетъ въ наблюдателѣ-археологѣ и нѣкоторое чувство неудовлетворенности, какъ и большая часть древнихъ иконъ въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на глубо-

чайшую древность, приписываемую сей св. иконѣ преданіемъ и возводимую къ св. евангелисту Лукѣ, икона эта не производитъ впечатлѣнія глубочайшей древности, потому что, вопервыхъ, поновлена въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, во вторыхъ закрыта, кромѣ ликовъ Богоматери и Богомладенца, ризою. Ризница собора была недоступна моему наблюденію. Въ самомъ храмѣ обращаютъ на себя вниманіе: царскія врата затѣйливой рѣзьбы и желѣзный имшакъ и обувь св. Меркурія Смоленскаго, спасшаго городъ Смоленскъ отъ татаръ въ 1239 году. Въ соборной архіерейской усыпальницѣ хранится древняя икона св. смоленскаго князя Өеодора Ростиславича Чермнаго и сыновей его Давида и Константина, которую можно отнести къ XVI—XVIIв., и портреты мѣстныхъ преосвященныхъ; Гедеона Вишневскаго, Парөенія, Димитрія Устимовича и Іоанна.

Спасо-Авраамієвскій мужской монастырь былъ осмотрѣнъ мною только снаружи. По словамъ мѣстныхъ историковъ, онъ основанъ еще въ началѣ XII вѣка при смоленскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ; но отъ древнихъ построекъ монастыря едва ли что уцѣлѣло. На видъ всѣ зданія монастыря относятся уже къ XVIII вѣку и носятъ печать руинъ. Въ Спасо-Авраамієвскомъ же монастырѣ помѣщается и часть семинарскихъ зданій, на видъ весьма ветхихъ, вмѣсто которыхъ, впрочемъ, строится въ настоящее время обширный каменный корпусъ въ городѣ, недалеко отъ монастыря.

Архангело-Михайловская или Свирская Смоленская церковь находится вдали отъ центра города. Она построенна около 1180 года смоленскимъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, была придворною церковью смоленскихъ князей и, несмотря на различныя пристройки и поновленія, говорятъ, — сохранила свой древній фасадъ. Кромѣ древней иконы Богоматери, въ этой церкви находится еще гробница умершаго въ 1197 году смоленскаго князя Давида Ростиславича, вытесанная изъ цѣльнаго бѣлаго известняка, безъ всякихъ украшеній. Гробница эта найдена въ 1833 году въ развалинахъ смоленскаго Борисоглѣбскаго монастыря на рѣчкѣ *Смядынкѣ*, при которой убитъ св. князь Глѣбъ, сынъ св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Смоленскъ въ разныхъ мѣстахъ пересѣкается старинною кирпичною крѣпостію, построенною московскимъ правительствомъ въ самомъ концѣ XVI столѣтія. Въ одномъ мѣстѣ я измѣрялъ величину ея кирпича, который оказался длиною въ 5 вершковъ, а толщиною въ $1^1/_2$ вершка. Но это—единственное видѣнное мною во

время путешествія московское сооруженіе, въ которомъ я измѣрялъ кирпичъ, и едва ли можетъ быть сравниваемо съ соотвѣтствующими литовско-русскими и польскими постройками, осмотрѣнными мною въ сѣверо-западномъ краѣ.

Есть въ Смоленскѣ и городской историко-археологическій музей, помѣщающійся въ новомъ зданіи смоленской городской думы; но о немъ рѣдко кто знаетъ. Мнѣ сначала указали на какой то балаганъ съ восковыми фигурами, носящій однако названіе музея, и я не безъ нѣкоторыхъ усилій отыскалъ помѣщеніе городскаго музея, но проникнуть въ него все таки не могъ, хотя и былъ въ положенное для открытія музея время. По печатному объявленію, музей открывается по воскресеньямъ, съ 11-ти до 2-хъ часовъ.

VIII.

8 августа, по утру, я прибылъ въ Оршу, уѣздный городъ могилевской губерніи. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра и рѣчки Оршицы, впадающей въ Днѣпръ въ самомъ городѣ. Жителей въ городѣ къ 1880 году было свыше 5,000 обоего пола. Орша становится извѣстною предположительно въ XI и несомнѣнно въ XII вѣкахъ. Отъ древнихъ временъ сохранился доселѣ огромный земляной валъ при впаденіи р. Оршицы въ Днѣпръ, гдѣ поэтическое воображеніе Лермонтова поселило прославленнаго имъ боярина Оршу. Но кромѣ этого вала, въ Оршѣ нѣтъ ничего, относящагося къ глубокой древности. Въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи, лѣтъ 15-ть тому назадъ, пожертвовано помѣщикомъ Меленевскимъ рукописное пергаменное евангеліе XIV вѣка, выброшенное будто бы французами въ 1812 году изъ одного изъ оршанскихъ монастырей, но изъ какого именно—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, теперь нѣтъ въ Оршѣ даже и преданія о мѣстныхъ монастыряхъ и церквяхъ, восходящихъ къ XIV вѣку. Древнѣйшая изъ оршанскихъ церквей есть Ильинская деревянная. По преданію, она построена княгинею Софьею Юрьевною въ 1505 году на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, основанной около 1460 года польскимъ королемъ Казимиромъ I въ память спасенія супруги его Елизаветы, которая, купаясь 20 іюля, въ день пророка Иліи, едва не утонула. Въ этой церкви хранится королевская грамота съ привилегіей на перевозъ черезъ Днѣпръ. Другая церковь, Рождество-Богородичная, существовала уже въ XVII вѣкѣ, и при ней въ 1661

году было православное братство, какъ это можно видѣть изъ церковныхъ документовъ. Есть еще въ Оршѣ православные соборъ и Покровскій монастырь съ духовнымъ училищемъ; но первый передѣланъ изъ тринитарскаго костела, а послѣдній, съ училищемъ, помѣщается въ зданіяхъ бывшаго базиліанскаго женскаго монастыря, основаннаго уніатскимъ митрополитомъ Антоніемъ Селявою въ 1642 г.

Въ настоящее время самую важную достопримѣчательность Орши составляютъ два загородные православные монастыря, мужской и женской, основанные въ первой половинѣ XVII вѣка. Извѣстный ревнитель православія Стеткевичъ вмѣстѣ съ женою своею, урожденною княжною Соломерецкою, основалъ въ 1623 году Богоявленскій мужской монастырь, а въ 1631 году имъ и матерью его Анною, урожденною княжною Огинскою, основанъ женскій Успенскій монастырь. Монастыри эти находятся въ полверстѣ одинъ отъ другаго за городомъ, въ направленіи къ Могилеву, на впадающей въ Днѣпръ рѣчкѣ Кутеинкѣ, отчего и носятъ названіе Кутеинскихъ.

Кутеинскій Богоявленскій мужской монастырь въ началѣ своего существованія былъ ставропигіальнымъ, именовался лаврою, имѣлъ многочисленное братство и, по свидѣтельству патріарха Никона, служилъ разсадникомъ общежитія во всей Бѣлоруссіи и Литвѣ. При монастырѣ была православная школа и типографія для печатанія книгъ. Когда въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ началъ войну съ Польшею и взялъ Оршу, патріархъ Никонъ, только—что устроившій Иверскій монастырь, съ разрѣшенія царя взялъ изъ оршанской Богоявленской лавры настоятеля ея іеромонаха Іоиля Труцевича съ нѣкоторымъ числомъ братіи, чтобы устроить, при помощи ихъ, общежитіе и въ Иверскомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переведена была въ Иверскій монастырь и типографія Богоявленской лавры. Построенный же Стеткевичемъ храмъ существуетъ и доселѣ. Въ этомъ храмѣ заслуживаютъ вниманія иконостасъ и стѣнная живопись XVII вѣка, и галлерея снаружи возлѣ притвора при входныхъ дверяхъ, называемая «бабинецъ», съ узкою застекленною скважиною во всю длину западной стѣны храма. Фундаментъ церкви и подвалы—каменные. Кирпичъ въ нихъ длиною въ 4½ вершка, а толщиною въ 1 вершокъ. Въ настоятельскихъ келліяхъ хранится портретъ основателя монастыря Стеткевича. Въ настоящее время этотъ бѣдный монастырь получаетъ нѣкоторое пособіе (около 1500 р. въ годъ) отъ отдачи въ аренду монастырской земли для добыванія и выдѣлки извести.

Въ женскомъ Кутеинскомъ монастырѣ первоначально построена была деревянная церковь во имя Успенія пресв. Богородицы; но она вскорѣ сгорѣла, и вмѣсто нея выстроена каменная церковь съ главнымъ престоломъ во имя сошествія св. Духа. Церковь эта освящена была въ 1635 году кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, какъ гласитъ надпись, вдѣланная въ стѣну внутри церкви. Изъ достопримѣчательностей ея слѣдуетъ упомянуть: 1) Казанскую икону Богоматери XVII вѣка; 2) большой колоколъ—даръ царевны Наталіи Алексѣевны; 3) золотую гривну на мѣстной иконѣ Спасителя, украшенную камнями, — даръ царя Алексѣя Михайловича и 4) серебряныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Богоматери, прекрасно исполненныя могилевскимъ мастеромъ Аѳанасіемъ Вовчкомъ въ 1763 и 1767 годахъ. Въ монастырѣ есть также портретъ основателя его Стеткевича.

IX.

Изъ Орши я отправился въ Могилевъ по Днѣпру на пароходѣ общества пароходства по Днѣпру и его притокамъ. Но, вслѣдствіе обмелѣнія Днѣпра, пароходъ дважды садился на мель, одинъ разъ передъ Шкловомъ, а другой—не доѣзжая верстъ трехъ до Могилева. Оба раза публика третьяго класса должна была высаживаться на берегъ, чтобы дать пароходу возможность сойти съ мели. Вслѣдствіе невольныхъ остановокъ на меляхъ, пароходу пришлось запоздать противъ назначеннаго срока часовъ на пять и придти въ Могилевъ далеко за полночь. Извощиковъ на пристани не оказалось,—и многимъ пассажирамъ пришлось или дожидаться извощиковъ, или пѣшкомъ тащиться въ городъ съ багажемъ.

Нашъ пароходъ, по пути изъ Орши къ Могилеву, проѣзжалъ мимо Копыся и Шклова. Первый — заштатный городъ горецкаго уѣзда; лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Копысь упоминается уже въ XI столѣтіи. Здѣсь умеръ въ 1059 году, возвращаясь изъ Кіева, новгородскій архіепископъ Лука Жидята. Съ парохода видны: остатки древняго землянаго вала на самомъ берегу Днѣпра; домикъ, въ которомъ жилъ императоръ Петръ I въ сѣверную войну съ Карломъ XII; деревянная евангелико-реформатская церковь, построенная, по словамъ мѣстнаго священника, Радзивиллами, вѣроятно XVI в.; римско-католическій упраздненный деревянный костелъ вѣка XVII и двѣ деревянныя церкви, изъ коихъ одна по внѣшнему виду можетъ

быть отнесена тоже къ XVII вѣку. Въ Шкловѣ же съ парохода видѣнъ только римско-католическій каменный костелъ.

Въ Могилевъ я прибылъ ночью съ 9-го на 10-е августа и пробылъ въ немъ 1½ сутки. Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ Днѣпра и рѣчки Дубровенки, при впаденіи послѣдней въ Днѣпръ, на холмистомъ волнообразномъ мѣстоположеніи. Жителей къ 1880 году было свыше 40,000 обоего пола,

По исторіи Могилева и могилевской губерніи извѣстны: «Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнихъ временъ» О. Турчиновича, С.-Петербургъ, 1857 г.; 2) «Историко-статистическое описаніе могилевской губерніи»,Безъ-Корниловича; 3) «Опытъ описанія могилевской губерніи», подъ редакціей мѣстнаго губернатора А. С. Дембовецкаго, въ трехъ большихъ томахъ. Могилевъ, 1882 и 1884 гг. Кромѣ того, въ настоящее время, по распоряженію преосвященнаго могилевскаго Сергія, собираются историко-статистическія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквяхъ могилевской епархіи и разрабатываются преподавателемъ могилевской дух. семинаріи Пятницкимъ. Въ городѣ есть центральный архивъ судебныхъ мѣстъ, губернскій архивъ, публичная библіотека и музей. Въ послѣднемъ, кромѣ выставки сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ произведеній губерніи, находятся: сани Наполеона I, покинутыя имъ во время бѣгства изъ Москвы въ 1812 году; деревянная балка изъ домика Петра I въ городѣ Копыси, со слѣдующею вырѣзною надписью—«Благослови Господи домъ сей и всѣхъ живущихъ въ немъ, 1696»; императорское рѣзное золоченное кресло съ вензелемъ Екатерины II; грамота Сигизмунда III черейскому Михайло-Архангельскому костелу, 1606 г., построенному Львомъ Сапѣгою, и др.

По изслѣдованіямъ мѣстныхъ историковъ, Могилевъ на Днѣпрѣ былъ срубленъ Львомъ Юрьевичемъ, правнукомъ Даніила Романовича Галицкаго, около 1319 года, и укрѣпленъ Ягелломъ. Но изъ древнѣйшихъ временъ существованія этого города въ немъ ничего не сохранилось до настоящаго времени. Всѣ сохранившіяся старѣйшія постройки въ городѣ относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ. Близъ самаго Могилева существовалъ Печерскій монастырь, упоминаемый подъ 1532 годомъ. Но отъ него не осталось ничего до настоящаго времени. Теперь тамъ находится архіерейскій загородный домъ съ домовою церковію.Въ самомъ Могилевѣ однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей нужно признать Спасскій монастырь, при которомъ въ концѣ XVI вѣка существовало братство и школа языковъ: латинскаго, польскаго

и русскаго. Спасскій монастырь существуетъ и до настоящаго времени, и въ немъ находятся спасская церковь, архіерейскій домъ, консисторія и семинарія; но всѣ эти зданія построены въ XVIII в., преимущественно при преосвященномъ Георгіѣ Конисскомъ. Въ церкви находится древняя, хорошо сохранившаяся икона Богоматери, вѣроятно начала XVII вѣка, а въ ризницѣ—нѣсколько старыхъ антиминсовъ и между ними два антиминса временъ Михаила Ѳеодоровича. Въ семинарской библіотекѣ есть нѣсколько книгъ и рукописей изъ библіотеки преосвященнаго Георгія Конисскаго. Изъ рукописей можно отмѣтить слѣдующія: копіи документовъ города Могилева, начиная съ 1561 года; «Сказаніе животовъ святыхъ»,— рукопись XVII вѣка, представляющая южно-русскій переводъ «Żywotow swiętych» іезуита Петра Скарги, сдѣланный Іоанникіемъ Галятовскимъ; нѣсколько латинскихъ учебниковъ и историко-юридическихъ документовъ, переписанныхъ рукою самого Георгія Конисскаго. Кромѣ того, въ семинарской библіотекѣ была какая то рукописная лѣтопись, которая передана на время Е. В. Барсову и въ настоящее время приготовляется къ напечатанію въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ».

Другой замѣчательный монастырь въ Могилевѣ—Богоявленскій братскій. Онъ основанъ въ 1620 году могилевскимъ православнымъ крестоноснымъ братствомъ на землѣ, подаренной въ 1619 году православнымъ княземъ Огинскимъ. Главный храмъ Богоявленія, начатый постройкою въ 1633 году, по окончаніи былъ торжественно освященъ въ 1636 году могилевскимъ епископомъ Сильвестромъ Коссовымъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ построена, иждивеніемъ братства, теплая каменная церковь во имя Іоанна Богослова, при которой въ 1669 году учреждено было особое младшее братство. При входѣ въ Богоявленскую церковь вдѣлана въ стѣну металлическая доска надъ гробомъ инока Арсенія Азаровича, умершаго въ 1652 году, съ перечисленіемъ его услугъ для храма. На лѣвой передней колоннѣ храма помѣщается чудотворная икона Богоматери, первой половины XVII вѣка, повидимому, нѣсколько подновленная. При Богоявленскомъ братствѣ была нѣкоторое время славянорусская типографія.

Изъ остальныхъ достопримѣчательностей Могилева можно упомянуть развѣ Іосифовскій каѳедральный соборъ, заложенный собственноручно императрицей Екатериной II и австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II въ память свиданія ихъ здѣсь, въ Могилевѣ, въ 1780 году, замѣчательный живописью иконостаса.

Могилевъ былъ послѣнимъ пунктомъ остановки въ моемъ путешествіи. Мнѣ нужно было спѣшить въ Кіевъ, такъ какъ оканчивался срокъ моего отпуска. Не довѣряя аккуратности пароходнаго сообщенія по Днѣпру, я избралъ кратчайшій сухопутный путь до ближайшаго пункта желѣзной дороги Бобруйска и оттуда направился въ Кіевъ черезъ Бахмачъ.

Н. Петровъ.

Іюль—августъ 1888 г.

Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви.

Кто въ Малороссіи бывалъ въ деревенской церкви въ великій постъ, особенно въ страстной четвергъ, *на проводы, на Спаса* (6-го авг.), въ Дмитріеву субботу, тотъ поражаемъ былъ обиліемъ всякаго рода приношеній, которыя вообще называются *мысочками*. Названіе это произошло отъ того, что *паляныци*, *кныши*, рыба, куры, колбасы приносятся въ церковь въ мискахъ и часто остаются въ нихъ до конца богослуженія.—Обычай совершать приношенія въ храмъ освященъ нашей православной церковью, хотя онъ вытекаетъ совершенно изъ другаго порядка понятій и восходитъ къ славянской старинѣ. Интересно собрать свѣдѣнія о всякаго рода приношеніяхъ, такъ какъ по мѣстамъ они уже выводятся или же измѣняются согласно послѣдней модѣ. Такъ, напр., я знаю случай, когда священнику не нравилось приношеніе паляныць съ *чехоней* наверху (вслѣдствіе ея сильнаго запаха), и онъ велѣлъ замѣнить чехоню фунтомъ сахару (уманск. уѣздъ).

Мисочки въ великій постъ, обыкновенно по субботамъ на обѣднѣ, а иногда и по пятницамъ, состоятъ изъ трехъ постныхъ паляныць, 3-хъ калачей, 3-хъ кнышей; иногда миска бываетъ наполнена пирогами съ капустой, или *горохляныками*. Сверху на мисочкѣ въ постъ часто кладутся сельди простыя, чехоня, бублики, пряники (медывныкы—коныкы). Съ первой же седьмицы великаго поста несутъ въ церковь кухлычки (кувшинчики и банки) съ медомъ; надъ этими кухлычками происходитъ поминовеніе усопшихъ, чтеніе поминальныхъ грамотокъ. Кухлычки остаются до четверга страстной недѣли, а въ четвергъ они дѣлятся между причтомъ. Въ Бессарабіи въ эти кухлычки сыплютъ крупу, пшено, муку, въ особенности кукурузную.

На *проводы* („радоницу"), понедѣльникъ и вторникъ ѳоминой недѣли, когда бываетъ поминовеніе усопшихъ, въ церковь приносятъ *паски*, кныши скоромные; на мисочку также кладутся куры (вареныя или жареныя), сало, колбасы, вареники съ сыромъ и въ сметанѣ, крашанки или бѣлыя яйца. Надъ всѣми этими мисочками обыкновенно въ церкви служится великая панихида, или парастасъ. Затѣмъ священникъ съ причтомъ идетъ на кладбище, гдѣ на каждомъ гробѣ еще находятся мисочки съ калачами, курами и крашанками. Надъ мисочками служатся панихиды, послѣ чего мисочки эти поступаютъ въ доходъ причта. Кромѣ этого на гробы приносятся всякія пасхальныя яства и напитки, которые предлагаются родственникамъ, бѣднымъ, нищимъ и вообще всѣмъ проходящимъ; для угощенія же мертвецовъ имъ во гробъ зарываютъ крашанки и часто на гробъ совершаютъ возліянія отъ напитковъ. Къ вечеру обыкновенно на гробахъ бываетъ уже не поминовеніе покойниковъ, а веселое пиршество, напоминающее отчасти древне-русскую тризну. Въ особенности такимъ веселымъ характеромъ отличаются поминовенія въ Кіевѣ на Щекавикѣ, на Байковомъ кладбищѣ и въ Одессѣ на городскомъ кладбищѣ.—Изъ приношеній еще надо упомянуть о хлѣбѣ и соли, которыя кладутся на мертвеца. Этой соли придается значеніе цѣлебнаго свойства противъ такъ называемой *мертвой кости*. На югѣ, подлѣ Чернаго моря, въ постъ этотъ хлѣбъ часто смазываютъ рыбьимъ жиромъ, прóтивъ чего возстаютъ мѣстные священники, такъ какъ не терпятъ непріятнаго рыбьяго запаха.

Всѣ разсмотрѣнныя приношенія, какъ то: хлѣбъ, рыба, куры, крашанки, а въ особенности медъ и зерна, имѣютъ значеніе поминовенія по умершимъ [1]). Всѣ эти приношенія чисто народнаго происхожденія и допущены только нашею церковью; въ дѣйствительности же правилами апостольскими и правилами соборовъ они запрещаются. 3-е правило св. апостолъ такъ объ этомъ говоритъ: „Аще кто Епіскопъ, или пресвитеръ, вопреки учрежденію Господню о жертвѣ, принесетъ къ олтарю иныя нѣкоторыя вещи, или медъ, или млеко, или вмѣсто вина, приготовленный изъ чего либо другаго напитокъ, или птицы, или нѣкоторыя животныя, или овощи, вопреки учрежденію, кромѣ новыхъ класовъ, или винограда, въ надлежащее время: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина". То же самое подтвер-

---

[1]) „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ"—Сумцова. Стр. 66—68.

ждено кареагенскимъ соборомъ, пр. 46 и VI вселенскимъ соборомъ пр. 57 и 99.

Какое значеніе имѣютъ всякаго рода хлѣбы, куры, яйца, теперь трудно указать; несомнѣнно, что коливо, медъ, зерна, въ Великороссіи блины составляютъ остатокъ славянскаго жертвоприношенія по умершимъ; колбасы же, сало, угощеніе (обильное) свининой и напитками во время поминальныхъ осеннихъ *обидовъ*,—все это носитъ характеръ древне-русской тризны. Поминовенія на дому и въ особенности *обиды* носятъ характеръ торжества, гдѣ печали почти никакого мѣста не удѣляется. При этомъ очень часто практикуется обрядность чисто языческаго происхожденія. Обыкновенно, изъ рюмки немного водки проливаютъ на столъ, въ честь умершихъ, приговаривая: „*дай, Боже, намъ жыты, а помершымъ душамъ царство небесное, нехай имъ легенько икнетця на тимъ свити, нехай имъ земля перомъ*", что уже восходитъ къ древне-римскому пожеланію: sit tibi terra levis!

Кромѣ приношеній въ церковь, священники и причетники собираютъ еще приношенія на дому, когда ходятъ съ молитвой, съ крестомъ и кропиломъ. Тутъ уже собираютъ калачи, хлѣбъ зерновой, яйца, пеньку и всякую живность. Священникъ, что видитъ, то и проситъ: „а ты бъ, говоритъ къ хозяину, давъ вивса для коней, а ты бъ, хозяйка, дала матушци лену, прядыва!" Здѣсь въ полной силѣ осуществляется народное изреченіе: „попивски очы завидущи, рукы загребущи".

Бываютъ приношенія и на домъ къ священнику. Здѣсь прежде всего надо поставить интересный обычай, который состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ вновь поставленному священнику сходятся всѣ поселяне и приносятъ ему хлѣбъ зерновой, полотно, иногда даже дарятъ скотъ на первое обзаведеніе. Когда на свадьбу проситъ невѣста, то приноситъ священнику шишки; за молитвой баба—повитуха идетъ и несетъ священнику паляницу, курицу и водку; въ волынской губерніи идутъ (въ рождественскій постъ) за молитвой и несутъ миску зерна, и надъ этой миской священникъ читаетъ молитву.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на храмовой праздникъ, когда бываетъ добровольная складчина подлѣ церкви натурой и приготовляется обѣдъ. До недавняго времени къ храмовымъ праздникамъ медъ сытили и пиво варили; въ послѣднее время, кажется съ акцизными цѣлями, здѣсь запрещенъ этотъ исконный, древне-русскій обычай.

Хр. Ящуржинскій.

Императоръ Александръ I въ Бѣлой-Церкви у графини Браницкой.

«Cesarz Alexander Pierwszy często zajezdżał do Białej Cerkwi do starej hetmanowej i nie inaczej ją nazywał, jak kuzynką». (Царь Александръ I часто заѣзжалъ къ старой гетманшѣ и называлъ её не иначе, какъ кузиной). Такъ говорилъ мнѣ старый панъ, заброшенный судьбою со своей родины, поднѣпровской Украины, въ придонскія степи, гдѣ онъ, совсѣмъ уже дряхлымъ старикомъ, доживаетъ вѣкъ у родственника, начальника одной изъ глухихъ станцій ......ской ж. д. Рѣчь шла про Бѣлоцерковщину—имѣніе графовъ Браницкихъ, въ кіевской губ., гдѣ мой собесѣдникъ провелъ свои молодые годы.

Его разсказъ вызвалъ и у меня воспоминанія о той же Бѣлой Церкви, гдѣ я учился въ гимназіи. Самый тонъ рѣчи старика живо припомнилъ мнѣ Бѣлую Церковь съ ея оффиціалистами, съ ея средоточіемъ интересовъ всего населенія на семьѣ графовъ Браницкихъ, съ ихъ дворцомъ, паркомъ Александріей и всею обстановкою той магнатской жизни, какую я видѣлъ въ моемъ дѣтствѣ еще при крѣпостномъ правѣ и которая такъ мало рознилась въ ея проявленіяхъ отъ извѣстнаго мнѣ по описаніямъ польскаго магнатства. Мой собесѣдникъ также говорилъ о графахъ Браницкихъ, не называя ихъ по фамиліи, а только по имени—«hrabia Władysław, hrabina Konstantowa» [1])—также согласно этикету шляхетско—польскому называлъ по чину «stary hetman, hetmanowa, senatorowa» —разныхъ членовъ семьи графовъ Браницкихъ, какъ это я слыхалъ въ самой Бѣлой Церкви, гдѣ разумѣется, страннымъ бы показалось всякому непониманіе, о комъ идетъ рѣчь.

Все это припомнило мнѣ, что у меня въ бумагахъ имѣется лѣтъ 25 тому назадъ написанное описаніе Бѣлоцерковщины, что описаніе это могло бы быть не безъинтересно для читателей «Кіевской Старины» и что мнѣ слѣдовало бы добыть это описаніе изъ подъ спуда, просмотрѣть и отдать для напечатанія.

Но пока то я соберусь это сдѣлать, позволяю себѣ передать читателямъ разсказанный мнѣ моимъ собесѣдникомъ случай.

Императоръ Александръ I во время устройства Аракчеевымъ военныхъ поселеній бывалъ на югѣ и проѣздомъ дѣйствительно

---

[1]) Графъ Владиславъ, графиня Константинова.

удостоивалъ посѣщеніемъ жившую еще тогда вдову Ксаверія Браницкаго, носившаго титулъ короннаго гетмана, несмотря на окончательное присоединеніе Кіевщины къ Россіи, старую гетманшу, урожденную Энгельгардтъ, племянницу Потемкина. Память послѣдняго, а можетъ быть и единственнаго такого посѣщенія осталась и до настоящаго времени. Въ одномъ изъ павильоновъ лѣтней резиденціи гр. Браницкихъ въ паркѣ Александріи я видѣлъ комнату, гдѣ ночевалъ Александръ Благословенный. Тамъ сохранилась его постель и не догорѣвшія восковыя свѣчи. Павильонъ этотъ, я помню, назывался царскимъ и въ немъ въ 1860 году останавливался покойный государь Александръ Николаевичъ, пріѣзжавшій на охоту къ графамъ Браницкимъ. Въ паркѣ Александрія имѣется особый садикъ, гдѣ тщательно сохраняются деревца, посаженныя разными лицами царствующаго дома и въ томъ числѣ Александромъ Благословеннымъ, Николаемъ Павловичемъ и Александромъ Николаевичемъ. Каждое такое дерево обставлено чугунною рѣшоткою, на которой бронзированныя таблички съ рѣзною надписью о томъ, кѣмъ и когда это дерево посажено.

«Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ къ гетмановой,—разсказывалъ мнѣ старый панъ,—Государь велѣлъ кучеру ѣхать не прямо по дорогѣ въ Александрію, по которой проѣхали другіе экипажи его поѣзда, а своротить отъ русскаго кладбища въ мѣстечко, и поѣхалъ по улицѣ, гдѣ теперь коммиссарія (домъ управляющаго имѣніемъ и экономическая контора).—Не доѣзжая до Александріи, Государь захотѣлъ переодѣться и, велѣвъ остановить лошадей, зашелъ въ одну изъ хатокъ, выстроенныхъ тогда вновь вдоль по-надъ дорогою для садовниковъ—*нѣмцевъ*, откуда то привезенныхъ графинею.

Въ хаткѣ Государь засталъ молодую женщину, плачущую горькими слезами, такъ что даже приходъ незнакомаго ей военнаго не унялъ ея рыданій. Государь сталъ участливо распрашивать её, о чемъ она плачетъ, и она, кое какъ успокоившись, разсказала, что мужъ ея, нѣмецъ садовникъ, пошелъ въ Александрію (паркъ)—гдѣ всѣ ожидаютъ Государя, а её побилъ и запретилъ ей выходить изъ дому и что она такимъ образомъ не увидитъ Царя. Императоръ Александръ успокоилъ плакавшую, попросилъ позволенія переодѣться у нея въ хаткѣ и сказалъ, шутя: «ну, если онъ такой недобрый, то я сдѣлаю такъ, что мужъ твой не увидитъ Царя, а ты увидишь» и сейчасъ распорядился арестовать этого *нѣмца* садовника и не выпускать его до тѣхъ поръ, пока онъ, Государь, будетъ пребывать въ Александріи. Переодѣвшись, Государь сказалъ женщинѣ кто онъ, въ чемъ она убѣ-

дилась, увидавъ подоспѣвшую къ ея хаткѣ многочисленную свиту Государя, и щедро вознаградивъ её, отъѣхалъ. А мужъ на самомъ дѣлѣ просидѣлъ подъ арестомъ все время пребыванія Государя и не видѣлъ его.

По дорогѣ отъ мѣстечка Бѣлой Церкви къ парку Александріи, я помню, стояла простая хата, (это было въ концѣ 50-ти годовъ), передъ которой имѣлся довольно обширный палисадникъ, огороженный шалевочнымъ старымъ заборчикомъ и обсаженный высокими осокорами. Я тогда еще зналъ, что эта выдающаяся огорожа и старые высокіе осокоры означаютъ мѣсто, гдѣ останавливался Александръ Благословенный. Зналъ я, что хозяева этой хаты были избавлены отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, графовъ Браницкихъ, и отъ подушнаго оклада и военной повинности государству. Послѣднее я зналъ вотъ почему:

Во время Крымской войны, были усиленные рекрутскіе наборы. Въ Бѣлой Церкви сельская громада и при крѣпостномъ правѣ сохранила въ своихъ дѣлахъ извѣстнаго рода автономность и сама распоряжалась сдачею рекрутъ. Въ одинъ изъ такихъ наборовъ,—не помню года, а знаю только, что дѣло было осенью,—во дворѣ моего дяди, служившаго придворнымъ врачемъ у графовъ Браницкихъ, произошло слѣдующее: играя около крыльца, я увидалъ двухъ мужиковъ, которые, отбиваясь «ципками» отъ злаго рябка, прошли въ нашу конюшню. Немного погодя они вышли изъ конюшни и передъ ними шелъ со связанными у локтей руками, дядинъ кучеръ Дорошъ. Я испугался и закричалъ; на мой крикъ изъ большаго дома выбѣжалъ лакей Михайло, а изъ флигеля кухарка Хотина и двѣ или три дѣвки (во флигелѣ шла тогда стирка бѣлья). Михайло какъ то ахнулъ и спрятался въ сѣни, а Хотина и дивчата съ воплемъ кинулись къ Дорошу и сопровождавшимъ его мужикамъ. Произошла какая то не совсѣмъ понятая мною суета. Дивчата плакали, голосили, цѣловали руки одного изъ мужиковъ, кланялись ему въ ноги, хватали его за колѣна (это, очевидно, было сельское начальство).—Послѣ я увидѣлъ Хотину моментально перескочившею плетень, у котораго стѣснились Дорошъ съ проводникомъ и другой мужикъ съ обхватившими его дивчатами. Затѣмъ послышалось: «тикай, тикай, Дороше!» Я помню, какъ блѣдный, какой то одеревенѣлый Дорошъ вдругъ рванулся, выпросталъ сперва одну, послѣ другую руку изъ рукавовъ полушубка и, освободившись такимъ образомъ, въ нѣсколько прыжковъ достигъ плетня сада, перескочилъ черезъ него и былъ таковъ. Затѣмъ уже мое вниманіе было привлечено руганьемъ этихъ двухъ чужихъ му-

жиковъ, изъ коихъ одинъ отвязывалъ другаго отъ плетня. Я услышалъ слова уходящаго изъ сѣней въ переднюю Михайла: «молодецъ баба! теперь ищи!» Послѣ уже для меня все выяснилось изъ разговоровъ: Михайло, какъ мужчина, обязанный оказывать помощь при взятіи рекрута, спрятался въ сѣни; дѣвки облѣпили отамана, а Хотина перескочила черезъ плетень и своимъ поясомъ сумѣла привязать прижатаго къ плетню десятника. Дорошъ же, руки котораго были у локтей прихвачены его же поясомъ поверхъ полушубка, разстегнутаго спереди, высвободился изъ полушубка и удралъ. Поимщики остались въ дуракахъ, ибо съ бабъ нечего было взять. «Ихъ дило жиноцьке! Хоть бы й якъ одбили некрута—имъ можна». Вернувшійся домой отсутствовавшій во время этого происшествія дядя разыскалъ Дороша и услалъ его съ письмомъ на время къ нашимъ родичамъ въ с. Перегоновку, а послѣ успѣлъ отстоять его отъ рекрутчины на томъ основаніи, что Дорошъ внукъ той женщины, которую посѣтилъ при выше разсказанныхъ обстоятельствахъ Александръ Благословенный.

И дѣйствительно, я съ того времени зналъ, что въ той особенной, описанной выше хатѣ жила мать Дороша съ его старшимъ женатымъ братомъ. Разсказывали тогда, что мать Дороша была маленькою дѣвочкою въ то время, когда ихъ посѣтилъ Императоръ Александръ I. Я помню эту старуху: высокая, бѣлобрысая, всегда строгоя. Вся семья Дороша называлась Ягусты, Ягустенки—*г* произносилось, какъ латинское *g*.

Не есть ли это исковерканные Августъ, Августенки?

Разсказъ стараго пана, называющій владѣльца посѣщенной Александромъ Благословеннымъ хатки *нѣмцемъ*, даетъ намъ право съ большею увѣренностію сдѣлать эту догадку.

Борисъ Познанскій.

19 декабря 1889 года
Павловскъ.

Къ замѣткѣ Н. Д. Н. „Къ біографіи Т. Г. Шевченка".

Въ мартовской книгѣ «Кіевской Старины» за этотъ годъ г. Н. Д. Н. сообщилъ очень интересныя подробности о своихъ переговорахъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ литературнаго фонда, по дѣлу освобожденія изъ крѣпостной зависимости бывшимъ владѣльцемъ с. Кириловки и ея крѣпостнаго населенія г. Фліорковскимъ

братьевъ и сестры Т. Г. Шевченка съ ихъ семействами.—Изъ этой замѣтки мы узнаемъ, что г. Фліорковскій положительно отказалъ въ лицѣ Н. Д. Н. литературному фонду, при выдачѣ вольной семьѣ поэта, даже за деньги надѣлить ее землею, мотивируя свой отказъ, помимо чисто личныхъ взглядовъ и отношеній къ Т. Г. и его семьѣ, еще соображеніями, вытекавшими изъ циркулировавшихъ тогда во многихъ помѣщичьихъ кружкахъ слуховъ, что въ видахъ и цѣляхъ правительства при приближавшемся разрѣшеніи крестьянскаго вопроса дать крестьянамъ личную свободу безъ надѣла ихъ землею.— Переговоры г. Н. Д. Н. съ г. Фліорковскимъ на этомъ и окончились и только впослѣдствіи изъ отчета общества литературнаго фонда г. Н. Д. Н. узналъ, что г. Фліорковскому принесена была благодарность обществомъ за взносъ 900 р. въ кредитныя учрежденія при выдачѣ вольной семьѣ Т. Г.

Переговоры литературнаго фонда съ г. Фліорковскимъ велись Н. Д. Н. въ августѣ 1860 г.—19 февраля 1861 года состоялся великій актъ освобожденія крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею изъ крѣпостной зависимости, слѣдовательно личное освобожденіе семьи Т. Г., со взносомъ за ихъ крѣпостныя души 900 р. въ кредитныя учрежденія, совершено было ихъ владѣльцемъ въ теченіи четырехъ, пяти мѣсяцевъ... и теперь не безъинтересно будетъ разсказать, какъ совершилась эта вольная, вызвавшая благодарность литературнаго фонда.

При повѣркѣ уставныхъ грамотъ и обращеніи ихъ въ выкупныя акты въ кіевской губерніи, согласно Высочайшему указу 30 іюля 1863 г., въ звенигородскомъ уѣздѣ въ 1865 г. было учреждено повѣрочное отдѣленіе при мировомъ съѣздѣ, въ составъ котораго въ числѣ другихъ селъ 2-го и 4-го мировыхъ участковъ вошло и с. Кириковка владѣнія г. Фліорковскаго.

Мнѣ, какъ предсѣдателю повѣрочнаго отдѣленія, мировому посреднику Е. Я. Соколовскому и кандидату мировыхъ посредниковъ Н. И. Баковецкому пришлось открыть засѣданіе на мѣстѣ, въ с. Кириловкѣ, и произвести тамъ повѣрку грамоты, послѣ чего составить и выкупной актъ согласно правиламъ 19 февраля 1861 г. и позднѣйшимъ добавочнымъ узаконеніямъ и разъясненіямъ. Назначивъ срокъ нашего съѣзда туда въ среднихъ числахъ іюля 1865 г., мы по полученіи обратныхъ повѣстокъ отъ г. Фліорковскаго и крестьянъ,—послѣднихъ съ приговоромъ объ избраніи ими уполномоченныхъ,—прибыли въ с. Кириловку и начали тамъ дѣло повѣрки. Г. Фліорковскій въ

наше засѣданіе не прибылъ (онъ жилъ тогда въ другомъ своемъ имѣніи, кажется, въ черкасскомъ уѣздѣ), а выдалъ довѣренность женѣ своей, жившей тогда въ Кириловкѣ, для веденія дѣлъ по мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ въ звенигородскомъ уѣздѣ. Отозвавшись незнаніемъ дѣлъ, она въ засѣданія повѣрочнаго отдѣленія не являлась, а просила, по окончаніи повѣрки, объявленія ей протоколовъ и актовъ, съ правомъ обжалованія ихъ въ узаконенный для того срокъ; за происходившимъ же въ публичныхъ засѣданіяхъ повѣрочнаго отдѣленія она слѣдила, отрядивъ изъ служащихъ при экономіи лицъ одного или двухъ оффиціалистовъ, прислушивавшихся внимательно къ крестьянскимъ заявленіямъ и сопровождавшихъ насъ во всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ осмотрахъ усадебнаго и полеваго крестьянскаго надѣла, въ которыхъ являлась надобность.

Согласно выработанной извѣстнымъ дѣятелемъ крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ Г. П. Галаганомъ инструкціи, повѣрка уставной грамоты въ Кириловкѣ началась обычнымъ объясненіемъ правъ крестьянъ на выкупъ отведенной имъ въ надѣлъ еще при инвентаряхъ земли, при чемъ разъяснялось, что Высочайшая воля дважды высказалась относительно правъ крестьянъ на эти земли,—въ первый разъ при составленіи и введеніи въ дѣйствіе инвентарей, когда земля эта объявлена была неприкосновенною и неизмѣняемою въ своемъ назначеніи крестьянскаго пользованія, и во второй разъ въ мѣстномъ положеніи 19 февраля 1861 г., подтверждавшимъ не только неприкосновенность и неизмѣняемость инвентарныхъ земель, но и распространявшимъ на нихъ право выкупа со стороны крестьянъ, послѣ чего и приступлено было къ повѣркѣ уставной грамоты по пунктамъ. Приступивъ затѣмъ къ опредѣленію состава крестьянскаго общества, имѣющаго право на выкупъ инвентарныхъ надѣловъ, мы выслушали заявленія уполномоченныхъ отъ крестьянъ и семьи Т. Г. о правахъ послѣдней на надѣлъ. По разсмотрѣніи документовъ, представленныхъ къ заявленію, оказалось, что г. Фліорковскій выдалъ вольную Шевченкамъ въ самомъ концѣ 1860 г., отложивъ выполненіе всякихъ формальностей по утвержденію ея въ долгій ящикъ и не выдавая ея на руки освобожденнымъ. Въ первыхъ числахъ марта 1861 г. былъ объявленъ, какъ извѣстно, манифестъ 19 февраля 1861 г., и г. Фліорковскій поспѣшилъ тогда устроить всѣ формальности и выдалъ имъ на руки вольную. Освобожденные Шевченки отъ принятія ее отказывались, высказываясь: «на що намъ однимъ тая паньска воля та ще тоди, якъ люде диждалысь цар-

скоп—то звисно воля такъ воля зъ землею: якъ бувъ цилый викъ хлиборобомъ, такъ и зоставайся имъ, а ця—паньска, кидай землю, батьківщыну, худобу та и текай геть, геть зъ села, та й кажуть ще записуйся въ мищане, а яки зъ насъ ще будуть мищане...» Г. Фліорковскій на ихъ возраженія не обращалъ вниманія, а требовалъ, чтобы они очистили въ его пользу землю и усадьбы, увольнились изъ общества и приписались гдѣ нибудь. Наступило время составленія и утвержденія уставныхъ грамотъ,—при составленіи грамоты на Кириловку г. Фліорковскій показалъ Шевченковъ выбывшими за полученіемъ вольной изъ состава крестьянскаго общества, а надѣлы, оставшіеся отъ ихъ выбытія вакансами, поступающими къ нему,—въ такомъ видѣ грамота тогда была утверждена крестьянскими учрежденіями, дѣйствовавшимъ до указа 30 іюля 1863 г. На дѣлѣ Шевченки изъ общества не увольнялись и продолжали, несмотря на нѣкоторыя настоянія г. Фліорковскаго, значительно впрочемъ ослабѣвшія послѣ событій 1863 г., владѣть какъ своими усадьбами, такъ и надѣлами. Заявляя обо всемъ этомъ повѣрочному отдѣленію, и уполномоченные отъ крестьянъ, и семья Шевченковъ просили избавить послѣднихъ отъ этого проявленія «паньскои воли», а предоставить имъ право наравнѣ со всѣми прочими селянами воспользоваться «царською волею».—Права же Шевченковъ на включеніе ихъ съ ихъ усадьбами и надѣлами въ уставную грамоту, послѣ всего вышесказаннаго, были настолько доказательны, что тогда же мы и включили ихъ въ число лицъ, на коихъ распространялся обязательный выкупъ,—противъ чего, насколько намъ извѣстно, г. Фліорковскій и не спорилъ.—Остается однако же послѣ всего этого вопросъ, за что благодарилъ литературный фондъ г. Фліорковскаго,—внесенныя имъ за личную свободу семьи Т. Г. деньги пошли въ уплату его же долга кредитнымъ учрежденіямъ,—личную свободу онъ силился доставить имъ безъ земли, въ ущербъ Высочайше дарованной тогда же воли крестьянамъ съ правомъ выкупа ихъ земель, и только повѣрка утвержденныхъ и введенныхъ въ дѣйствіе грамотъ возвратила имъ и землю, и тѣ права, которыхъ никто не рѣшался отнять отъ ихъ односельцевъ.

А. С. Л.

5 марта 1889 г.
г. Кіевъ.

Къ реформѣ Сперанскаго.

Высочайшій указъ 9 авг. 1808 г., проектированный Сперанскимъ, вызвалъ въ современномъ ему обществѣ чуть ли не всеобщее неудовольствіе; сущность его состояла въ томъ, чтобы даже и по выслугѣ узаконенныхъ къ тому лѣтъ никого не производить впередъ въ чинъ коллежскаго ассесора безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ о томъ, что представляемый къ производству успѣшно окончилъ въ немъ курсъ или, явясь на испытаніе, заслужилъ одобреніе въ своихъ знаніяхъ; это же университетское свидѣтельство требовалось и для производства въ статскіе совѣтники, но еще подъ условіемъ нахожденія при томъ не менѣе 10 лѣтъ на службѣ, въ числѣ коихъ два года нужно было прослужить въ одной изъ поименованныхъ въ указѣ должностей. По программѣ, приложенной къ указу, при испытаніи въ университетѣ требовалось: «грамматическое знаніе русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе: знаніе по крайней мѣрѣ одного языка иностраннаго и удобность перелагать изъ него на русскій; основательное знаніе правъ естественнаго, римскаго и частнаго гражданскаго съ приложеніемъ послѣдняго къ русскому законодательству и свѣдѣнія въ государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая съ географіею и хронологіею; первоначальныя основанія статистики, особенно русскаго государства; наконецъ, знаніе по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики».

Неудовольствіе общества и его представителей, помимо извѣстной записки Карамзина, выразилось въ массѣ стихотвореній и памфлетовъ, направленныхъ противъ Сперанскаго и его реформы, которые жадно читались и переписывались публикою.—Съ тремя изъ этихъ образчиковъ рукописной литературы начала XIX в., заимствованными нами изъ большаго рукописнаго сборника того времени, мы и знакомимъ нашихъ читателей.

Мысли унылаго дворянина.

От Рюрика по днесь дворянъ не утесняли
За то Россію всѣ владычицей щитали.
Коль грамотѣ кто зналъ, доволенъ былъ и тѣмъ,
Но правда и законъ былъ общій всѣмъ.
Геройство, подвигъ, трудъ—трофеи созидали
И въ общемъ щастьи всѣ свое тогда считали,

А стать по небѣсамъ и въ глубь морей ходить
Законъ учителямъ чтить, дѣла умомъ дѣлить
Гдѣ Вѣна, гдѣ Парижъ—хотя того не знали,
Но быть подпорой всѣ отечества желали
Великія во дняхъ владычествуя Имъ
Почтеннымъ правами дѣлилися своимъ.
А сынъ поповскій днесь, какъ мыльной шаръ летая
У счастья подъ рукой, цѣны трудамъ не зная,
Науки вводитъ онъ, невежей бывши самъ.
Гдѣ гибель общая онъ ищетъ щастья тамъ,
Искуственнымъ мечемъ Россію поражая,
Худой политекъ бывъ и дѣлъ совсѣмъ не зная,
Невѣденія завѣсъ у всѣхъ онъ хочетъ снять;
Но какъ же онъ тогда умы можетъ унять,
Чтобъ выучась всему, дѣлъ дворянскихъ невидали
И мыслей тайныхъ всѣхъ тогда же не угадали.
И съ тѣмъ упала бъ въ васъ личина предъ людьми,
Чтожъ стали вы тогда? Какъ куклы предъ дѣтьми...
Безумецъ! Разсмотри, что хочешь ты затѣять
Остатню вырвавъ вѣтвь,—вражду межъ всѣхъ посѣять!
Какая польза въ томъ, хотя бъ въ Россіи всякъ
Въ профессорство пошелъ } пустое намъ въ дѣлахъ.
Сказали бъ тогда такъ
И день и ночь трудится
Пойдемъ мы для чиновъ наукамъ всѣмъ учиться
И въ судъ ужъ не судья, а школьникъ бы пришолъ
На то, чтобъ побывать—и тотчасъ бы ушолъ
Наука съ деньгами гдѣ вѣсить тогда будутъ
Профессора тогда себя не позабудутъ.
И такъ ученыхъ тьма явилась бы намъ
И цѣну бы себѣ всякъ видѣлъ тогда самъ,
Пошелъ ли бы тогда на смерть умнякъ спокойно?
Онъ тотчасъ бы сказалъ воломъ быть непристойно:
Въ природѣ правы всѣ равно принадлежатъ
Всѣмъ смертнымъ на землѣ; мнѣ всякой въ мірѣ братъ,
Безъ личныхъ своихъ пользъ лить кровь другій не въ силахъ,
Для глупыхъ лишь однихъ пусть счастіе въ могилахъ.
Иной, судьею ставъ, и дастъ намъ приговоръ
Изъ многихъ—силогизмъ ученой метафоръ.

Причины слѣдствія покажетъ плодовито,
Ораторскимъ перомъ и пышностью набито.
Но что за польза въ томъ, что только для наукъ;
Но правдѣ не даетъ къ защитѣ бѣдныхъ рукъ,
Велитъ учиться всѣмъ, чтобъ знали по французски.
На что подъячему? Когда онъ и по русски
Безъ нужды правитъ всѣмъ, законъ царевъ блюдетъ,
Порядокъ дѣлъ отъ всѣхъ, по навыку вѣдетъ,
Котораго, какъ онъ, не будетъ знать ученой
Безъ опыта весь вѣкъ... но съ той только отмѣной:
Кто тридцать лѣтъ трудясь, ставъ всѣмъ необходимъ
Безуміемъ твоимъ за то, что онъ не выучилъ французской
Не выучилъ языкъ. А съ грамотою русской
Будь сынъ полезной и закону и царю,
Остался безъ чиновъ! я мщеніемъ горю!...
О Богъ! дай разумъ мнѣ! съ вопросомъ ужъ дерзаю:
Въ хаосѣ смутномъ семъ въ себѣ себя не знаю:
Ужель всевѣдущихъ--намъ чуждыхъ языковъ
Не можетъ никогда быть сущихъ дураковъ.
Но что я вопрошаю? Я вижу то глазами;
Сей вѣкъ для таковыхъ... инъ хлопъ теперь зубами.

ЕПИГРАМА

Велики чудеса Сперанскій намъ явилъ,
Науками онъ вдругъ, дворянъ всѣхъ задавилъ.

СТИШКИ

Сперанскій выдумалъ учить ужъ стариковъ
И хочетъ дѣлать онъ изъ мухи пауковъ.
Великъ онъ сталъ теперь, хотя и сынъ поповскій;
Но къ сожалѣнію, въ немъ разумъ не отцовскій
Громаду свѣта жь онъ желаетъ перемѣнить
И чтобъ въ хаосѣ томъ на вѣкъ себя затмить.

Народный разсказъ „про щасте“.

Печатаемый ниже разсказъ записанъ въ м. Веркіевкѣ нѣжинскаго уѣзда, черниг. губ. отъ крестьянина П. М. Середки. Разсказъ этотъ былъ вызванъ чтеніемъ разсказа гр. Л. Н. Толстаго «Счастье», которое дало поводъ слушателямъ къ различнымъ сужде-

ніямъ. Убѣжденный тонъ разсказчика доказывалъ, что онъ смотрѣлъ на свой разсказъ не какъ на сказку, а искренне вѣрилъ въ его правдивость.

«Ось постійте жъ лышъ, и я вамъ роскажу про щастя. Ото бувъ соби такый чоловикъ, що знавъ, хто вродывся щаслывый, а хто безщасный. Якъ тыльки гляне чы на людыну, чы на скотыну, такъ и бачыть: ото жъ щаслыве, а то ни. И було въ того чоловика скилько тамъ дитей,—уси щаслывы, тылько одынъ сынъ-парубокъ нещаслывый. Прышло урeмя женыть того сына, а въ его вже и дивка на прымети е. Росказавъ винъ батькови, чыя дивка, побачывъ іи батько и заразъ узнавъ, що й вона нещаслыва. Отъ винъ и каже сынови: знаешъ шо, сыну: не беры сіеи, беры онъ таку то й таку! (А то щаслива).—Ни вже, каже сынъ, якъ не тую, такъ зовсимъ не хочу женытьця. Якъ уже батько не вговорявъ ёго,—винъ усе свое. «Выдно, така вже его доля", подумавъ батько и оженывъ его, якъ той хотивъ. Пожылы воны трохы, батько и каже молодымъ: «гледить же, диты, жывить теперъ у мене, а якъ помру я, то не одризняйтесь одъ старшого брата, бо вы обое нещаслывы.» Якъ почулы се молоди и давай радытьця: колы мы нещаслыви, то ходимъ одъ ихъ зовсимъ,—може мы свое щастя найдемъ. Прыйшлы до батька. «Такъ и такъ», кажуть, «пустить, тату, насъ шукать щастя; пійдемъ мы одъ васъ, щобъ и не жыть передъ вашымы очыма нещаслывымъ». Чого вже батько не робывъ, якъ не благавъ ихъ—ни: «пустить», та й годи. Отъ батько благословывъ —«идить, диты, куды знаете: така вже мабуть Божа воля» оддилывъ имъ, що знавъ, запряглы воны кыбыточку, поихалы. Идуть день и другый, може воны тамъ и зъ тыждень, обо й зъ мысяць издылы и бачять разъ на дорози, на вынзди зъ села, лазыть двое щенятъ—выдно хтось выкынувъ лышнихъ. Жинка й каже: «возмимъ, чоловиче, одно лучченьке, може якъ небудь выгодуемъ, воно здастця.» Узялы. Чы скоро, чы не скоро обибралы воны соби мисто, купылы земелькы, грунтыкъ, волыкивъ, овечечокъ за ты грошы, що давъ имъ батько, и сталы жыть. И собачя тее изъ маленького стало добрымъ собакою—выгодувалы его то молочкомъ, то хлибцемъ. Ставъ той собака доглядать худобы. И що жъ бы вы думалы: за що воны не визьмутьця—въ усему имъ удача: хлибъ родыть добре, скотынка здорова, овечкы, свыни, куре—все плодытьця добре, а росте—якъ зъ воды йде. Отъ годивъ черезъ шисть у ихъ стало таке хазяйство, якого и въ батька не було. Згадалы воны разъ батька да й кажуть: «отъ же батько й не знае, що намъ тутъ такъ добре;—напышимъ до его пысьмо, нехай

прыиде перевидаетця, порадуетця на наше жыття». Порадылысь, послалы. «Такъ и такъ, тату: жывемо мы, слава Богу, у достаткахъ—прыизджайте перевидатьця, отъ вамъ и грошы на дорогу». Дывуетьця старый, не вирыть. «Треба», думае, «поихать, побачыть». Прыизджае. Бачыть по хазяйству, що всего вволю, и не може додуматьця, що воно за знакъ: вже й на дитей дывывся, и на птыцю, и на скотынку, що дома була—не выдно щаслывого! Дывуетьця старый, не знае, що й подумать. У вечери сивъ на порози, выглядае скотыну зъ поля. Пройшлы свыни зъ овчара, пройшлы телята, пройшлы коровы зъ череды—не ма щаслывого; колы се пастухы женуть отару овець, а за нымы й собака у двиръ; тыльки глянувъ старый—«ага, ось де щастя»! Повечералы, батько й каже: «знаешъ що, сыну: звелы, щобъ убылы отого собаку.»—«На що, каже сынъ: винъ у мене дуже добрый собака, жалько, мы его зъ жынкою маленькымъ найшлы да выгодовалы, служывъ винъ намъ скилько годъ—за що его убываты?—Ось убый, я тоби кажу,—вамъ лучче буде». Що ты будешъ казать? треба батька послухать. Прыйшлы пастухы на другый день, хазяинъ и каже: «убыйте заразъ собаку». А пастухы «ни за що, кажуть, не вбьемо, лучче вы насъ расчытайте. Вы думаете, що се мы бережемо овецъ? Се все собака». Такъ и не захотилы. Нанявъ винъ другыхъ, попаслы воны день чы два—«убыйте собаку».—«На що мы будемъ таку розумну тваръ убывать? Не за-для того наймалысь». И покынулы. Отъ же найшовся такый, що не пожаливъ: якъ убыть, такъ и убыть,—убывъ и покынувъ у городи (такъ звеливъ старый). Хазяйка ажъ заплакала за собакою; а батько сивъ у двори и дывытьця въ городъ. Колы се бижать куре, одынъ пивень пидбигъ до того собакы да й клюнувъ его и разъ и два. «Ну, каже старый, добре. «Уходыть у хату да й каже до невистки. «Отъ що, доню,—завтра, прыйшовшы зъ церквы, поиду я до дому, дакъ зарижъ мини на дорогу оттого пивня. Да гледы, не пробуй и никому не давай его пробувать; що негодытьця, те закопай, а що годытьця, те для мене зжаръ». На другый день пошовъ хазяинъ зъ батькомъ до церквы, а хазяйка зарizала пивня и жарыть. Дыты й давай просыть: «дай, мамо, покоштувать того пивныка що дидови заризала».—«Не можна, каже маты, дидъ не веливъ». Старшенькый же одыйшовъ, а меньшый, годивъ чотыры хлопчыкъ, просыть да й просыть; вона его й ударыла, а винъ усе свое просыть, плачучы. Колы се входыть сусидка. «Чого се у васъ, сусидочко, плачъ рады празныка»?—Такъ и такъ, свекоръ не веливъ коштувать пивня, а воно лизе, якъ сліота,—я й ударыла». «Э, голубонько, свекоръ сегодни тутъ, а завтра й поихавъ, а дыты

повсегда зъ тобою: дай ему трошкы, одщыпны тамъ чого небудь—воно й не выдно буде». Вона такъ и зробыла. Повернулы люде зъ церквы, входыть и хазяинъ зъ батькомъ; тылько глянувъ старый на дитей, такъ и вбачывъ, що ему треба. Силы обидать: «Давай же, дочко й пивня».—«А вы жъ казалы: на дорогу».—«Эге, то такъ треба було казать; а теперъ можна исты, бо вже е у васъ щаслывый», да й указавъ на того хлопчыка, що пивня покоштувавъ. Да й росказавъ имъ усе. «Ото черезъ те у васъ такъ добре хазяйство велось, що бувъ у васъ щаслывый собака; а якъ бы собака въ поли здохъ, то й щастя тамъ бы осталось, и звелось бы ваше хазяйство. А якъ клюнувъ пивень собаку, дакъ щастя перейшло въ пивня, а теперъ у хлопчыка. Живыть теперъ да Бога хвалить,—усе ваше пры васъ буде".

Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ.

Въ 1778 г., черниговскій житель Никита Зогій жаловался въ генеральный судъ, на архимандрита Троицкаго Ильинскаго монастыря Паисія за «привлеченіе въ подданство», при чемъ о предшествующихъ своихъ отношеніяхъ къ монастырю, разсказалъ слѣдующее:

«Дѣдъ мой Лаврентій зъ отцемъ моимъ Андреемъ и братами его, зайшли зъ Полши въ г. Черниговъ на жилье, искупили грунты и жили въ мѣщанскомъ званіи и козачомъ. По смерти жъ отца моего, оставшомуся мнѣ малолѣтнему, обучился грамоты и обучался въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ переплетческого ремесла, и возросши по такомъ обученіи, съ начала вступилъ я въ партикулярную службу отъ 1760 года по желанію моему, при монастырѣ Троицкомъ Ильинскомъ, перво, послушникомъ зъ годъ и продавалъ книги печати того Троицкаго монастыря и типографщикомъ въ переплетѣ випечатованыхъ книгъ, а за тѣмъ, и книгъ продавщикомъ, всего въ продолженіи времени чрезъ шесть лѣтъ, по договору въ годъ по 90-ти рублей платежа; а напослѣдокъ того, и на своемъ коштѣ отъ того монастыря продавалъ книги: за сколко-бъ денегъ книгъ ни продалъ, получалъ по договору десятину денегъ. А когда тотъ монастырь Троицкій началъ меня утѣснять, затѣмъ я началъ удалятся отъ нихъ, то оного монастыря архимандритъ и чернецы не отпуская отъ того монастыря и притѣсняя, ограбили мое имущество, привязываясь ко мнѣ тѣмъ по долговременной моей службѣ, что якобы я сталъ родовитой подданной»....

Въ доказательство того, что онъ не монастырскій подданный, Зогій къ своей жалобѣ приложилъ выдданные ему отъ монастырскаго начальства три «пашпорта», съ которыми онъ ѣздилъ торговать изданіями Ильинской типографіи въ Харьковъ, Роменъ, Сумы, Борзну и наконецъ даже въ Кіевъ. Приводя здѣсь эти паспорты, указывающіе, какъ далеко шла торговля книгами черниговской печати, замѣтимъ, что Ильинская типографія въ к. XVIII в. работала чрезвычайно успѣшно: поступившій въ 1766 г. въ Ильинскій монастырь настоятелемъ архимандритъ Евстафій нашелъ въ немъ черниговскаго изданія «книгъ разнаго содержанія въ переплетѣ, тетрадяхъ и листахъ 11304 экземпляра, на сумму 46804 р. 65 к.» [1]).

1) Обявитель сего послушникъ обители свято Троецкия Илѣнския Чернѣговския Никита Андреевъ Зогій отправленъ съ оныя обители въ малороссійские города Суми и Борзну, двума санми, едними пароконнимы, а другими еднoконнимы, для продажи книгъ, которому по указанію ея императорскаго величества, чинить какъ въ показание мѣста едучому, такъ и обратно въ обитель возвращающемусь, свободный пропускъ, чего во вѣрность и сей отъ меня за подписомъ руки моей и съ притиснениемъ монастирской печати, ему Никитѣ Андрееву, пашпортъ данъ. 1760 года, февраля 2 дня. Михайловского Переясловского монастира игуменъ я и управитель свято Троецкой Илинской Чернѣговской обытели Германъ съ братіею."

2) „Обявитель сего свято Троецкой Ілинской Чернѣговской обители книгопродавецъ Никита Зогій слѣдуетъ въ ярмарки въ Роменъ и Харковъ городи, для продажи книгъ ему зъ монастыра оного жъ Троецкого даннихъ, троелошадеинимъ возомъ и съ человѣкомъ, которому за силу ея императорскаго величества указовъ' даби вездѣ на учрежденныхъ караулахъ, свободній какъ туда, яко и обратно чинимъ бы былъ пропускъ, лучшаго же ради вѣроятія данъ сей за подписомъ руки моей и при обикновенной монастирской печати пашепортъ. 1760 года, іюля. Михайловского Переясловского монастира игуменъ и управитель свято Троецкой Ілинской Чернѣговской обытели Германъ съ братіею".

3) „Обявитель сего Троицкого Илинского Чернѣговского монастыря книгопродавъ (sic) Никита Зогій отправленъ зъ оного монастыря троеконною повозкою, съ еднимъ работникомъ, въ городъ Кіевъ, для продажи тамо казенныхъ монастырскихъ печатныхъ разныхъ въ листахъ книгъ, которому дабы туда слѣдуючему и обратно въ Черниговъ возвращающемуся, чиненъ былъ по указамъ свободной пропускъ, сей ему Никитѣ Зогому зъ вишеписанного Троицкого монастыря пашпортъ за подписомъ и печатью монастырскою, данъ. 1778 года марта 22 дня. Архимандритъ Троецкій Паисій. Писаръ Иванъ Романовскій".

А. Л.

---

[1]) Описаніе Черниг. Епархіи II, 19.

Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

(Свидѣтельство гетмана Разумовскаго).

Помѣщаемое здѣсь прошеніе бывшаго гетмана Разумовскаго, поданное на имя императрицы Екатерины II [1]), заключаетъ въ себѣ въ высшей степени интересное свидѣтельство современника о томъ, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII в. въ Малороссіи— «многимъ числомъ деревни и угодія были раскрадены грабителями мужиками, которые себѣ чины за деньги достали»... Это прошеніе служитъ отчасти дополненіемъ къ извѣстному доносу яготинскаго сотника Купчинскаго на генер. писаря Безбородка, между прочимъ и за то, что послѣдній «мужикамъ чины за деньги доставалъ».... [2]) Тогда же, въ «междогетманство», когда Безбородко былъ правою рукою у правителей Малороссіи, особенно процвѣла и «скупя грунтовъ», подъ видомъ которой и совершалась «кража земель и угодій». Любопытно, что слѣдствіе по доносу Купчискаго было повернуто (въ 1751 г.) къ оправданію Безбородка распоряженіемъ этого же самаго Разумовскаго [3]), впрочемъ въ то время только что пріѣхавшаго въ Малороссію на гетманство, и еще не знавшаго «малороссійскихъ дѣлъ».

Всемилостивѣйшая Государиня

Вашему Императорскому Величеству известно, что я не имелъ за собою никакихъ деревень, а жилъ толко недвижимымъ именіемъ жены моей великороссійскимъ, и что въ 1759-мъ году, ея величество въ Бозѣ усопшая государиня императрица Елисаветъ Петровна содержа нашу фамилію въ особливомъ покровительствѣ, въ разсужденіи моей многочисленной фамиліи, пожаловала мне въ вечное и потомственное владѣние нѣкоторые неболшие маетности въ Малой Россіи, яко то городи, или лутче сказать мѣстечки, Батуринъ и Поченъ съ ихъ малыми уездами, Бакланскую и Шептаковскую волости; сіи двѣ деревнѣ бывшие долговременно между гетманствомъ въ крайнемъ несмотрѣніи, разными чинами, (или лутче сказать мужиками), которые себѣ чины за денги достали, такъ раскрадены въ земляхъ и угодіяхъ и отказанныхъ деревняхъ при отдачи мнѣ нашлись, что я принужденъ былъ тогда просить Правителствующаго Сената, чтобъ нарочно знающие люде изъ великороссійскихъ чиновъ определены были для разобрания—что кому и по какимъ крепостямъ принадлежатъ.... темъ,

---

[1]) Прошеніе Разумовскаго получено нами въ копіи XVIII в., вмѣстѣ съ другими того времени бумагами, отъ Б. Пл. Антоновича, изъ Керчи. Къ сожалѣнію, средина прошенія Разумовскаго выгрызена мышами; эти мѣста обозначены точками.

[2]) Русск. Арх. 1875, I, „Безбородки".

[3]) Записки Як. Марковича II, 297.

кто въ сихъ мне пожалованныхъ деревняхъ поселился, и землями и угодіями старинными къ тѣмъ (?) землямъ принадлежащими завладѣ....... И определены были статскій советникъ Шишкинъ и полковникъ Семеновъ, какъ знающіе и безпристрастные люде,........ сіе въ самую истину разсмотрѣли, и наконецъ нашли......... вымишленіями и подложными крепостми, купчими издѣлками часть тѣхъ деревень до отдачи мне разграблено, а инные и разными малороссійскими пристрастниками по лихоимству и обманивая многократно Правителствующій Сенатъ и коллегию иностранныхъ делъ (которая тогда ведала маллороссіиские дѣла) и укрѣплени въ противность всѣмъ правамъ малороссійскимъ и статямъ Богдана Хмелницкаго, на которыхъ онъ подъ державу Всероссійскую приступилъ, и указамъ имяннымъ высочайшимъ предковъ Вашего Императорскаго Величества. И когда помянутые отдатчики Шишкинъ и Семеновъ откривъ то все воровство, отобрали въ силѣ имянного указа, которымъ мне и потомству моему сіи деревнѣ пожалованы и отданы къ моему владѣнію, то и помѣщики неправилно били челомъ о томъ въ Правителствующій Сенатъ, прописавъ многие на меня зъ согласиемъ многихъ клеветниковъ мужиковъ, лжи, якобы тое я силою зделалъ и лишилъ ихъ последнего препитания; почему сіе дело нѣсколко (лѣтъ?) было въ Сенатѣ безъ изслѣдования, а напослѣдокъ по всемилостивѣйшему Вашого Императорскаго Величества повелѣнію, определена нарочная комисия, въ которой генералъ поручикъ Костюринъ да статскій дѣйствителный советникъ Еммей, колежской советникъ Курбатовъ дѣло сие производятъ въ Санктпѣтербурге. А нынѣ получаю извѣстие, что помянутые члены той комисіи не сведомы будучи о многихъ обстоятелствахъ ябедническихъ малороссійскихъ, вѣру подали тѣмъ ябедникамъ, которые возползовавшись моимъ теперь отдаленіемъ и членовъ незнаніемъ многихъ обстоятелствъ по сему дѣлу надобныхъ, дѣло свое умишленно наклоняютъ на крайнюю мнѣ и дому моему обиду, и ежели по ихъ докладу и резолюція Вашего Императорскаго Величества воспослѣдуетъ, то исъ того родится и во всей Малой Россіи таковымъ же образомъ и многимъ числомъ землѣ государевы, деревнѣ и угодія раскраденіи всѣми грабителями мужиками, примѣрнымъ образомъ надобно будетъ утвердить, тѣ которые по самой справедливости и по всѣмъ законамъ отобрать у нихъ должно, въ чемъ мне, яко знающему малороссійские дела, по долговремянной моей практикѣ, паче всѣхъ известно.

Всемилостивѣйшая государиня! великому императорскому вели-

честву уповаю извѣстенъ мой характеръ безкористенъ, и что я никому не желаю ни наималѣйшей обиды здѣлать и темъ менше присвоить, но долженствую признатся, что чувствительно и того лишаюсь, что милостивѣйше мне и роду моему пожалованно и что малороссійскіе мужики и протчие козаки самоволно и безъ ведома государевой власти, и.,.... тѣмъ же похищеніемъ и достаткомъ чины себе н....., а по тѣмъ чинамъ шляхетское на себе право..... безъ заслуги и безъ всякого достоинства, по которому.... выклопотали въ отдаленномъ краю, такія маетности, которые смело могу признаться, всемилостивѣйшая государиня, ни почему къ нимъ не принадлежатъ, но еще иныхъ надлежало бъ по указамъ оштрафовать.

Не разпространяя я здесь о доказателствѣ, дабы не трудить тѣмъ Ваше Императорское Величество, на всеподданнѣйше толко прошу для безпристрастного ізслѣдованія повелѣть къ той комисіи въ Москвѣ двоихъ членовъ определить, между которыми былъ бы хотя одинъ прямо знающій все хитрости и обманы ябедниковъ малоросcіянъ, изъ чего токмо найдется на мою сторону правосудие, но и ваше императорское величество сколко много такимъ же непозволителнымъ образомъ деревень и земель вашего императорскаго величества въ Малой Россіи роскрадени, почему и въ комисию надобно такихъ секретарей и служителей опредѣлить, которые прежнимъ неправымъ резолюціямъ малороссійскимъ дѣламъ, яко поврежденнымъ, не были (бы?) послѣдователными. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Разумовскій.

Резолюція. По сему доложить, а въ Сенатъ послать указъ для опредѣленія членовъ въ коммисію о раскраденныхъ земляхъ; той же коммисіи изслѣдовать и о недоволствѣ въ обстоятелствѣ доложить.

А. Л.

Выставка картинъ Кіевскихъ художниковъ.

Было время, и время очень недавнее,—когда представителями искуства живописи въ Кіевѣ была едва ли не одна лаврская школа иконописи да учителя рисованья мѣстныхъ гимназій. Нѣсколько позднѣе мѣстное живописное искусство олицетворялось долго въ единственномъ лицѣ почтеннаго г. Рокачевскаго, снискавшаго почетную репутацію своими портретами. Но въ тѣ послѣдніе 15—20 лѣтъ, когда Кіевъ изъ губернскаго города превратился въ центръ извѣстнаго района (не достигши, впрочемъ, значенія большого города), дѣло измѣнилось. Завелась рисовальная школа, которая изъ маленького начинанія превратилась въ довольно правильно организованное

заведеніе съ правительственной поддержкой. Воспитанники школы, доканчивая курсъ въ петербургской академіи, стали выступать на дорогу настоящихъ художниковъ и два—три человѣка изъ нихъ пріобрѣли нѣкоторую извѣстность. Передвижныя выставки, начавъ странствовать по Россіи, съ самаго перваго же года нашли въ Кіевѣ радушный пріемъ, нашли покупателей и сдѣлались необходимостью для кіевлянъ. Художники изъ мѣстныхъ уроженцевъ пришли къ мысли, что для творческой производительности нѣтъ надобности жить на задворкахъ васильеостровской академіи и что не петербургская жизнь и природа дадутъ силу ихъ краскамъ и замысламъ; вмѣстѣ съ нѣсколькими иногородными художниками, они избрали Кіевъ мѣстомъ своего постояннаго пребыванія. Большія живописныя работы, предпринятыя въ строющемся Владимірскомъ соборѣ, привлекли въ Кіевъ извѣстныхъ мастеровъ (давъ возможность и случай обнаружиться и развиться замѣчательному дарованью г. Васнецова). Короче, Кіевъ сталъ городомъ далеко не чуждымъ искусству и доказалъ, что почва для процвѣтанья искуства въ немъ хорошая и что недостаетъ только для этого вниманія, усилій и пособій, самымъ первымъ и самымъ главнымъ изъ которыхъ долженъ бы быть историческій и художественный музей. За послѣдніе два года къ художественному активу Кіева прибавилось очень симпатичное начинаніе: выставки картинъ мѣстныхъ художниковъ. Устроенная въ прошломъ году робко, наполовину изъ картинъ частныхъ коллекцій, въ нынѣшнемъ году такая выставка состоитъ уже на двѣ трети изъ произведеній художниковъ—кіевлянъ. Явленіе это во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Преобладающимъ родомъ живописи на выставкѣ является пейзажъ; выставка, можно сказать, почти вся состоитъ изъ пейзажей, такъ какъ и большинство картинъ частныхъ владѣльцевъ принадлежитъ также къ этому роду. Что жъ, пейзажъ—такъ пейзажъ. Въ искусствѣ, по словамъ Вольтера, всѣ роды хороши кромѣ — скучнаго. Но кіевскіе пейзажисты немного погрѣшили передъ мѣстной публикой, предложивши ей будничное меню своихъ мастерскихъ и отправивъ лучшія вещи на весеннія петербургскія выставки, теперь какъ разъ открывающіяся. До тѣхъ поръ, пока репутацію, имя и извѣстность даютъ столицы, обвинять ихъ за это строго, конечно, нельзя. Но кажется, дѣло могло бы уладиться на будущее время назначеніемъ болѣе ранняго срока кіевскихъ выставокъ, гдѣ лучшія мѣстныя произведенія могли бы показаться прежде, чѣмъ ѣхать на сѣверъ. Въ выигрышѣ отъ этого были бы прежде всего сами художники, о раз-

мѣрахъ дарованій которыхъ получалось бы правильное понятіе. Наиболѣе даровитаго, напримѣръ, изъ пейзажистовъ—кіевлянъ г. Свѣтославскаго трудно признать по картинкамъ и этюдамъ этой выставки за автора «Весны» и «Тополей», входившихъ въ выставку передвижную. Этого симпатичнаго и прогрессирующаго художника, съ своеобразной и независимой ноткой, напоминаетъ только большая картина «Днѣпровскіе пороги», взятая изъ частной коллекціи. Другіе изъ экспонентовъ—художниковъ выставили вещицы большею частью этюднаго характера. Въ самомъ дѣлѣ что такое какъ не этюды эти «Мельницы», «Зимы», «Вербы», «Гребли» и другія картинки г.г. Вжеща, Станиславскаго, Менка, Галимскаго и другихъ? Это изображенья отдѣльныхъ, случайно взятыхъ уголковъ природы, болѣе или менѣе удачно написанныя, но въ сущности недалеко удаляющіеся отъ фотографіи, которая тоже вѣрно передаетъ отдѣльные предметы, но лишена лишь способности чувствовать и думать.

Въ пейзажѣ, какъ и въ другихъ родахъ искуства, долженъ быть угаданъ и найденъ типъ, который передавалъ бы высшую точку момента или предмета или былъ бы характернымъ выраженьемъ извѣстнаго края, небесъ, момента времени, мѣстности. Отъ такого творческаго пейзажа вѣстъ поэзіей, съ появленьемъ которой только и начинается высокое искусство. Все это относится, конечно, не къ нашимъ только пейзажистамъ, но ко всей почти русской школѣ, гдѣ образцы творческаго пейзажа дали только Воробьевъ, Айвазовскій, а изъ новѣйшихъ рано погибшій Васильевъ и отчасти Куинджи.

Помимо пейзажа есть громадныя области искусства, куда и не заглядываютъ наши южнорусскіе художники. Немногія изъ картинъ, типично и образно передававшихъ Малороссію, принадлежатъ не южно руссамъ. Неужели нечего изобразить изъ жизни этого края и этого народа, имѣющаго столь своеобразный складъ и характеръ, въ высшей степени характерный творческій міръ, замѣчательное по судьбамъ прошедшее? Южнорусское искусство ждетъ еще своихъ дѣятелей а наличныя силы или уходятъ отъ его задачъ, или вовсе не интересуются ими. Почти нѣтъ даже попытокъ работать въ этомъ направленіи, нѣтъ ихъ и на настоящей кіевской выставкѣ.

Все это не мѣшаетъ намъ видѣть въ ней прекрасное начинаніе и отдавать должное усиліямъ почтенныхъ устроителей. Общій уровень выставленныхъ работъ чрезвычайно приличенъ. А дальнѣйшее существованіе мѣстныхъ выставокъ облегчитъ и, можетъ быть, посодѣйствуетъ проявленью новыхъ и свѣжихъ художественныхъ силъ. **W.**

СЪ ДОРОГИ.

За Лохвицей, въ средней Полтавщинѣ, гдѣ равнины чередуются съ песчаными низменностями днѣпровскихъ притоковъ, начинается простодушная, во многомъ еще старосвѣтская сторона, гдѣ, въ многочисленной тамъ козацкой средѣ, еще держится старый типъ и стародавнія формы жизни. Почтовую дорогу, идущую на Миргородъ, я покидаю возлѣ Сѣнчи, сворачивая на проселки. Этотъ старый трактъ доживаетъ послѣдніе дни. Роменско-кременчугская желѣзная дорога, изъ угла въ уголъ пересѣкшая полтавскую губернію, дѣлаетъ его ненужнымъ. Степныя почтовыя станціи: Андріяшевская, Кирстовская, Бузковская, съ ихъ маленькими, выбѣленными комнатами, громадными, однообразными кожанными креслами, никогда не идущими, круглыми часами и простодушными писарями въ чемаркахъ, эти станціи, гдѣ славно отдыхалось въ лѣтній зной и зимнюю вьюгу, будутъ закрыты и отойдутъ въ область преданій. Ихъ убогій, трогательный, „комфортъ" смѣнится безличной пошлостью вокзальчиковъ съ трехминутной остановкой; усохнутъ и вырубятся старыя вербы почтовыхъ дорогъ. Все это прежнее, со множествомъ другаго, отойдетъ на нашихъ глазахъ, смѣняясь не опредѣлившимся новымъ, еще лишеннымъ внутренней жизни и колорита. Кто любилъ эту милую наивную глушь, того тянетъ взглянуть на нее передъ ея смертью въ послѣдній разъ...

Я дѣлаю привалъ въ степномъ хуторѣ. Пять-шесть хатъ, раскинутыхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, группа могилъ въ сторонѣ — и поле, поле безъ конца, теперь колосящееся рожью. Возлѣ бóльшей хаты множество надворныхъ построекъ: коморъ, хливовъ, сажей, сараевъ,—длинный, низенькій вишневый садъ и высокій журавль надъ колодцемъ. Хозяинъ—богатый пожилой козакъ. Онъ женатъ вторично на дочери священника сосѣдняго села, предпочевшей зажиточную жизнь хозяйки—козачки невѣрной и часто печальной долѣ подруги жизни служителя алтаря. Во главѣ отряда наймичекъ и заженщиковъ, она отправилась теперь въ поле зажинать жито. Во дворѣ

остался одинъ старикъ работникъ. Я дожидаюсь хозяевъ, растянувшись въ полутемной отъ прикрытыхъ ставень хижѣ, гдѣ глиняный полъ густо посыпанъ осокой, любисткомъ и мятой. Субботній день близится къ вечеру. Возвращаются съ поля хозяйка, рабочіе. Одинъ изъ нихъ «запрягае воза» и везетъ миня въ сосѣднее село Хитцы.

Сула, перерѣзавъ почтовую дорогу возлѣ Сѣнчи, уходитъ въ сторону и течетъ межъ низинъ и лѣсовъ, окаймляясь справа холмами. Отъ степнаго хутора до рѣки верстъ шесть. Въ маленькомъ прибрежномъ селѣ Ломакахъ мы оставляемъ коня и тотъ же возница, недавній жнецъ, сопровождаетъ меня на «човенъ», гдѣ обнаруживаетъ искусство опытнаго гребца.

Хитцы стоятъ въ совершенной глуши на гористомъ берегу Сулы. Ближайшій путь къ нимъ ведетъ водою. Часовъ въ семь вечера дѣти въ Ломакахъ оттолкнули отъ берега нашъ човенъ, крича намъ вслѣдъ: «Дядьки! нарвить намъ гусокъ та бабокъ!.»

Въ этомъ мѣстѣ Сула узка, чиста и прозрачна. Съ обѣихъ сторонъ воды—стѣны зелени, перевитой водорослями. По рѣчнымъ ольхамъ и ивамъ змѣятся тонкія вѣточки «крученыхъ панычей» и, головками внизъ, висятъ ихъ цвѣтки. Аиръ и чаполоть, водяной макъ и желтые «глечики» тянутся со дна рѣки къ свѣту. Широкіе, круглые листья латаття пластами лежатъ на водѣ и, на цѣпкихъ корняхъ—«товстунахъ», купаются въ прозрачной влагѣ ихъ бѣлые цвѣты. Молодой очеретъ тихо шумитъ, легкая лодка скользитъ по водѣ какъ щепка. Послѣ жаркаго дня, къ вечеру, отъ теплой воды тянется легкій паръ.

Ѣхать водою пять верстъ. Въ чистотѣ и свѣжести вечера донесся звонъ колокола изъ Хитцовъ. Изъ за деревьевъ высунулась гора—«Бабичиха». Здѣсь свѣтятся огни надъ зарытымъ кладомъ. Лодочникъ Ѳедоръ Кугукало—самъ видѣлъ ихъ, сколько разъ! Показалась церковь низенькая, старая, колокольня «съ опасанью». Село расположено подъ горою, хаты спускаются къ самому берегу. Это козачье поселенье, пановъ тутъ никогда не было. Жители—земледѣльцы и рыбаки.

Вхожу въ церковь. Почти такою же была она въ то время, когда только что выстроилъ ее основатель села запорожецъ Хитько. Это мѣдное паникадило, въ цвѣтахъ и листьяхъ, куплено имъ. На престолѣ «гробница» съ надписью жертвователя—запорожца. Священникъ показываетъ старинныя вѣнцы—простые деревянные обручики, разрисованные краской. Тѣмъ любящимъ парамъ, которыя «стоялы на рушныку» окруженныя веселыми боярами и дружками, они казались верхомъ

великолѣпія! Въ архивѣ церкви, среди груды бумагъ, «Петербургскія Вѣдомости» временъ Анны Іоановны — *неразрѣзанныя.* Я первый читаю свѣжую новость о побѣдѣ фельдмаршала Миниха надъ турками. Причетникъ на клиросѣ, въ свиткѣ и босой, бойко читающій, искусно поющій, совсѣмъ переноситъ меня во времена выборнаго духовенства и тѣснаго общенія служителей церкви и міра. «Свѣте тихій!» поетъ онъ гимнъ Дамаскина. «Іисусе Христе, пришедшій на западъ солнца!...» Послѣдніе лучи заходящаго солнца золотятъ маленькую, старую церковь, съ ея потемнѣвшей позолотой и живописью, отражаются въ столбахъ ладана, спускающихся отъ верхнихъ оконъ къ низу. Въ открытыя двери глядитъ лѣтній вечеръ, зеленѣютъ трава и деревья, видны люди, идущіе съ косами и граблями съ поля, слышится топотъ и ревъ возвращающейся въ село «череды». И какъ тогда, въ первые вѣка христіанства, на далекомъ востокѣ, среди этой простоты и природы, понятны становятся эти обращенья дѣтей къ отцу въ словахъ продолжающейся молитвы: «видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца»...

Въ крошечномъ притворѣ, въ двухъ окованныхъ скрыняхъ, сложены церковныя бумаги Слишкомъ пышно названье архива для этихъ скрынекъ, но въ нихъ, въ этихъ старыхъ бумагахъ, запечатлѣлось давно былое, здѣсь—отошедшія и угаснувшія черты когда то тутъ протекавшей жизни. При свѣтѣ копѣечныхъ желтыхъ свѣчекъ, мы разбираемъ съ священникомъ старыя рукописи и въ стѣнахъ этой маленькой коморки появляется предъ нами исчезнувшій міръ. Намъ видятся пращуры тѣхъ скромныхъ гречкосѣевъ, что только что вышли изъ церкви. Бритыя головы, загорѣлыя энергическія лица, могучія «постати», еще не пришибленныя ни нуждой, ни неволей... Предъ нами козачья громада села Хитцовъ въ 1762 году, съ отаманомъ Иваномъ Хиленкомъ во главѣ. Она представляетъ кіевскому митрополиту Гавріилу избраннаго ею въ чинъ священства «уроженца города Миргорода, званія посполитого, обучавшагося въ Академіи Кіевской, школы философіи, Іакова Дмитріева сина Афаназіевича». Этого человѣка, «честнаго, постояннаго и невчѣмъ не подозрительнаго, въ чтеніи книгъ и въ церковномъ пѣніи искуснаго», громада желаетъ имѣть до смерти стараго и слабаго настоящаго священника за «половиннаго», а послѣ смерти іерея Петра и за «цѣлопарахіального» своего настоятеля.

Въ томъ высокомъ санѣ, который готовится принять на себя приглашаемый недолжно быть ничего, что омрачило бы взаимное уваженье и

довѣріе. Приглашая его къ себѣ, громада точно опредѣляетъ взаимныя отношенія его и прихожанъ. Въ жизни его не должно быть мѣста корысти. Обезпечивая его землей, громада говоритъ напередъ о томъ вознагражденіи, на которое имѣетъ право приглашаемый въ тѣхъ исключительныхъ и торжественныхъ моментахъ жизни прихожанъ, когда требуется благословеніе и присутствіе священника, какъ представителя высшей силы. Самъ «посполитый», приглашаемый пастырь не долженъ отличаться въ образѣ жизни отъ пасомаго стада и ихъ жизнь должна стать его жизнью. Все въ этомъ уговорѣ сообразно условіямъ и строю жизни самыхъ земледѣльцевъ—прихожанъ.

«Для пропитанія его одолжаемся мы давать ему доходы таковые: за нареченіе новорожденному младенцу имени одну копѣйку и хлѣбъ, за крещеніе младенца четыре копѣйки, за вѣнчаня зъ своихъ прихожанъ первобрачныхъ по десяти копѣекъ, за второбрачныхъ двадцать пять копѣекъ, за третобрачныхъ по шестидесятъ копѣекъ, изъ стороннихъ прихожанъ смотря по имѣнію людей, на чемъ уговорится, толко жъ безъ изълишества, за погребеніе младенцевъ по пяти, а за возрастныхъ и старыхъ по десяти копѣекъ, за сорокоустное помяновеніе четырѣ рубли и четверикъ пшеницѣ, за обѣдъ поминательный десять, а за здоровный пятнадцать копѣекъ, за освященіе дому двадцать копѣекъ, роковщины въ годъ хлѣба отъ всякого рабочаго вола по одной коробци, отъ пѣшого человѣка три копѣйки; а сверхъ того пахатного поля имѣетъ для владѣнія ему, пока будетъ священникомъ во всѣ три руки опредѣлить по два дни»...

Изъ церковныхъ дѣлъ видно, что Афаназіевичъ поступилъ на приходъ въ Хитцы и пробылъ тамъ очень долго. Посвятивъ всю свою жизнь на служеніе хитцовской громадѣ, онъ только исполнилъ обѣщаніе, данное имъ въ молодости на томъ же «уговорѣ»: «Вышеписанными отъ прихожанъ хитцевскихъ опредѣленними священническими доходами я, по полученіи священства, довольствоватися имѣю и отъ той хитцевской церкви за силу Духовнаго Регламента по смерть мою отлучатися не буду»...

Въ кипахъ бумагъ и указовъ мы находимъ церковную книгу 1736-62 годовъ, съ описаньемъ инвентаря церкви, приходовъ, расходовъ, спискомъ церковныхъ книгъ и особой приковывающей вниманіе главой расходовъ на школу. Все характерно въ этой описи, все даетъ образъ и цвѣтъ этой далекой жизни, все обще съ нею. Однѣ и тѣ же матеріи одѣваютъ служителей алтаря и міранъ. «Фелонь лудановый» напоминаетъ одежду одного изъ «азовскихъ братьевъ», кото-

рый въ думѣ этого имени, «зъ пидъ лудану червону китайку выдырае»; «карунокъ острозолотый» конечно таковъ же, какимъ, въ «Запискахъ Марковича», отецъ даритъ своего сына—мемуариста (т. 1.—221.); полотняные, расшитые діаконскіе стихари, для мытья которыхъ покупается «брусокъ мыла»,—ужъ чисто мѣстное произведенье, роскошные шолковые пояса, жертвуемые запорожцами, идутъ на священническое облаченіе... Всѣ богослужебныя и церковныя книги до 1734 года—южнорусскихъ типографій: кіево-печерской, львовской, черниговской. Въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ, которые мы привыкли считать въ ту пору глухими и которые дѣйствительно заглохли впослѣдствіи, мы встрѣчаемъ вещи, какъ бы удовлетворяющія потребностямъ культурной жизни: «интелѣgаторовъ» (переплетчиковъ), лавки письменныхъ принадлежностей въ Ромнѣ и Глинскѣ и т. п..

Расходы на школу съ перваго раза поражаютъ своей незначительностью и скромностью цифръ. Но церковные счетчики записали въ этой старой книгѣ только тѣ экстренные расходы, которые принимала на себя въ этомъ дѣлѣ церковь. Обыкновенный, нормальный обиходъ школы обезпечивался самой громадой, выдаваясь большею частью натурой, также какъ и жалованье учителю. Эта старая школа, крытая очеретомъ, вымазанная глиной, стояла гдѣ нибудь тутъ же, близь церкви. Училъ въ ней дьякъ, чающій священническаго мѣста, или успокоившійся на своемъ учительствѣ, дьякъ, о которомъ поется въ пѣснѣ:

Дячку, дячку вывченый,
На вси школы выбранный!..

Этотъ осмѣянный въ послѣдствіи дьякъ преподавалъ не Богъ знаетъ какую мудрость: азъ-буки-вѣди по кіевскому букварю, за азбукой—псалтырь, изученье шестопсалмія, часословъ, ирмолой; потомъ россійское чтеніе гражданской и церковной печати, письмо. По той несложной жизни для деревенскаго обихода больше и не требовалось. Но создана была эта старая школа самимъ народомъ, по собственному, непринужденному почину, и свидѣтельствуетъ она о драгоцѣнной чертѣ, издавна существовавшей въ нашемъ народѣ: сознаніи своей обязанности давать дѣтямъ хоть первый ключъ къ наукѣ. Что сознанье это было твердо, доказываетъ количество такихъ школъ, на поддержку которыхъ отпускались и деньги изъ полковыхъ суммъ. Есть свѣдѣнія объ этомъ за сороковые годы прошлаго вѣка по семи полкамъ изъ девяти лѣвобережныхъ. Въ семи полкахъ всѣхъ школъ было 866. На 202 поселенья нѣжинскаго полка ихъ было 217, на

247 лубенскаго—172, на 172 переяславскаго—119 и т. д. («Основа» 62. 5.) Въ гадячскомъ полку въ 1781 году изъ 91 души школьнаго возраста во второй сотнѣ учились грамотѣ 42, отъ 8 до 16 лѣтъ, письму отъ 11 до 19 («Осн.» 62. 8.) Дальше грамотности да церковнаго чтенія школы эти не шли, но учились то въ нихъ будущіе земледѣльцы, по образу жизни которыхъ и изученье грамоты могло считаться лишь исполненіемъ нравственнаго долга.

Въ дѣловыхъ церковныхъ записяхъ выразились наивныя подробности жизни старой школы. Записи ведены съ 1740 по 62 годъ. Судя по нимъ, за нѣкоторые годы церковь совсѣмъ ничего не расходовала на училище. Въ другіе годы вписано два—три предмета расхода и наиболѣе въ 48 году, когда, очевидно, происходилъ ремонтъ школы. Записываются расходы въ такомъ родѣ:

1740 г. Ковалю что насталилъ сокѣру до школы уплатилъ	2 коп.
— Ему же за „внутреную защипку до школы“	7 коп.
1741 г. Августа 26 дня. Майстру что до школы двери поправилъ .	6 коп.
— Сентября 12. За обмазку школы мазалніцямъ	8 коп.
1747. Іюля 28. Скляру за оправку оболонки школной.	4 коп.
1748. Сентября 13. Ремесникамъ котории школу подъ земель подробили	20 к.
— 15. Человѣку дано что висипавъ школу	4 коп.
— Куплено горѣлки гончарамъ что въ школѣ пѣчъ поставили. .	4 коп.
— Октября 15. Дано тремъ мазалницямъ за обмазку школи. . .	6 коп.
— За вихутрованя груби дано гончару	2 коп.
— За осипку присби школной дано кузнецу.	4 коп.
1750. Что въ школѣ сѣнцѣ построэно дано	10 к.
— Тіежъ сѣнцѣ укрылъ и хворосту привезъ на пивъ зими дано.	8 коп.
1757. Васки за омазѣня школы дано	6 коп.

Все въ этихъ подробностяхъ дышетъ обстановкой сельскаго, хлиборобскаго быта. Эти періодическія мазанья школы, эти «оболонки», вставляемыя заѣзжимъ «скляромъ», однимъ изъ тѣхъ дегтярей —«литвиновъ», которые странствуютъ по тѣмъ мѣстамъ и теперь, исполняя роль стекольщиковъ, эти гончари, набивающіе печь за угощенье горѣлкой, которыхъ иначе, можетъ быть, нельзя было бы оторвать отъ своей работы, эта невѣдомая Васка, исполняющая должность сельскаго штукатура,—все это даетъ физіономію глухой, далекой старой школки. Была она не мудра и дешева, но уже въ XVIII вѣкѣ составляла почти необходимую принадлежность всякаго малороссійскаго поселенія. На страницахъ нашей старой исторіи эта убогая, козацкая школа должна занять почетное мѣсто. Такъ занимаетъ въ свѣтскомъ обществѣ невольно уступаемое ему мѣсто человѣкъ, извѣстный высокими силами души. Утраченное позже съ измѣнившимися условіями

жизни стремленье къ просвѣщенію есть одна изъ лучшихъ надеждъ нашего народа. Въ разнообразныхъ формахъ, въ этомъ даровитомъ, пытливомъ народѣ, оно возрождается въ наши дни.

Совсѣмъ поздно мы сидѣли съ старикомъ—священникомъ на крылечкѣ его дома и онъ разсказывалъ о запорожцѣ Хитькѣ, по преданью основателѣ села, о давнихъ временахъ и о тѣхъ странныхъ дидахъ, которыхъ ему случалось встрѣчать въ своемъ дѣтствѣ и на которыхъ вѣрно былъ похожъ и самъ легендарный Хитько. То были разбѣжавшіеся по роднымъ захолустьямъ послѣ розгрома Сѣчи братчики, доживавшіе свой долгій старосвѣтскій вѣкъ, окружаясь какою то таинственностью и сосредоточивъ свои помыслы на далекомъ днѣпровскомъ островѣ и на времени, отошедшемъ въ вѣчность. Въ долгія зимы они сиживали на печкахъ, поджавши ноги по турецки и увлекая молодежь разсказами. Въ тѣ времена здѣсь было еще привольно. Дичи, рыбы въ Сулѣ было изобиліе. Теперь народъ намножился, на все стало скупо.

—Така стала бисова тиснóта, заключилъ батюшка, що зъ своеи стрихи на чуже кáпле! Большинство молодежи изъ села уходитъ лѣтомъ на заработки «на Донъ», т. е. въ Новороссію, возвращаясь только осенью. Этимъ обстоятельствомъ объяснилъ я себѣ и заунывные напѣвы дивчатъ, звонко доносившіеся въ ночной тишинѣ съ горы, съ «улыци»,

Луна заливала окрестность своимъ страннымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ. Бѣлыя хаты старосвѣтскаго села, тыны, подсолнечники, деревья, освѣщенныя ею, бросали отъ себя длинныя тѣни. Внизу горы Сула тихо струилась подъ ея лучами. Сойдя къ берегу, я слышалъ, какъ струя воды бурлила гдѣ то поблизу, задержанная камнемъ, какъ, иногда, противъ мѣсяца, выплескивалась рыба. Съ улицы, на время замолкнувшей, опять донеслась пѣсня. Это была знакомая пѣсня, распѣваемая у насъ на всемъ Лѣвобережьи:

Горе, горе велыкее!
Одъ горя нижкы не носять,
Одъ роскошы кудры вьються,—
Одъ горя ручкы дилечка не роблять!

Неужели жизнь здѣсь такъ горька, что эта молодежь, сойдясь на улицѣ, поетъ о безпощадности жизни и ея тяготѣ? Нѣтъ, она поетъ теперь о своемъ молодомъ горѣ. Отъ такой тяготы и отъ того утомленья жизнью, которыя наступятъ потомъ, не будетъ пѣться,

а руки, обреченныя на вѣчный трудъ, будутъ все таки дѣлать его безъ конца. Съ обычными уподобленьями, съ цвѣтистыми сравненьями—дивчины съ калиной, а парубка съ молодымъ дубомъ, пѣсня повѣтсвуетъ о разлукѣ.

Шырокый лыстъ на калыни,
А ще ширшый на дубочку,
Клыче голубъ голубочку,
Хочъ не свою—такъ чужую:
„Прыйды, серце, поцилую.
Бо я завтра помандрую!“

—Ой якъ будешъ мандруваты,
Пышы пысьма, давай знаты—
Видкиль тебе выглядаты:
Чы зъ дороги, изъ Лохвыци,
А чы зъ поля зъ косовыци?

Это дивчата распѣваютъ о своихъ «заробитчанахъ», ушедшихъ на невѣдомый для нихъ Донъ и въ дѣйствительности махающихъ теперь косами на нивахъ Новороссіи, въ громадныхъ тамошнихъ «экономіяхъ» или на нѣмецкихъ фермахъ. Народная пѣсня въ сжатой формѣ передаетъ эту любовь и разлуку рабочаго люда. Вамъ видится косарь, шагающій по большой дорогѣ, съ сложенной за плечами косою, опаленный солнцемъ, усталый, съ помертвѣлыми ногами, но бодро прямующій къ родному селу. Не напрасно вымучился онъ лѣто, тамъ ждетъ его кто то и бодро звучитъ радостное, какъ бы хвастливое заключенье пѣсни:

Ишовъ парень съ косовыци
Пытается красавыци:
Гей, чы жыва, чы здорова
Красавыця чорноброва?

Такъ ужъ устроенъ нашъ сельскій человѣкъ, что для него настоящая, заправская жизнь начинается только въ родномъ селѣ. Пока онъ не вышелъ изъ колеи, онъ дышетъ этимъ выработаннымъ долгими годами сельскимъ духомъ. Село—это обособленный міръ, съ своей внутренней жизнью, вѣрованьями, взглядами, отношеньями, привычками. Выработавши эту жизнь, ко всему извнѣ приходящему нашъ селянинъ относится, какъ къ постороннему, и тотъ строй жизни, въ который онъ поставленъ, и та гражданственность, къ которой онъ какъ будто примыкаетъ, есть для него во многихъ отношеніяхъ тѣ же неразрѣзанныя «Вѣдомости» временъ Анны Іоанновны, которыя я видѣлъ только что въ посѣщенной мною старой церкви этой захолустной деревушки...

Г.

Для справокъ.

—— **Печать на югѣ Россіи.** Въ настоящемъ году на югѣ возникло нѣсколько новыхъ періодич. изданій. Такъ, учителю одесск. город. училища г. Гусаренку и г-жѣ Гонзаль разрѣшено издавать въ г. Одессѣ еженедѣльный журналъ „Школьное Обозрѣніе"; г-ну Туганъ-Мирза-Барановскому въ Одессѣ же ежедневный „Одесскій Листокъ Объявленій"; г-жѣ Соколовой въ Кишиневѣ—газ. „Бессарабскій Вѣстникъ" (ежедневно); г-ну Филимовичу въ Керчи „Русскій Сезонный Листокъ" (разъ въ недѣлю съ 15 апр. по 1 сент.); г. Мурье въ Тифлисѣ „Le Caucase Illustré (2 раза въ мѣсяцъ, на франц. яз.). Признаны прекратившимися: журналъ „Донъ" (въ Новочеркасскѣ), „Ялтинскій Справочный Листокъ" и „Кавказское Обозрѣніе".

—— Въ г. Черниговѣ предпринята реставрація древняго Спасскаго собора. Церковный староста собора черниг. губернаторъ г. Анастасьевъ обращается съ просьбой о пожертвованіяхъ на это дѣло. Пожертвованія могутъ быть присылаемы на его имя.

—— Въ субботу, 11-го февраля состоялся въ ресторанѣ „Малый Ярославецъ" обѣдъ находящихся въ Петербургѣ бывшихъ новгородсѣверскихъ гимназистовъ, по поводу исполнившагося въ этотъ день столѣтія существованія ихъ гимназіи. Предсѣдательское мѣсто занялъ старѣйшій изъ воспитанниковъ выпуска 1824 г. тайный совѣтникъ Бардаковъ. За нимъ заняли мѣста: ст. сов. Довголевскій—выпуска 1825 г., д. с. с. Короткевичъ-Ночевный—1830 г.; остальные 42 человѣка размѣстились по выпускамъ: профессоръ Карпинскій, д с. с. Н. П. Забугинъ, д. с. с. Губарь, профессора: Вереха, Богуславскій, Рудзскій, магистръ Лыщинскій и проч. бывшіе воспитанники. Первый тостъ провозглашенъ былъ предсѣдателемъ за здравіе и благоденствіе Государя Императора. Тостъ этотъ встрѣченъ громкимъ и продолжительнымъ „ура". Затѣмъ слѣдовали тосты за Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича и весь Царствующій Домъ. Ученикъ шестидесятыхъ годовъ И. И. Коробка обрисовалъ время, предшествовавшее 1789 г. и коснулся причинъ, вызвавшихъ открытіе учебнаго заведенія въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Затѣмъ говорилъ профессоръ П. Н. Вереха и магистръ Лыщинскій, бывшій преподаватель конца сороковыхъ годовъ. Д. П. Гавриленко прочиталъ стихотвореніе своего сочиненія. Н. П. Забугинъ напомнилъ о большомъ воспитательномъ значеніи умершаго учителя Өедора Лукьяновича Метлинскаго. Присутствовавшіе почтили вставаніемъ память какъ Ө. Л. Метлинскаго, такъ и бывшихъ: инспектора сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ Іос. Ак. Самчевскаго (скончавшагося 4 февраля нынѣшняго года), директоровъ: Халанскаго, Тимковскаго, Науменка и учениковъ: извѣстнаго педагога Ушинскаго, перваго ректора университета св. Владиміра—Максимовича, П. А. Антоновича и друг. По предложенію гг. Забугина и Губаря послана была телеграмма бывшему ученику, члену кіевской судебной палаты Н. В. Шугурову, какъ инициатору настоящаго празднества. Прочитаны были привѣтственныя телеграммы отъ гимназіи и отъ новгородсѣверскаго предводителя дворянства. Одинъ изъ братьевъ Вереха предложилъ учредить въ честь старушки almae-matris, кромѣ существующаго съ 19 сентября 1881 г. Общества вспомоществованія новгородсѣверскимъ гимназистамъ, Общество для вспомоществованія окончившимъ новгородсѣверскую гимназію. Для разработки этого проекта избраны: предсѣдателемъ И. Г. Карпинскій, членами: г. Забугинъ, П. Н. Вереха, г. Богуславскій, г. Губарь и секретаремъ г. Гавриленко. Послѣ

обѣда, меню котораго состояло изъ малороссійскихъ блюдъ, зажгли жженку (варенуха-спотыкачъ), танцовали „козачка" и закончили празднество хоровыми южнорусскими пѣснями и студенческою пѣснью „Gaudeamus". На будущее время принято, чтобы 11-го февраля собираться на такой же товарищескій обѣдъ ежегодно. „Нов. Вр."

—— **Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1,500 и 500 р.** Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 13 мая 1885 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одной—въ 1,500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ,—польскаго въ западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, неисчезнувшей и непрерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышеизложенную тему нынѣ продолженъ до 11 мая 1890 г. при чемъ сочиненія должны быть доставлены въ Совѣтъ Славянскаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 р., за второе же, по достоинству, 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и нерусскій.

При присужденіи преміи имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

—— **Конкурсъ на соисканіе преміи имени А. Ѳ. Гильфердинга въ 1,000 р.** Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, при чемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византійской и славянской старины за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ.

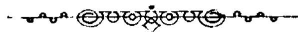
Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпиграфъ рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р. Авторы сочиненій, неудовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются преміею въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.



Библіографія.

Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. Tom XII. Kraków 1888 [1]).

Краковская академія наукъ, по заведенному ею издавна обычаю, выпускаетъ ежегодно одинъ томъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Въ 12-мъ томѣ, вышедшемъ въ теченіи истекшаго года, мы встрѣчаемъ также три отдѣла: археологію, антропологію въ полномъ смыслѣ и этнографію, на которые распадались и предъидущіе томы. По содержанію помѣщенныхъ статей, томъ этотъ представляетъ для насъ особенно живой интересъ потому, что изъ числа 13 статей, помѣщенныхъ въ томѣ, 9 относятся къ южной Руси. (Изъ остальныхъ 4—3 посвящены матеріаламъ польскимъ и одна представляетъ сборникъ легендъ и сказокъ литовскихъ).

Въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ археологіи, помѣщены двѣ статьи г. Годфрида Оссовскаго, носящія общее заглавіе: «Матеріалы для палеэтнологіи украинскихъ кургановъ». Подъ этимъ, нѣсколько замысловатымъ, заглавіемъ г. Оссовскій представилъ отчетъ о совершенныхъ имъ самимъ въ 1887 году раскопкахъ кургановъ въ звенигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи у мѣстечка Рыжановки и села Кобрыновой, а также о раскопкѣ кургана у с. Резыны уманскаго уѣзда, предпринятой въ 1878 году докторомъ Гринцевичемъ.—Г. Оссовскій опытный и ученый археологъ, извѣстный прекрасными изслѣдованіями о древностяхъ западной части собственной Пруссіи [2]) и о скальныхъ пещерахъ на сѣверномъ склонѣ Карпатъ. Раскопки сдѣланы имъ по всѣмъ правиламъ науки, предметы распредѣлены и

---

[1]) Рефератъ, читанный въ Обществѣ Нестора-Лѣтописца 26 февраля 1889 г.

[2]) Zabytki przedhistoryczne ziem polskich - Prusy krolewskie I—IV. Краковъ 1879—1888 гг.

описаны научно и выводы и замѣчанія сдѣланы крайне осторожно и осмотрительно.—Матеріалъ, найденный и разработанный г. Оссовскимъ, весьма богатъ; особенно выдается богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ большой курганъ, раскопанный имъ у м. Рыжановки. Здѣсь г. Оссовскій встрѣтилъ ранѣе начатую и не доконченную раскопку и довелъ ее до конца весьма успѣшно. Въ результатѣ раскопки оказалось, что отъ центра кургана въ его насыпи углублялся проходъ, который оканчивался корридоромъ, высѣченнымъ въ подпочвѣ на протяженіи 6 метровъ; корридоръ этотъ приводилъ въ четырехугольную съ сводообразнымъ потолкомъ камеру, высѣченную также въ подпочвѣ; въ камерѣ этой у входа стояли сосуды и лежало бронзовое зеркало, въ глубинѣ же лежалъ женскій скелетъ, покрытый большимъ количествомъ золотыхъ украшеній; на головѣ находилась діадема, выкованная изъ золота, двѣ серги, изображающія грифоновъ и украшенныя подвѣсками; на шеѣ найдены 2 прекрасныя золотыя ожерелья; поясъ и все платье были украшены золотыми бляшками (болѣе 400), оттиснутыми въ видѣ розетокъ, трехъугольниковъ и пирамидокъ; наконецъ на рукахъ найдены браслеты и 8 перстней, въ двухъ изъ которыхъ вмѣсто камней оправлены золотыя пантикапейскія монеты. Сверхъ того, у головы скелета найдено нѣсколько металлическихъ и терракотовыхъ сосудовъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны: бронзовое ведро съ рыльцемъ, отдѣланнымъ весьма изящно въ видѣ львиной головки, и прекрасная электровая ваза съ рѣзьбою, изображающею бѣгущихъ собакъ. Вообще рыжановскій курганъ по устройству своему и по характеру найденныхъ предметовъ принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ и типическихъ такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ. Такой же характеръ носилъ курганъ, разрытый у села Резины, хотя и по количеству предметовъ, и по ихъ качеству онъ былъ гораздо бѣднѣе; въ немъ найдена также обширная камера, прикрытая сверху досками, и на днѣ ея нѣсколько истлѣвшихъ скелетовъ; при нихъ лежали удила, украшенія конской сбруи, желѣзныя копья, 40 трехгранныхъ наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ и бронзовая рукоятка въ видѣ орлиной головы.

Совершенно другимъ характеромъ отличался курганъ, разрытый у села Кобрыновой; здѣсь на днѣ кургана устроено было 12 могилъ; судя по тому, что большинство скелетовъ лежало въ согнутомъ положеніи и что въ могилахъ не было вовсе металлическихъ предметовъ, курганъ этотъ можно отнести къ весьма отдаленной эпохѣ, вѣроятно къ концу неолитическаго періода, во всякомъ случаѣ къ

эпохѣ болѣе древней, чѣмъ курганы у Рыжановки; изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ курганѣ, особенно обращаютъ на себя вниманіе два костяныя острія, законченныя головками въ видѣ молотковъ и привѣшенныя на весьма сложныхъ костяныхъ цѣпочкахъ; затѣмъ черепки первобытной посуды, нѣсколько просверленыхъ зубовъ, каменный толкачъ и глиняная пряслица.

На ряду съ изслѣдованіемъ г. Оссовскаго въ томъ же отдѣлѣ тома помѣщенъ краткій отчетъ г. Брезы о раскопкѣ имъ кургана у села Кузминчика въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи; г. Бреза нашелъ здѣсь могилу, обложенную плоскими камнями, и въ ней скелетъ, у котораго лежалъ кремневый полированный топоръ.

Въ отдѣлѣ антропологіи помѣщена статья г. Талько-Гринцевича «О продолжительности жизни въ звенигородскомъ уѣздѣ». При составленіи статьи авторъ пользовался матеріаломъ, извлеченнымъ изъ метрическихъ книгъ всѣхъ приходовъ уѣзда (106 православныхъ, 2 католическихъ и одна община еврейская) за 25 лѣтъ (1860—1885). Такимъ путемъ онъ собралъ данныя о возрастѣ 156,685 умершихъ лицъ и на ихъ основаніи пришелъ къ нѣкоторымъ статистическимъ выводамъ. Средняя абсолютная цифра, опредѣляющая продолжительность жизни народонаселенія въ звенигородскомъ уѣздѣ=18 лѣтъ 7 мѣсяцевъ; но если принять во вниманіе большую смертность, господствующую среди дѣтей, и если послѣднихъ исключить изъ таблицъ до 5 лѣтняго возраста, то средняя продолжительность жизни опредѣляется возрастомъ отъ 36—37 лѣтъ. Дѣйствительно, пересматривая таблицы г. Гринцевича, мы находимъ что $^1/_5$ часть умершихъ это новорожденныя дѣти, вообще же $^2/_3$ населенія умираетъ до истеченія 10 лѣтъ жизни. Сравнивая полученные имъ результаты съ цифрами продолжительности жизни, добытыми статистикою въ другихъ странахъ, г. Гринцевичъ находитъ, что ближайшая къ его выводамъ цифра встрѣтилась ему въ Германіи, гдѣ средняя долговѣчность опредѣлена въ 19 лѣтъ, и самая далекая въ Англіи—27 лѣтъ.

Третій отдѣлъ тома, посвященный этнографіи, заключаетъ 8 статей, изъ которыхъ 5 представляютъ довольно обширные сборники этнографическаго матеріала, записаннаго въ южной Руси. Три изъ нихъ посвящены описанію «весилля» т. е. свадебныхъ обрядовъ, при чемъ приложены тексты свадебныхъ пѣсенъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ поются при совершеніи свадебнаго ритуала. Такія описанія свадьбы мы встрѣчаемъ въ статьяхъ: г. Томашевской „Свадебные обряды русскаго народонаселенія въ селѣ Винникахъ дрогобыцкаго

уѣзда»; г. Стадницкой «Свадебныя пѣсни и обряды русскаго народа въ окрестности м. Немирова, подольской губерніи» и г. Брыкчинскаго «Этнографическія записки изъ волынскаго Полѣсья»; въ послѣдней статьѣ, кромѣ свадьбы, описаны также обычаи, соблюдаемые крестьянами въ волынскомъ Полѣсьи при крестинахъ и похоронахъ, празднованіе «Купала» и суевѣрія, соединенныя съ такъ называемыми «закрутками» (т. е. узлами, завязанными на созрѣвшемъ хлѣбѣ до жатвы). Въ концѣ приложенъ небольшой сборникъ пѣсенъ (11), записанныхъ въ данной мѣстности.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ статью г. Зембы «О похоронныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ подольской губерніи, въ окрестности Ушицы» и сборникъ пѣсенъ, записанныхъ извѣстнымъ польскимъ этнографомъ Кольбергомъ въ западной части подольской губерніи. Сборникъ этотъ не великъ, онъ заключаетъ только 40 номеровъ, весьма впрочемъ разнообразныхъ по содержанію пѣсенъ; это гаивки, веснянки, баллады, пѣсни любовныя и бытовыя. Главное достоинство сборника состоитъ въ томъ, что при каждой изъ нихъ записанъ ея мотивъ, такъ что сборникъ г. Кольберга представляетъ довольно значительный матеріалъ для изученія народной музыки.

В. А.

Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія.—Ив. Як. Акинфіева, дѣйствительнаго члена Обществъ: „Естествоиспытателей при Импер. новор. университетѣ“ и «Испытателей природы при Импер. харьков. университетѣ“. Изданіе екатеринославской городской думы. Екатеринославъ. Тип. Н. Я. Павловскаго. 1889 г.

Подъ такимъ названіемъ вышелъ на дняхъ изъ печати весьма почтенный трудъ учителя екатеринославскаго реальнаго училища И. Я. Акинфіева, давно уже подвизающагося на поприщѣ изученія флоры г. Екатеринослава и его окрестностей и подарившаго насъ не одною работою по этому предмету. Хотя настоящій его трудъ и представляется строго-спеціальнымъ, касающимся лишь области естествовѣдѣнія, но, намъ кажется, упоминаніе о немъ совершенно умѣстно и на страницахъ историческаго журнала, какимъ является «Кіевская Старина», тѣмъ болѣе, что онъ касается и дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ прежней мѣстной администраціи, а также историческихъ свѣдѣній о прежней растительной физіономіи нашего края, во времена слишкомъ отдаленныя.

Книга г. Акинфіева распадается на двѣ части, совершенно самостоятельныхъ. Въ *первой* части имѣется пять главъ, а именно: 1) свѣдѣнія топографическія, геологическія и почвенныя; 2) историческія свѣдѣнія о садахъ города; 3) современные сады города; 4) некультурныя растенія; 5) зависимость растительности отъ климатическихъ условій. Во *второй* части данъ «списокъ сосудистыхъ растеній г. Екатеринослава и его окрестностей», съ «заключеніемъ и добавленіемъ». Вотъ все содержаніе ея, въ общемъ перечнѣ. Подобнаго изданія мы не встрѣчали въ русской печати; въ отношеніи же Екатеринослава это—первая и единственная въ своемъ родѣ книга. Очертивъ топографію и геологическое сложеніе мѣстности, занимаемой нынѣ Екатеринославомъ, составъ почвы, ширину, глубину и измѣненіе въ теченіяхъ р. Днѣпра, авторъ переходитъ къ изложенію историческихъ свѣдѣній о растительности, нѣкогда роскошно покрывавшей все пространство, обитаемое теперь екатеринославцами, и указываетъ на живыхъ свидѣтелей былаго—гигантскіе тополи и «столѣтній» дубъ, которому, по его вычисленію, будетъ нынѣ около 300 лѣтъ. Эти нѣмые свидѣтели и нынѣ живутъ во всей своей красѣ въ городскомъ саду, вблизи памятника запорожцу Глобѣ, впервые насадившему здѣсь садъ, вмѣстѣ съ не менѣе извѣстнымъ здѣсь устнымъ повѣствователемъ старины, запорожцемъ Коржомъ, проживавшимъ въ этихъ мѣстахъ во времена кн. Потемкина, основателя гор. Екатеринослава. Къ книгѣ приложены два рисунка, изображающихъ «столѣтній» дубъ и «дуплистый тополь». Кн. Потемкинъ весьма озабоченъ былъ не только основаніемъ во вновь пріобрѣтенномъ краѣ фабричнаго и заводскаго производства, но и развитіемъ садоводства. Съ послѣдней цѣлью онъ пріобрѣлъ у Глобы садъ за 3000 рублей,—огромную по тому времени цѣну, выписалъ для него изъ Молдавіи и Малороссіи (т. е. полтавской и черниговской губерній) множество фруктовыхъ деревьевъ и развелъ большой фруктовый садъ, съ оранжереею при немъ. Однѣхъ виноградныхъ лозъ выписалъ князь двѣнадцать фуръ, вмѣстѣ съ искусными виноградарями — болгарами; и еслибы дѣло его было поддержано впослѣдствіи, то мы имѣли бы, по всей вѣроятности, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи обширныя и роскошныя виноградныя плантаціи, вполнѣ допускаемыя, какъ оказывается, климатическими условіями края. Кн. Потемкинъ, очевидно, хорошо сознавалъ эти благопріятныя условія мѣстности, прозорливо предвидя необходимость этой отрасли сельскаго хозяйства въ краѣ съ такимъ жаркимъ лѣтомъ и знойною весною, какія бываютъ нерѣдко

въ этомъ краѣ и губятъ подъ часъ всякіе хлѣбные посѣвы. Поддерживая лѣса и насаждая сады, онъ хотѣлъ дать краю какъ можно больше растительности и сопряжонной съ нею влаги, т. е. именно того, въ чемъ край такъ нуждается для своего благоденствія и о чемъ такъ много стали помышлять нынѣ его потомки. Но благимъ начинаніямъ князя въ этомъ отношеніи скоро положенъ былъ конецъ: послѣ его смерти оранжерея продана была съ торговъ за 1039 р. и о развитіи садоводства не стали заботиться; и только съ 1817 г.—со времени учрежденія особаго «помологическаго комитета», по настоянію управляющаго нѣмецкими колоніями дѣйств. ст. сов. Контеніуса, вновь обратились къ мысли Потемкина о развитіи въ Новороссійскомъ краѣ садоводства. Въ послѣдовательномъ разсказѣ авторъ сообщаетъ далѣе судьбы мѣстнаго садоводства и затѣмъ перечисляетъ въ особой главѣ современныя насажденія города Екатеринослава, по разнымъ частямъ его и предмѣстьямъ, раскинувшіяся, въ общей цифрѣ, почти на 202 десятинахъ земли, что при общемъ пространствѣ, занятомъ городскими кварталами (собственно строеніями?)—474 десятинахъ, составляетъ почти половину протяженія города; иначе говоря, городъ Екатеринославъ почти на половину занятъ садами и садиками.

Сообщивъ всѣ такія свѣдѣнія по историческимъ матеріаламъ, тщательно просмотрѣннымъ и сгруппированнымъ въ живомъ и интересномъ разсказѣ, авторъ затѣмъ даетъ намъ замѣчательные результаты непосредственныхъ своихъ наблюденій по вопросамъ мѣстной растительной вегетаціи. Помѣщенныя въ его книгѣ статьи: «Цвѣточный календарь», «Таблицы весеннихъ дней» и «Періодъ вегетаціи деревьевъ и кустарниковъ Екатеринослава» представляютъ много весьма важныхъ данныхъ для изученія края и указываютъ практическій путь къ такому изученію. Приложенный къ книгѣ «чертежъ изображенія кривыми ежедневнаго наростанія температуры и числа расцвѣтшихъ растеній» можетъ послужить нагляднымъ тому примѣромъ. Вообще книга г. Акинфіева заслуживаетъ глубокаго вниманія и благодарности, въ особенности со стороны всякого екатеринославца, которому дорогъ его родной уголокъ, а равно и знаніе условій, споспѣшествовавшихъ его развитію. Говоря объ этихъ условіяхъ довольно подробно, авторъ не забываетъ привесть и имена лицъ, противодѣйствовавшихъ въ этомъ отношеніи развитію края. Имя г. Компанейщикова, бывшаго управляющаго екатеринославскою палатою госуд. имуществъ, желавшаго «упраздненія» мѣстнаго училища садоводства, должно быть поставлено на первомъ планѣ. Это имя, а равно и

самая личность, его носившая, слишкомъ памятны еще многимъ въ Екатеринославѣ по своей суровости и непреклонности характера.

Заканчивая нашу бѣглую замѣтку, мы не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что авторъ не приложилъ къ своей книгѣ «плана Екатеринослава», относящагося къ 1786 г. и принадлежащаго нынѣшнему екатеринославскому губернскому предводителю дворянства А. П. Струкову. Вскользь упоминая объ этомъ планѣ на стр. 25-ой, авторъ говоритъ, что на немъ обозначены «дворы деревни Половицы, расположенной на берегу р. Днѣпра» и уступившей свое мѣсто нынѣшнему Екатеринославу. Сколько намъ извѣстно, это—самый древній и, быть можетъ, единственный даже планъ заселенія мѣстности, занятой Екатеринославомъ, и имѣть его въ доступномъ для всѣхъ печатномъ оттискѣ было бы весьма желательно въ интересахъ историческаго изученія края. Вѣроятно, не желая удорожить изданіе, авторъ не приложилъ этого плана; но въ такомъ случаѣ екатеринославская городская дума, затратившая на это изданіе деньги въ воспоминаніе юбилея основанія г. Екатеринослава, праздновавшагося 9 мая 1887 г., должна позаботиться и объ изданіи этого плана, съ подробнымъ описаніемъ его, отдѣльною книжкой.

Что особенно важно въ этомъ планѣ—это изображеніе на немъ «рѣчки Половицы», которую образовывали два ручья:—одинъ вытекалъ изъ балокъ Жандармской и Монастырской (*нынѣ* такъ называемыхъ, по позднѣйшему расположенію на нихъ «жандармской конюшни» и женскаго монастыря; *прежде* же, до основанія Екатеринослава, балки эти такихъ названій, разумѣется, не носили); другой изъ озера, бывшаго на нынѣшней «Озерной площади», застроенной отчасти базарными лавочками и зданіями вокзала екатерининской дороги, частью же пребывающей впустѣ, въ видѣ болота, ежегодно наполняющагося водою отъ весенняго таянія снѣговъ и дождей. Въ давнее время это болото было, нужно думать, довольно глубоко, постоянно изобиловало водою и давало истокъ рѣченкѣ или потоку, послужившему къ образованію «рѣчки Половицы», лѣвый берегъ которой (по географическому положенію, западный) покрытъ былъ обильной растительностью. Судя по такому изображенію рѣчки этой на планѣ г. Струкова, остатокъ ея существуетъ и нынѣ въ видѣ довольно глубокой и широкой канавы, въ нижней части своей проходившей черезъ старый гимназическій дворъ, нынѣ принадлежащій купцу Хрѣнникову, и постоянно наполненной водою. Въ устьѣ ея и теперь останавливаются иногда груженныя берлины, приходящія по Днѣпру,

а это свидѣтельствуетъ о значительной глубинѣ балки. Лѣвый берегъ ея дѣйствительно поросъ дикими деревьями, извѣстными въ недавніе годы подъ именемъ «Раскольничьяго сада». Въ доисторическое время балка эта могла представлять собою и весьма замѣтную рѣчку, такъ какъ балки Жандармская и Монастырская, служившія ея образованію своими ручьями, тянутся довольно далеко внутрь екатеринославскаго уѣзда и послѣдняя изъ нихъ, сверхъ того, не лишена и нынѣ лѣсной растительности. Тутъ могли быть нѣкогда цѣлые обширные лѣса, дававшіе убѣжище кочевнику, съ его стадами, напр. изъ обитавшихъ здѣсь нѣкогда половцевъ. По обитанію здѣсь этого народа, могла получить названіе и «рѣчка Половица», на правомъ (восточномъ) берегу которой и стояла въ позднѣйшее время, даже при основаніи гор. Екатеринослава, деревня Половица. Дворы этой деревни на томъ же планѣ Струкова изображены по возвышенному побережью р. Днѣпра, начиная отъ теперешнихъ «Каменьевъ», составляющихъ нынѣ 1-ю часть (полицейскую) г. Екатеринослава. Авторъ плана наносилъ здѣсь на карту то положеніе топографическихъ особенностей мѣста и населенныхъ на немъ пунктовъ, какіе были въ дѣйствительности, обозначая ихъ и жившими въ то время въ памяти народной названіями, а это весьма важно при розыскахъ о прежней населенности края. Кажется, планомъ Струкова твердо устанавливаются два положенія: во 1-хъ) существованіе, съ постоянной водой на мѣстѣ нынѣшняго Екатеринослава, рѣчки, и давняго заселенія праваго берега ея поселкомъ, или деревней; а во 2-хъ) давнее названіе и рѣчки, и этого поселка именами «Половицы». Положенія эти указываютъ, въ свою очередь, на обитаніе въ этихъ мѣстахъ народа, давшаго и рѣчкѣ, и поселку свое имя, и искать иное объясненіе происхожденію этихъ именъ нѣтъ надобности.

Въ «Юбилейномъ Листкѣ», выходившемъ въ Екатеринославѣ въ теченіе апрѣля и мая 1887 г., помѣщено было нѣсколько замѣтокъ о происхожденіи названія «Половица», болѣе или менѣе остроумныхъ. Въ томъ же году появилась здѣсь даже зубоскальнаго свойства брошюрка подъ названіемъ «О происхожденія гор. Телятинска», сочиненія нѣкого «подпоручика Забейбаки» (псевдонимъ), въ которой, съ потугами на юморъ, въ скудной стихотворной формѣ, авторъ стремится осмѣять представленныя въ тѣхъ замѣткахъ объясненія историческаго названія «Половица», и предлагаетъ свое, вполнѣ «зубоскальное», давъ Екатеринославу псевдонимъ «Телятинска». Такъ сильно интересуетъ многихъ екатеринославцевъ разъясненіе прежнихъ судебъ

мѣстности, нынѣ занятой городомъ Екатеринославомъ, ея топографическихъ особенностей, названія пунктовъ и бывшаго на его мѣстѣ заселенія. Планъ г. Струкова служилъ бы поэтому важнымъ историческимъ памятникомъ прошлаго.

Г. З.

Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. Дружинина. С.-Петерб. 1889 г.

Исторія славнаго войска донскаго извѣстна весьма мало, несмотря на то, что она представляетъ многообразный интересъ. Донъ — обширный край, съ своеобразною и мѣстною жизнью и исторіей, и въ то же время козаки донскіе играли не малую роль съ XVI вѣка и въ общей исторіи русскаго народа; мало этого, долгое отсутствіе государственности на Дону позволило развиться здѣсь такому строю, который въ существенныхъ чертахъ можетъ быть признаваемъ не только древне—славянскимъ, но едва ли даже не древне-арійскимъ.

И историкъ южной Руси не можетъ игнорировать исторіи Дона, какъ въ виду чрезвычайно тѣсныхъ отношеній его славныхъ молодцовъ-козаковъ къ запорожскимъ рыцарямъ, такъ и въ виду сходства въ устройствѣ самаго войска донскаго съ запорожскимъ, устройствомъ, явившимся вслѣдствіе одинаковости условій—долгаго отсутствія здѣсь государственныхъ началъ.

Донъ имѣетъ своихъ историковъ (Сухорукова, Савельева и др.), но труды ихъ слабы въ строго научномъ отношеніи; исторія здѣсь перемѣшана съ мѣстными патріотическими легендами, а для XIX в. замѣнена чѣмъ то въ родѣ оффиціальнаго лѣтописнаго изложенія. Правда, исторія Дона въ XIX в. еще несовершенно и возможна.

Сочиненіе, заглавіе котораго выписали мы въ началѣ рецензіи, по справедливости должно быть признано первымъ вполнѣ научнымъ трудомъ по исторіи Дона. Авторъ большой знатокъ не только печатнаго, но и архивнаго матеріала, безъ котораго теперь писать по исторіи Дона немыслимо; онъ вполнѣ владѣетъ историческою критикою, прекрасно группируетъ матеріалъ, ему необходимый; словомъ изслѣдованіе обличаетъ мастера хорошей школы. Но при всемъ томъ изслѣдованіе это насъ не совсѣмъ удовлетворило.

Значеніе раскола на Дону очень велико, и не совсѣмъ знакомые съ ходомъ его распространенія здѣсь, мы предполагали, что авторъ

именно и хочетъ выяснить это значеніе; оказалось, что наши надежды были преждевременны; въ доказательство изложимъ въ общихъ чертахъ содержаніе труда автора, тѣмъ болѣе, что собственно изслѣдованіе не особенно и велико.

Двѣ начальныя главы составляютъ введеніе въ сочиненіе; онѣ посвящены: первая изображенію Донской земли во второй половинѣ XVII в., вторая—отношеніямъ между Москвою и донскими козаками. Нечего и говорить, что одна научная разработка вопроса, означеннаго въ первой главѣ, представила бы величайшую важность. Авторъ, конечно, отнесся къ дѣлу вполнѣ научно, но, если можно такъ выразиться, нѣсколько элементарно: оно рисуетъ Донъ самыми общими чертами, ссылаясь для доказательства своихъ положеній на какой либо одинъ или два факта, да и то не воспроизводя ихъ хотя бы въ примѣчаніи, а ссылаясь, напр., на рукопись въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Увѣренъ, что ссылка правильна, но самый вопросъ очень интересенъ и открываетъ цѣлую историческую перспективу, а авторъ спокойно идетъ мимо него, махнувши рукою, дескать, это къ исторіи раскола на Дону въ концѣ XVII в. не относится Уже на 3 страницѣ авторомъ затронутъ очень интересный вопросъ о невыдачѣ бѣглыхъ съ Дона, а въ примѣчаніи сообщены только выдержки изъ архивнаго дѣла о присылкѣ на Москву вора Буянки и изъ другихъ актовъ, при томъ до того характеристичныя, что хотѣлось бы видѣть ихъ въ полномъ контекстѣ, да и самое дѣло Буянки, сослужившее автору добрую службу, остается все таки не выясненнымъ читателю. Далѣе, на стр. 4 говорится о составѣ донскаго населенія, что здѣсь были и татары, и греки, и тумы (отъ брака русскихъ съ турчанками); а въ доказательство ровно по одному факту, вѣрнѣе по одной выдержкѣ изъ архивныхъ источниковъ. На стр. 5 авторъ говоритъ о донскихъ городкахъ, приводитъ ихъ число, въ приложеніи помѣщаетъ и маленькое изслѣдованіе о нихъ, даже на основаніи архивныхъ источниковъ, и одного только не сообщаетъ—названія самыхъ городковъ! Такъ что, если кому пришлось бы заняться этимъ вопросомъ хотя бы и не спеціально, онъ долженъ повторить всю работу автора, только потому, что автору жаль было напечатать лишнихъ полстранички! И такая экономія идетъ черезъ всю книгу. Особенно намъ досадно встрѣтить ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Дона и Запорожья, о появленіи на Дону черкасъ и т. п. Только и узнаешь, что отношенія были и черкасы появлялись, и въ доказатель-

ство приведено по какому либо одному, правда очень рельефному, но не вполнѣ ясному архивному факту (см. стр. 8, 19, 33, 34).

Предвидимъ возраженіе, что авторъ и не задавался спеціально задачею—изобразить Донъ въ половинѣ XVII в., и ему важно было лишь дать свѣдѣнія, необходимыя для пониманія исторіи раскола на Дону въ концѣ XVII вѣкѣ. Пусть такъ; пойдемъ за авторомъ далѣе.

Вторая глава—отношенія между Москвою и козаками въ концѣ XVII в. имѣетъ тотъ же самый характеръ изложенія, такъ что останавливаться здѣсь нечего. Укажемъ развѣ, что авторъ не коснулся даже Разиновскаго бунта, хотя бунтъ этотъ имѣлъ и религіозную окраску, и въ то же время, какъ это видно у автора, память о Разинѣ была жива на Дону въ концѣ XVII в. и именно у козаковъ раскольниковъ.

Съ третьей главы начинается собственно изслѣдованіе. Здѣсь идетъ рѣчь о зарожденіи раскола среди донскихъ козаковъ. Конечно о самомъ расколѣ авторъ говоритъ кратко, на двухъ страницахъ, и прямо переходитъ къ подробному изложенію дѣятельности донскихъ расколоучителей, коими основанъ центръ донскаго раскола—обитель на р. Чирѣ. Глава очень интересная; не менѣе интересно и сообщенное авторомъ въ приложеніи къ ней слово о нѣкоемъ мужѣ, написанное на Чирѣ, эсхатологическаго характера; при чемъ въ аду помѣщены донскіе воротилы, напр. знаменитый Корнило Яковлевъ, Михайло Самаринъ, а въ раю расколоучители, и въ томъ числѣ донскіе. Въ этой главѣ сообщены и столь же подробныя, но за недостаткомъ матеріаловъ все же отрывочныя, свѣдѣнія еще о нѣкоторыхъ расколоучителяхъ, разсѣявшихся по Донской землѣ [1]), при чемъ значеніе ихъ въ дѣлѣ распространенія раскола остается вовсе не выясненнымъ, несмотря на увѣреніе автора, что онъ указалъ главные центры раскола на Дону. Кстати сказать, очень жаль, что къ книжкѣ не приложена подробная карта Дона: упоминаются такія урочища, которыя совершенно неизвѣстны, и слѣдить за авторомъ въ его изложеніи событій, связанныхъ съ какими либо мѣстами, иногда невозможно. Впрочемъ, сознаемся, что это уже слишкомъ большое требованіе. Конецъ третьей главы посвященъ бѣгству на Донъ раскольниковъ міранъ. Но и въ этой главѣ опять примѣчанія говорятъ о гораздо большемъ, чѣмъ внесъ авторъ въ свое изложеніе, но говорятъ отрывочно, неясно.

---

[1]) На стр. 92 указаны еще попы, на свое мѣсто не попавшіе.

Упоминаемый на стр. 96 думный дворянинъ Петръ Аврамовъ, и въ указателѣ названный Аврамовымъ, конечно, Петръ Аврамовичъ Лопухинъ.

Четвертая глава посвящена раскольничьей пропагандѣ на Дону. И здѣсь о самой пропагандѣ говорится очень бѣгло, и авторъ торопится перейти къ изложенію мелкихъ фактовъ изъ исторіи столкновеній въ 1680-хъ годахъ на Дону козаковъ раскольниковъ съ козаками православными. Конечно, авторъ излагаетъ мелкіе факты потому, что крупныхъ еще не было. Но, какъ ни какъ, а насколько сильно былъ распространъ расколъ на Дону, это все же остается не выясненнымъ, и рядъ позднѣйшихъ безпорядковъ изъ за старой вѣры падаетъ вдругъ на читателя, слабо къ тому подготовленнаго. Очень жаль еще, что авторъ не попытался охарактеризовать единственнаго крупнаго дѣятеля раскольничьей партіи на Дону атамана Самойла Лаврентьева, для чего у него было достаточно данныхъ; но авторъ избѣгаетъ всякихъ характеристикъ и какъ здѣсь Лаврентьевъ, такъ далѣе знаменитый Фролъ Минаевъ представляются лишь собственными именами.

Пятая глава, самая длинная,—господство козаковъ раскольниковъ на Дону—опять излагаетъ съ мельчайшими подробностями борьбу за вѣру среди козацкой старшины въ Черкаскѣ, при чемъ, если автору нуженъ былъ посторонній фактъ, онъ его касается вскользь, напр. на стр. 134 говорится, что донцамъ предстояло склонить Чагана тайшу съ его калмыками къ миру. Кто такой Чаганъ и гдѣ онъ жилъ, и почему это предстояло—авторъ не объясняетъ [1]).

Но, какъ ни обширна эта глава, все же авторъ не выяснилъ смысла разыгравшейся на Дону драмы, и именно потому, что свелъ борьбу только на религіозную почву. Между тѣмъ въ этой борьбѣ, что прекрасно извѣстно и самому автору [2]), главное мѣсто занимали экономическіе и политическіе вопросы. Для знакомаго съ исторіей южной Руси дѣятельность главарей московской партіи на Дону—Фрола Минаева, Ивана Семенова и т. д. является совершенно идентичною съ дѣятельностью Рославцевъ да Филимоновыхъ, не мало

---

[1]) Еще примѣръ экономіи: на стр. 132, примѣч. 6 авторъ говоритъ, что въ Допол. къ Акт. Истор. т. XII № 17, стр. 137—138 перепутаны листки. Перепутаны? Ну, было и указать, въ какомъ порядкѣ имъ слѣдовало быть; ср. то же на стр 138 указаніе, что въ одномъ изъ напечатанныхъ актовъ пропущенъ пунктъ, а не сообщено о чемъ.

[2]) См. его заключеніе на стр. 215 и д.

повинныхъ въ лишнихъ страданіяхъ края. И въ Запорожьи въ XVIII в. засѣли политиканы, съ успѣхомъ рывшіе могилу Запорожью. Безъ сомнѣнія, всѣмъ этимъ козацкимъ землямъ трудно было противъ рожна прати, и причина гибели ихъ строя достаточно объясняется принципомъ, что сила солому ломитъ; но все же отдѣльныхъ лицъ можно судить и на основаніи извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ; Минаевы да Семеновы не ломали честно извѣстный строй войска, находя его устарѣлымъ, не соотвѣтствующимъ новымъ задачамъ дѣятельности русскаго народа. И задачъ они не понимали, и о ломкѣ строя вѣроятно сознательно не думали, а просто изъ за угла, въ тихомолку строили каверзы врагамъ своимъ (см. стр. 181), добиваясь личныхъ выгодъ. Можетъ быть, Минаевъ былъ большой честолюбецъ, который былъ убѣжденъ, что его интересы—интересы всего войска, но Семеновъ и его компанія даже въ этомъ не повинны. Между тѣмъ сведя всю борьбу къ одному расколу, авторъ обнаруживаетъ симпатію къ минаевской партіи, а названіе его козаковъ—«добрыми» козаками отнюдь не означаетъ ироніи.

Мелкая борьба на Дону изъ раскола привела и къ мелкимъ безпорядкамъ въ 7196 г., разсказу о которыхъ посвящена послѣдняя глава; при чемъ авторъ говоритъ объ этихъ безпорядкахъ, какъ о какомъ то огромномъ «грозномъ» мятежѣ. Между тѣмъ это была только кровавая расправа Минаева и его партіи съ врагами, почти не оказывавшими сопротивленія, и только много болтавшими. Правда, Заполянскій городокъ держался долго, но это былъ маленькій городъ; осаду его вели плохо и не регулярно. Любопытно, что уже въ XVII в., для расправъ съ неблагонадежными русскими элементами употребляемы были иностранцы, напр. на Дону дѣйствовалъ противъ раскола московскій маіоръ Куннигамъ; да, вѣроятно, и полуполковникъ Таболевскій былъ не изъ русскихъ. Для исторіи Новороссіи важнымъ эпизодомъ представляется поселеніе части козаковъ послѣ скитаній на р. р. Кумѣ и Терекѣ, гдѣ ихъ добыли московскія власти, между р. Кубанью и Илобаненчикомъ на берегу Чернаго моря, подъ властью крымскаго хана, который велѣлъ имъ построить тамъ деревянный городокъ (стр. 212—по архивнымъ источникамъ).

Мы довольно подробно изложили сюжетъ разбираемаго изслѣдованія и въ результатѣ, кажется, имѣемъ право утверждать, что центръ его состоитъ въ разсказѣ о безпорядкахъ на Дону изъ за раскола въ 80-хъ одахъ XVII в., и въ то же время, что безпорядки эти вовсе не за-

служивали той чести, которую придалъ имъ авторъ, приспособивъ къ нимъ всю предшествующую исторію Дона. Или на Дону не было болѣе важныхъ историческихъ моментовъ? Вовсе нѣтъ; авторъ просто располагалъ обильными архивными матеріалами для даннаго историческаго момента [1]). Прекратился ли расколъ на Дону послѣ этого? Не прекратился, и донынѣ существуетъ. Правительство перестало обращать вниманіе на донскихъ раскольниковъ; авторъ полагаетъ, что именно въ виду изображеннаго имъ погрома; ужъ скорѣе въ виду сложившагося въ Москвѣ на основаніи этихъ событій мнѣнія о слабости самаго Дона; а вѣрнѣе потому, что наступило время, когда правительство не особенно преслѣдовало раскольниковъ.

Болѣе всего намъ жаль, что авторъ остановился у порога самыхъ интересныхъ событій въ исторіи Дона. Допустимъ, что дальнѣйшая дѣятельность Фрола Минаева не заинтересовала автора, такъ какъ Минаевъ не раскольникъ; но Булавинскій бунтъ есть важнѣйшее событіе изъ исторіи Дона, и на авторѣ, какъ на серьезномъ спеціалистѣ, лежитъ обязанность не отступать предъ тѣми трудностями, которыя представляетъ исторія этого вопроса: событія на Дону въ концѣ XVII в. есть только прелюдія къ Булавинскому бунту.

Если авторъ устрашится рекомендуемой ему его же собственнымъ трудомъ задачи, то онъ можетъ оказать услугу русской исторической наукѣ и инымъ способомъ: превративши въ отдѣльное сочиненіе двѣ первыхъ главы своего настоящаго изслѣдованія. При научной подготовкѣ и дарованіяхъ автора эта задача будетъ для него очень не трудною и мы не знаемъ въ настоящее время изслѣдователя, который съ большими правами, чѣмъ В. Г. Дружининъ, могъ бы взяться за изображеніе исторіи донскаго козачества. А взяться стоитъ.

А. М.

М. П. Федоровъ.—*Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и въ Кенигсбергѣ. Маслва. 1888.*

Эта книга является результатомъ изученія положенія отпускной хлѣбной торговли въ русскихъ портахъ Балтійскаго и Чернаго съ Азовскимъ морей, произведеннаго по порученіи съѣзда желѣзныхъ дорогъ II группы, состоявшагося въ 1885 году. Богатый цифровой матеріалъ, собранный авторомъ и тщательно разработанный, знакомитъ

[1]) Они сообщены въ приложеніи къ изслѣдованію.

читателя вполнѣ съ развитіемъ нашей отпускной хлѣбной торговли за послѣдніе 15 лѣтъ. Въ отдѣльныхъ главахъ труда этого описаны порты Балтійскаго моря и южные, способы отправки хлѣба и полученія его по желѣзнымъ дорогамъ, водяными путями и гужемъ; кромѣ цифръ въ этихъ описаніяхъ встрѣчается много бытовыхъ подробностей, характеризующихъ больное мѣсто нашей заграничной торговли стремленіе къ надувательству, которое и привело уже къ полному недовѣрію заграничныхъ покупателей по отношенію къ нашимъ экспортерамъ, особенно изъ южныхъ портовъ. Цифры, приводимыя въ таблицахъ, служатъ лучшимъ матеріаломъ для исторіи южно-русскихъ городовъ на побережьи Чернаго и Азовскаго морей. Изъ нихъ мы видимъ, напр., что Маріуполь въ непосильной борьбѣ съ естественными условіями, въ которыя поставленъ, является уже захудалымъ городомъ, тогда какъ Севастополь быстро растетъ, благодаря прекрасному своему порту и желѣзной дорогѣ, соединившей его съ южными и центральными частями Россіи. Еще въ пятилѣтіе съ 1872 по 1876 годъ городъ этотъ отправлялъ въ среднемъ въ годъ только 13 тысячъ четвертей, а въ 1887 году—уже 1.587 тысячъ четвертей хлѣба, т. е. уже болѣе, чѣмъ, напр., Таганрогъ. Ростовъ и Николаевъ, отправляя теперь болѣе чѣмъ по 3 милліона четвертей, утроили вывозъ хлѣба по сравненію съ отпускомъ изъ нихъ 15 лѣтъ тому назадъ. Первое же мѣсто не только между черноморскими, но и вообще всѣми русскими портами занимаетъ Одесса, отпустившая въ 1887 году до 10 милліоновъ четвертей хлѣба, тогда какъ Петербургъ въ томъ же году отправилъ только 6 милліоновъ, а Либава 4 милліона четвертей.

Таблица цифръ количества отправки хлѣба изъ Одессы болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ, вмѣстѣ съ цѣнами на разные хлѣба и съ курсомъ нашего рубля, выраженномъ во франкахъ, представляетъ полную исторію нашихъ экономическихъ невзгодъ за весь этотъ періодъ. Довольно будетъ отмѣтитъ тотъ фактъ, что въ первый годъ по введеніи нашей валюты на серебро вмѣсто старыхъ ассигнацій (1840) за новый русскій рубль давали $4,_{23}$ франка; самая высшая цѣна его ($4,_{45}$ фр.) были въ 1847 году, а съ тѣхъ поръ, постепенно понижаясь, она дошла въ 1887 году до $2,_{20}$ франковъ.

Въ общемъ книга эта, хотя написана съ спеціальной цѣлью указать на мѣры, какія должны быть предприняты для упорядоченія нашей хлѣбной торговли, но можетъ служить для разныхъ справокъ занимающимся исторіею южнаго края въ текущемъ столѣтіи.

А. Р.

Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко), митрополитъ литовскій и виленскій. Сочиненіе свящ. Николая Извѣкова. Вильна 1889 г.

Многотрудная и полезная дѣятельность митрополита литовскаго Іосифа составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи русской церкви; имя его неразрывно связывается съ дѣломъ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пробужденія русскаго національнаго самосознанія въ западномъ краѣ; жизнь его такимъ образомъ слилась съ исторіей; для изученія той и другой единственнымъ матеріаломъ служатъ «Записки» самого іерарха, изданныя по завѣщанію автора въ трехъ томахъ въ 1883; очень дорогое по цѣнѣ (12 руб.), это изданіе было недоступно для читателей, а между тѣмъ потребность въ популяризаціи этихъ записокъ въ западномъ краѣ, на мѣстѣ, гдѣ происходила дѣятельность митрополита Іосифа, гдѣ тайное броженіе, тайная борьба противъ провославія не прекращается и до сихъ поръ, гдѣ и до сихъ поръ ходятъ толки о дѣятельности іерарха, потребность въ популяризаціи, повторяемъ, была неотложна, необходима. Отсюда нѣтъ надобности доказывать, какъ своевременно, какъ кстати появляется названное сочиненіе. Самъ покойный митрополитъ сознавалъ необходимость распространенія точныхъ свѣдѣній о своихъ важныхъ трудахъ, когда писалъ: «я вполнѣ увѣренъ, что мнѣ отдадутъ полную справедливость, но къ сему могутъ способствовать и бумаги, собственно мнѣ принадлежащія». Оставляя капиталъ на изданіе своихъ бумагъ, митрополитъ Іосифъ, конечно, имѣлъ въ виду сдѣлать это изданіе насколько возможно болѣе доступнымъ по цѣнѣ ради большаго распространенія его, но, какъ видно, издержки печатанія послужили препятствіемъ для осуществленія этой цѣли митрополита. Названная книга и въ этомъ отношеніи устраняетъ препятствіе распространенію; но и объявленная авторомъ цѣна намъ кажется слишкомъ высокой (1 р. 30 коп.); она должна бы ради интересовъ распространенія быть понижена еще болѣе, потому что книга должна служить теперь и еще надолго для мѣстной русской интеллигенціи. Она необходима также и потому, что въ краткомъ очеркѣ излагаетъ содержаніе напечатанныхъ трехъ—томныхъ «Записокъ», неудобныхъ уже по своему объему для скорыхъ справокъ. Въ виду всего сказаннаго мы не можемъ не привѣтствовать появленія книги свящ. Извѣкова и не пожелать ей полнаго успѣха. Авторъ въ своемъ сочиненіи разсматриваетъ дѣтство и воспитаніе митрополита Іосифа, который близокъ намъ и какъ уроженецъ кіевской губерніи, и, впослѣдствіи, какъ

почетный членъ конференціи кіевской духовной академіи, какъ человѣкъ, воспитанный русской народной церковью, преданіями народной мѣстной старины и народными пѣснями и подъ вліяніемъ этого воспитанія совершившій то великое дѣло, о которомъ трактуетъ разсматриваемая нами книга. Далѣе авторъ излагаетъ разсказъ о дѣятельности просв. Іосифа, направленной къ возсоединенію уніатовъ съ православною церковью и, наконецъ, дѣятельности, направленной къ утвержденію и распространенію акта возсоединенія и сознанія его необходимости. Въ заключеніи очерченъ наружный видъ преосвященнаго Іосифа, его твердый и рѣшительный характеръ и частная жизнь, полная неутомимыхъ трудовъ, приводящая къ убѣжденію, что этотъ дѣятель одинъ на своихъ плечахъ вынесъ дѣло возсоединенія среди преградъ, которыя ставились ему на пути. Такова по содержанію книга священ. Н. Извѣкова. По нашему мнѣнію, въ ней недостаетъ очень немногаго: надо было бы предпослать краткій очеркъ возникновенія уніи; онъ показалъ бы еще болѣе величіе дѣла, совершеннаго митрополитомъ Іосифомъ, правоту и необходимость этого дѣла; онъ показалъ бы, чѣмъ была Русь до уніи и къ чему привела ее дѣятельность митрополита; значеніе дѣятельности не надо было бы доказывать, ибо факты говорили бы сами за себя. Необходимо было также приложить къ книгѣ и одинъ изъ тѣхъ трехъ портретовъ митрополита, о которыхъ упоминаетъ авторъ, вмѣсто слишкомъ блѣдной и неполной обрисовки наружнаго вида преосвященнаго Іосифа, сдѣланной въ книгѣ.

И. Каманинъ.

Можетъ ли не подлежать сомнѣнію, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра.

(Замѣтка на статью Н. И. Петрова о древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра, помѣщенную въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи» 1888 г. № 7).

Литографическій оттискъ съ изображенія какого то князя, открытаго на алтарномъ столбѣ древняго Успенскаго собора въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ (сооруженнаго въ 1158 году вел. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ), приложенный къ изданной П. Н. Батюшковымъ книгѣ «Холмская Русь», вызвалъ въ «Кіевской Старинѣ» (ноябрь 1887 г.) нѣсколько замѣчаній противъ подписи, въ которой это

изображеніе приписано св. равноапостольному князю Владиміру, просвѣтителю Россіи. Н. И. Петровъ, принимавшій участіе въ составленіи книги «Холмская Русь», пожелалъ опровергнуть эти возраженія и доказать, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе неизвѣстнаго князя наиболѣе подходитъ къ общему типу изображеній св. Владиміра, и что оно сохранилось лучше и отчетливѣе другихъ его изображеній. Къ этому направлена статья его «О древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра», помѣщенная въ іюльской книгѣ «Трудовъ кіевской духов. Академіи» за 1888 годъ. Сдѣлавши перечень возраженій противъ принадлежности св. Владиміру открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, не подписаннаго изображенія какого-то князя, г. Петровъ говоритъ: 1. Огненныя и другія бѣдствія и перестройки, какимъ подвергался Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, знакомы и кіевскимъ храмамъ—Софіевскому, Михайловскому, и Кирилловскому, въ которыхъ однако же сохранились фрески. 2. Что именно это фреска, а не масляная живопись, въ этомъ мы скорѣе вѣримъ московскому археологическому обществу, принимавшему на мѣстѣ участіе въ возобновленіи живописи этого собора. 3. Совершенно невѣрно, будто бы восьмиконечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI вѣка, подтвержденіемъ чему служитъ осьмиконечный крестъ изъ животворящаго древа, присланный въ началѣ XII вѣка вел. князю Владиміру Мономаху изъ Константинополя, донынѣ хранящійся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. 4. Хотя полная канонизація Владиміра, какъ святаго, могла послѣдовать и дѣйствительно послѣдовала не раньше 1240 года, однако есть основаніе полагать, что фреска Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ могла изображать и не *святаго*, а пока еще только *блаженнаго* князя Владиміра. 5. А что это не князь Андрей Боголюбскій, это можно видѣть уже изъ описанія св. Андрея Боголюбскаго въ иконописныхъ подлинникахъ.

Вотъ главнѣйшіе отвѣты г. Петрова. Но при всемъ уваженіи къ г. Петрову, нельзя признать его отвѣты достаточно убѣдительными.

1. Ни откуда не извѣстно, чтобы древніе кіевскіе храмы—Софійскій, Михайловскій и Кирилловскій, въ которыхъ сохранились фресковыя изображенія XI и XII вѣка, когда нибудь подвергались внутреннимъ пожарамъ, подобно владимірскому Успенскому, двукратно выгорѣвшему внутри—въ 1185 и 1238 гг., а въ послѣднемъ году даже нарочито выжженному татарами. Въ частности, если бы Кіево-

Софійскій соборъ горѣлъ когда либо внутри, то алтарныя его мозаики ни въ какомъ случаѣ не могли бы уцѣлѣть. 2. Московское археологическое общество доселѣ не сказало еще своего слова ни о принадлежности св. Владиміру изображенія, открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, ни о древности этого изображенія, ни о томъ, что оно фресковое, а не масляное. Самъ г. Петровъ въ своей статьѣ признаетъ, что во всемъ этомъ изображеніи какъ будто замѣтенъ сѣверно-русскій, сѣверный пошибъ иконописи. 3. Восьмиконечный крестъ изъ животворящаго древа, хранящійся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, присланный яко бы изъ Константинополя великому князю кіевскому Владиміру Мономаху императоромъ Константиномъ Мономахомъ вмѣстѣ съ шапкой, діадемой и сердоликовой чаркой «изъ нея же веселися Кесарь Августъ Римскій», какъ значится въ русской подписи на семъ крестѣ, составляетъ весьма слабое доказательство существованія у насъ восьмиконечныхъ крестовъ въ XIII вѣкѣ. Происхожденіе его еще болѣе сомнительно, чѣмъ принадлежность Владиміру Мономаху шапки и бармъ, когда то, дѣйствительно, слывшихъ подъ именемъ мономаховыхъ. Г. Петровъ, вѣроятно, и не сталъ бы утверждать этого, если бы принялъ въ соображеніе, что Владиміръ Мономахъ при жизни Константина Мономаха былъ не великимъ княземъ, а всего двухлѣтнимъ ребенкомъ, когда даже и отецъ его Всеволодъ Ярославичъ не могъ еще думать о кіевскомъ великокняжескомъ столѣ, и что умершій въ 1056 году императоръ Константинъ Мономахъ не могъ ни обмѣниваться подарками съ княземъ, родившимся за 4 года предъ тѣмъ въ Переяславѣ, ни угадать, чѣмъ онъ станетъ въ 1113 году. 4. Нельзя также допустить, чтобы могли у насъ изобразить въ церкви, на самомъ видномъ и поклонномъ мѣстѣ—вправо отъ царскихъ вратъ, князя, еще не признаннаго святымъ. 5. Описанія внѣшняго вида святыхъ въ нашихъ иконописныхъ подлинникахъ никакъ нельзя считать копировкой ихъ портретовъ или подлинными ихъ изображеніями; многія изъ нихъ не болѣе, какъ догадки иконописцевъ; потому, основываясь на нашихъ иконописныхъ подлинникахъ, нельзя утверждать, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя не есть портретъ в. князя владимірскаго св. князя Андрея Боголюбскаго. Мы впрочемъ и не стоимъ за то, что это было его изображеніе. Но то несомнѣнно, что оно переписано кистью суздальскаго иконописца и что ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть признано изображеніемъ св. Владиміра, и при томъ древнѣйшимъ, потому что на всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ из-

ображеніяхъ св. Владиміръ представленъ съ четвероконечнымъ крестомъ, а не съ осьмиконечнымъ. Такъ, съ четвероконечнымъ крестомъ онъ изображенъ на своихъ монетахъ, на стѣнѣ новгородской Ѳеодоровской церкви 1369 г. и въ спискѣ сказанія XIV вѣка о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ. Говоря обо всѣхъ этихъ изображеніяхъ, г. Петровъ упоминаетъ и даже перечисляетъ всѣ ихъ детали, но тщательно умалчиваетъ, какой на нихъ формы крестъ у св. Владиміра и у представленныхъ съ нимъ сыновей его Бориса и Глѣба, тогда какъ не забываетъ сказать, что на иконѣ (неизвѣстнаго времени) изъ филаретовской коллекціи въ музеѣ кіевс. дух. академіи св. Борисъ, а въ иконописныхъ святцахъ XVII вѣка св. Владиміръ изображены съ осьмиконечнымъ крестомъ. Такимъ способомъ не слѣдовало бы убѣждать читателя въ древности осьмиконечнаго креста, а затѣмъ и въ древности изображенія св. Владиміра, открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ съ осьмиконечнымъ крестомъ въ рукѣ.

Не мѣшало-бы помнить при семъ, что кресты въ рукахъ мучениковъ на окладѣ Мстиславова Евангелія и хранящіеся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ корсунскіе кресты четвероконечные, что таковы же мозаическіе кресты въ алтарѣ Кіево-Софійскаго собора и по стѣнамъ сего собора въ рукахъ мучениковъ и мученицъ, на фресковыхъ изображеніяхъ, а эти св. изображенія сдѣланы спустя лишь 50 лѣтъ отъ крещенія кіевлянъ при св. Владимірѣ и спустя 22 года послѣ его кончины. Вспомнивши это, не трудно бы догадаться, какой крестъ, четвероконечный или осьмиконечный, долженъ быть въ рукѣ св. Владиміра на подлинномъ его изображеніи, и отсюда заключить, насколько можетъ быть древнимъ промытое на алтарномъ столбѣ владимірскаго Успенскаго собора изображеніе неизвѣстнаго князя.

Кто этотъ князь, трудно рѣшить по недостатку опредѣленныхъ данныхъ. Но мечъ при его бедрѣ, весьма сходный по своей отдѣлкѣ съ мечемъ литовскаго князя св. Довмонта, сохраняющимся донынѣ въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ надъ его гробницею, даетъ основаніе предполагать, что это изображеніе св. князя *Довмонта*, написанное во время возобновленія владимірскаго Успенскаго собора въ 1408 году, при в. князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, который былъ женатъ на литовской княжнѣ Софьѣ Витовтовнѣ.—

П. Л.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 36—59. № 36. Отчетъ о дѣятельности общества ночныхъ врачебныхъ дежурствъ въ Кіевѣ.

— Кор. изъ Бердичева о дѣятельности мѣстной общественной библіотеки (сущ. съ 1864 г.).

37. Кр. отчетъ по хирург. отд. кіев. гор. больницы Цесаревича Александра за 1888 г.

— Сообщеніе объ учрежденіи въ семъ году въ г. Полтавѣ естественно-историческаго музея.

— Замѣтка о числѣ выходящихъ въ Кіевѣ періодическихъ изданій.

39. Замѣтка объ обѣдѣ 11 фев., въ Спб. б. новгородсѣверскихъ гимназистовъ въ память 100 лѣт. юбилея гимназіи.

39, 41, 45, 48, 49, 50. Между черноземомъ и полѣсьемъ въ юго-зап. краѣ.

43. Замѣтка о библіотекѣ Крашевскаго.

44. О присужденіи наградъ на сѣменной сельско-хозяйств. выставкѣ въ Кіевѣ въ февралѣ 1889 г.

45. Библ. замѣтка о галицкомъ журналѣ «Наука».

— Кор. изъ бердичевскаго у. объ обычаѣ «справлять колодку» на масляницѣ.

47. Библ. зам. о вышедшемъ II т. «Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца».

49. Замѣтка о засѣданіи 26 фев. въ истор. общ. Нестора.

Кіевское Слово №№ 602—628. 602. Два диспута. Замѣтка о двухъ диспутахъ въ спб. университетѣ кіевлянъ В. В. Ефимова на степень доктора: правъ и В. Н. Великаго—доктора зоологіи.

603. Иннок. Никол. Игнатовичъ—протоіерей въ Таращѣ (некр.).

606. Иноземная колонизація въ юго-зап. краѣ (замѣтка).

— Корресп. изъ м. Спичинцы бердич. уѣзда,—нѣкоторыя данныя объ этой населенной мѣстности.

610. Штунда (замѣтка, заимствованная изъ отч. об. прок. свят. синода. К. П. Побѣдоносцева).

612. Кор. изъ васильковскаго уѣзда о лѣсахъ гр. Браницкаго.

613. Разъясненіе б. ред.-изд. «Одеск. Вѣст.» П. А. Зеленаго, что деньги, собранныя имъ на школу имени Т. Г. Шевченка въ количествѣ 1907 р. переданы В. Г. Шевченку, съ письмомъ послѣдняго о полученіи и употребленіи этихъ денегъ.

616. Замѣтка о засѣданіи 26 февраля въ историческомъ общ. Нестора, гдѣ прочитаны были рефераты: *П. В. Дмитревскимъ* «Критско-Синайская

школа иконописи», *В. Г. Ляскоронскимъ* «*Паволоцкій полковникъ Поповичъ*», *и В. Б. Антоновичемъ* «О новыхъ раскопкахъ въ кіев. губерніи».

624. Выдержка изъ помѣщенной въ № 3 «Кіев. Ст.» замѣтки Н. Д. Н. «Къ біографіи Т. Г. Шевченка».

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—7, 6, 7. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. С. Новомалинъ, с. Перерослы, с. Великая-Радогоща, с. Плужное, с. Хорошовъ, с. Малые-Калетинцы, с. Юськовцы, с. Загорцы; 5 благоч. округъ острожскаго у.: с. Бережинцы, с. Бѣсовка, с. Гуліовцы, с. Жизниковцы.

6. Памяти о. Даніила Левицкаго, кр. некрологъ скончавшагося въ декабрѣ 1888 г. настоятеля Владиміро-Васильевской церкви въ Владимірѣ-Волынскѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—9. 6, 7, 9. Движеніе уніатовъ къ православію въ Браславщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіѣ и Іовѣ (1757—1776).

7. «Набожныя» пѣсни въ честь тывровской иконы Божіей Матери.— Евф. С. Указавъ на необходимость собиранія и изданія лирницкихъ пѣсенъ, авторъ останавливается на пѣсняхъ въ честь тывровской иконы Божіей Матери, находящейся въ Николаевской церкви м. Тыврова, винниц. у. под. губ., куда въ день Сошествія св. Духа стекается много народа изъ кіев., волын. и под. губ. Икона эта привезена владѣльцемъ Тыврова Калитинскимъ изъ Ченстохова въ 1739 г. (подробности см. въ «Подол. Еп. Вѣд.» 1873 г. № 23, гдѣ приведена и народная пѣсня въ честь этой иконы, другая подобная приведена въ книгѣ г. Лонгинова «Червенскіе города» стр. 364—5). Авторъ приводитъ и пѣсню, записанную имъ отъ лирника Федька Хоптоваго изъ Остапковецъ, проскуровскаго уѣзда:

Прычыстая Диво, Маты словесна въ раю!
Явылась въ мисти Тыврови, въ краивскомъ краю.
Ой тамъ стала, цуда показала,
А въ палатахъ плакаты стала Пани ласкава.

—

Ой игомость панъ Калитынскій того дознае,
Прыходящы до своихъ палацивъ, главу склоняе...
Ой тамъ стала, чуда показала,
А въ палатахъ плакаты стала Пани Ласкава!

—

Казавъ же винъ священныкивъ въ свой домъ прызываты,
Жебъ тей вобразъ—Прычыстую Диву до церквы взяты

На престоли возсыяла,
Темныхъ—храмыхъ вона очыщала, Пани чыстая.

—

На престоли най сыяе храму святому,
Мыколаю Чудотворцу Меркыньскому.
Ой тамъ люды строны прохождають,
Здравія пытають въ потребахъ его (?)

—

Во превосвященна, во превоблажена Диво Маріе!
Ублагай Суса Христа и Сына своего,
Жебъ намъ рачывъ жывотъ даруваты
Лыце въ неби ему оглядаты
Іой, на вики виковъ.

Другая пѣсня, записанная авторомъ въ с. Мытникѣ, литинскаго у., представляетъ варіантъ пѣсни, напечатанной въ почаевскомъ Богогласникѣ 1805 г. № 129.

8. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ подольской епархіи за 1887—88 уч. годъ.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 14—21. 14, 17, 20, 21. Къ исторіи края, А. Л—ій. Списокъ дворянъ конотопскаго у. черн. губ. 51. Парпура Максимъ Осип. 52. Парпура Максимъ Лукинъ. 53. Прійнаковъ. 54. Проскуровъ. 55. Савойско. 56. Сененко. 57. Символскій. 58. Симоновскій. 59. Скаловскій. 60. Соколовскій. 61. Столповскій. 62. Столповскій Семенъ. 63. Столповскій Андрей. 64. Тишаниновъ. 65. Торанскій, 66. Трубицкій. 67. Харевичъ. 68. Халкидонскій. 69. Шкляревичъ. 70. Шклаpевичъ Петръ. Въ примѣчаніяхъ къ этому списку авторъ даетъ очень интересныя данныя, относящіяся къ родамъ Парпуръ, Кандибы, Лободы, Драгомирова (Мацкевича), Колпака; изъ нихъ наиболѣе интересны свѣдѣнія о Парпурѣ Максимѣ Осиповичѣ, неизвѣстно гдѣ учившемся, но несомнѣнно человѣкѣ образованномъ, и человѣкѣ интересовавшимся литературою, и занимавшемся ею: въ 1797 г. онъ перевелъ съ нѣмецкаго «Фармакологію», а въ 1800 г. «Врачебную химію», тогда же онъ издалъ переводъ съ нѣмецкаго Антига «Жизнь Суворова»; на его средства въ 1798 г. въ первый разъ издана И. П. Котляревскаго «Энеида». Сынъ его Константинъ тоже занимался литературою, имъ напечатаны три книги: а) въ Харьковѣ въ 1811 г. похвальное слово Александру Невскому, б) въ 1812 г. ода на смерть П. В. Завадовскаго и в) Благополучіе человѣка, мечта. Писалъ онъ эти сочиненія, будучи студентомъ харьковскаго университета.—Изъ духовнаго завѣщанія М. О. Парпуры оказывается, что онъ сдѣлалъ значительныя пожертвованія на учебныя и благотворительныя заведенія роднаго края, имъ

отказано было: а) на конотопское повѣтовое (уѣздное) училище 16,000 руб., б) на черниговскую или новгородсѣверскую гимназію 16,000 р., в) харьковскому университету 16,000 р., и г) на конотопскую богадѣльню 30,000 руб. въ дополненіе къ 10,000 руб., завѣщанныхъ туда же его матерью.

II. *Коропскій уѣздъ*: 1. Андрѣевскій Никита. 2. Антоновскій. 3. Андрѣевскій Петръ. 4. Барановскій. 5. Башуцкій Дмитрій. 6. Башуцкій Яковъ. 7. Бойченковъ. 8. Бѣлоровскій Дмитрій. 9. Бѣлоцерковскій. 10. Бѣлый Созенко. 11. Василенко. 12. Вешняковъ. 13. Величковскій.

15. Преданіе «Солодка крыныця».

16. Библіографическая замѣтка о «Кіевской Старинѣ» за январь и февраль 1884 г.

19. Библіогр. замѣтка о книгѣ Лазаревскаго, Описаніе старой Малороссіи Полкъ Стародубскій вып. 2. Т. I. и о книгѣ Филимонова, Румянцевская опись суражскаго уѣзда 1767 г.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія №№ 3—4. 3. Древній Любечъ (историч. записка).

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 4—5. 4 Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи, извлеченные изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавской духовной консисторіи и семинаріи за время отъ 1818—1862 г.

5. Списокъ церк.-приход. школъ полтавской епархіи за 1877—78 г.

— Св. I. Костенко.—Прошлое и настоящее Старомлинской слободки или Велико-Будищскій общежительный Свято-Троицкій женскій монастырь.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 42—66. 43. И. А. Щепинскій. Слобода Алешня (истор. оч.). Бывшій городъ и военная крѣпость (лебед. у. хер. губ.) Алешки, нынѣ слобода, основана около 1630 г. Рѣчью Посполитою, устроившею здѣсь крѣпость и заселившею ее черкасами. Въ 1645 г. здѣсь было сраженіе литвы съ татарами. Въ томъ же году кн. Iерем. Вишневецкій здѣсь собралъ свое войско для нападенія на Путивль. Въ 1647 г. ц. Алексѣй М. присоединилъ его къ Россіи и заселилъ москвичами, надѣливъ ихъ землями и др. угодіями. Новое населеніе въ виду эмиграціи изъ Украины удалилось отсюда, распродавъ эмигрантамъ земли. Въ 1709 году здѣсь былъ бой со шведами, послѣдствіемъ чего было разрушеніе крѣпости и города. Съ 1709 г. это бѣдная слобода.

45. О развитіи шелководства въ харьковскомъ уѣздѣ.

46. Замѣтка о засѣданіи истор.-фил. общества при харьк. унив. 16 февраля. Читали: *М. М. Плохинскій* о грузинахъ въ Малороссіи въ XVIII в. (по архив. документамъ). *Н. Ѳ. Сумцовъ* сдѣлалъ сообщеніе о сказаніяхъ объ искусномъ стрѣлкѣ. По предложенію секретаря общества, оно рѣшило напечатать программу для собиранія историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, а

также по предложенію Д. И. Багалѣя рѣшило пріобрѣсти «Экстрактъ о слободскихъ полкахъ», считавшійся до сего утеряннымъ.

50. Б. К. Причины упадка садоводства.

55. С. Бубы (хар. губ.) кор. о посудной фабрикѣ здѣсь бр. Кузнецовыхъ.

62. Черниговскія святыни—вкратцѣ сообщено воззваніе черн. губ. А. К. Анастасьева о пожертвованіяхъ на реставрацію черниговскаго каѳед. собора.

Южный Край №№ 2790—2818. 2801. Штундизмъ иштундисты (по даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1886 г.).

2810, 2815. (Фельетоны) Козачья колонизація въ XIX столѣтіи—А. А. Разборъ и компиляція книги «Кубанское козачье войско 1696—1888 г.», вышедшей недавно въ Воронежѣ подъ редакціей г. Фелицына.

2818. Обзоръ дѣятельности провинціальныхъ театровъ и матеріальныхъ результатовъ. По словамъ газеты, наибольшіе сборы дѣлали въ провинціи драматическіе театры саратовскій и нижегородскіе, но общество артистовъ, игравшихъ эту зиму въ Харьковѣ, имѣло сборъ почти вдвое больше саратовскаго и въ четыре раза больше нижегородскаго.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 33—61. № 34, 36 и 37. Перепечатка изъ Кіевской Старины (1889 г. № 2) воспоминаній Усковой о Шевченкѣ.

35. Елисаветградская провинція. Это сокращенный переводъ изъ II тома сочиненія академика Гильденштедта «Reisen durch Russland», изданнаго въ 1787 г.

38, 41, 42, 44, 49, 51, 53 и 60. Путешествіе Г. А. Гильденштедта по елисаветградской провинціи.

Переводъ оттуда же.

39. Статья въ видѣ рецензіи «Кіевской Старины».

45. Статья, посвященная памяти Т. Г. Шевченка въ 28-ю годовщину со дня смерти поэта.

47. Разъясненіе о деньгахъ, собранныхъ бывшимъ редакторомъ Од. Вѣстн. О. А. Зеленымъ на школу имени Шевченка.

48. Статья по вопросу объ открытіи въ Елисаветградѣ публичной библіотеки.

55. Народное сказаніе о могилахъ и каменныхъ бабахъ (въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, екатер. губ.)

59. Кое-что изъ сравнительной антропологіи. Здѣсь выясняются антропологическія черты трехъ національностей: великорусской, малорусской и польской.

60. Перепечатано изъ «Рус. Кур.» неизданное стихотвореніе приписываемое Шевченку, относящееся къ началу крымской войны, когда формировались конно-ко-

зачьи полки. Въ составѣ конно-козачьяго № 2 полка былъ тогда покойный отецъ (такъ пишетъ какой-то украинецъ), и Шевченко подарилъ ему эти стихи, писанные собственноручно:

И драгуны, и пихота
На Дунай идуть;
Буде добра имъ робота,
Такъ счастлывый путь!

—

И Черныгивъ, и Полтава
Вышлють козакивъ...
Нехай буде й наша слава
Межъ царськихъ полкивъ.

—

То не хмара сонце вкрыла,
То не гримъ гуде;
То козацька наша сыла
Въ Петербургъ иде!

—

Витеръ буйный повивае,
Дуброва шумыть,
То козацьтво выступае
Басурманивъ быть.

Одесскій Вѣстникъ №№ 41—64. 46. *Находка древностей.* Вблизи Мелитополя, какъ сообщается въ этой замѣткѣ, есть могила, за раскопку которой принялся одинъ помѣщикъ, причемъ на первыхъ же порахъ натолкнулся на множество зарытыхъ тамъ древнихъ предметовъ; между ними были каменныя изваянія крокодиловъ и другихъ животныхъ, нѣсколько кувшиновъ съ монетами разныхъ странъ, одинъ—съ русскими деньгами временъ Іоанна Грознаго и проч. Дальнѣйшая раскопка была пріостановлена распоряженіемъ мѣстной административной власти, такъ какъ курганъ находится на казенной землѣ. Затѣмъ секретаремъ одесскаго общества исторіи и древностей Н. А. Яковлевымъ было получено отъ упомянутаго помѣщика письмо, въ которомъ онъ проситъ общество обставить дѣло законнымъ образомъ, вслѣдствіе чего г. Яковлевъ приготовляетъ къ ближайшему засѣданію общества докладъ по этому вопросу.

51 и **62**. *Библіографія. Бр.* Отзывъ о второй и третьей книгахъ «Кіев. Старины» за 1889 г.

54. *Къ исторіи періодической печати въ Одессѣ.* Замѣтка о періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ Одессѣ до 1827 года.

— *Поэтъ и народъ.* (Памяти Т. Г. Шевченка). *Е. Ч—аго.* Разборъ стихотворенія «Перебендя», написанный по поводу статьи Ив. Франка, сопровождающей изданное имъ отдѣльной книжкой упомянутое стихотвореніе (Львовъ, 1889).

55. *Историческіе мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. С. Е.* Разобравъ стихотворенія: Гамалія, Невольныкъ, Гайдамакы, Тарасова ничъ, Чернець, Иванъ Пидкова, Иржавець и еще нѣсколько мелкихъ стихотвореній, авторъ приходитъ къ такому выводу, что во всѣхъ своихъ историческихъ стихотвореніяхъ Шевченко стоитъ на твердой почвѣ народныхъ интересовъ и, какъ человѣкъ изъ народа, всѣмъ существомъ своимъ понимаетъ его стремленія, его идеалы, радуется его радостью, скорбитъ его горемъ, любитъ и ненавидитъ вмѣстѣ съ народомъ. Шевченко въ полномъ смыслѣ слова народный пѣвецъ— «Кобзарь». И какъ пѣсни кобзарей пробуждали въ народѣ самосознаніе и внушали бодрость и недежду въ трудныя эпохи исторической жизни, такъ и пѣсни интеллигентнаго кобзаря Шевченка будятъ мысли и оживляютъ чувства не только у тѣхъ, въ комъ не угасла любовь къ родному краю, но и у всѣхъ, для кого гуманность, справедливость—не пустыя слова.

56. *Памяти А. И. Стронина. С. Кулябки.* Воспитанникъ кіевскаго университета, Ал. Ив. Стронинъ (авторъ сочиненій: «Исторія общественности» «Политика какъ наука», «Исторія и методъ» и нѣсколькихъ книгъ для народа) былъ учителемъ сначала въ новгородсѣверской, а потомъ въ полтавской гимназіи. Настоящая статья даетъ воспоминанія о дѣятельности Стронина, какъ учителя полтавской гимназіи.

57. *Библіографія Z.*—Отзывъ о книгахъ: 1) «Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи», томы VII и VII, и 2) «Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губерніи за 1888 годъ».

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4338—4361 4353. Перепечатка отзыва «Кіевск. Старина» о книгѣ П. Сокальскаго «О русской народной музыкѣ».

4354. Корреспонденція изъ Екатеринослава. По поводу выставки женскихъ рукодѣлій, авторъ замѣчаетъ: «Рукодѣлье у насъ падаетъ съ каждымъ годомъ. Было время, когда малороссійская выставка считалась «внѣ всякаго конкурса», когда, глядя на затѣйливые узоры, не вѣрилось, что передъ вами не произведенія художественной кисти, а издѣлія ловкой иглы. Но тѣ времена прошли. Малороссійскія вышивки, мережки и прошвы смѣнились дешевыми набивными ситцами, воспроизводящими узоры вышивокъ. Теперь даже рѣдкая «дивчина» вышиваетъ своему возлюбленному традиціонную сорочку въ знакъ любви и вѣрности (въ этой сорочкѣ идутъ подъ вѣнецъ), но предпочитаетъ купить вышитый ситецъ. Словомъ, и здѣсь идетъ своего рода фальсификація обычаевъ».

4359. Корреспондентъ изъ Симферополя сообщаетъ между прочимъ: «Недавно скоропостижно умеръ симферопольскій цыганскій король Бабай XII и на престолъ вступилъ Бабай XIII. Не подумайте, что это шутка: еще со временъ татарскаго владычества во главѣ мѣстной цыганской общины стоитъ фамилія Бабаевъ, довольствующаяся нынѣ скромнымъ, хотя и преемственнымъ титуломъ старосты, но за то управляющая своими соплеменниками совершенно неограниченно».

Это сообщеніе интересно въ томъ отношеніи, что «цыганскіе короли» во время польскаго владычества существовали и въ южной Руси. Званіе это было предоставляемо заслуженнымъ шляхтичамъ. Въ актовыхъ книгахъ нерѣдко можно найти корол. жалованныя грамоты на должность «цыганскаго короля».

Одесскій Листокъ №№ 48—74. 49. О послѣднемъ представленіи малорусской труппы г. Садовскаго въ Одессѣ.

56, 57. Иванъ Максимовичъ Синельниковъ (первый екатеринославскій правитель 1784—1788 года). Статья Д. Эварницкаго.

57. Дочь бывшаго попечителя одесскаго учебнаго округа и учредителя общества исторіи и древностей—Княжевича—внесла этому обществу капиталъ въ 2 т. р., съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ этихъ денегъ назначалась премія по имени покойнаго ея отца, которая будетъ выдаваться за лучшее археологическое сочиненіе.

69. Чѣмъ ознаменовать столѣтній юбилей Одессы? Статья, въ которой говорится о необходимости составить исторію города.

— Углубленіе днѣпровскихъ гирлъ. Статья, въ которой прослѣжена исторія очистки гирлъ, начиная съ 1774 г.

71. Къ столѣтнему юбилею г. Одессы. Статья, въ которой говорится о томъ, что слѣдовало бы городу сдѣлать къ предстоящему празднеству.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 17.—20. Г. Н. Семирадскій и его новыя картины—перепеч. изъ Н. В.

— Замѣтка о 100 лѣт. юбилеѣ новгородсѣверской гимназіи.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 11—21. 11. *Страничка изъ исторіи Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.*

— Описаніе первыхъ №№ Губ. Вѣд., изданіе которыхъ началось 7 января 1838 г.

— *И. М. Синельниковъ.* Окончаніе статьи, начатой печататься въ №№ 8 и 9.

14. *Преданіе о разореніи Запорожской Сѣчи.* Записано г. Новицкимъ со словъ старика жителя о-ва Хортицы.

16. *Преданіе о заселеніи запорожскихъ земель великороссами.* Изъ сборника г. Новицкаго.

17 и 21. *Пѣсни козацкаго вѣка. Морозенко.—Орда и Ляхи.* Обѣ пѣсни представляютъ лишь разночтенія къ напечатаннымъ уже раньше въ сборникахъ Максимовича и друг.

Таврическія Губернскія Вѣдомости №№ 18—25. 18—23. А. Поповъ.—Учебная экскурсія симферопольской гимназіи для обозрѣнія достопримѣчательностей въ г. Севастополѣ и его окрестностяхъ. III. Третій день. Балаклава. Исторія генуэзцевъ въ Крыму. Георгіевскій монастырь, его исторія. Ифигенія въ Тавридѣ. I Тавры. II. О почитаніи Артемиды въ Крыму. III. Миѳъ о Танталѣ и Танталидахъ и связь его съ трагедіей Еврипида «Ифигенія». Севастополь: памятникъ Лазарева, исторія черноморскаго флота; Малаховъ курганъ, осада Севастополя; храмъ адмираловъ; братское кладбище.

Таврическія Епархіальныя Вѣдомости №№ 3—4. 3. Построеніе православнаго храма въ нѣмецкомъ менонитскомъ селеніи Гальбштадтѣ, бердянскаго уѣзда, и освященіе его.

Крымъ №№ 20—31. 21. Сочувственный отзывъ о малорусской труппѣ Кропивницкаго.

24. Перепечатка изъ «Рус. Кур.» воспоминаній о харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ.

26. Сочувственный отзывъ о книгѣ И. Я. Акинфіева: «Растительность г. Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія» (Екатеринославъ. 1889 г.).

30. Протестъ газеты противъ помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» замѣтки объ отчетѣ г. Попова по второй экскурсіи симферопольской мужской гимназіи, которая подписана иниціалами *Н. Б.*

— Замѣтка о борьбѣ русскаго населенія съ татарскимъ въ области самоуправленія и образованія.

— Перепечатка изъ «Рус. Кур.» нелѣпой замѣтки о могилѣ Т. Г. Шевченка *близь Корсуня.*

31. Земледѣліе и скотоводство въ Новороссіи въ началѣ столѣтія и теперь.

— Отчетъ о школѣ г-жи Алчевской въ Харьковѣ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 4—5. 4, 5. Отчетъ воронежскаго братства свв. Митрофана и Тихона за 1888 г.

4. Митрополитъ Евгеній, какъ ученый (прод.) Ст. Звѣревъ.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 6—9. 6. П. П. Короленко. Гдѣ были рыболовныя ловли кн. Потемкина-Таврическаго, подаренныя имъ черноморскому козачьему войску ордеромъ 19 апрѣля 1790 г. № 496.

7. Обзоръ Кубанской области за 1887 г. (прод.). Нефтепромышленность.

8, 9. *В. А. Щербина.* Состояніе народнаго образованія въ землѣ черноморскаго козачьяго войска въ первые годы его существованія.

Курскій Листокъ №№ 18—29. 18. 25. 26. 27. *Ростиславъ Марковъ.* Съ какого времени и почему курская сторона такъ-называется «Курская Сторона», по древн. актамъ и по разсказамъ старыхъ людей.

19. 21. Состояніе церк.-приход. школъ и школъ грамотности въ курской епархіи за 1887—88 учеб. годы.

23. Какъ возникла общественная библіотека въ Харьковѣ.

24. Курско-Знаменскій манастырь (по поводу 240 лѣт. годовщины его существованія)—кр. ист. очеркъ.

— Дѣятельность курскаго оощества вспомоществованія учащимся въ 1888 г.

Минскій Листокъ №№ 12—19. 14. Извлеченіе изъ очерковъ К. Случевскаго, печатавшихся въ «Москов. Вѣдом.», путешествія вел. князя Владиміра Александровича и вел. княгини Маріи Павловны: описаніе Полѣсья, его болотъ и осушенія ихъ.

15, 16. Историческое описаніе г. Несвижа, исторія рода князей Радзивиловъ въ связи съ исторіей польскаго государства (исторія протестантства въ Польшѣ).

19. Благосклонный отзывъ о спектакляхъ малороссійской труппы М. П. Старицкаго въ Минскѣ.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 8—11. 8. 9. 11. Пятидесятилѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ (1839—1889), историческій очеркъ.

9, 11. Положеніе русскихъ жителей города Львова во время Польши.

12. Опасность, которой подверглась холмская унія въ 1862 году.—Теобальда.

Варшавскій Дневникъ №№ 40—59. Извѣстіе, заимствованное изъ «Новостей», объ изготовленномъ на бронзо-литейномъ заводѣ Марана въ С.-Петербургѣ для постановки въ Симферополѣ колоссальнаго памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ память присоединенія Крыма, по модели художника Н. А. Лаверецкаго.

— Подробный судеб. отчетъ по дѣлу о подлогахъ въ актахъ вилен. централ. архива Адамковича и Равлушкевича документовъ на имѣніе Хвалойно, принадлежавшее казнѣ.

44. Итоги крестьянской реформы, статья Н. С. и извлеченіе о томъ выводовъ изъ статьи А. Окольскаго, помѣщенной въ Gazet'ѣ Warszawsk'ой

44—46 и 48. Статья г. Плакидова: «Судебное законодательство и евреи», на основаніи статистическихъ данныхъ устанавливаетъ фактъ большой преступности и судимости евреевъ.

46. Некрологъ архипресвитера Іосифа Семеновича Войцицкаго, виднаго дѣятеля Холмской Руси въ 60-хъ годахъ по возстановленію православія и пробужденію русскаго національнаго самосознанія.

50. Празднованіе дня 25-лѣтія крестьянской реформы въ Сѣдлецѣ (древнемъ Забужьи).

53, 55 и 58. Г. А. Маркграфскій въ статьѣ, начатой печатаніемъ еще въ 1888 г.: «По поводу мамуаровъ князя Адама Чарторійскаго» излагаетъ исторію польскаго вопроса въ царствованіе императора Александра I, или, точнѣе, дѣятельное участіе въ немъ Адама Чарторійскаго въ интересахъ своей національности.

57. Краткое содержаніе двухъ лекцій проф. Д. Я. Самоквасова по южно-русской археологіи, читанныхъ имъ въ пользу кассы «Общества любителей сценическаго искусства».

Новости и Биржевая Газета 25—66. 53. *Мотыльки. Д. Мордовцева.* — Отзывъ объ изданныхъ Гомолинскимъ малорусскихъ книгахъ: 1) «Гласный» П. Козловскаго, 2) «Черепьяни гроши» Ѳ. Устенка-Гормаша, 3) «Надъ кручею» В. Потапенка, 4) «Вечиръ на хутори» К. Ванченка, 5) «Москаль, змій та царивна» М. Кононенка и 6) «Веселый оповидачъ».

66. *Нѣчто для г. ученыхъ. Д. Мордовцева.* По поводу сообщенной академикомъ А. Н. Веселовскимъ, въ засѣданіи общества романо-германской филологіи, сербской легенды о Константинѣ Великомъ, г. Мордовцевъ приводитъ малорусскій варіантъ этой легенды, только пріуроченный не къ Константину Великому, а къ украинскому герою Семену Палію.

Вотъ содержаніе легенды. Одинъ «чоловикъ» пахалъ въ полѣ. Вдругъ подъ плугомъ что то хрустнуло. Смотритъ «чоловикъ» —мертвая голова (черепъ), да такая огромная, какъ «казанъ» (котелъ). Человѣкъ и думаетъ: «видно, это была голова великаго богатыря—лыцаря: возьму ее, попрошу батюшку окропить ее святою водой, прочитать надъ нею молитву, и тогда похороню по христіански». Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову, и говоритъ: «а много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба попоѣла». А голова вдругъ и говоритъ: «и еще много попоѣмъ». «Жинка», конечно, «злякалась», и бросила голову въ горящую печь. Осталась отъ богатырской головы одна зола. «Жинка» выгребла изъ печки золу и всыпала въ горшокъ: «продамъ москалямъ на поташъ»,—думаетъ. А дочь ея, тоже взрослая, какъ и мать Константина Великаго, не зная ничего этого (до поздней ночи съ парубками на улицѣ гуляла и пѣсни «веснянки» пѣла, какъ подобаетъ украинкѣ), увидавъ утромъ золу и думая, что это соль, посолила себѣ «шматокъ» хлѣба и съѣла. Отъ этого она и забеременѣла (а не

отъ того, что гуляла съ парубками на улицѣ), и родила сына, котораго и назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже «характерникъ». Отправляясь на Запорожье, Семенъ-богатырь встрѣтилъ чорта и «спалилъ» его: отъ того запорожцы и прозвали его «Паліемъ»—самого чорта спалилъ. А настоящая его фамилія была—Гурко, и отъ этого Гурко-Палія, говорятъ, происходитъ, по прямой линіи, балканскій герой и нынѣшній варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко.

Русскій Паломникъ №№ 7—8. 7. Смерть за вѣру съ рисун. Смерть св. мученика Михаила кн. черниговскаго и боярина его Θеодора (съ картин. Н. Ланскаго).

8. Замѣтка о кіевскомъ церк.-археологическомъ обществѣ.

Червоная Русь №№ 27—52. 29. *Изъ статистики галицкихъ городовъ.* По даннымъ 1888 г. считалось: въ Львовѣ 120,868 жителей, Краковѣ—74,084, Тернополѣ—29,179, Коломыѣ—26,401, Тарновѣ—25,775, Станиславовѣ—21,041, Бродахъ—20,543, Дрогобычѣ—19,140 д. Столица Буковины—Черновцы имѣетъ 52,905 жителей.

30. *Иноземная колонизація въ юго-зап. Россіи.*

31—35. *Научное значеніе западно-русской исторіи.* (Вступ. лекціи И. А.Линниченка въ москов. у—тѣ 21 сент. 1888 г.) Перепечатано изъ № 1 «Кіев. Старины» 1889 г., безъ означенія источника и безъ согласія автора.

35. *Литература и искуство.* Замѣтка о II вып. «Русской Библіотеки», заключающее начало повѣсти Г. А. Мачтета «Блудный сынъ».

43. *Изъ исторіи угорской Руси.*

48. Празднованіе годовщины смерти Т. Г. Шевченка обществомъ «Сичъ» въ Вѣнѣ.

49. *Галицко-русское духовенство въ іезуитской беллетристицѣ.*

Литературное приложеніе къ «Черв. Руси» №№ 4, 5, 6. Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Черв. Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ. Я. Θ. Головацкаго (продолженіе).

5, 6. Цареградъ въ X в. и посѣщеніе его св. Ольгою. (Ист. разск.).

Зоря №№ 3—5 № 3, 4. Н. Спилка. Козача помста (оповиданне).

4. До лиха та ще лихо (оповид.) Θ. Катренка.

3. Якъ стрѣчали Запорожцы новый рикъ. За Д. Эварницкимъ подавъ В. Сѣчевикъ.

3, 4. Исторія литературы руськои. Ом. Огоновскаго Карпенко-Карый, 8 Григорій Цеглиньскій.

3, 4. Замѣтки критични: **А. Б.** Набожни казки болгарски. Хто̀ жъ справді виненъ и де наша робота.

3. Де яки людови взрованіе про чернокнижникивъ Д. Лейкаго.

4. Листи з Украины. Перши роковини смерти буковинского кобзаря Юрія Федьковича.

4, 5. Библіографія: Гава—Ив. Франко. Цезарь и король Францъ-Іосифъ I. О. Барвѣнскаго и Библіотека музикальна вып. XIII. Про п. К. Лучаковскаго перекладъ Несторовои лѣтописи. «Кіевская Старина» № 1. 1889 г. «Пропащи» пов. Нечуя. «O gòralech ruskich w Galicyi» Д-ра Коперницкаго. «Правда» 1889 г. № 2. «Новый Галичанинъ» 1889 г. ч. I. «Кобзарь» Т. Шевченка. Литературно-наукова Библіотека к. 2. «Исторична Библіотека» Барвѣньского I. XI (Богд. Хмѣльн. I. III.).

5. Листъ про украин. театръ М. Старицкаго въ Москвѣ.

— О археольогично-библіографичній выставцѣ Ставропигійного Института—И. Скобельскаго.

— М. Обачний, У великодну ніч (перев. Короленка).

— Олена Пчилка. Маскарадъ (Зимова новела).

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Akta grodzkie i ziemskie z archiwum t. z. Bernardyńskiego we Lwowe, tom XIII. Lwów 1888.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XV. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильно 1888 г., 4 д. 552 стр.

Акты, относящіеся до исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической коммиссіей. Т. XIV (Дополненіе къ III-му тому). СПБ. 1889 г., 4 д., V+18+896+39 стр.

Алексѣевъ Ѳ. К. О лѣченіи бѣшенства нѣкоторыми народными средствами украинской флоры. Харьковъ 1889 г. 8 д., 36+1 стр.

Банахъ. Великій грошъ зъ малого заходу. Львовъ 1888.

Барвинскій Ол. Цисарь и король Францъ-Іосифъ I, картыны зъ его жытія и володинія для руского народа и молодижи. Львовъ 1888.

Breiter. Władysław, xiąże Opolski, pan na Wieluniu, Dobrzyniu i Kujawach, palatyn Węgierski i wielkorządca Polski i Rusi, zarys biograficzny. Львовъ 1889.

Brunicki. Ptaki spostrzegane w okolicy Stryja. Краковъ 1888.

Данилевскій Г. П. Украинскія сказки. Изд. 7-ое (Дешевая библіотека), СПБ. 1889 г., 12 д., 80+1+8 ненум. стр.

Два—три возраженія г. Черневу на его замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. *Н. Л.* Кіевъ. 1889. 8 д. 15 стр.

241 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 15 дек. 1888 г. Одесса, 8 д., 5 стр.

Die Südrussischen Kurgane und Balka въ журналѣ «Das Ausland» 1889 № 4 и 5. Stuttgard.

Докучаевъ В. В. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи. СПБ. 1889 г., 8 д., 38 стр.+1 карта.

Загайкевичъ. Чаровникъ--повистка для народа—Львовъ 1889.

Извольскій С. Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи. Москва 1888 г., 12 д., 71 стр.

К. И. А.—Якъ кумъ Бандура чортяку піймавъ, та не вдержавъ. Москва 1888.

Komorowski—Kniaziowe Różyńscy, powieść poetycka na tle XVI stulecia. Львовъ 1889.

Kopernicki. O góralach ruskich w Galicji, zarys etnograficzny wedlug spostrzeżeń w podróży, odbytej w końcu lata 1888 г. Краковъ 1889.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка, украинская опера, Москва, 1889 г., 8 д., 95 стр.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій (вып. 2-ой и послѣдній). Кіевъ 1889 г. 8 д., съ 289 по 470+XXX+2 ненум. стр.

Левицкій Иванъ. Галицко-русская библіографія XIX столития зъ увзгляднеміемъ изданій, появившихся въ Угорщини и Буковини 1801—1886. Выпускъ 4—6 (1852—1860) Львовъ 1888.

Левицкій Кость. Нашъ законъ громадскій, або яки мы маемъ права и повинности въ громади. Львовъ 1889.

Листопадъ Я. Г. Значеніе Кіева въ исторіи Россіи. Рѣчь, составл. для торжеств. акта кіевской 3-ей гимн. Кіевъ 1889 г., 8 д. 23 стр.

Майковъ Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889. 8 д., VII+1+434 стр.

Меліоранскій П. Д. О русской гродненской старинѣ въ память о св. равноап. князѣ Владимірѣ. Рѣчь, произнес. въ собраніи учениковъ народныхъ училищъ и церк.-прих. школъ въ гродненскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ 15 іюля 1888 г. Вильно 1888. 8 д., 9 стр.

Миллеръ В. Ѳ. Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ въ 1886 г. (Изъ XII тома «Древностей») Москва 1889 г 4 д., 23 стр.

Нечуй Иванъ Пропащи—повисть. Львовъ 1889.

Олесьницкій. Право пропинаціи въ Галиччини. Львовъ 1889.

Оржешко Низини, повисть, перекладъ Олесьницького. Львовъ 1888.

О собиранiи памятниковъ народнаго творчества для издаваемаго академiею наукъ бѣлорусскаго сборника г. Шейна. Спб. 1889 г., 8 д., VIII стр.

Памятная книжка виленской губ. на 1889 г. Часть 2-ая. Справочно-статистическiя свѣдѣнiя. Вильно 1889 г., 8 д., 192 стр.

Памятная книжка и адресъ-календарь кiевской губ. на 1889 годъ. Подъ редак. В. Г. Мозговаго. Кiевъ 1889 г., 8 д., 2 ненум.+86+149 стр.

Петрушевичъ. Каталогъ церковно-славянскихъ рукописей и старопечатаныхъ книгъ кирилловскаго письма, находящихся на археологическо-библiографической выставцi въ ставропигiйскомъ заведенiи. Львовъ 1888.

Prellmann. Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. Munchen—Oldenburg 1888.

Поповичъ. Нашъ цисаръ, памятна книжочка для рускои молодижи. Чернивци 1888.

Поповичъ. Буковинский иллюстрованный календарь на звычайный рикъ 1889. Чернивци 1888.

Rawita. Na krasnym dworze,—powieść historyczna z czasów pobytu w Kijowie Bolesława Śmiałego. Варшава 1889.

Родословная дворянской, княжеской и графской фамилiи Милорадовичъ. Черниговъ 1889 г. 16 д., 11 стр.

Семеновъ Н. П. Освобожденiе крестьянъ въ царствованiе Императора Александра II. Хроника дѣятельности коммиссiй по крестьянскому дѣлу. Т. I. Первый перiодъ занятiй. Съ портретомъ Имп. Александра II и изображенiями 10 членовъ коммиссiи. Спб. 1889 г., 8 д., XIX+848 стр.

Sprawozdanie z czynności zakładu imienia Ossolińskich z rok 1888. Львовъ 1888 г.

Сухомлиновъ М. Изслѣдованiя и статьи по русской литературѣ и просвѣщенiю. Т. II. Спб. 1889 г., 8 д., 516 стр.

Tomaschek Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden. Wien 1888.

Труды XIII съѣзда горнопромышленниковъ юга Россiи, бывшаго въ г. Харьковѣ съ 20-го ноября по 4-ое декабря 1888 г. Часть I. Протоколы и доклады. Харьковъ 1889 г. 8 д., 8 нен., 376 стр.

Филимоновъ Е. С. Румянцевская генеральная опись суражскаго уѣзда 1767 г. Вятка. 1888 г. 4 д., 2 нен.+32 стр.

Франко Ив. Гава, образокъ зъ жытiя пидкарпатского народа. Львовъ 1888.

Франко. Шевченко—Перебендя зъ переднимъ словомъ Ив. Франка. Львовъ 1889.

Franzos. Aus Halb-Asien, Culturbilden aus Galizien, der Buko-

wina, Südrussland und Rumänien, 3-te umgea eltete und vermehrte Auflage. Zwei Bände. Stuttgard. 1889.

Chlebowski, B. i Walewski, W. Slownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow slowiańskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 109. Tom. X. Варшава 1889 г., 4 д., съ 1 по 80 стр.

Zieglauer. Der Zustand der Bukowina zur Zeit der Osterreichischen Occupation, dargestellt im Spiegel der ersten Denkschrift des kommandirenden Generals Freiherr von Spleny. Черновци 1888.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга II. Изд. подъ ред. Н.П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ 1888. 8 д., XII+285+128+1 стр.

Чугуевецъ П. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціальнаго захолустья. Харьковъ 1889, 12 д., 80 стр.

Шараневичъ — Каталогъ археологическо-библіографической выставки ставропигійского института въ Львови, открытой дня 10 октобрія 1888, а имѣющой быти закрытою дня 12 януарія 1889. Львовъ 1888.

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Кіевъ 1889 г., 8 д., 7 ненум.+553+6 стр.

Szematyzm królewstwa Galicji i Lodomerji z wielkim xięstwem Krakowskim na rok 1889. Львовъ 1888.

Шиматизмъ всего клыра русско-католического епархій соединенныхъ перемыскои, самборскои и сяноцкои на рикъ отъ рожденія Христа 1889. Перемышль. 1889.

Schlichting. Ein Hirtenschreiben des griechisch—katholischen Metropoliten Sylvester Sembratowicz von Lemberg vom 8 September 1888 anlässlich der neuten Säcularfeier der Bekehrung der Russen zum Christenthume in's Deutsche übersetzt und mitgetheilt von... Mainz 1889.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1889 г.

СОЧИНЕНІЕ ІОАННА ВИШЕНСКАГО.

Печатаемое ниже сочиненіе Іоанна Вишенскаго извлечено мною изъ роскошнаго сборника, составляющаго собственность василіанскаго монастыря въ Подгорцахъ близь города Броды въ Галиціи и находившагося временно на выставкѣ, устроенной львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Сборникъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій, переплетенныхъ вмѣстѣ. Начало его составляетъ слѣдующая интересная рукопись: „*Книга души, нарицаемая злото, помазная* (*sic!*) *о наслѣдованю Господа Бога і Спаса нашего Ісуса Христа і о пріймованю Божественных таин особомъ духовным и свѣцким, на двѣ части роздѣлена, до читаня и забавы для пожитку душеполезнаго збудованя. Трудолюбіемъ Петра Могилы, воеводича землѣ Молдавской, милостіею Божіею Архимандрита св. вел. Лавры Печерскія В Киевѣ року Божого 1623 выдана.*“ Такъ какъ въ извѣстныхъ мнѣ перечняхъ могиловскихъ изданій книги этой вовсе нѣтъ, то я обращаю на нее вниманіе изслѣдователей и прилагаю здѣсь краткое описаніе этой рукописи, сохранившейся вполнѣ и совсѣмъ хорошо. Она писана мелкимъ полууставомъ въ малую осьмушку. Въ началѣ 9 листовъ ненумерованныхъ. На оборотѣ заглавнаго листа „Предословіе“, которое оканчивается на оборотѣ втораго листа. Въ этомъ „Предословіи“ о Могилѣ говорится въ 3-мъ листѣ. На оборотѣ 3 л. слѣдуетъ „О кролевской дорогѣ свѣта креста святого“; статья эта оканчива-

ется на первой страницѣ 8 листа. Оборотъ 8 и 9 листа не записанные. Затѣмъ слѣдуетъ самое сочиненіе „О наслѣдованю Господа нашего Ісуса Христа. О взгорженю вшелякихъ марностей свѣта" на 58 нумерованныхъ листахъ, въ двухъ частяхъ, изъ коихъ каждая состоитъ изъ 20 главъ. На оборотѣ 58 листа читаемъ: „конецъ книги духовной священической. О любимици мои Братіе і сослужители престолу Господню! Чтѣте, внимайте, уважайте, суетія мира святобливе исправляйте, але ли где обрящате омылку, погрѣших ли, погрубих, молю вас, не кленѣте, разумом своим исправляйте, мене многогрѣшнаго раба прощенія сподобляйте. Писалъ многогрѣшный и недостойный рабъ іеромонахъ Климентій Канчузкій, въ обители святаго Спаса, роки Божія 1661, мѣсяца марта, дня 6 соверши." По семъ на 59—71 листахъ слѣдуетъ статья „О тайнѣ покаянія", на 72—81 л. „Григорія Ниссійскаго о исповѣдающихся", на 82—130 л. „Чинъ Ісповѣданія". Всѣхъ листовъ нумерованныхъ 130. Дальше на 58 ненумерованныхъ листахъ слѣдуютъ мелкія статьи, преимущественно духовнаго и обряднаго содержанія: „Чинъ бываемый на одѣяніе рясы", „Имена калугеромъ" и „Имена инокинямъ", „Послѣдованіе малаго образа, еже есть мантія", „Блаженнаго Афанасія архіепископа Александрійскаго ко Антіопу князю о многихъ взысканіяхъ иже во освященныхъ писаніяхъ недоумѣнныхъ и должныхъ всѣми христіаны вѣдомо быти вопросы", „От слова втораго Ісаака Сиріанина", „Ісаака Сиріанина о храненіи и о блюденіи еже о слабыхъ и лѣнивыхъ." Это послѣднее не окончено. За симъ на 75 ненумерованныхъ листахъ слѣдуетъ „Книжка Іоанна мниха Вишенскаго", которой одна часть писана такимъ же полууставомъ, какъ и всѣ прежнія статьи, вторая же часть, а именно „Писаніе къ утекшимъ епископомъ" (которому не достаетъ конца) писана скорописью.

Дальше приплетенъ къ этой книжкѣ, очевидно позднѣйшій, списокъ извѣстнаго катехизиса еп. Шептицкаго п. з. „Собраніе вкратце артікуловъ вѣры" и проч., печатаннаго въ Угорцяхъ (селѣ самборскаго повѣта) 1699 г. Тѣмъ же сравнительно болѣе новымъ почеркомъ (первой половины XVIII стол.) прибавлена была къ „Собранію" еще какая то статья, которой начальные два листа вырваны. Къ

этимъ рукописямъ приплетены какіе то „чины богослужебные“, неизвѣстно гдѣ и когда печатанные.

На поляхъ начальной рукописи „Книги души“ мы находимъ на первыхъ нумерованныхъ листахъ внизу слѣдующую надпись крупной скорописью: „Сія книжка монастира Подгорецкаго, словемого Плѣсницкаго, храму Преображенія Господня, записанно естъ року 1795 за игуменства всп. Парфенія Ломиковскаго“. Надпись эта не означаетъ однакожъ, что рукопись эта только въ названномъ году поступила въ собственность Подгорецкаго монастырскаго имущества изъ 1731, 1720 и даже 1699 годовъ. Въ реестрѣ 1731 года значится: „книжка Злото нарицаемая злото, писанная ѣнъ октаво, а на концѣ друкована“. Очевидно, къ рукописи уже и тогда приплетены были печатные листы. Интересно однакоже, что сборникъ сочиненій Іоанна Вишенскаго еще въ 1731 году, равно какъ и въ 1699 составлялъ особое цѣлое и значится въ реестрѣ нѣсколько ниже: „Книжка писанная ѣнъ октаво о исправленіи церковномъ и обличеніи Діавола“. Авторъ не названъ, равно какъ и ничего не сказано о томъ, кто писалъ книжку и какимъ путемъ она попала въ монастырь. Кстати замѣтить, что и житіе Іова Княгиницкаго почти единственный источникъ, дающій нѣсколько подробностей о жизни Іоанна Вишенскаго, извлечено изъ рукописей того же Подгорецкаго монастыря, а именно изъ сборника, который въ реестрѣ 1731 года значится „Патерикъ скитскій ѣнъ кварто писанный“. Сохранилась ли эта рукопись до сихъ поръ—намъ неизвѣстно.

Что касается до „Книжки“ Іоанна Вишенскаго, замѣчу еще, что она наиболѣе потертая, замасленная и зачитанная изъ всѣхъ частей нашего сборника. Начальные листы значительно истрепаны и подклеены, такъ что нѣсколькихъ словъ недостаетъ. Очевидно, книга составляла любимое чтеніе монастырской братіи. Заглавный листъ, кажется, уже 1699 года былъ оторванъ. Только послѣ переплетенія вмѣстѣ „Книги души“ и оставшагося отрывка изъ книги сочиненій Іоанна Вишенскаго написано было приводимое ниже заглавіе этой послѣдней, почеркомъ второй половины XVIII в. на оборотѣ послѣдняго листа „Книги души“.

Списывая текстъ произведеній Іоанна Вишенскаго, я строго слѣдовалъ оригиналу, исправляя развѣ знаки препинанія. Что касается твердыхъ и мягкихъ знаковъ, я ставилъ ихъ только тамъ, гдѣ были они написаны или обозначены надстрочными знаками въ оригиналѣ. Титлы я развязывалъ; надстрочныя буквы сносилъ въ строку; гдѣ слово оканчивалось согласной, вынесенной надъ строку, тамъ я послѣ этой согласный твердаго или мягкаго знака не ставилъ. Впрочемъ замѣчу, что послѣ частицъ „въ", „съ" въ оригиналѣ обыкновенно ни въ строкѣ ни надъ строкой твердаго знака нѣтъ.

Нашъ списокъ сочиненій Іоанна Вишенскаго, составленный несомнѣнно въ Галичинѣ, быть можетъ даже въ той самой обители скита Манявскаго, въ основаніи котораго и самъ Іоаннъ принималъ нѣкоторое участіе. Этимъ и отличается нашъ списокъ отъ тѣхъ, по которымъ напечатаны прочія сочиненія нашего автора и которые писаны великороссами (см. Голубевъ, Приложенія, стр. 154).

Особенности малорусскія въ нашемъ спискѣ выступаютъ явственнѣе, особенности галицко-русскаго говора не затерты. Итакъ, читаемъ въ нашемъ спискѣ почти вездѣ: *где* вм. печатаннаго (Акты Ю. и З. Россіи) *гдѣ, ее* (родит. падежъ отъ она) вм. *ея, малое* вм. *малыя, нижли* vel *нѣжли* вм. *нежели*, *знайшол* вм. *знашолъ*, *не перемогли* вм. *не премогли, всѣгды* вм. *всегда*, *едным* вм. *однымъ*, *нѣколко* вм. *нѣколико*, *посоромочаются* вм. *посрамляются*, *попелом* вм. *пепломъ*, *ци можеш* вм. *чи можешъ*, *брате* (зват.) вм. *братъ* и проч. Хотя списокъ нашъ нельзя назвать вполнѣ исправнымъ и безошибочнымъ, хотя въ немъ встрѣчаются пропущенныя слова и цѣлыя строки, но все таки сравненіе рукописнаго текста посланія къ князю Василію Острожскому съ текстомъ, напечатаннымъ въ Актахъ южной и западной Россіи, обнаружило нѣсколько интересныхъ варіантовъ, пополняющихъ печатный текстъ или исправляющихъ его ошибки. Для будущихъ изслѣдователей приведу здѣсь нѣсколько болѣе важныхъ варіантовъ:

Акты, стр. 206, столбецъ 1, строка 6 снизу „если бысе былъ" рукоп. „если бы есь был".

Акты,	стр.	206	столбецъ	1,	строка	3	сверху	„уничижены“ „униженый“
„	„	„	„	„	„	6	„	„лѣпшимъ, зацнѣйшим“,рукоп.„лѣпшим, годнѣишим, зацнѣйшим“.
„	„	„	„	„	„	12	„	„Але што чуднѣйшее“, рукоп. „ато чуднѣйшее“.
„	„	„	„	„	„	19	„	„видѣлем ту Іисусоругателя“, рукоп. „видѣлем Езуиту Іисусоругателя“.
„	„	207	„	1	„	1	„	„да премудрыхъ посрамлю“, рукоп. „да моцныхъ посрамлю“.
„	„	„	„	2	„	13	снизу	„отожъ тобѣ слава свѣта сего“, рукоп. „отож тобѣ слава свѣта сего“.
„	„	208	„	2	„	6	сверху	„мыслю“, рукопись „мысльно“.
„	„	209	„	2	„	6	„	„совѣтъ истиненъ“, рукоп. „совѣт вам истинен“.
„	„	210	„	2	„	6	„	„Милъ ся видитъ“, рук. „Мнѣ ся видит“.
„	„	211	„	1	„	8	„	„все тое вамъ чудотворне“, рукоп. „все тое вам Бог чудотворне“.
„	„	„	„	1	„	12	„	„милостивный“, рукоп. „молитвенный“.

Акты, стр. 211, столбецъ 1, строка 26 сверху „въ благочести ненарушеномъ были“, рукоп. послѣ этихъ словъ имѣетъ еще „и милость Божію при собѣ близко мѣли“,

„ „ „ „ „ „ 28 „ „помудрѣли“, рукоп. „попремудрѣли“.

„ „ „ „ „ „ 38 „ „еда Богъ на тя и на твое трапезу“, рукоп. „еда Бог на тя и на твою пыху многослужную и на твою трапезу“.

„ „ „ „ 2 „ 14 „ „што некшталтовне“. рукоп. „шито некш.“

Кстати позволю себѣ здѣсь исправить нѣсколько ошибокъ, допущенныхъ пр. Сумцовымъ въ его интересной статьѣ объ Іоаннѣ Вишенскомъ, а именно въ объясненіи словъ галицко-русскаго нарѣчія. Нарѣчіе это нужно непремѣнно имѣть въ виду при объясненіи лексикона и синтаксиса нашего писателя. Итакъ, проф. Сумцовъ неправильно объясняетъ слово „фруярникъ“ польскимъ словомъ fryjer—волокита. Такого польскаго слова съ такимъ значеніемъ совсѣмъ нѣтъ, а есть у словаковъ, польскихъ горалевъ и малорусскихъ лемковъ слово „фраиръ“, взятое съ нѣмецкаго „Freir“—женихъ, любовникъ, вообще парень. Съ этимъ словомъ „фруярникъ“ не имѣетъ никакой связи; происходитъ оно отъ малорусскаго (перешедшаго и въ польскій) фуяра или флояра—родъ флейты, свирѣль. „Блазны“ не значитъ шутки, а только шутники, скоморохи. „Фюлкговати“ (отъ нѣмецкаго „folgen“—слѣдовать) не значитъ содѣйствовать, а потворствовать, дѣлать послабленіе. „Оборочи“ (ошибочно „аборочи“) не значитъ рогатый скотъ, но своеобразныя сельскохозяйственныя постройки, употребляемыя галицкими русинами для кладки сѣна и сноповъ. „Паздѣря“ не есть то самое, что паутина, а означаетъ древесныя хрупкія части коноплей и льна, которыя остаются послѣ отдѣленія

волокна. „Барва“ не значитъ родъ ливрей, но ливрея вообще. „Кучка„, „куча“ употребляется въ галицко-русскомъ нарѣчіи до сихъ поръ въ значеніи хлѣва, свинюшника и въ такомъ же значеніи (иронически) употребляетъ это слово Іоаннъ Вишенскій. „Дигнитарство“ и „преложонство“ — понятія тождественныя, какъ русскія „достоинство“ и „настоятельство“. „Кермашъ“ слово не польское, а нѣмецкое „Kirchmann“, „Kirman“.

Слова: „сакъ“ (нѣм. Sack—мѣшокъ), „статечность“ (теперь „статочнисть“), „змаза“, „стлумити“, „валахъ“, „встеклый“, „обора“ для современнаго галицкаго русина совсѣмъ не темныя, а общеупотребительныя. Относить эти слова, равно какъ и „наздирье“ (ч. ед. наздеро́) къ числу польскихъ нѣтъ никакого основанія. Окгаръ не значитъ жеребецъ и не есть тождественно съ ogier, а только значитъ „борзая собака“. Лягавый щенокъ называется не „выжла“, а „выжелъ“; „злюзнить“ очевидно ошибка вмѣсто „блюзнить“ хулить, слово употребительное и въ галицко-русскомъ нарѣчіи, чаще въ формѣ „блюзкати“ „блюзнути кому въ очи“.

Въ концѣ считаю пріятнымъ долгомъ принести здѣсь искреннюю благодарность доктору Исидору Шараневичу, профессору львовскаго университета, сеніору института ставропигійскаго и главному виновнику устроенія выставки, за ту готовность и предупредительность, съ какой онъ позволилъ мнѣ воспользоваться рукописными сокровищами, собранными на выставкѣ.

Миронъ.

Книжка Іоанна мнйха вишенского, от святыя аѳонскія горы в напоминаніе всѣхъ православныхъ христіанъ. Бра́тствам, и всѣмъ благочестивым в Мало́й Ро́ссіи, в Коронѣ По́лской жителствующим Иноческаго чи́на общежи́телем, Архимандритом и священноинокомъ и честным мона́хом и Інокиням, всѣм сестра́м на́шим, и про́чіим тщателемъ церковным, благодатъ Господа нашего Ісуса Христа и лю́бы Бога Отца и причастіе Святого Духа буди́ со всѣми вами. Ами́нь.

Посылаю вам термину о лжи, которая над истинною у вашей земли царствует, а Бог от всѣх сторон и частій христіанства хулится,

духи ж лукавіи поднебесніи (к ним же нам брань по Павлу) в христіянствѣ нашем владѣют, отнюду же за невѣріе и бесплодіе наше попущени есмо в запустѣнія з нашею правъславною вѣрою. И еслися не почуете и несправите, знаючи да знаете, яко и в конец благочестіе наше запустѣет, оставшіи же в безвѣріи вси́ погибнут. Угото̂ванъ бо сосуд гнѣва божія на вашу землю пролитися, чому забѣгайте покаяніем и исправленіем вашим, яже ко Богу, скоро, понеже нѣсть незбожнѣйшее, хулнѣйшее, и несправедлившее, и нечистъшее землѣ ни в поганьствѣ, якже ваша земля. Про то молю вас, покайтеся образом Лота, избѣгша из Содомы во Сигорѣ; Сигоръ же есть покаяніе и очищеніе от грѣха, сицевым образом яко ту по.... дно о очищеніи церкви реклося найдете. А егда сіе исправите, чаю на милость Божію, яко призрит на нас паки милосердным оком и благочестіе наше въздвигнет и всѣх в нем благочестно живущих спасет, и царства небесного наслѣдниками быти сподобитъ, еже нам всѣм получити Господи даждъ. Аминь.

Сію же термину на чисто преведши і иншим всѣм знати о том дайте, понеже не о лычко і анѣ о ременец идет, але о цѣлую кожу, се ест о спасеніе душъ наших, и да не погибнем и дочасне и вѣчне отъ Бога жива.

Въ грѣшницех от въсѣх перъвѣшій,
Во злобѣ от въсѣх прелукавѣйшій,
Въ страстех от въсѣх безчестнѣйшій,
Въ злонравіи от въсѣх богатшій,
Въ вѣрѣ же от въсѣхъ не менъшій,
И въ покаяніи не послѣднѣшій,
Спасенія вашаго вам истинный желатель,

Иоанъ інок з Вишнѣ, от святое аѳонское горы, сіе писаніе посилает, рукою власною писал.

Оглавленіе написаного в Книжъце сей Краткословіе.

а҃. Обличеніе діявола миродержца и прелестный ловъ его вѣка сего настоящаго.

в҃. Писаніе до Князя Василія и всѣх православных христіян, ознаймуючи, як восточное вѣры вѣрніи на опоцѣ или на камени

вѣры Петровы неподвижно и непрелестно стоят, и врата адова их одолѣти никакоже не могут, прочіи ж вси отпали въ прелесть, заблудили и въ ад адовыми враты затворени суть; в нем же и погреб невѣрію папы рымскаго и ему послѣдующих.

г҃. Порада, како да ся очистит церков Христова, заплюгавленная лживыми пастыры и нечестным житіем оных и всѣх им послѣдующих, и которій смрад поганскій въ злонравствѣ ся въ християнех...., зеднож о поруганію иноческаго чина от свѣтских и мирскаго житія человѣкъ, и что есть таинство иноческого образа.... лѣпоутварія и прочя.

д҃. Писаніе до всѣх обще въ лядской земли живящих, да ся покают къ Богу, показуючи каковы плоды лядское земли жителей.

є҃. Писаніе къ утекшим от православное вѣры епископом, о имени згоды в Книжках от них выданое, показуючи, яко тая згода не таковыми якож они безплодными в вѣрѣ и житіи чинена и еднана быти мает, но святими и духовнаго разума достигъшими, и на прочая хулы, лож и клевету от них на благочестіе і ему послѣдующих рыгненую отповѣд и і обличеніе, откуду сію мудрость и разум постигли, которым так безбожне мудрьствовати ся отрули.

ѕ҃. Извѣщеніе краткое о латинской прелести, заблужденіи от пути истиннаго, лжи и хоробѣ смертоноснаго и погибелію вѣчною смрьдящаго мудрованія еже о вѣрѣ, о цркви, о началствѣ, о ложном чистцу и прочая.

з҃. О еретикох, что есть имя ересь, и что благочестіе.

и҃. Загадка философом латинским.

ѳ҃. Слѣдъ краткій привъдящій къ постыженію и изъученію художества привъдящаго къ царствующей безсмрътной и вѣчной правдѣ.

і҃. Новина или вѣстъ о обрѣтеніи тѣла Варлаама архиепископа охридскаго града, въ градѣ Велисъ убитаго и в рѣку Варъдаръ въвръженнаго.

О чину прочитанія сего писанія.

Пръвъе убо да будет прочитател искусен, въ чтеніи бѣглый и быстрый в зраку, не повтаряючи и не запинаючи ся на одной

рѣчи дважрот или три, але в мѣру ровно словом по пути реченій изъображенных да ступает, на запятых мало застановляется, а на точках прошедше двѣ три, или колко может въмѣстити точокъ, паче же где бы ся реченіе разумѣнія кончило, там духови да отпочивает, отдыхает, и постоювает, а то для того, абы и простым, безкнижным слухачом разум реченныхъ явленъ и вмѣстен был.

Второе съборно съзвавши братію православных в школу рано по проспаніи нощном, доколя еще молва мирская смущеніе и попеченіе на мысль бодрую и здравую не възыдет и не оболѣет промыслом земным, и доколя еще чрево не наладовано гноем снѣдных, тогда ся читает.

Третіе, не обременяти слухи немощных многочтеніем, но власне тридесят или болше листков прочитати, таже кончати, и закладку заложивши, на другій поранок, слухачов на таковыйже пир и честь духовную проси, и так поранок, поранками проходячи, дондеже съвръшит пир книжъного реченія, събрание умолити, яко да начеңши и съвершат слуханіем здравое и трезвое мысли, что же при обрящут отсюду, мню, сами искусом увѣдят, если добре выслухаютъ.

Тобѣ же, прочитателю, трудолюбія ради от владики Христа будетъ мзда болшая стокрот, нежели твой труд. И тобѣ, священниче, за събраніе събора вторая равно постигнет. Аще ли же сам поревнуеши и прьвую въсхитити, сам собою потрудити ся, се ест и прочитати и братию събирати, не зазрим ти сего приобрѣтення талантоплоднаго. Господь дати поспѣшит и помилуетъ. Аминь.

Еже вездѣ по соборах братских такоже да ся исправляет, идеже сие писаніе дойдетъ, яко да познают христіяне, что естъ наша простая восточных вѣра, и что других отщепенцов хитрое безвѣріе.

Ко прочитателю на еднъ сего писаня.

Напред тебе от тое прелести остерегаю, любимый прочитателю, да не ищеши зде хитростей слоговъ сплетенорѣчных наказанія еллинскаго, але слѣдъ существа правды, в ней же животъ вѣчный затворенъ ест, да щупаеши, да знаеши. Не минай скорогонцем яко пустое коло вѣтръное очима пробѣгаючи от мѣста на мѣсто впереписаного, але застановляйся на ступенехъ о лъжи і истиннѣ рѣченых

судом мысльным, и увидѣвши яко истинна от лжи попирается погибелными сынами, жалуй, проплач, и Богу ся помоли, яко да дастъ всѣм заблуждъшим на путъ спасеный возъвратитися и во разум истинный пріити.

А о собѣ аз и сам свѣдителство вам даю, яко грамматичного дробязку не изучих, риторичное игрушки не видах, философъского высокомечтателного не слыхах. Мой ест даскал простак, але от всѣх мудрѣишій, который безкнижных упремудряет; мой даскал простак, которій рыболовци въ чоловѣколовци претворяет; мой даскал, которій простотою философы посмѣваетъ; мой даскалъ, которій смиреніемъ гръдость потлумляет. Тѣмъ же если хочеш на путь збавенный улучити, послухай; и если хощеши царство небесное обрѣсти, моцне дуфай. А если тя духъ тщеславія наказанія латинъского преборет, и сей простотѣ моей не увѣруеши, вѣдаючи запевне вѣдай, яко живота вѣчнаго не наслѣдуешъ.

Обличеніе діавола миродержца и прелестный ловъ его вѣка сего скоро погибающаго от совлекшагося с хитроуплетеных сѣтей его Голяка странника, ко другому будущому вѣку грядущаго учиненое.

Евангеліе от Маѳея, глава д҃. I поя его діяволъ на гору высоку зѣло, показа ему вся царствія мира и славу их, и глагола ему: сія вся тебѣ дам, аще пад поклониши ми ся. Тогда глагола ему Ісус: «Иди зо мною, сатана! Писано бо естъ: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши!»

Вопросъ. Тут тоды коли ся звитязство над прелестію твоею, сыну геенскій, от Христа избавителя стало, и смертію конечно царство твое лукавое мира сего обнажено и показано (через вѣру и крещеніе во имя Отца и Сына и святаго Духа) всему свѣту естъ, пытаю тя, як будешъ зас тое гнѣздо миролюбія въ вѣрных и крещеных вити, и основаніе невѣрія языческаго фунъдовати?

Отповѣд прелестника миродержца. Стало ся звитязство от Христа над царством моим, признаваю, але от облаченых въ

имя его зовемых христіанъ мало и велми мало, и то еще от свѣжей памяти по вознесеніи его на небеса его чясть нѣкая тою теплотою вѣры разжеженная, нѣгде нѣгде от рода христіанского на звитяжство моего царства обралася. А нинѣшнего вѣку зась в клюбу [1]) невѣрія пръвого зовемое христіанство впало, и одным способом с поганци некрещеными миръ любят и царства и роскоши его насититися прагнутъ, и еще болше нежели погане похоти телесные своволного и нечистого житія своим злым житіем исполняют. А што пытаешъ, якъ бы по Христовѣ звитяжствѣ миролюбіем вшурубовати ся есми мѣлъ, о тое пытати не треба. Таковою ж хитростію, прелестію, мечтаніем и усоложеніем блеску и красоты свѣта того, яко же и прежде пришествія Христова. Ибо Христос образ толко побѣждати хотящим мира дал, показал и научил, и сам собою изъобразил, прелести же моего лживого царства мнѣ не отнял и не погубил, абы самое власти человѣческое в том искусѣ, борбѣ и пробѣ вѣка того настоящаго досвѣдчалося, очищало и на живот вѣчный исполеровало [2]). Але вижу, мало ся ихъ обирает и знаходит на той тѣсный гостинецъ хотячих и любячих ходити. Всѣ пали и поклонилися славѣ, царству, красотѣ и любви вѣка того настоящаго, мною владомого. От началныхъ и до послѣдних, от духовно зовемых и до простых, от властей и до подручных всѣ полюбили тот меч, блескъ и пестроту красоты царства моего мирскаго, которую есми на горѣ Христови обнажил и показал, и всѣ нинѣшнего вѣка до того моего царства розум, мысль, любов сердечную и всю крѣпость телесную привязали, прилѣпили и приспоили сут так моцно, иж их только смертъ от Бога посланная от любве моего царства розлучити может, а другое ничтоже. И зась тоеж мовлю и показую, што при Христѣ мовилем и показовал: хто чого ищешъ у мене миродержъца, аще пад поклониши ми ся, вся тебѣ дам.

Вопросъ. Штож ми даешъ, діаволе, именуй, да знаю наперед?

---

[1]) Клюба, въ польскомъ plurale tantum kluby—тиски, кажется отъ нѣмецкаго klauben, Klobe.

[2]) Полеровати, польск. polerować, нѣм. poliren—шлифовать, дѣлать блестящимъ

Отповѣд. Дам ти нинѣшнего вѣка славу, роскош и богатьство. Если хочеш быти преложоным духовно зовомымъ, от мене ищи и мнѣ угоди, а Бога занедбай, бо от того не леда як таковые достоинства дарованы бывают, а я скоро тобѣ дам. Если хочеш бискупом быти, пад поклони ми ся. Если хочеш арцибискупом быти пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш кардиналом быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш папѣжем быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. И другим всѣмъ менъшим преложенствам, пробощствамь и поповствам в приходѣхъ и наданяхъ не так гойныхъ и богатыхъ прагнучіи падши поклонѣте ми ся, я вам дамъ. И до вас мирское власти и титулу земного моего царства прагнучих тоеж мовлю: аще падши поклоните ми ся, я вам вся сія прагненная вами подам. Если хочеш войским, подкоморим, или судіею быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш кашталяном быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш старостою быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дамъ. Если хочеш воеводою быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш гетманом или канцлѣром быти, пад поклони ми ся, я тобѣ дам,—буди доскональый угодник мой, я тобѣ дам. Если хочеш королем быти, обѣщайся мнѣ на офѣру в геенну вѣчную, я тобѣ и королевство дам. И другим всѣм меншим дикгнитарствам и приложеньствам тоеж мовлю: аще пад поклоните ми ся, и чого попрагнете от земних и дочасныхъ, дам вам. Также и до вас простых и неславныхъ во моемъ царствѣ мовлю, аще падши поклоните ми ся, знайду я по вашей мѣрѣ и простотѣ чим вас обогачу и в прелест моего вѣка уплутаю. Если хочеш идолопоклонником, сребролюбцем и лихоимцемъ быти, я тебе мытником, купцем, и карчмарем учиню, там твою волю и прагненя забавлятися доколя здохнеш привяжу и моцно до самого исхода, не мылячися с помыслом от лихоимства отодрати, прикую. Если хочеш хитрьцем, майстром, ремесником рукодѣлным быти и другихъ вымыслом превозыйти, чим бы еси и от сусѣдъ прославитися и грошики собрати моглъ, пад поклони ми ся, я тебе упремудрю, научу, наставлю и в досконалост твоего прагненя мысль твою приведу. Если хочеш похоти телесное насытитися и господарем дому, древа и землѣ шмата наз-

ватися, пад поклони ми ся, я твою волю исполню, я тобѣ жену приведу, хату дам, землю дарую, тое ярмо на твою шію повѣшу и твою мысль в бѣдѣ, неволи, скорби, мятежи попеченій, фрасунку и уставичном промыслѣ погребу. я тебе стражу, слугу, неволника и вязня женѣ учиню, я тобѣ всю мысль у жоны похотное студнѣ привяжу, толко поищи, попрагни, и мнѣ ся поклони, вся сія аз тобѣ дам.

Отвѣт странника от лица всѣх прелщаемых от діавола.

Вѣмъ, діаволе, як ты все тое реченное даси, если ся тобѣ поклоню. Але пойду искати и в зерцалѣ ученія Христова глядѣти, тая твоя данина на пожитокъ ли, или на погибел вѣчную будетъ, на славу ли или на безчестіе вѣчное ся превратит, на долго ли или на малый час ся в руках попѣстует, а потом з дароносцем пословолу знагла погибает и ищезает?

Даси ми, діяволе, быти папѣжем, кардиналом, арцибіскупом, и другим нѣкоторым духовного стану имяносцем, але што за пожитокъ с того дарованя, коли от тебе діавола за гордост с небесе на дол зверженого тое достоенство пріиму, а не от небесного Бога, которій велми заслужоным и от духа святого посвященным таковые преложенства стану духовного даровати звыклъ, а не тым, которые як пси встеклые бѣгают, ищут, да стан духовный или имѣніе оного угонят и поимают. Што за пожиток с того дару, коли я сам и от тебе діавола того попрагнул и поимал, а не Бог небесный мене на тое достоинство везвал і избрал. Штож за пожиток с того духовенства, коли я горъшей поганъца злое и нечестное житіе прохожу и в калу чревное похоти и сластолюбія ся валяю. Штож за пожиток с того священства, коли я имени святости не знаю и съ иновѣрци ровно мудростію, образом и житіем ся знахожу. Штож за пожиток с тое власти пастырское, коя раб, неволник и вязень вѣчный грѣховие есми, за которыи в геену вѣчную отиду. Штож за пожиток с тое дочасное славици, коли я вѣчне посоромочонъ буду. Штож ми за пожиток съ тое малое роскоши, коли я во вѣки в огни печи и скважитися буду. Штож ми за пожитокъ з тых селъ и имѣней и богатства великого, коли я нагъ и гол без всего того в пеклѣ седѣти буду. Про то вѣдай о том діаволе, иж я поповского

преложенства и стану от вышняго и до послѣднего стопня от тебе дарованного не прагну и тобѣ ся поклонити не хочу. Господу Богу ся единому поклоню и тому единому послужу. Иди за мною сатана!

Даси ми зась, діаволе, быти кролем, канцлером, гетманом, воеводою, старостою, кашталяном и другим нѣкоторым дикнитаром и преложоным власти мирское твоего діяволского царства, штож за пожиток с того твоего дарованого поганского началства, коли я христіанство страчу и живота вѣчнаго отпаду. Штож ми за пожиток с того твоего мирского тытулу, коли я царства небесного тытул погублю. Штож ми за пожиток с того голоса кролевства, канцлерства, албо воеводства, коли я сиповство божіе страчу, безсмертный титулъ. Штож ми за пожиток с твоее малое славицы временное тытулку і гнилых и суетных уст хваленія, коли я от божое вѣчное славы отверъжен буду, титул помазаньства божія погублю и похвалы ангельских устъ отпаду. Я теды, діаволе, таковое власти и титулу от тебе не ищу, тобѣ ся поклонити не хочу. Господу Богу единому ся поклоню и тому единому послужу. Иди за мною сатана!

Дашъ ми зась, діяволе, купцем, лихоимцем, мытником и карчмарем быти, да тым лихоимством и упражненіем розум свой погребу и ослѣплю. Штож за пожиток с того твоего дару, коли свѣта истинны науки слова Божія видѣти не могу и вкусити сладости его ся не сподоблю. Прето да знаеши, діяволе, як я от тебе того ідолопоклонного тытулу и забавы житія моего в нем не требую, тобѣ ся не поклоню. Господу Богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною сатана!

Даш ми зась, діаволе, ремесльником хитрым и славным быти, да межи сосѣды славнѣйшим, годнѣйшим и честнѣйшим быти (буду?), грошики собѣ зберу, фолварки покуплю, домок приоздоблю. Штож за пожиток съ того всего твоего дарохитръства, коль я простоты Ісусовы навыкнути не могу. Штож ми за пожиток з славы и чести сусѣдское, коль я в лику пророкъ, патріархъ, апостолъ, мученикъ и добре Богу угодивших славитися не буду. Штож ми за пожиток з многих фолварков и оздоб домку, коли я красных дворов горняго Іерусалима не узрю і ни во едином кутику въ оном посидѣти

не сподоблюся. Прето я от тебе, діяволе, тое майсторіѣ и славы и чести не требую, грошиков збирати, фолварков и домков куповати не хочу, тобѣ ся не поклоню. Господу Богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною сатана!

Даш ми зась, діаволе, убогому и неславному человѣку утѣху и похот телесную, жону, даш ми домок и землицю, даш ми смуток и бѣду, да свой розум в той забавѣ фрасунку и стараня домового, земленного и женского погребу. Штож за пожиток с тое утѣхи и похоти телесное, коли я утѣшителя Духа святого витати во своем кгмаху сердечном николи ся не сподоблю. Штож ми за пожиток с тое жоны, коли я Христа жениха своей ложници сердечной пришедшаго упокоитися и спочинути видѣти не могу. Штож ми за пожиток с того домку, коли я в палацу небесного мѣста Іерусалима седѣти не буду. Што за пожиток с тое малое землици и кгрунтику, коли сторичное заплаты реченное Христомъ в царствіи небесном за оставленіе сихъ не пріиму, и живота вѣчного наслѣдником и дѣдичем быти не могу. Прето да знаеш, діаволе, як я от тебе жоны, дому, земли до часное не прагну, тобѣ поклонитися не хочу. Господу Богу во Тройци славимому поклонюся и тому единому послужу нинѣ, все время житіа моего и во вѣки вѣком аминь. Иди за мною сатана, изъчезни и пропади сам и з царством своим прелестным! Аминь.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛѢТОПИСИ МГАРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(1682—1775)

Церковная старина Полтавской губерніи обслѣдована до сихъ поръ очень скудно. Отрывочныя свѣдѣнія по исторіи Полтавской епархіи разбросаны въ двадцати шести книжкахъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей (1862—1888), но и тутъ цѣннаго матеріала очень немного. Да откуда и взяться цѣннымъ свѣдѣніямъ при той скудности историческаго матеріала для церковной старины, съ которой встрѣчается изслѣдователь... Наибольшей сохранности письменныхъ памятниковъ можно было бы ожидать отъ монастырей, но оказывается, что монастырскихъ архивовъ не существуетъ... Архивы закрытыхъ въ концѣ прошлаго вѣка монастырей еще можетъ быть сохраняются въ мѣстной казенной палатѣ, если только не погибли отъ времени, но въ монастыряхъ существующихъ—повидимому, ничего не сохранилось.—Есть въ Полтавской губерніи, недалеко отъ Лубенъ, Мгарскій монастырь, очень извѣстный въ народѣ по нахожденію тамъ мощей святителя Афанасія «сидящаго». Монастырь этотъ основанъ въ первой четверти XVII в., одновременно съ Густынскимъ и Ладинскимъ, Исаіей Копинскимъ, на земляхъ, подаренныхъ извѣстною Раиною «Могилянкою». Недавно одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей напечаталъ въ «Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» (1886 г., №№ 17—19) монографію объ этомъ монастырѣ и, какъ видно, потрудился надъ этимъ дѣломъ. И что же мы видимъ въ этой монографіи?—Исчерпавъ напечатанную Бодянскимъ лѣтопись Густынскаго монастыря, для разсказа о возникновеніи Мгарскаго монастыря, авторъ приводитъ затѣмъ лишь списокъ его игуменовъ, съ коротенькими о нихъ и при томъ общеизвѣстными, свѣдѣніями, взятыми преимущественно изъ книги Аско-

ченскаго.—«Архивомъ монастыря», говоритъ авторъ, «мы не пользовались, такъ какъ его при монастырѣ нѣтъ». Да и нигдѣ его нѣтъ, слѣдуетъ прибавить. Мгарскій монастырь даже не сохранилъ списка бывшихъ своихъ игуменовъ, такъ какъ авторъ указываемой монографіи извѣстнаго мгарскаго игумена Макарія Русиновича называетъ—то Засѣновичемъ, то Засѣковичемъ.... А между тѣмъ въ Мгарскомъ монастырѣ былъ не только архивъ, но была и своя лѣтопись, подобная лѣтописи Густынскаго монастыря. Но все это отъ небреженія, монастыремъ потеряно... Слѣды лѣтописи Мгарскаго монастыря найдены недавно въ яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина. Нашелъ тамъ В. П. Горленко и передалъ намъ—тетрадь, писанную на 16-ти листахъ бумаги, почеркомъ к. XVIII в., озаглавленную такъ: «О построеніи каменной церкви Преображенія Господня въ Мгарскомъ монастырѣ». Тетрадь эту приводимъ здѣсь, какъ заключающую въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія для исторіи Мгарскаго монастыря вообще и особенно—для мѣстной археологіи. Здѣсь мы находимъ подробныя свѣдѣнія о постройкѣ въ Малороссіи каменныхъ храмовъ въ XVII в. Кромѣ драгоцѣнныхъ свѣдѣній о техникѣ постройки, историкъ тутъ же найдетъ любопытныя черты живаго участія тогдашняго общества въ созиданіи и украшеніи монастырей, бывшихъ твердыми хранителями вѣры отцовъ.

Мы думаемъ, что найденная въ яготинскомъ архивѣ тетрадь заключаетъ въ себѣ лишь отрывки того подлинника, съ котораго она списана. На это указываетъ отсутствіе хронологической послѣдовательности событій, излагающихъ постройку Преображенскаго храма: видно, что какъ будто переписчикъ выбиралъ изъ подлинника статьи его интересовавшія, и затѣмъ, дополнялъ ихъ другими, взятыми изъ того же источника.—На это же указываетъ и списокъ мгарскихъ игуменовъ «прежде бывшихъ», помѣщенный въ концѣ и доведенный только до Іоасафа Горленка, между тѣмъ какъ тетрадь сохранила описаніе монастырскаго пожара, бывшаго въ 1775 г. при игуменѣ Паисіи Яновскомъ.—Здѣсь переписчикъ остановился и оставивъ половину листа чистаго, началъ списывать «житіе иже во святыхъ отца нашего Афанасія, патріарха цареградскаго, чудотворца мгарскаго». Житіе это тоже переписчикомъ не окончено. Однимъ словомъ видно, что яготинская рукопись заключаетъ въ себѣ лишь отрывки, а не полный списокъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, который быть можетъ и не погибъ.

Ал. Лазаревскій.

Постановленіе ясневелможного его милости пана Ивана Самойловича, гетмана войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожского, на муроване церкви въ монастиру нашомъ Мгарскомъ, такъ ся въ себѣ маетъ:

Іоанъ Самойловичъ, гетманъ з войскомъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскимъ. Вамъ, пану Якову Баптистѣ, майстровѣ дѣла нашого муревого, Мартиновѣ Томашевскому подмайстерому, зъ всѣмъ вашимъ товариствомъ, доброго отъ Господа Бога здоровья зичимъ. Дошлося намъ вѣдати, ижъ ви и товариство ваше на работѣ церкви мгарское зостаючіе, зостали бы были сіи заими (sic), ижъ би подлугъ реестру вашего презъ сина нашего, пана полковника стародубовского, намъ принесенного, мы дарованіе борошна и товариству тижневую заплату вамъ постановили, домовляючися, ижъ будто болшъ вамъ (слѣдовало?) а нѣжли в реестру пана полковника черниговского к намъ отъ васъ присланого, списаного въ Черниговѣ, доходило. Теди люди знамся (sic) тое, же панъ полковникъ черниговскій будучи статечнымъ ирозумнимъ особою. ничого непевного, измишленого до насъ писати не моглъ би и ми надъ черниговское на такое роботѣ у звичае (sic) нѣчого болшъ поступовати вамъ были не повинни; однакъ едно до особливой ласки нашей, которою кождому годному оказатись хочемъ, другое маючи презъ висланнихъ нашихъ пана Ивана Ломиковского и пана Ивана Павловского, залеценне о прилѣжной около роботи дбалости вашой, же чините такъ, якъ Богу угодно и людямъ мило, а до того васъ скурацкій (sic) бачачи ваше майстра и подмастерего, усердіе, ижъ тое дѣло съ пилностю достатечне совершити прагнете и на томъ записалистеся въ судѣ, даемъ вамъ за вашу (роботу?) такую нагороду, якую сами вы себѣ написали и презъ помененного сына нашего, пана полковника стародубовского, намъ осьѣдчили, малось що тилко для лѣпшой слушности въ борошнѣ чили в лигоминахъ от-

мѣну учинивши: майстровѣ Яновѣ Баптистѣ, при певной грошовой заплатѣ, якая ему на кождій робочій тиждень, по осмъ зол. доходитиметъ, постановляемъ борошна на все лѣто: муки житной—осмачокъ пять, пшенишной—двѣ осмачки, пшона—двѣ осмачки, гречаной муки—двѣ осмачки, гороху—осмачка, соли—сѣмъ сотъ гусокъ, сала—два пуда, полтий—два, барановъ—шесть, двѣ дѣжички масла, двѣ—сира, пива—бочокъ три, горѣлки—квартъ сто, олѣю—квартъ придцять, яловицу и кабана.

Подмайстерому Мартиновѣ Томашевскому при умовленой грошовой нагородѣ, якая жъ ему такожъ на кождій тиждень роботи по шесть зол. доходить будетъ, житной муки—осмачокъ чотири пшеничной—двѣ осмачки, пшона—двѣ, гречаной муки—двѣ осмачки, соли—гусокъ пять сотъ, сала—два пуди, барановъ чотири, рибъ вялыхъ—голова, горѣлки—квартъ сто, пива бочокъ двѣ, яловица, одна дѣжечка масла, дѣжка сира, два полтѣ солонѣни, олѣю квартъ тридцять.

Челеди, чили товариству, грошовой заплати таковое чинимъ постановленіе: Ивановѣ Рудановѣ на каждій диждень робочій зол. три; Василевѣ Савицкому по зол. три; Петровѣ Бѣлецкому зол. три; Троцѣковѣ—полтретя зол.; Андрѣевѣ полтретя зол.; Романовѣ полтретя зол.; Трохимовѣ полтретя зол.; Ивановѣ Рубаненковѣ полтретя зол.; Яцковѣ зол. два; Гавриловѣ полтора зол.; Матвѣевѣ зол. два; Андрушковѣ зол. два; Василевѣ Гадяцкому тринадцять шаговъ; Семеновѣ Зиморавенковѣ тринадцять шаговъ; Костѣ Петрѣковѣ тринадцять шаговъ; Лесковѣ Олейниковѣ тринадцять шаговъ; Лукяновѣ Уманскому тринадцять шаговъ; Хвесковѣ Пилипенковѣ полталяра; Висилевѣ Иваненковѣ полталяра; Грицковѣ Долматовѣ полталяра; Мартиновѣ Обмочовскому копу; Романовѣ копу; Яковѣ Мазуровѣ копу; Петровѣ копу; Грицковѣ Мартиновому зятю копу. А борошна или боми (sic) кождому знихъ зособна на все лѣто, такъ много дойти отъ насъ маетъ:

Житной муки—по чотири осмачки, пшеничной--по осмачцѣ, гречаной—по осмачцѣ, пшона—по осмачцѣ, гороху—по полъ осмачки, сала—по два камнѣ, риби вялой на каждого—по чотири

сотцѣ, олѣю по десять квартъ, соли чотириста гусокъ, горѣлки по три кварти на тиждень на всѣхъ, на все лѣто, барановъ пять, яловица и пива бочокъ десять. А райцарамъ, що вапну до муру готують, двомъ, доходить будетъ грошми по полталяра на тиждень, муки житной—по двѣ осмачки на лѣто, полъ осмачки пшеничной, гречаной по осмачцѣ, два камнѣ сала на двохъ, шесть сотъ соли на двохъ, риби шесть сотъ двомъ, и голнѣ (sic) олѣю квартъ двадцеть двомъ, по квартѣ горѣлки на тиждень одному, яко теди все тое доходить васъ будетъ, такъ сее писане наше для памяти лучшое з подписомъ руки нашей и притисненіемъ печати стверженое, вамъ даючи, жадаемъ, абисте якъ зпочатку взяли предся около того святобливого дѣла пилность, такъ и въпредъ втомъ неубавляя, заслугуючися натое, жебисте ласкою нашою одержали собѣ уконтентоване. Зичимъ притомъ и повторѣ доброго всѣмъ вамъ здоровя. З Батурина, маія 23, 1684.

Звишъминованный гетманъ рука власная.

Муровавая церковъ въсрединѣ, въ муру пятдесятъ и сѣмъ локтей вдовжъ, а вширъ тридцять и сѣмъ локтей, що чинитъ девятнадцять сажней вдовжъ, а вширъ дванадцять сажней и локоть. А высота церкви шестьдесятъ локтей и три, то есть сажней двадцять и единъ, кромъ креста.

Исписаніе вократцѣ о початкѣ заложеня церкве мурованой въ монастиру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, отъ року Божія 1682.

Изволеніемъ божіимъ и содѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго Духа, за щасливаго владѣнія рейментарского ясневелможного его милости пана Иоанна Самуйловича, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского, превелебный въ Богу отецъ Макарій Русѣновичъ, игуменъ и велій строитель на тотъ часъ монастира сего Мгарскаго, видячи церковъ всемилостиваго Спаса старую древяную велми зветшалую, совѣтъ сотвори со соборними отцами—какобы новую мурованую впохвалу всемилостивому Спасу сооружити церковъ; и самъ въ Батуринъ поехалъ до его милости пана

гетмана, просячи бы за спасеніе свое, змуровалъ намъ въ монастири, церковъ; и воліею Божіею обрѣте превелебный игуменъ прозбою своею на сіе богоугодное дѣло милостивого гетмана преклоненна, яже обѣща своимъ коштомъ и накладомъ церковъ мурованую соорудити и иконами украсити. И тако начаша цеглу до мурованя коштомъ милостивого гетмана, презъ двѣ лѣтѣ, въ монастиру робити. Року же божія 1684, мѣсяца априля 23 дня, въ день святаго великомученика Христова Георгія, со молебними пѣніями и сокрушеннымъ сердцемъ, начаша фундамента копати вишше трохи старія древяныя церквѣ и основаніе, то есть закладанія мурованія церкве чинити, на которихъ закладинахъ у особѣ его милости пана гетмана понеже самъ не бѣ, бяху сынове его, велможни его милости панъ Семіонъ Ивановичъ гетманичъ, полковникъ на тотъ часъ стародубовскій, велможни его милости панъ Ияковъ Ивановичъ гетманичъ, зъ преложоними людми своими и зъ немалою дворнею самаго его милости пана гетмана, отъ нихъ же бяху началніе: панъ Иоанъ Павловски и панъ Захарія Щербина, сіе доглядовали и мураровъ въ мурованю церквѣ, панъ Максимъ Иляшенко, полковникъ на тотъ часъ лубенски, панъ Андрей Гамалѣя на тотъ часъ сотъникъ лохвицкій, панъ Анъдрей Ияковович, обозній лубенскій, панъ Романъ Радченко, сотникъ лубенскій, панъ Матіяшъ Папкевичъ, судя лубенскій, панъ Леонтій Адамовичъ, атаманъ городовый лубенскій, панъ Иоанъ Кулябка и иныхъ людей приложонихъ и посполитихъ множество было великое. А зъ духовного чину были три особы: превелебный отецъ Макарій Русѣновичъ, игуменъ святія обители сея Мгарскія, который и основаніе тоея церквѣ мурованія въ одеждѣ иерейской закладавъ и зъ велможними гетманичами, ктиторомъ зостаючи, камень зъ мощами святыми подъ фундаментъ покладъ превелъ, отецъ Инокентій Монастирскій, игуменъ святокирилскій киевскій, тотъ мѣлъ казаня на томъ заложеню, велебный отецъ Ипатій Горбачевскій, намѣсникъ и велій труждатель сего монастира Мгарского, тотъ и мощи святія въ камень основателній вложи; бѣхуже и честные иеромонахи: отецъ Исихій маляръ, отецъ Иларіонъ Сіомашко, отецъ Иона Вацовскій, отецъ Феофилъ уставникъ, отецъ Акакій, отецъ Па-

ладій Крутий, отецъ Евагри (sic), отецъ Варлаамъ паламаръ, отецъ Порфирій, отецъ Гервасій и прочія священоиеромонахи и иеродіякони бяху сія: Иоаникій, Иоасафъ, Евгеній, Софоній, Пафнутій, схимонахъ Иоанъ; монахи: Генадій, Иосифъ, Силвестеръ, Мордарій економъ хуторній, Коръ (sic) економъ монастирскій, Ипъполитъ виноградный, Власій, Тихонъ, Севастіанъ Аяхъ воротній и прочая вся братія бяше монастирская. Бяху же и отецъ Иоанъ Стефановичъ, протопопа лохвицкій, и отецъ Яковъ Иліевичъ Орѣховскій, протопопа лубенскій, и прочая священноиереи и всякаго чину бѣ люде множество. И въ томъ основаніи подъ самимъ фундаментомъ, у олътори, въ земли подъ стѣною, гдѣ горное сѣдалище, положенъ есть камень выбиты и внемъ положеніе мощи святыхъ и хартія на паргаменѣ писаная, которую въ томъ камени вибитомъ зъ мощами святыхъ прикрывше бляхою мѣдяною, засмолиша воскомъ и запечатлѣша. Покладаше же сей камень въ основаніе превелебный отецъ игуменъ Макарій Русѣневичъ зъ велможними гетманичами вишъ менованими Семіономъ и Ияковомъ, а харътія на паргаменѣ въ томъ каменѣ въ тые слова зостаетъ написана: Во имя Отца и Сына и святаго Духа, основася сія церковъ въ монастиру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, во славу великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа, а въ честь имени его святого, во храмѣ же боголѣпного Преображенія его, при державѣ великихъ государей царей нашихъ и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцовъ, при святителствѣ и благословеніи преосвященного господина отца Лазаря Барановича, аръхиепископа черниговскаго, новгородского и всего сѣвера, а при щасливомъ владѣніи благородного и христолюбивого раба божія Иоанна Самуйловича, гетмана войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожскаго, ктитора святыя обители сея, егоже кошътомъ и накладомъ сія церковъ зъ фундаменту заложена бысть. Суть же здѣ и мощи святыхъ святого апостола Анъдрѣя Первозваннаго, святого Иоанна Златоустого, святого мученика Меръкурія, святого великомученика Феодора Стратилата, святого Марка печерского. Писано въ лѣто отъ рождества Христова 1684, мѣсяца априля дня двад-

цять третаго. Сего ради и харътія сія въ семъ фундаментѣ покладается въ вѣчное знаменіе и время. Аминь.

И по основаніи бысть литургія святая и веліе учрежденіе того дня. На утри, яже сіе есть априля 24, почали фундаментъ муровати майстеръ мурарски бысть нѣмецъ, зъ Виляя, завомій Иоаннъ Баптиста. Того жъ часу и келіи старіе роскидали, и валъ старый засипали и за тимъ старимъ засипанимъ валомъ, келіи новые поставили, и новымъ валомъ тогожъ лѣта до кола весь монастиръ обвели. И тако помощію божіею весь монастиръ обновленіемъ тщаливно (sic) созиждашеся: келіи всѣ рядовые, и пекарня, и болница, и за воротами то есть за брамою, гостинница великая, стайня и конецъ стайнѣ—будинки, презъ двѣ лѣтѣ будовалися, на которіе тіе будники такъ въ монастиру и за брамою, війшло готовыхъ грошей двѣ тисячи золотихъ и сто золотихъ, опрочъ борошна и инъшихъ леꙋминъ.

Въ року зась правѣ нещасливомъ 1687-мъ, подчасъ доконченя церквѣ мурованой, которую южъ тинковали, потуга вся войсковая ихъ царского пресвѣтлого величества и его милости панъ гетманъ зо всѣмъ православнымъ воинствомъ пошли на поганина креста святаго, Кримъ воевати и по указу пана гетмана и нашъ отецъ игуменъ Макарій Русѣновичъ зъ немалымъ коштомъ набравши борошна и леꙋминъ розмайтихъ, законной братіи десять и челяди немало набравши зъ собою, до того жъ войска до боку пана гетмана зъ монастиря выехалъ въ понедилокъ числомъ маія 2, въ которомъ походѣ военномъ зъ допущеня божого знать за грѣхи наши, войска такъ потужные и Запорожа, не дойшовши, назадъ верънули для спаленя трави въ стопу, и надъ Самарою стали. Отецъ игуменъ за упрошенемся у пана гетмана, верънулъся до монастиря. Забавился въ той дорозѣ войсковей недель десять, а приехалъ въ пятокъ юля 8 и засталъ, жеся церковъ въ серединѣ дотинковована. И староня чинячи о доконченю церкве, выправилъ брата Порфирія иеромонаха и иеродиякона Ферапонта, двома возами, придавши имъ послушника и хлопца, за Гадячое, до гути, по шкло до церквѣ мурованой, до оболоны, юля 14, въ четверъ. Но увы, яко ужасно и воспомянути— время лютое, яко веліе отмѣна стала у войску, которое повернувши

отъ Самари, стало за Полтавою, надъ Коломакомъ и 25 юля, въ суботу, рано пана гетмана взято Иоанна Самойловича до войска московского и зъ синами Григоріемъ и Ияковомъ. И стало веліе замѣшаня у войску козацкомъ: почали старшину забивати по городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, рабованя и забойство веліе повстало. *) Тогдижъ и нашего брата Порфирія зъ дякономъ послушникомъ и хлопцемъ, южъ назадъ поворочаючого зъ гути, двѣ мили отъ Гадячого, 27 юля, подъ Русанувкою селомъ, тогожъ села чотири человѣки тиранско на смерть позабивали и на купу тѣла ихъ зложивши, дегтемъ полили, сѣномъ накидали и вози наверхъ склавши, тѣла ихъ попалили.—Лечъ воскорѣ тиежъ забойци полапаные ставши, всѣ чотири въ Гадячомъ также смертію тиранскою презъ судъ пострадали. И бѣ мятежъ и смущеніе веліе того часу, по всей Украинѣ. 25 юля наставили на гетманство его милость пана Иоанна Мазепу. Ся церковъ въ роботѣ своей не уставала, которого отецъ игуменъ въ Гадячомъ витаючи и поздоровляючи, повернулъ до монастира. И августа 23 знову до Батурина, до пана гетмана, поѣхалъ и вернувшися зъ Батурина, приѣхалъ до монастира въ понеделокъ 5 сентеврія, южъ хорій будучи, а въ дому еще горше захорѣвши, септеврія 15 дня 1687 року, въ четвертокъ, по вечерни Богу духа отдалъ; еднакъ оглядалъ очима своима баню середнюю на церквѣ мурованой, то есть матицю шаліованямъ покрытую и пулъбанокъ на верху тоей матицы бѣлымъ желѣзомъ покрытый оглядалъ. По котораго умертвіи, радѣніе мѣючи монастира всего отецъ Ипатій Горбачевскій намѣсникъ стародавній мѣсца сего, велебный и честный старецъ, во строеніи посполу со небощикомъ отцемъ игуменомъ труждающійся, сей сотвори совѣтъ со отцы соборными и братіею и послаша до ясноосвецоного княжате преосвященного его милости отца метрополиты Гедеона Святополка Четвертенского и до ясневелможного его милости пана Иоанна Мазепи, гетмана войска Запорозскаго, съ писаніями, просячи о волную елекцію на обраня нового игу-

*) См. Сборникъ Лѣтописей Южн. и Зап. Руси, стр. 34,—„тогда чернь и мужики пановъ своихъ паче арендаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали."

мена. И его милость панъ гетманъ склонившися ласкаве ку прозбѣ и писанію отца намѣсника и братіи, поважное писаніе свое панское, любосмо его о тое и не просили, даде до его милости отца метрополиты, абы намъ насиліемъ не насилавъ нѣкого на игуменство, але змежду себе жебы братія обобрали; на которое писаня склонившися а любо трохи и прискорбно, преосвященій пастиръ писаня свое видалъ до отца намѣсника и братіи, абы тѣло небощика отца игумена Макарія Русѣновича, земли предавши, по похоронѣ, елекцію себѣ мѣли и кого хотѣли змежду себе за игумена себѣ обрали. И такъ по святой Покровѣ, октоврія дня третяго, въ понедѣлокъ, въ церквѣ мурованой соборомъ службу божію отецъ намѣсникъ надъ тѣломъ отца игумена мѣючи, за правимъ крилосомъ межи филярами, подъ стѣною у фундаментъ, якъ першого фундатора тоей церквѣ, честно въ склепи зложили и замуровали; и бяху всѣ во скорби въ тотъ понедѣлокъ и вовторокъ. Въ среду застуетъ (sic) 5-го октоврія, соборъ сотворше, отецъ намѣсникъ зъ отцы соборными и братіею всѣ обще во трапезѣ совокупившеся, молебное пѣніе съ сокрушеннимъ сердцемъ ку Творцу и строителю всѣхъ речей Богу въ помощь взявши молитвы пресвятыя Богородицы, единогласно въ обираню богодухновенной особы—кого бы за отца и предводителя къ устроенію монастира и себѣ обобрати совѣтовали. А такъ за натхненямъ Духа Святаго прозрѣнія за вишшаго Бога, всѣ единогласно никому же прекословящу, на мѣсце въ Богу зошлого отца Макарія, избрахомъ себѣ за отца предводителя и игумена, а мѣсцу святому за строителя, мужа честна отъ юности въ монастиру во всѣхъ послушаніяхъ Господеви работающа, велебного господина отца Ипатія Горбачевскаго намѣсника тогожде монастира, которій на намѣсництвѣ былъ осмнадцать (лѣтъ?) и единокупно съ небощикомъ отцемъ игуменомъ Макаріемъ Русѣновичомъ, церковъ сію мурованую, и монастиръ весь зъ грунту фундовали и реставровали; которій превелебній отецъ Ипатій Горбачевскій приемши игуменство, а и не хотящу ему, и чинъ монастира строенія, распорядивши ремесниковъ, абы церковъ въ своей роботѣ не уставала и братію любовію утвердивши, октоврія дня 11, въ Батуринъ, до ясневелможного южъ вто-

рого ктитора, его милости пана Иоанна Мазепи, гетмана войска Запорозскаго, зъ братіею де нѣкоторою, поѣхалъ и ставувши въ Батуринѣ дня 14 октоврія, то есть въ пятокъ на нощь, вдячне былъ принятый отъ добродѣя пана гетмана и отъ всего войскового енаралу. И тамъ забавивши дней чотири, октоврія дня 18 на обѣдѣ власневелможного пана гетмана отецъ игуменъ бувши, со любовіею веліею отправу одержалъ и писаніе за собою причинное до его пастирской милости, абы конечно было отъ пастира на игуменство потверженій отобравши, поѣхалъ зъ Батурина въ Киевъ, где ставувши 23 октоврія въ неделю, рано пана и пастира тогожъ дня зъ литургіи святой идучи, заразъ привиталъ, отъ котораго преосвященного пана и пастира миле былъ яко знакомій ему, будучи принятій и по розмовѣ пастирей три дни забавивши, октоврія 26 на святаго великомученика Димитрія безъ взякой перепони, любо чинилъ велію турбацію отецъ Полиевктъ Русѣновичъ, у пастири садячися на игуменство безъ воли отцевъ и братіи и безъ воли ктитора его милости пана гетмана, отрималъ зъ рукъ пастирскихъ консенсъ на игуменство и устную о радѣніи монастира и братіи науку и со любовію архипастиръскою и благословеніемъ, отпущенъ до монастира зосталъ. И помощію Божіею октоврія 31 дня въ монастири ставувши, щасливо владѣніе игуменства зачалъ, будучи отъ братіи зъ благословеніемъ архипастиръскимъ вдячно принятій. Мѣсяца октоврія 27 дня церковъ мурованая домуровалася и дотинковалася и посадку въ ней положили, и баня деревяная на олтари ставула, и верхи пошаліовали и пулъбанъки веръхніе бѣлымъ желѣзомъ побили; прочее зимою року 1687 мирно препроводихомъ.

Со Богомъ начахомъ рокъ 1688.

Року 1688, марта 15, отецъ игуменъ ѣздилъ въ Батуринъ, до ясневелможного его милости пана гетмана Иоана Мазепи и привезъ на побитя церкве, желѣза бѣлого бляхъ двадцать фасъ. На веснѣ, мѣсяца априля 24 дня, почали тесли третюю баню великую на церквѣ, на папертѣ, робити. Мѣсяца априля 28, прислано зъ Батурина Ивана бляхнѣра, жителя глуховского, до монастира для побитя

бляхою церкве мурованой; а отъ вибитя кождой фасы желѣза, такъ отъ великой, яко отъ малой, постановеня зъ нимъ учинили платити грошми по десять золотихъ, опрочъ борошна, которій почалъ заразъ банѣ побивати. Тоежъ весни его милость панъ гетманъ Иоанъ Мазепа зъ войсками ихъ царского пресвѣтлого величества московскими и козацкими, пошли на Самаръ и тамъ черезъ лѣто городъ Новобогородиченъ збудовали и угрунтовали; и отъ того часу тотъ городъ станулъ на Самарѣ. Того жъ лѣта, о святой Троици, превелебный отецъ игуменъ Ипатій Горбачевскій совѣтъ сотвори зъ отцы соборными, о брамѣ мурованой ко церквѣ на ней святому архистратигу Михаилу да во мѣсто старія древяныя брамы, новую мурованую браму и церковъ на ней новую древяную соружать; и тако изволеніемъ Божіимъ и совѣтомъ отца игумена и отцевъ соборныхъ, усмотривше мѣсце и поступивше далѣе и вышше старыя брамы, идѣже нынѣ стоитъ брама мурованая, и церковъ на ней, и призиваніемъ помощи божія и святаго архистратига Христова Михаила, по запустахъ петровихъ, числомъ юня 11 дня, въ понеделокъ, начаша фундамента копати и браму муровати; и бѣ тщаніе и трудъ со прилѣжаніемъ, яко и братія нѣкоторіе помагали на мурѣ тоядже брами муровати.

Того жъ лѣта, юня мѣсяца, пославъ отецъ игуменъ въ таборъ къ Самарѣ до ясневелможного пана гетмана, просячи еще бляхи на побитя церквѣ, бо еще много не ставало, которій зъ милосердія своего, велѣлъ еще зъ Батурина дати бѣлого желѣза фасъ пятнадцать; и тое желѣзо зъ Батурина юля мѣсяца привезено. Августа дня 15, кресты всѣ желѣзные, которые стоятъ на церквѣ мурованой, до монастиря привезено зъ Батурина, а тые кресты по указу ясневелможного добродѣя пана гетмана у Глуховѣ роблено; и заразъ почали ихъ направляти—и золотити и маліовати. Септеврія мѣсяца, всѣ кресты поставлено на церквѣ; тесля Игнатъ, майстеръ теселскій, ихъ становилъ. Того жъ часу и банѣ всѣ бѣлымъ желѣзомъ добито, и браму мурованую докончили и въ серединѣ витинковали, и на зиму снопками накрили. Прочая часы зимою мирно проидохомъ, съ Богомъ почахомъ року 1689.

Копія листу до пана Иванна Самуйловича, гетмана, отъ синовъ его пана Семеона полковника стародубовскаго и пана Якова гетманичовъ, въ заложеню церкви мурованой въ монастиру Мгарскомъ писаного, которого есть такихъ текстъ: Ясневелможный мосцѣ пане гетмане войскъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожскихъ, нашъ велце милостивый родичу и добродѣю. Подлугъ намѣренной волѣ и мисли вашой родителской милости, ставувши въ монастиру Мгарскомъ 21 априля, злѣценое мнѣ отъ ясневел. вашой благоугодное дѣло ведлугъ пристойности расположеню мѣстца и розмѣряня церковной махины, тогожъ дня зачалемъ, и любо превелебный отецъ игуменъ мгарскій старой церкви мѣстца не хотячи оставити, замислъ свой ку фундаменту и заложеню на томъ же власномъ мѣстцу, склонялъ, лечъ мы, ижъ близкость трапезы спаціумъ барзо щуплое маючи имѣть монастырскій передъ трапезою тожъ зостаючій, къ тому и склепъ въ старой церквѣ будучій въ которомъ тѣла мертвіе опочиваютъ, не малою перепоною и трудностію на томъ старомъ власномъ мѣсцу зоставали, уважаючи въ потомный вѣкъ бы тое намѣреное и зачатое такъ велце побожное дѣло, въ коштѣ и накладѣ ясне вел. вашой долговѣчне трвало, пристойное усмотрѣвши мѣсце трохи вышше къ келіямъ мѣсца подналемъ, ижъ гдѣ стѣна ишла въ старой церквѣ лѣвого боку, то въ мурованой пойдетъ правого боку и въ долготу для окрасы и моцности, такъ же трохи помъкнутися мусѣло; тая тежъ церковная махина въ долготу пятьдесятъ пять локтей, а въ широту тридцять шесть локтей будетъ въ собѣ мѣти; а для выдержаня и моцности тоей махины фундаментъ добрый въ пять локтей добрыхъ учинивши, въ день святого великомученика Георгія всеношное и молебная пѣнія къ Творцу Зиждителю и Богу, яко къ початку и концу всѣхъ дѣлъ учинивши, въ помощь взявши молитвы пресвятія Богородицы благословеніемъ чину духовного и за благословеніемъ родителскимъ ясне велм. вашей, нашого милостивого пана и добродѣя, сыновскимъ послушаніемъ и сокрушеннымъ сердцемъ, во честь всемилостивому Спасу фундаментъ при згромаженю множства народу, цале залоложилисми, просячи, абы тотъ же монарха нынѣ, которій сподобилъ начати щасливо далъ и со-

вершати, о чомъ всемъ за прибытемъ нашимъ до боку родительского ясне велм. вашой прибувши, готовисми обширнѣ справу дати, а на сей часъ ласцѣ родителской ясневелм. вашой покорно вручаемся. Ясно велм. вашой нашого милостивого родича и добродѣя во всемъ зичливые и нижайшие слуги Семеонъ Ивановичъ гетманичъ, полковникъ старадубовскій и Ияковъ Ивановичъ гетманичъ. З монастира Мгарского Лубенского. Року 1684.

Постановеня зъ шкляромъ на робленя оболонъ до церквѣ мурованой Мгарской Лубенской, именно зъ Федоромъ Иваненкомъ, року 1687.—За кождую оболону, за великую и малую, по полталяра грошовой плати, борошна житного—осмачокъ десять, пшеничного—осмачокъ двѣ, гречаного—осмачокъ три, пшона—осмачокъ двѣ, соли—пятьсотъ гусокъ, лою—пять пудовъ, солонины—полтей три, сала—пудовъ три, горѣлки простой—квартъ полтораста, рыбы голову одну иголнѣ; олѣю—пятдесятъ квартъ, шиптуху локоть сѣмъ на жупанъ ему. Шкло, олово и цѣнь панское маетъ быти. Оболонь въ церквѣ пятьдесятъ пять.

По власномъ панскомъ ясне велможнаго его милости пана гетмана добродѣя расказаню писано въ Батуринѣ, въ войсковой канцеляріи.

Року 1685, мѣсяца юля 25 дня. Постановлене зъ снѣцаромъ на роботу до церкви мурованой въ монастиру Мгарскомъ. Къ хвалѣ и славѣ всемогущого Бога въ Троицѣ единого къ оздобѣ божественного храма Преображенія Господня церкви великой монастира Мгарскаго, на виставлене деисуса рѣзаня снѣцарского такого великостю, якого церковъ тая потребуетъ, уедналъ ясневелможный его мил. панъ Иоанъ Самойловичъ, гетманъ войскъ ихъ царского пресвѣтлаго величества Запорожскихъ, майстра Стефана Мутяницу, которій маючи въ своемъ ремеслѣ залецене, обѣцуетъ мѣти дбалость около выготованя въ совершенной оздобѣ того хвалебного дѣла, за що его мил. прирекаетъ ему, майстровѣ, по его самого прошеню, такъ на виживлене зъ челядю лигоминами всякими, яко и въ ногороду праци, готовими грошми певное дати уконтентоване, а меновите: готовихъ грошей тисячи двѣ, фалендишу на пару сукенъ, и постовъ шиптуху, жит-

ной муки—осмачокъ сто, пшеничной муки—мѣрокъ пять, гречаной—мѣрокъ пять, пшона—полтретѣ мѣрки, крупъ гречанихъ—осмачокъ десять, гороху—мѣрку, соли—кулей чотири, рибъ вялихъ иголнѣ и крошени—осмъ головъ, просолной рибы—бочекъ чотири, олѣю—квартъ пятьсотъ, маку—осмачку, сѣмя конопляного—осмачокъ пять, яловицъ—пятнадцеть, борановъ—шестьдесятъ, кабановъ годованыхъ—двадцеть, сала—пудовъ двадцеть, масла—фасокъ пять, сира—осмачокъ три, солоду пивного—осмачокъ пятьдесятъ, проса—осмачокъ пять и хмелю—осмачокъ пять, горѣлки простой—квартъ полтори тисячи, меду присного—пудовъ пять, лою на свѣчки—камней дванадцеть, папѣру—резуенду (sic.), стали—прутовъ два, желѣза—шинъ пятнацеть, каруку—камней пять, обрѣзковъ—чотири осмачки; на рокъ ярины: капусти—кадолбовъ три, бураковъ—кадолбовъ два, огурковъ—кадолбовъ три, рѣпи—осмачокъ чотири, цебулѣ—венковъ тридцеть, чоснику—вѣнковъ тридцеть, дрова зъ лѣсовъ тихъ, которіи для паленя цегли куплени, ку потребѣ выстатчати оному. Яко теди все тое не отмѣнно майстра дойдетъ, такъ майстеръ повиненъ мѣти въ своей пилности, абы тое деисусовое дѣло скоримъ поспѣхомъ досконалою хорошостю и оздобою, было споражено подлугъ позорного абрису, такъ якобы кождого уподобалося, о чомъ для памяти теди незабитной, записалося тое постановлене въ Батуринѣ, июля 25, року 1685. Звишменованный гетманъ рука власная.

В року 1687, мѣсяца февруарія четвертогонадцеть дня, привѣзъ Евгеній отъ ясневелможного его мил. пана гетмана, зол. пятдесятъ грошей, которіи его мил. отецъ игуменъ отдалъ мнѣ, Ипатію намѣснику, абымъ роздалъ мурaромъ, которіи въ Лубнахъ зимовали; тоди по росказаню его мил. роздалемъ семомъ человѣкамъ тутъ написаннымъ, мѣсяца февруарія 16 дня: Василію Савицкому далъ десять зол.,—Роману Янченку далъ копъ три,—Трохиму Бобровичу далъ копъ три, Миколаю муравци, далъ копъ три, Андрѣю Валченку далъ полсема золотого, Михайлу Грухоновичу далъ зол. шесть,—Андрѣю Курилченку далъ зол. пять. Тоей сумы чинитъ золотихъ пятъдесятъ.

Реестръ пана Щеръбины, въ року 1687. Я, Захарій Щербина, бралемъ грошѣ отъ превелебного отца Макарія Русѣновича, игумена мгарского, на заплату всякому роботнику около церкве мурованой робячимъ. Напродъ, мѣсяца юня дня 5, взялемъ у отца игумена зол. сто, мѣсяца юня дня 15, отобралемъ на роботника другое зол. сто; августа 4, отобралемъ у отца игумена зол. полтораста; знову августа 5 дня, взялемъ золотихъ пятъ десятъ; августа 28, взялемъ у отца игумена золотихъ сто; септеврія 18 дня, взялемъ у отца игумена золотихъ сто; того жъ септеврія 20, взялемъ у отца игумена золотихъ сто.

Съ тихъ грошей росходъ ниже описанный. Напродъ, теслямъ, почавши отъ мѣсяца юня дня, презъ все лѣто, заплатилемъ: майстру теселскому Демяну Воронѣ, за лѣто, далемъ талярей четирнадцять; старому Воронѣ далемъ золотихъ десять; Федоровѣ Жижцѣ далемъ золотихъ чотири, Семену Стародубу далемъ золотихъ десять, Науму Кондратенку далемъ золотихъ сѣмнад. Люде покрувцѣ. Людемъ нанятимъ для помочи мураромъ, отъ юня 18 ажъ до святой Покрови, тилко грошей давалемъ: напродъ, Хвилону Сендецкому, атаману, далемъ талярей три, Семену Андрушченку далемъ талярей три, Юску Лацѣ далемъ талерей три, Гринку Дейнецѣ талярей три, Ювхиму Литовченку таляри три, Кондрату Василенку таляри три, Моисею Козинцю далемъ таляри три, Миколаю Литвину таляри три, Стефану Лысому таляри три; Ивану Кунченку далемъ таляри три, Лаврину Марелѣ таляри три, Ивану Савченку, таляри три, Яцку Заваденку таляри три, Савцѣ Лугиненку далемъ таляри три; Якову Юсченку таляри три, Тишку Лазаренку таляри три, Ивану Кузменку таляри три, Хвеску Будниченку таляри три. Тымъ людямъ покрувцямъ, выйшло грошей сто золотихъ пятъдесятъ золотихъ и шесть золотихъ.

Майстру шкляръскому видатокъ: Федору майстру шкляръскому, юня 18, далемъ копъ три; юля 1, далемъ полталяра, якъ въ Батуринъ ехалъ, далемъ золотій одинъ. Септеврія 18, якъ ѣхавъ до дому, далемъ зол. десять.